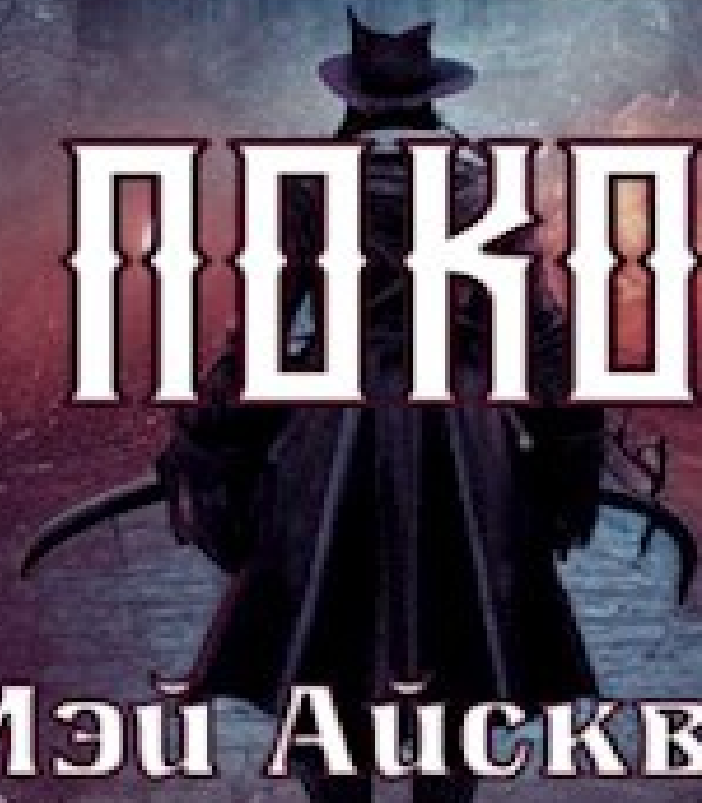

Нет

грешным

покая

Мэй Айсквин

Душа и Огонь. Магия и Кровь. Есть ли между ними связь? Три мира: один давно потух другой гниет заживо, гибель третьего уже предрешена. Сможет ли мир магии излечить мир крови и воскресить мир огня? Все зависит лишь от одной души, что ради достижения своей цели пойдет на все.

*Сон не поможет, если устала душа,
Поэтому выкуй из моей души меч,
Чтобы я вновь мог сражаться
Даже будучи в чужих руках.
Надпись на могиле
неизвестного охотника*

Этот мир не был похож на его дом. Шумный и грязный. Воздух пропах горючей смесью, которую люди называли *бензином*, а также серой. Ночью на небе не было видно звезд, а здешняя Луна — размером с монету. Через город текла река, но вода в ней была подобна грязи и, говорили, она полна отравы. Все из-за той большой страшной мастерской, что стояла на ней. Работала она словно водяная мельница, ее огромное колесо разрезало речной поток. Но шума от нее будто от десяти кузниц, а высокая как башня труба рождала черные облака.

Люди не ездили на лошадях, вместо них — железные повозки, внутри которых огонь приводил в движение механизмы.

Механизмы... Люди говорили, что окружили себя ими ради *технического прогресса*, но его пугает то, с какой легкостью они отравляют все вокруг. Этот мир не менее безумен, чем прежний.

* * *

Много столетий назад...

Их семья жила на этих землях уже три поколения, но для жителей Ярнама они всё равно были чужими, что, однако, не мешало горожанам пользоваться услугами их Рода. С приходом болезни жить стало тяжелее. Люди стали агрессивней. Злее. Опасней.

Они думали, что болезнь обойдет их дом стороной. Но их надеждам не суждено было сбыться.

Сначала с ума сошёл отец. Потом сдала мать. Затем настал его черёд. Друг семьи посоветовал обратиться к Мастеру крови, что жил в столице.

Атмосфера больницы угнетала, было тяжело дышать. Обстановку усугубляло то, что он чувствовал себя здесь совершенно одиноким. За всё то время, что молодой человек ходил здесь, он не услышал ни одного звука, не увидел ни одного живого существа. Когда он уже вконец отчаялся, его взгляд зацепил полоску света под одной дверью. Толкнув ее, он обнаружил просторную процедурную. Помещение было сплошь заставлено книжными шкафами, в которых стояли потрепанные фолианты, пылились пухлятые колбы и серебряные инструменты. В центре — кушетка, рядом — капельница. После абсолютно пустых коридоров глаза так и пытались охватить все предметы в комнате и в подробностях их рассмотреть. Потому молодой человек не сразу заметил, что в помещении есть кто-то ещё.

Скрежет рессор вывел его из транса, заставив перевести взгляд на человека в инвалидном кресле. Угрюмый старик с лохматой бородой и в очках с настолько тёмными стеклами, что за ними не видно было глаз, медленно подъехал к нему и искривил губы в улыбке.

— Здравствуйте, мне посоветовали к вам обратиться и...

Старик взмахнул рукой, прерывая его.

— А, да... Бледная кровь... — доктор хмыкнул. — Ну, вы пришли, куда нужно. Раньше здесь проводили кровослужения. Прошли века, однако земля всё помнит... Но вы человек посторонний, с чего бы начать? Конечно, с переливания подходящей крови, ложитесь на кушетку.

Он никак не смахивал на Мастера крови, скорее уж, на опустившегося шарманщика. Но в голосе этого старика была какая-то таинственная сила, и молодой человек безропотно последовал приказу. Тем временем, доктор продолжил:

— Ваша проблема мне знакома, сейчас многие с ней столкнулись. Кто-то, как вы, предпочитали обращаться к нам, целителям, и успевали решить свои проблемы до того, как станет слишком поздно. А кто-то надеялся до последнего на чудо и в итоге расплачивался после смерти. А мёртвые долги выплачивают гораздо дольше... — от его гнусавого смеха пыль в воздухе пришла в движение. — Но сперва вам потребуется контракт!

В руку ему легло перо. Молодой человек быстро расписался, и договор вспыхнул кровавым светом.

— Отлично, контракт подписан и скреплён печатью. А теперь начнём переливание. О, не волнуйтесь, — сказал старик, укладывая пациента на кушетку и переключая клапан капельницы. — Что бы ни случилось... Всё это вам покажется дурным сном...

Перед глазами всё поплыло. Он смотрел, как капля за каплей вниз падает алая жидкость, чувствуя, что с каждой каплей на него накатывает волна, и каждый раз выныривать на поверхность было все сложнее. Этому течению невозможно было противиться, и, наконец, его сознание погрузилось во тьму.

Доктор продолжил наблюдать за пациентом. Когда последняя капля крови вытекла из гемакона*, тело больного выгнулось дугой, рот его открылся в беззвучном крике, но спустя мгновение мышцы расслабились, и он упал на кушетку. Старик ухмыльнулся, медленно поднялся с инвалидного кресла и схватился за каталку.

— Добро пожаловать в кошмар, юнец! Посмотрим, станешь ли ты настоящим охотником или очередной заблудшей душой...

* * *

В Ярнаме, городе ночи и Луны, редко бывало Солнце. Солнце — это огонь, та вера, что была раньше, но оно не было благосклонно к жителям этого мира. Первый огонь погас, Солнце стало чёрным, и люди впали в отчаяние.

* * *

Великобритания... Мать промышленной революции. Небольшое островное государство, что в прошлом было великой империей. Если изучать географические карты и посмотреть на туманный Альбион, невозможно было остаться равнодушным, зная, как такая кроха изменила этот огромный мир.

Великобритания... Страна очень глубоких традиций, она была полна уважения к монархии и аристократии. Однако хоть сознание охотника и пробудилось здесь, благородная кровь осталась в прошлом. Здесь он был рожден в семье простолюдина. Хотя по местным меркам это было довольно грубым выражением, правильнее следовало говорить «рабочий класс».

Но Идон не оставил свое дитя.

Если внешне их семья не отличалась от прочих, живших в рабочем районе Коукворта, то если копнуть поглубже, можно было увидеть, что они — другие. Пусть глава семьи, Тобиас

Снейп, был простым рабочим на фабрике, ничем не примечательным человеком, его жену, Эйлин, нельзя было назвать человеком в обычном смысле. В ее крови плескалась магия. И именно это отличие заставляло ее прятаться от мира, где даже любимый супруг не понимал ее, боялся и злился.

Их брак — чистой воды мезальянс, глупая ошибка молодости, основанная на мимолетной влюбленности. Его манили ее необычность и таинственность, она млела от его искреннего интереса и симпатии. Увы, быт быстро развеял туман романтики и обнажил скелет проблем. Будучи представителями разных миров, они не понимали друг друга и не пытались понять.

Тобиас зарабатывал на заводе копейки, но благодаря волшебству их семейство жило чуть лучше соседей. Пока чужие дети спали, укрывшись старыми пальто, и боролись за место на матрасе, чтобы не оказаться ночью на пружинах, Снейпы спали под лоскутными одеялами, на которых худо-бедно держались чары тепла. Во многих домах не было ни ванн, ни горячей воды, а центральное отопление было только в богатых районах. Люди зачастую мылись всего раз в неделю, а ежедневная гигиена сводилась к протиранию тела влажной губкой. Даже если в доме и была ванная, то мыться каждый день было довольно дорогостоящим удовольствием. Однако в их доме был старинный бойлер, который Эйлин каждый день наполняла чарами Агуаменти и грела с помощью Инсендио.

Но магия не являлась панацеей. Старые вещи не всегда поддавались заклинаниям починки и штопки, а еду, как и деньги, нельзя было трансфигурировать из воздуха.

Тобиас старался сбежать от проблем в бар, где спускал такие нужные семье центы, а возвращаясь домой, наткнулся на укоризненный взгляд жены. Вина и отчаяние порождали злость, и взаимные упреки сыпались не переставая.

Их сын, Северус, не любил ссоры, поэтому уходил туда, где мог найти покой. Старый мощный дуб, что стоял на холме на отшибе, манил и тянул к себе. Это дерево, что можно было сравнить с великанским, раскинуло свои ветви, будто гигант, возносящий молитвы Солнцу. В его кроне было очень удобно прятаться, чтобы читать книги или тренировать чары. Может, это было место особой силы — обычные люди обходили это место стороной, — но вблизи дерева ему было спокойнее и колдовалось легче.

Северус держался в стороне от других детей. И дело было не в том, что он, как и мать, родился магом. Воспоминания о той, другой жизни, где он сражался с чудовищами, глубинными порождениями Космоса и Ужаса, умирал и возрождался, стали той пропастью, что отделила его от прочих подростков.

Его одиночество скрасила магия. Пусть он не мог поделиться своей тайной с матерью, но Эйлин могла поделиться своей тайной с сыном, и это облегчало его участь.

Конечно, будучи охотником, он использовал руны, магию крови и тайны, а учёные из Бюргенверта не гнушались заклятиями глубин и тьмы, но этого было мало для становления полноценным магом.

В этом мире волшебников было так много, что они образовали отдельное общество, скрытое от любопытных глаз. У них были школы, суд, правительство, настоящая система, что было тем более удивительно, ведь маги — личности своевольные и мало поддающиеся контролю.

Эйлин говорила, что когда ему исполнится одиннадцать, ему придет письмо из магической школы Хогвартс. Северус был весьма удивлен: в том мире, конечно, был легендарный город магов, Винхейм, и требовались недюжинный талант и состояние, чтобы

получить шанс обучаться в их школе драконов. Здесь же ученичество было не дозволением, а обязанностью.

Занимаясь домашними делами, Эйлин знакомила сына с бытовыми чарами, рассказывала о мире волшебников, традициях, о методах самоконтроля, давала основы различных дисциплин. Зельеварение, история, травология, прорицания, руны, трансфигурация — наук было много, а матушка была учителем строгим, и рука у нее была тяжелая.

Рассказала она и про Хогвартс с его факультетами, тонко намекнув, что ни на каком другом факультете, кроме Слизерина, видеть его не желает.

Магия была желанным даром, но Северуса беспокоил один момент: необходимость целых семь лет провести под одной крышей с подростками. Учеба не страшила его, но дети... Во имя Амигдалы, это будет непростым испытанием.

Примечания:

Гемакон — мешок для капельницы с кровью

Пепельная кровь. Болезнь, что была порождена злодеяниями людей. Делами, которые стоило бы держать в секрете. Печальная история о мелкой гордыне. Болезнь, что отравляла не только тело, но и душу, медленно сводила с ума, превращая человека в настоящее чудовище. Нет! Это даже не болезнь... Это проклятие... Вечная кара убийцам и их потомкам. Снова и снова... Этому нет конца... Потому что люди пошли против Великих, хотели не принимать их дары, а отобрать их силой! Ха-ха...

Лондор. Мир темных душ, живых и мертвых... В каждом человеке таилось зло. Еще король Вендрик предсказал: «Тьма сбросит оковы, на нас ляжет проклятье. И люди обретут истинное обличье». Иронично, что тот, кто должен был спасти мир и избавить его от проклятия нежити, Избранный, сам был Негорящим и стал опустошать его. Кому-то повезло укрыться в Убежище, но... Люди так любили гневить богов, и пришла Чума Зверя!

О, он помнил те «славные дни»: переливание крови, что, как позже выяснилось, оказалась зараженной, концентрация «пепла» в крови, погружение и расплата за грехи предков. Однако, организм оказался довольно крепким, и он стал Охотником. Но что отличало его от Негорящего? Здоровое, а не гниущее тело? Итог один: неспособность умереть и вечные муки. И все ради сбора крови во славу Луны в иллюзорном лабиринте города.

Но он выбрался. Ему хватило сил, чтобы пройти путь искупления до конца и убить одно из порождений кошмара, а затем Первый Охотник предложил ему уйти. И он согласился. А потом...

Не знаю, что натолкнуло его на это решение, но молодой человек вернулся. Доктор очень удивился, увидев его во второй раз, но не стал оспаривать выбор охотника.

«Даже если проснулся, иногда твоя душа остается во сне».

Мисс Долл была несказанно рада видеть доброго охотника, хотя тот полагал, что та не способна выражать сильные эмоции.

Он помнил последние слова охотника, что медленно умирал на полу в рыбацкой деревушке. Многие были ложно убеждены, что в подлунном Ярname невозможно умереть по-настоящему. Тело погибнуть не могло... А вот душа, страдающая, отчаявшаяся, потерявшая всякую надежду и разбитая на тысячу осколков — да. И после неё даже не останется надгробия в Сне охотника.

Как же он сказал: *«Наши предки грешили? Мы, охотники, не в силах вечно нести груз их грехов... Это нечестно, нечестно...»*

Ещё мастер Виллем сказал: *«Мы рождаемся из крови, воспитываемся кровью, погибаем от крови. Нам надо открыть глаза... Бойся древней крови».*

Увы, многие остались глухи к его предупреждениям. В человеческих душах зародились паразиты. И сколько не очищай, сколько не выжигай это осиное гнездо, оно будет расти и развиваться. Их предки были одни из первых, кто коснулся Великих и разозлили их. Неужели те, кто стояли на эволюционную ступень выше людей, такие злопамятные?

Пепельная кровь была и в этом мире. Она или... Что-то похожее на нее. Здесь были свои проклятия и болезни, схожие с Чумой зверя. Ликантропия и вампиризм. Что же касалось истинной нежити, то список был хоть и небольшим, но тоже не самым приятным — здесь по земле бродили зомби, инферналы и упыри.

Может, его предназначение осталось прежним?

«Охотник должен охотиться!»

Забавно, что Эйлин, Ворона-охотника, он всегда видел в роли наставника, а здесь наставником в магии стала мать, Эйлин.

Миссис Снейп не была красавицей: костлявая, с густыми бровями и длинным бледным лицом, при взгляде на которое создавалось впечатление, что эта женщина одновременно и сварлива, и замкнута. Тем не менее, ее поведение, манера речи обладали особым магнетизмом, ее голос хотелось слушать бесконечно. Да и характер ее был скорее мягким, Северус все время удивлялся ее умению прощать выходки Тобиаса. Видимо, она до сих пор любила его.

— Посмотри, это подарок твоего отца на нашу свадьбу, — в руках у нее была небольшая музыкальная шкатулка. — Ах, с какой улыбкой он мне её вручил. И какими счастливыми мы были, когда слушали её, хм, — мама печально улыбнулась, открыла крышку и повернула ключик.

Полилась красивая, нежная мелодия, и глаза Эйлин заволокло пеленой.

— Знаешь, мы же встретились случайно. Ночью на вокзале. Мы одновременно приехали в этот городок, практически без средств к существованию, совершенно одни в чужом незнакомом месте. Он подошёл ко мне, спросил, где ближайшая гостиница, а я стояла, растерянно улыбалась и не знала, что ответить. И мы целый час ходили вдвоём по ночному прохладному городу, искали место для ночлега. Вдвоём было не так страшно... Да и работу мы тоже искали вместе. Он был таким... таким надежным с виду, сильным, в своей грубой кожаной куртке, и я рядом с ним, в своём цветочном платье, выглядела маленькой. Хотя мы здорово смотрелись вместе. Он предложил встречаться, а через полгода мы обвенчались в местной церквушке, — заметив его взгляд, она нахмурилась. — Знаешь, Сев, ты не думай о нём плохо. Я любила Тобиаса. По-настоящему. И люблю до сих пор. Может, он и ведёт себя иногда как урод, но я его выбрала в качестве мужа. И это было моё и только моё решение, я не собираюсь о нём жалеть!

Северус посмотрел ей в глаза, в них не было больше печали, лишь какая-то решительность. Он остался на кухне до самого вечера и, положив голову на стол, слушал уже в сотый раз мелодию, что играла шкатулка. Не очень длинная, но оттого не менее дивная. Она навевала воспоминания, и мальчик сам не заметил, как заснул.

* * *

Медленно, словно в бреду, охотник шёл по тёмным улицам. Перчатки крепко сжимали древко секиры, скользкое от крови. Он смотрел прямо, но боковым зрением пытался ухватить любое шевеление. Вечереет... В некоторых окнах горел свет, значит, хозяева ещё были живы. Ещё и лампы с благовониями вывесили, думая, что это отпугнёт чудовищ! Напуганные, трясущиеся в своих лачугах, они надеялись, что решетки на окнах остановят зверя. Вот только этот город уже полностью был заражён, провонял, прогнил, и охотник уверился: близится час, когда огонь спалит столицу дотла.

Каждый раз, когда видел лампу перед окном, он стучался в него. Иногда местные жители бывали грубы, поливали грязью, оскорбляли, прогоняли, потому что никто не хотел иметь дел с охотником, тем более чужаком, им и своих больных хватало. Но охотник с каким-то мазохистским упорством шел к свету очередного фонаря, надеясь услышать человеческую речь, а не рычание монстра. Их слова, какими бы гадкими ни были, вселяли в него надежду, что он не единственный оставшийся в живых, не единственный человек

среди чудовищ.

Идя по площади, он уловил едва различимую в удушливом воздухе мелодию. Тихая и нежная, она пленила своим спокойным, убаюкивающим звучанием, таким неуместным в подобном ужасном месте. Завороженный, он отправился на поиски ее источника.

Очередное окно, он подошёл к нему, постучав по решётке. Мелодия стихла, и чуткое ухо уловило, как кто-то подошёл к окну с той стороны. Молчание. Охотник тихо позвал и стал ждать ответной реакции.

— Ваш голос мне незнаком, но я знаю этот запах... Вы — охотник?

Голосок тонкий. Ребёнок? Во имя Идона, что он делал один дома! Охотник закусил губу, но кивнул. Он знал, что маленькая девочка его видела.

— Вы можете найти мою маму, пожалуйста? Папа не вернулся с охоты, мама отправилась на его поиски и тоже пропала... Я совсем одна... Мне страшно...

Он пытался её успокоить и дал обещание, что найдет её родных: таков долг охотника. Голос звучал хрипло, всё-таки с чудовищами не поболтаешь, но девочка не испугалась.

— Правда? О, спасибо! Моя м-мама носит красную брошку, украшенную драгоценными камнями. Она такая большая... и красивая. Вы сразу её заметите. О, нет, чуть не забыла. Если вы найдете мою маму, передайте ей эту музыкальную шкатулку, — сквозь оконную решётку просунулась тонкая детская ручка с зажатой в ней крошечной деревянной табакеркой.

Охотник осторожно взял её, боясь сломать такую хрупкую на вид вещь.

— Она играет любимые папины мелодии. Когда папа про нас забывает, мы играем её, и он сразу же вспоминает. Глупенькая мамочка убежала без неё!

Охотник коротко поклонился и побрел дальше. Вскоре окно девочки затерялось среди мрачных переулков Ярнама. Надежды найти родителей девочки было мало, но... он сделает все возможное.

Разобравшись с очередной сворой монстров, охотник поднялся по старым ступеням, ведущим к кладбищу. Издалека донесся хлюпающий звук разрываемой плоти и треск ломающихся костей. Он слегка прищурился и узрел среди могил высокую фигуру священника, что расправлялся с монстром. Лезвие его секиры погрузилось в гниющее тело, раздался хруст, и голова монстра оторвалась от тела и, сделав пируэт в воздухе, шлепнулась у ног, заливая сапоги кровью, отчего случайный очевидец сей расправы отступил назад.

В голове словно испуганные птицы заметались мысли: «Он охотник? Как и я? Это свой? Он же режет эти порождения... Хоть от его вида и бросает в дрожь, но... мы же должны быть на одной стороне, ведь так?»

Как сильно он ошибался! Секира проскочила в миллиметре от лица охотника, тот чудом успел увернуться. Отклоняясь от крутящегося удара, почувствовал за спиной дикий рык и смех. Ему пришлось петлять между надгробий подобно трусливому зайцу, пока рядом чужое лезвие рассекало воздух. Краем глаза он заметил лестницу и со всех ног рванул к ней. Тяжёлые шаги за спиной не отставали.

Оказавшись на верхнем ярусе, он увидел ворота и изо всех сил дернул створки на себя. Равнодушный холодный лязг замка заставил сердце замереть. Он резко развернулся, но в лицо уже уперлось дуло пистолета. Щёлкнул курок, но в последний миг загнанный в угол совершил перекат, уходя в сторону.

Земля под ногами исчезла, и охотник рухнул куда-то вниз. Но полет был недолог: он ударился спиной так, что рёбра загудели, но расслабляться времени не было, стоило

сгруппироваться. Быстрый осмотр дал понять, что он на крыше склепа!

Рядом маячило ещё одно тело. Женщина. В глаза бросился ярко-красный огонёк. Сосредоточиться на сиянии он не успел: сверху прыгнул священник и обрушил вес собственного тела на спину охотника, отчего того нехило приложило к неровной поверхности, и грубая черепица до крови разодрала скулу. Быстро выхватив из кармана метательный нож, он по самую рукоять засадил его в ногу нападавшего. Послышался дикий вой, вес со спины пропал, и охотник наконец-то смог набрать в легкие воздух. Соскользнув рыбкой с крыши на землю, он отбежал на безопасное расстояние. Развернулся к преследователю.

** * **

Он вновь налетает, отскакиваю. Пытаюсь просчитать его атаки. На краю сознания бьётся мысль, будто я что-то упустил из виду. Думай, думай: охотник, мёртвая женщина, красный огонёк на груди, но это не кровь... Идон, это брошь! Мать девочки...

Сам не заметил, как замедлился, поэтому не успеваю отпрыгнуть от удара. Лезвие секиры разрывает ткань моего плаща на груди, силовая волна отбрасывает меня назад. Падаю на спину, пытаюсь отползти и чувствую, как моя спина упирается в холодное надгробие. Верчу головой по сторонам: слева и справа тоже могильные плиты. Вскидываю голову — охотник навис надо мной, недобро улыбаясь. Выхватываю пистолет и произвожу выстрел. Пуля разлетается серебряной крошкой, заставляя отступить охотника на пару шагов назад. Быстро ищу пузырьёк с зельем, и рука натывается на деревянный уголок шкатулки. Резким движением выхватываю её и успеваю повернуть ручку, приведя механизм в действие до того, как лезвие секиры опускается на мою голову. Трели мелодии вливаются в нашу битву, заставляя охотника слегка покачнуться, и его орудие уходит в сторону, кроша в пыль надгробие за моей спиной. Хватается за голову, будто её разрывает дикая боль и воем. Это промедление спасает мне жизнь, и я быстро выскакиваю из кармана. Он приходит в себя и с новой яростью бросается на меня. Отскакиваю в сторону, в руках до сих пор держа шкатулку. Пристально смотрю на него, а в голове бьётся лишь одна мысль: «Приди в себя, вернись! Ради дочери!»

Не вернулся... Его разум настолько опьянел от крови, что мелодия шкатулки уже не могла его вразумить. Единственная ниточка, связывающая его с семьёй, оборвалась. Перед ним был уже не человек. Чудовище! Жуткий вой, и вот охотник видит двухметрового оборотня, в котором уже нет ни капли разума. Юноша покрепче перехватывает древко своей секиры и направляет ее на монстра. Он мысленно просит прощение за то, что предстоит ему сделать...

Кровь заливает лицо. Добыча уничтожена. Но радости от победы нет. Уставший, он с трудом добирается до крыши склепа. Тело всё там же. Светлые волосы уложены в аккуратный пучок, аккуратное шерстяное платье, на груди алый от крови платок, но всё равно видно, что раньше он был белым, к нему прикреплена красивая брошь. Крупный каплевидный самоцвет рубинового цвета в серебряной отделке. Следует забрать его и передать дочери. На душе сосущая пустота. Пора возвращаться.

** * **

Он вернулся к тому самому дому. Подошел к окну. Уже собираясь постучать, в последний миг отдернул руку. На душе скреблись кошки. Возникло малодушное желание ускользнуть, но маленькая хозяйка дома уже заметила его появление.

— Здравствуйте, господин охотник. Вы ещё не нашли мою маму? — молодой человек

полез в карман. Сердце сжалось, когда он передал мамину брошь. Она всё поняла. — Господин охотник... Это правда была она?.. Мамочка... Мамочка... Не оставляй меня одну... Мама... Вернись домой... Я одна... Мне страшно... Это нечестно...

Как же долго его преследовали эти слова.

* * *

Чувствуя касание, Северус вздрогнул и поднял голову. Рядом с ним стояла мать, что обеспокоенно глядела на него.

— Сев, ты в порядке, ты чего здесь сидишь?

Он огляделся по сторонам, замечая, что до сих пор находится за кухонным столом.

Северус задумчиво посмотрел на Эйлин снизу вверх, пытаясь вспомнить родителей из той, прошлой жизни. Их привычки, жесты, образ поместья еще мелькали отдельными картинками, но остальное...

Лица расплывчаты, будто в тумане. Имена? Все утекало из памяти, как талая вода, а перед глазами — только кровавая луна.

Северус нахмурился. Что же с ним случилось? Что тогда произошло во Сне? Если даже прошлое имя сторело как пергамент в костре.

Коукворт был однообразным, скучным, захудалым городишком, в котором никогда ничего не происходило. От скуки Северусу хотелось лезть на стену, и лишь изматывающие тренировки и изучение магии помогали ему не погрязнуть в тоске и унынии.

Бытие ребенком бывшего охотника радовало мало. Тело приходилось строить практически с нуля. Прибавить к этому то, что теперь он являлся магом и должен был развивать свои способности. Великие, с каким же нетерпением он ждал письма из Хогвартса. Эйлин много рассказывала про местную библиотеку, одну из самых древних и многочисленных в магической Великобритании. А книги могли открыть для него новые возможности понимания Чумы Зверя: не с религиозной, как учили охотники Церкви Исцеления, а с магической точки зрения, потому что до совершеннолетия путь в Ярнам, а следовательно, и в исследовательский университет Бюргенверт, Северусу был закрыт. А до погружения в кошмар тот не был готов во всех смыслах.

Эйлин объясняла сыну азы магии так, как учили её ещё до школы. Показывала, как правильно разминать запястья, пальцы. Делала акцент на том, как важна чёткая дикция, правильное ударение. Так как все заклинания были на латыни, то она объясняла различия произношения и вбивала базовые навыки чтения текстов на данном языке.

Она учила Северуса пользоваться волшебной палочкой, пока ее собственной, ведь детям до одиннадцати возбранялось иметь свою. Северус этому категорически противился. Ему не хотелось, чтобы его жизнь и магия зависели от какой-то деревяшки, которую так легко было потерять или сломать. Может, это было лишь капризом ребенка, ведь если вспомнить эпоху огня, тогда кто чем не колдовал: посохами, ветками, колокольчиками и талисманами. А Пожиратель богов Олдрик осыпал противников градом магических стрел при помощи копья. Палочка чувствовала нелюбовь юного мага и платила ему тем же: даже самые простые заклинания выходили через пень-колоду. Эйлин качала головой и сетовала, что её палочка плохо подходит и, скорее всего, сыну придется покупать свою.

* * *

— Эй, перестань! — Северус вздрогнул и открыл глаза.

В первую секунду он не мог понять, где находится. Спина, ноющая от шершавой коры, и зеленый свет вокруг услужливо подсказали, что тот снова заснул в кроне любимого дуба.

— Лили, а вдруг кто-то увидит?

— Туни, ну тебя, ты такая строгая. Зануда. Сюда никто не ходит.

Северус перевернулся на живот и, свесив голову, увидел внизу двух девочек, по всей видимости, сестер. Одна, рыжая, улыбалась и держала в руках букет цветов. Вторая, русоволосая, чуть старше, строго смотрела на сестру.

— Мама запретила тебе применять свои причуды на улице, — старшая сестра указала рукой на букет, — Вдруг что-то случится?

— Зануда, зануда! — рыжеволосая девочка звонко рассмеялась.

Букет в её руках затрепетал: чашечки цветов мелко задрожали, лишаясь лепестков, а сами листочки стали соединяться наподобие крыльев бабочки и начали порхать вокруг. Она стала отмахиваться, но цветочные бабочки продолжали порхать, иногда запутываясь в её волосах, ведь удары девочки никак им не вредили.

В глазах Северуса зажегся огонек. Любопытно... Младшая сестра — ведьма, колдовала

без использования палочки. И это не был магический выброс, действия рыжеволосой были вполне осознанными. Судя по всему, потенциал у нее немаленький.

— Зря, старших надо слушаться, — девочки испуганно заозирались, а затем синхронно вскинули головы.

Увидев незнакомого мальчишку, они замерли, раскрыв рот. Ловко, словно кот, спрыгнув с дерева, он отвесил им галантный поклон.

— Ты кто? — первой очнулась старшая девочка и неосознанно загородила собой младшую. В глазах её читалось напряжение.

— Не волнуйтесь, мисс, я сохраню ваш маленький секрет, — Северус улыбнулся уголками губ.

Протянул руку и коротко свистнул. Часть бабочек отделились от группы и, сев ему на руку, начали меняться. Насекомые исчезли, разлетевшись лепестками, и собрались вновь, образовав яркую сойку. Ему было забавно наблюдать за эмоциями этих малышей.

— Ты волшебник, — удивленно ахнула рыжеволосая девочка.

— Так же как и вы, мисс. Северус Снейп, к вашим услугам!

— Я пошла отсюда, — лицо старшей презрительно скривилось, когда та рассмотрела одежду нового знакомого.

Да, она была не нова, как у них. Старая, вся в заплатках. Это была одежда Тобиаса, когда тому было лет двадцать, но Эйлин подогнала ее по фигуре сына с помощью магии. Однако в глазах девочки Северус все равно выглядел оборванцем.

— Лили, я скажу маме, что ты нарушила правила.

— Я хочу поговорить с ним! — взвилась та.

Сестра на это лишь фыркнула и начала спускаться с холма.

— Иди, — Северус пожал плечами, — не стоит обижать её, она за тебя волнуется. — «И завидует», — прибавил тот мысленно. — Полагаю, мы ещё не раз встретимся.

Рыжая недовольно поджала губы, но всё же последовала совету. Внутренне усмехнувшись, Северус повернулся спиной к уходящим детям и отправился домой.

* * *

Обучать Лили магии было не слишком утомительно. Северус рассматривал подобное времяпрепровождение как своеобразную тренировку по общению со сверстниками. Восхищение юной ведьмы ему льстило, хотя иногда ее категоричные комментарии и наивность суждений слегка раздражали, но Северус тешил себя надеждой, что с возрастом у нее это пройдет.

Так незаметно пролетело время до его одиннадцатилетия. Во время завтрака прилетела сова с письмом, и Эйлин поспешила отправить ответ с согласием о зачислении. Бегло просмотрев список покупок к школе, она удовлетворенно кивнула и дала сыну знак собираться.

* * *

Ах, магический квартал, как он был прекрасен. Даже воздух здесь иной. Как дома в его лучшие времена. Диагон Аллея произвела на Северуса неизгладимое впечатление. Широкая улица с очаровательными двух- и трехэтажными домиками. Их черепичные крыши были припорошены кристально белым пушистым снегом, а из окон лился мягкий тёплый свет. Витрины манили необычными товарами, яркие вывески цепляли взгляд. Мимо них проходили ведьмы и колдуны в плотных мантиях, подбитых мехом, с пакетами и свёртками, спешащие по своим делам.

Миссис Снейп крепче схватила сына за руку и кивнула в сторону величественного белого здания, что возвышалось над маленькими домиками. Когда они оказались у подножия мраморной лестницы в окружении сверкающих от зимнего солнца бронзовых голов, Северус разглядел стражников и удивлённо поднял бровь. Смуглая кожа, чёрные бусинки глаз, длинные острые уши и нос, едва ли выше семилетнего ребёнка — просто прелесть. Конечно, за свою жизнь он видел много волшебных существ, но гоблины...

Охранники даже головы не повернули, когда маги прошли мимо них и вошли в холл Гринготтса. Увидев внутреннее убранство, Северус едва сдержал вздох восхищения. Мраморные стены, мощные колонны, отделанные лепниной из золота, огромные хрустальные люстры, которые будто плавилась огнём — внутреннее пространство больше подходило дворцу, чем банку, и только стойки регистрации, за которыми активно работали гоблины, указывали на то, где они на самом деле находятся.

Эйлин подошла к одной из стоек и, коротко переговорив с гоблином, отправилась в подземные хранилища банка.

Личный сейф бывшей Принц был практически пуст, но все же деньги в нем были. Она сняла нужную сумму, и тот опустел на треть. Северус присвистнул: пять тысяч золотых, столько требовалось всего на один год обучения. Хогвартс оказался таким же дорогим удовольствием, как и Винхеймская школа. Судя по тому, сколько денег сейчас у Эйлин, на четвертом-пятом курсе со сборами придется туго.

Когда они сели обратно в тележку, Северус погрузился в невеселые думы о том, как сэкономить золотые. Из списка была убрана остроконечная шляпа, которая нужна была только на торжественные случаи. Следом вылетели серебряные застёжки для зимнего плаща. Учебники можно было взять у матери. Но такие ухищрения были жалкими крохами.

К сожалению, сокращению не подлежали письменные принадлежности и все для зельеварения. Сия наука была тонким и опасным искусством, экономить здесь себе дороже.

Пребывая в размышлениях, Северус мало следил за дорогой, поэтому когда Эйлин крепко схватила его за руку, он не сразу заметил это.

— Сев, да оторвись ты от этого списка. Тебя же чуть в Лютный не занесло, — взволнованно произнесла мать.

Тот с удивлением взглянул на нее и только сейчас осознал, что на выходе из банка свернул не на ту улицу. Если Диагон Аллея выглядела для охотника чем-то новым и необычным, то первые дома этого пленительно мрачного переулка навевали воспоминания о Ярнаме в его темные времена.

Однако полюбоваться этим местом мальчишке было не суждено, ибо внимательная мать уже тащила его подальше от этого места.

Первым делом они посетили лавку Олливандера. Только звякнул дверной колокольчик, к ним вышел пожилой человек. Увидев покупателей, его глаза тут же загорелись огнём, и нет, это не был огонь наживы, это было пламя азарта, веселья и даже страсти. Такой взгляд бывает у творца, когда он хочет показать миру свое произведение. Таким, по сути, и был этот старик.

— Здравствуйте, мистер Олливандер, я Эйлин Принц, помните?

— Эйлин, о, конечно, помню, орешник* и волос единорога, а это, судя по всему, ваш сын?

В ответ та улыбнулась и слегка приобняла Северуса.

— О, молодой человек пришёл за своей первой палочкой! И как вас зовут, молодой

человек?

— Северус Снейп, — юный маг вежливо поклонился, — вверяю себя в руки мастера!

В глазах Олливандера забегали искры.

— Тогда, мистер Снейп, приступим?

Мистер Олливандер ловко обмерил его линейкой, попутно задавая различные вопросы. Коротко кивнув сам себе, мастер ушел в глубины магазина. Вернувшись через некоторое время, он принес стопку футляров, где покоились палочки, что спокойно до этого ждали, когда их час придет. Старик аккуратно разложил их на стойке и сделал пригласительный жест. Северус взял одну из палочек и вопросительно посмотрел на Олливандера.

— Взмахните ей, не бойтесь!

И представление началось: стоило только Снейпу шевельнуть кистью, как ваза, стоящая на окне, разлетелась вдребезги так, что никакое Репаро не помог бы — одна стеклянная крошка. Северус перевел ошарашенный взгляд на Олливандера, но тот лишь улыбнулся и забрал у того палочку.

— Ничего страшного, продолжим! Возьмите эту!

Взмах, и столик в углу осел на пол, ибо ножки его в буквальном смысле стали ватными. Новая палочка, взмах — и ближайший шкаф стал ярко-синего цвета в красную полосу. Олливандер лишь радостно потирал ладони — для него сие было лишь прекрасным развлечением, — и предлагал юному клиенту очередную палочку.

Когда в магазине не осталось практически ничего в первоначальном или целом виде, а Северус уже сбился со счета, у того в руках оказалась очередная деревяшка, которая сразу удобно легла в руку и... Он почувствовал некое родство, будто он держал в руках любимое орудие охотника. Палочка практически стала продолжением руки. По всему телу пробежали мурашки. Он взмахнул рукой — жест получился уверенным, и палочка выдала сноп серебряных искр, что обволокли его и быстро исчезли, оставив легкое, но приятное покалывание.

— Хм, тис* и сердечная жила дракона, интересное сочетание, очень гибкая, четырнадцать дюймов. С вас восемь галлеонов.

Снейпы тепло попрощались с мастером и покинули лавку. Дальнейший поход по магазинам прошёл спокойно. Покупки в лавке письменных принадлежностей Северуса неожиданно обрадовали: о, как давно он не держал в руках настоящее перо. А мантии заставили его почувствовать себя студентом Бюргенверта.

Домой вернулись поздно, около десяти. Тобиаса, ожидаемо, не было дома, видимо, тот пошел отдыхать со своими событульниками. Все покупки отнесли в комнату Северуса, дабы очередной раз не мозолить отцу глаза. Мать заперла дверь, навесила глушилку и, усевшись с сыном на кровати, стала рассматривать покупки, не переставая их обсуждать. Заснули где-то под утро, Северус был совершенно счастлив, да и Эйлин улыбалась, как в юности.

* * *

— Лили Эванс, твоё поведение недостойно мага!

— Ну Сев, она же маггла, ей Дамблдор отказал!

Он окинул новоявленную ведьму презрительным взглядом.

— То, что она не обладает магической силой, не делает ее хуже нас и не дает тебе права смеяться над ней.

Лили злобно сжала губы, но ей хватило ума не вступать с другом в перепалку.

Тридцатого января у Лили был день рождения, и после этого ее будто подменили. Она

стала вести себя вызывающе, перестала слушаться Петунью и начала исподтишка колдовать перед и за спиной сестры, причем шуточки Лили не были приятными, а бедная девочка ничем не могла ответить.

Северус не вмешивался до поры до времени, надеясь, что Лили успокоится, но этого, к сожалению, не произошло. Поэтому Снейп решил осадить ее, подробно объяснив ей, что колдуя вне школы, она нарушает закон, и последствия могут быть достаточно серьезными. Может быть, он переборщил, рассказав про дементоров, но после рассказа про тюрьму волшебников та затихла на некоторое время.

Но одно событие дало Лили новый толчок для издевательств.

— Сев, Сев, смотри, что у меня есть!

Тот поднял голову и увидел младшую Эванс, что нависла надо ним, размахивая конвертом. Он сразу заметил печать Хогвартса, и внутри зажегся огонек любопытства. Это не ускользнуло от внимания рыжей ведьмы, и та с какой-то хитрой улыбкой протянула другу конверт.

Северус аккуратно извлек письмо и с жадностью стал вчитываться в строчки, написанные витиеватым почерком, совершенно не вслушиваясь в болтовню Лили, но с каждой словом в душе росло недоумение, а потом, когда мозг все-таки осознал, что говорит младшая Эванс, и презрение.

— ...видишь, какая она наивная дурочка. Сразу видно, что не такая, как мы, — Лили звонко засмеялась, но увидев взгляд Снейпа, резко замолчала.

— Ты смеешься над тем, что твоей сестре отказали в обучении в Хогвартсе, так как она маггла? Я разочарован.

— Но... ведь это правда смешно, она глупышка, раз считает, что какая-то маггла...

— Да, она не маг, точно так же, как и твои родители.

Лили отвела взгляд.

— Петунья — твоя сестра. Родная кровь. Кровь сильнее магии. Запомни это раз и навсегда.

Лили опустила голову. Ей больше не хотелось смеяться.

Северус протянул ей конверт.

— Если не хочешь разрушить добрые отношения с семьей, верни письмо туда, откуда взяла. Прекрати делать сестре гадости. Может, она и не маг, но она человек и тоже чувствует боль.

Младшая Эванс покорно кивнула и, повернувшись ко нему спиной, уже собралась идти в сторону дома, когда услышала возглас. Высунувшись из-за спины юной ведьмы, Северус заметил Петунью, что стояла у подножья холма. Увидев письмо в руках сестры, она злобно посмотрела на ребят и бросилась прочь. Сев подтолкнул Лили в спину.

— И чего ты ждешь?

Лили будто очнулась ото сна и бросилась вслед за сестрой. Северус остался на месте — девочки сами должны разобраться меж собой.

Глядя на две удаляющиеся девичьи фигуры, он задумался. Старшая сестра... Дикая смесь зависти, ревности и любви... Сложные отношения... На него навалились воспоминания.

* * *

— А вы случайно... не видели мою младшую сестру?

После убийства отца Гаскойна на душе было погано. Девочка осталась совершенно

одна, и я не знал, что можно сделать для неё. В часовне Идон я познакомился со старым священнослужителем Агата, его просьба приводить сюда выживших воодушевила меня, и я бросился назад в старый Ярнам за девочкой. Я резал чудовищ направо и налево, расчищая путь, с одной радостной мыслью: «Она не останется одна! В Церкви ей помогут!» Настроение было настолько хорошим, что я даже завернул к дому вредной старушки, которая не производила ни на кого приятного впечатления, но все равно сказал ей об убежище.

И как же меня обрадовали слова девочки: «Я люблю вас почти так же, как маму, папу и дедушку!»

Но этот мир будто смеялся надо мной. Когда я вновь очутился в часовне, здесь была только старая карга, а девочка... Спросил у Агаты, где она, но тот лишь развёл руками и дрожащим голосом сказал, что никто больше не приходил. Сердце пропустило удар, предчувствуя непоправимое.

Я нашел ее в канализации... В челюстях гигантской свиньи обнаружилась окровавленная лента, что была мне так хорошо знакома. Как? Как я мог не заметить это чудовище? Я сделал всё, чтобы путь до часовни был безопасным, но эта свинья... От навалившегося бессилия слезы потекли сами собой.

Каждый раз проходя мимо ее дома, я отворачивался от пустого окна, что смотрело на меня с немым укором. Это было похоже на расчёсывание старой раны, будто срываешь жёсткую корочку и снова смотришь, как бежит алая кровь, а потом снова срываешь, и так раз за разом.

А потом я вновь услышал голос. В первый раз я даже подумал, что у меня галлюцинации, но вскоре осознал, что голос принадлежит другому человеку.

— Эй, охотник, вы не встречали мою сестру? Такая маленькая девочка с большой белой лентой. Моя милая маленькая сестричка...

Судорожно я начал рыться в карманах и достал на свет окровавленный кусок ткани. За окном послышался резкий вдох, и сквозь прутья просунулась тонкая девичья рука.

— Отдайте, отдайте мне, пожалуйста! — лента скользнула из рук в руки. — О, как это случилось... Но зачем она вышла из дома? — голос девушки начал дрожать. — По крайней мере... У меня останется кое-что на память о ней.

Тихий плач всё не затихал, мне больно было его слушать, и я в спешке ушёл, но тонкий слух охотника уловил фразу с оттенком истерики: «...Какая прекрасная ленточка, и, наконец, она моя... Не могу дождаться, чтобы надеть её. О, она восхитительна!»

Через пару часов я нашел ее труп на месте гибели младшей девочки. Слова молитвы в голове звучали оглушительно громко, пытаюсь отодвинуть на задворки сознания тот факт, что это я погубил сестер.

* * *

Полгода пролетело незаметно, и вот тридцать первого августа трое ребят сидели на холме у раскидистого дуба, молча потягивая газировку. В душе смешались разные чувства: и радостное предвкушение от поездки в новую школу, и легкая грусть расставания. Периодически они старались шутить, веселиться, но большую часть времени каждый думал о своем. Их мысли были уже далеко от маленького Коукворта.

«Завтра. Завтра начнётся новая жизнь...»

Примечания:

1) Чувствительная палочка из орешника очень часто отражает эмоциональное

состояние своего хозяина и лучше всего работает у того, кто понимает свои собственные чувства и может ими управлять. Остальные же при обращении с палочкой из орешника должны быть очень осторожны, если ее владелец недавно вышел из себя или пережил серьезное разочарование, потому что палочка впитывает подобную энергию, а высвободить ее может непредсказуемо.

2) Мистер Олливандер о палочках из тиса: "Тис является одной из наиболее редких пород дерева, и идеальные пары для них такие же необычные, а иногда и печально известные. Считается, что тисовые палочки наделяют своего обладателя властью над жизнью и смертью, что, конечно, можно сказать обо всех палочках; и все же, тис сохраняет за собой темную и страшную славу касательно дуэлей и всех проклятий".

Вокзал Кингс-Кросс встретил их гулом толпы и шумом поездов. Лили стояла, испуганно озираясь, не понимая, куда идти. Хотя профессор Макгонагалл подробно объяснила ей, как попасть на волшебную часть вокзала, девочка все равно волновалась. Родители стояли за спиной, пытаясь заглянуть в билет, что держала в руках младшая дочь, и о чём-то активно спорили. Лили нервно закусила губу.

В этот момент от одной из колонн отлепилась фигура в темной куртке, в которой она без труда распознала друга.

— Северус! Наконец-то я тебя нашла! Я думала, ты уже ушел.

— Не мог же я бросить даму в беде. Здравствуйте, мистер и миссис Эванс, привет, Петунья!

— Ну все, наша девочка в надёжных руках, молодой человек, присмотрите за ней?

— Не беспокойтесь, сэр, — Сев шутливо отсалютовал отцу Лили. — Ваша дочь под надёжным защитой!

— Рад слышать, такие слова достойны юного джентльмена. Лили, не волнуйся, пиши нам, если что понадобится, мы будем скучать по тебе!

Та крепко обняла родителей.

— А мы можем посадить Лили на поезд? — робко спросила миссис Эванс, заранее зная ответ.

— К сожалению, нет, — Северус печально качнул головой, — таков закон.

— Что ж, тогда до свидания!

Мистер Эванс приподнял шляпу и, подмигнув на прощание дочери, увёл жену в сторону выхода.

— Я помогу, — Сев галантно отодвинул Лили от тележки с багажом и взялся за ручку.

Сова недовольно заухала, но он тут же шикнул на неё. Прижав Лили к себе, чтобы та не волновалась, он разогнал тележку навстречу колонне. Миг, и ребята очутились в скрытой зоне.

Вся платформа была заполнена волшебниками и волшебницами разных возрастов и мастей. Мяукали книззлы, ухали совы, радостно гомонили дети. Алый поезд, влекомый ало-чёрным паровозом, был настоящим красавцем.

— Волшебно...

— Согласен, — Сев окинул взглядом скрытый от чужих глаз поезд, — ты готова к путешествию?

Он в пару взмахов палочки отлевитировал чемоданы внутрь вагона и подал руку Лили. Купе тоже было обставлено в алых тонах. Мягкие сиденья, небольшой столик со светильником, здесь запросто могло поместиться около шести человек, и всем бы хватило места.

— Как уютно.

— Располагайся, — Сев ловко переместил чемоданы на верхнюю полку, — Путь будет долог.

Он открыл учебник по ЗоТИ и углубился в чтение.

В этот миг дверь с грохотом открылась, и в купе ввалились двое ребят. Бросив короткий взгляд на магловскую одежду присутствующих, незнакомые первокурсники коротко кивнули

и более не обращали на них внимания.

— Ах, наконец-то мы едем в Хогвартс, — радостно выдохнула Лили. — Интересно, куда я попаду? Профессор Макгонагалл так здорово описывала Гриффиндор. Там сплошь храбрецы, благородные духом. Говорят, на нем учился сам Дамблдор. Думаю, там будет здорово.

— Как по мне, Когтевран тоже неплох. Их декан — заслуженный мастер Чар.

— Факультет умников, — задумчиво протянула Лили, — ну, даже не знаю. Может, тебе там и понравится, но я не хочу все дни проводить за учебниками.

— Я планирую поступить в Слизерин, к мастеру зелий.

— Кто это тут хочет в Слизерин? Да я бы сразу из школы ушел, а ты? — спросил мальчик в очках своего соседа, черноволосого и кудрявого, словно пудель. Тот не улыбнулся.

— Вся моя семья училась в Слизерине, — сказал он.

— Елки-палки! — воскликнул очкарик. — А ты мне показался таким приличным человеком!

Кудрявый усмехнулся.

— Возможно, я нарушу семейную традицию. А ты куда собираешься, если тебе позволят выбирать?

Очкарик поднял невидимый меч.

— Гриффиндор. Буду храбрецом, как мой отец.

— А чем вам не нравится Слизерин? — полюбопытствовала Лили.

— Да там одни темные маги, которые слишком трусливы, чтобы сражаться в открытую и используют различные уловки и подлости, чтобы победить, — сказал очкарик.

— И постоянно практикуют Темные искусства, — добавил кудрявый.

— А как же Мерлин, величайший волшебник всех времен? Выпускник Слизерина. между прочим, — иронично заметил Северус.

— Он — исключение из правил, — хором заявили ребята.

На этом их аргументы исчерпывались.

Северус лишь закатил глаза и, не желая продолжать бессмысленный спор о том, где лучше, вновь углубился в книгу, правда перед этим выразительно взглянул на подругу, как бы говоря: «Вот с кем ты будешь учиться, если поступишь на Гриффиндор».

* * *

— Первокурсники! Первокурсники, сюда!

Тёмная фигура возвышалась над толпой детей и, раскачивая фонарём, громогласным голосом зазывала к себе. Когда ребята подошли ближе, то увидели, что это был довольно крупный мужчина с густой чёрной бородой, в одежде лесничего. Усы его топорщились от широкой улыбки, а глаза по-доброму глядели на детей.

— Здравствуйте, дети, я проведу вас к Хогвартсу! Итак, все собрались? — из толпы раздалось недружное «да». — Тогда за мной! Не отставайте!

Небольшая стайка во главе с лесничим спустилась с платформы и направились к лодочному причалу.

— Дети, садитесь по четверо! — стал командовать он.

Ребята тут же стали разбиваться на группы. Северус стоял чуть в стороне, не двигаясь, и смотрел на чернильную гладь озера. Где-то вдалеке в ночной темноте едва различался громадный старинный замок, и сотня огней из окон яркими искрами отражались на поверхности. К каждой лодке был прикреплён фонарь, окутывающий ребят тёплым ореолом.

Но Северус своим острым зрением видел в глубине озера таинственное свечение, не похожее ни на холодный отблеск звёзд, ни на призрачный свет болотных огней.

Северус обернулся к полувеликану, что стоял на берегу и следил за тем, чтобы все дети сели в лодку.

— Мистер Хагрид, — он уже успел узнать у старших имя лесничего. — Позвольте спросить, что это за огни там... в глубине?

Хагрид повернул голову к любопытному первокурснику.

— Э... да там русалки да тритоны живут, и чего им не спится в такую погоду!

Снейпа передернуло: с этими тварями он был знаком не понаслышке. В своё время они доставили ему много хлопот.

Ребята рассаживались так же, как в купе. Северус первым сел в лодку, затем подал руку Лили, помогая ей спуститься. Следом прыгнули будущие гриффиндорцы, отчего лодка опасно закачалась, из-за чего шумные мальчики заслужили гневный взгляд Лили.

Хогвартс раскинулся на скале огромным массивом прямо у самого берега, будто гигантская черепаха, что вот-вот готова нырнуть в тёмные глубины вод. Его высокие башни острыми пиками вонзались в ночной бархат неба. Когда дети подплыли к нему и оказались у подножья лестницы, вырубленной в скалах, Сев присвистнул. Крутые ступени вели высоко вверх и не уступали по размеру центральной лестнице Анор Лондо, легендарного замка богов.

Древний замок магов тоже заслужил свою порцию вдохов восхищения. Оказавшись внутри, Северус провел пальцами по каменной кладке и улыбнулся — это место дышало временем и силой.

Он так увлекся, что пропустил тычок Лили. Недовольный подобным нарушением личного пространства, он искоса посмотрел на нее, но Лили взглядом указала на молодую ведьму в пурпурном одеянии и с пучком на голове, что, заложив руку за спину, ожидала их на вершине лестницы.

Когда основная масса уже подтянулась, та хлопнула в ладоши и произнесла.

— Добро пожаловать! Через несколько минут эти двери откроются, — колдунья указала рукой на тяжёлые ворота за спиной, — и вы присоединитесь к остальным учащимся. Но прежде, чем вы это сделаете, вас распределят по четырём факультетам: Гриффиндор, Пуффендуй, Когтевран, Слизерин. Один из них станет для вас второй семьёй. За успехи в учёбе и спорте ваш факультет будет получать баллы. За нарушение правил — терять! Факультет, набравший к концу года наибольшее количество баллов, получает Кубок школы. А пока успокойтесь и приведите себя в порядок. Скоро начнётся церемония распределения.

Двери плавно распахнулись, и дети узрели огромный зал, освещенный тысячью парящих в воздухе свеч. Четыре длинных стола стояли параллельно друг другу, а в самом конце зала стоял буквой «П» стол учителей, в центре которого на троне восседал директор. Северус оглядывался по сторонам, совершенно не обращая внимания на взгляды, прикованные к ним. Потолок, а точнее, его отсутствие, впечатлял: ночное небо было усеяно звездами будто бриллиантами, но полупрозрачный каркас, что едва просматривался, будто говорил: не забывай, что это лишь прекрасная иллюзия.

Процессия неожиданно остановилась, и Сев сконцентрировал всё внимание на профессоре Макгонагалл.

— Итак, первокурсники: тот, чьё имя я сейчас назову, выйдет вперёд, и я надену на него Распределяющую шляпу. Именно она решит, какой из факультетов вам больше всего

подходит, — молодая колдунья ловко приподняла старую шляпу, что до этого мирно покоилась на табурете, и заглянула в свой список.

— Одли* Пандора.

Девочка плавно шагнула на помост и присела на табурет. Макгонагалл опустила ей на голову остроконечную шляпу, и... Северус мог поклясться, что головной убор зашевелился, его складки искривились наподобие лица. Шляпа слегка изогнулась, будто глядя на девочку, и хмыкнула, хотя на таком расстоянии Снейпу могло и показаться. Но когда Шляпа на весь зал прокричала: «Рейвенкло!», Сев понял: перед ним говорящий артефакт.

Зал потонул в овациях, и девочка быстро заскользила к столу под синим гербом. Дальнейшее распределение пошло как по накатанной. Кто-то сидел на табурете долго, о чём-то мысленно споря с Шляпой, другому даже не успевали ее надеть, а Шляпа уже отправляла студента на факультет. Лили вместе с попугайчиками отправилась, как и планировала, в Гриффиндор. Наконец наступила очередь Северуса.

— Ну-с, уважаемый, куда вас отправить? Сразу предупрежу: я не решаю за вас, я лишь помогаю определиться тем, кто колеблется. Хотя, если человек никак не подходит факультету, то я его туда вряд ли отправлю. Вот, например, вам, молодой человек, Пуффендуй не рекомендуется.

Снейп мысленно кивнул. Быстро оглядел столы факультетов. Взор его остановился на студентах в изумрудно-зеленых галстуках; то, как они сидели и как держались, горделивые осанки и холодно-отчужденные лица, всё это навевало ностальгию по прошлой жизни в семейном поместье и замке Кейнхерсте.

— Слизерин? — это был не вопрос, а скорее утверждение.

— Что ж, будь по твоему, — хмыкнула Шляпа и выкрикнула название факультета.

Приветствия серебро-зеленых оказались довольно сдержанными, но иного Северус и не ожидал. Подойдя к факультетскому столу, Снейп поклонился так, как его учила Эйлин, чем заслужил легкий кивок от светловолосого парня со значком старосты, и лишь после плавно присел на скамью так, дабы видеть остальные факультеты.

Вскоре распределение закончилось, и приветственное слово взял директор. Дамблдор поднялся с трона, оглядел зал.

— Мы рады приветствовать новых учеников Хогвартса. Но прежде, чем начнется пир, я напоминаю вам, дорогие студенты, что походы в Запретный лес также остаются под запретом. Также мне хотелось бы представить вам нового профессора по защите от Темных Искусств, профессора Чарльза Крофтона, — на этих словах справа от директора приподнялся мужчина средних лет с небольшой окладистой бородкой и коротко кивнул., — Теперь, когда все формальности соблюдены, да начнется пир!

Директор хлопнул в ладоши, и столы в один миг заполнились различными яствами.

Северус аккуратно взял столовые приборы и не спеша приступил к трапезе. Студенты стали переговариваться друг с другом. Как понял Снейп, многие на этом факультете были знакомы еще до школы. На Сева мало обращали внимание, и пока его это вполне устраивало.

Вдруг из-под пола послышался глубокий смех. Все студенты стали оборачиваться, но Снейп ничего не мог разглядеть за их головами. Кто-то где-то взвизгнул от неожиданности, и Сев наконец-то заметил их. Привидения! Полупрозрачные, смеющиеся, они стремительно летали по залу, пугая окружающих громкими выкриками.

Снейп тут же напрягся, но, заметив, что старшие студенты лишь слегка улыбаются, а вскрикивают от страха только первогодки, существенно расслабился. Так что, когда мимо

него проплыл пустоглазый дух в мантии, покрытый серебряной кровью, Сев сумел подавить желание тут же его развеять.

— Интересная у тебя реакция, новенький.

Северус оторвал свой взгляд от призрака и перевел его на светловолосого парня, что кивком головы указал на руку. Только сейчас он понял, что держит нож обратным хватом на боевой манер. Инстинкты охотника сработали быстрее сознания. Северус вернул нож в привычное положение и посмотрел на блондина.

— Я не привык к мирным привидениям.

— Ты их много встречал?

— Достаточно, чтобы понять — они могут доставить серьезные проблемы. С кем имею честь говорить?

— Люциус Малфой, староста Слизерина, а ты Северус Снейп?

— Ты прав.

— Кстати, если ты часто сталкивался с духами, ты должен знать, что их нельзя... убить, только изгнать.

— Убить можно все, что угодно, главное, найти нужный инструмент, — Северус задумчиво покрутил нож в руках, — но ты прав: от такого ножа толку не будет.

— Ну ты и удумал! Призраки — неотъемлемая часть замка, а факультетские духи даже помогают. У нас — Кровавый Барон, самый жуткий и сильный среди других привидений. Все его боятся! — воскликнула какая-то девушка, но тут же притихла под холодным взглядом Малфоя.

Северус мысленно кивнул: Люциус имел особое влияние на факультете, и дело было даже не в значке старосты. Стоило взять этого человека на заметку.

Когда все наелись, директор снова хлопнул в ладоши, и столы стали идеально чистыми. Люциус поднялся со своего места и стал собирать первокурсников вокруг себя, дабы провести их в подземелья Слизерина.

Гостиная произвела на Северуса неизгладимое впечатление: огромное помещение в два яруса с черными стенами, интерьер в серебряно-зелёных тонах — мрачно и таинственно, но, черт возьми, изящно и богато. Окна, сквозь которые можно было увидеть глубины Черного озера, пугали своими темными провалами. Волшебные лампы, хоть и давали так недостающий в подземельях солнечный свет, создавали сверхъестественную атмосферу. Фонтан в виде кобры с раскрытым капюшоном, из пасти которой широкой струей лилась вода, поражал своей мощью.

Люциус остановился посреди гостиной, ожидая, пока новички соберутся вокруг него.

— Итак, я понимаю, что все устали, но прошу меня внимательно выслушать. Вы попали на Слизерин, что значит, вы имеете не только определенные права, но и обязанности перед факультетом. Вы должны поддерживать нашу репутацию, честь не только своей фамилии, но и факультета. Не допускаются действия, что могут бросить малейшую тень на факультет. Ведите себя достойно! Если произошла ссора между своими, не выносите ее за пределы факультета. Если с чужими — не вмешивайте остальных. При возникновении проблем вы можете обратиться ко мне либо к Элизабет Паркинсон, она также является старостой. Заблудились — позовите Кровавого барона, он в помощи не откажет, если вежливо попросить. Деканом нашего факультета является профессор Слагхорн, профессор зельеварения, завтра вы с ним познакомитесь поближе — на второй паре. Расписание вам выдадут перед завтраком. Завтра подъем в семь часов, к восьми мы все дружно пойдем в

Большой зал, где будет проходить завтрак, далее — дойдете под нашим руководством до нужного кабинета на пары. Так и будет первые дни, пока вы не привыкнете. Все возникшие вопросы зададите завтра. Мальчики, прошу следовать за мной к спальням. Девочки — за Элизабет.

Люциус поднялся по изогнутой лестнице на второй ярус и прошел в левый коридор, попутно объясняя планировку. Первокурсников расселили по четверо.

Когда дверь в спальню закрылась, Северус обвел её медленным взглядом. Помещение выглядело немного пустым: четыре кровати с тяжёлым балдахином делили пространство на зеркальные сегменты. Тумба с лампой да прикроватный сундук — вот и всё, что здесь было. Исключением являлся большой напольный шкаф, разделённый на четыре части, в остальном же было одинаково. У двери стояли чемоданы и сундуки, так что Сев существенно расслабился.

— Наконец-то можно лечь, — темноволосый парень с небольшим хвостиком рухнул на ближайшую постель и посмотрел на остальных, — Я Эван Розье, а вы?

— Найт Эйвери.

— Адриан Мальсибер.

— Северус Снейп.

— Что-то я не помню такой чистокровной фамилии, — заметил Эйвери.

Северус спокойно выдержал взгляд соседей по комнате и, перетащив свой чемодан на кровать, начал его разбирать.

— Надеюсь, твоего воспитания хватит, чтобы не опозорить наш факультет.

Северус повернулся к Мальсиберу и мысленно вздохнул. Этот парень был среди них самым крупным и уже пытался отстоять свою позицию главного. Однако Снейпу были безразличны эти детские попытки выстроить иерархию, и потому ровным голосом он произнёс.

— Я отлично помню слова старосты, но всё равно, спасибо за напоминание. Однако данный постулат относится ко всем нам. А сейчас, прошу меня извинить, но я предлагаю лечь всем спать, а разговор отложить на завтрашний день, если, конечно, у вас будет желание разговаривать. Завтра мы должны быть выспавшимися!

Возразить на это было нечего, поэтому подготовка ко сну прошла в молчании.

Оказавшись в постели, Северус навесил полог тишины с сигнальными чарами и прикрыл глаза. Выровняв дыхание, замедлил сердечный ритм, постепенно расслабляя мышцы. Когда тело перестало напрягаться и все ощущения вокруг пропали, Снейп ослабил концентрацию и шагнул в сон.

* * *

Где-то в прошлом...

Тронный зал пугал своим величием. Огоньки свечей едва дрожали, создавая причудливую пляску теней на бордовом бархате ковра. Молчаливые фигуры, укутанные в чёрные плащи, скрывающие алые камзолы и платья, неотрывно смотрели на возвышение, где стояли два трона. Один из них пустовал — и довольно давно. Даже из старой знати никто не помнил, сидел ли кто-то на нём. На втором удобно расположилась молодая девушка с белокурыми волосами. Длинное серебристо-серое платье с короткими рукавами открывало прекрасный вид на её лебединую шею, тонкий лёд запястий. Не такое яркое, как у придворных дам, оно не привлекало к себе внимание, но лишь подчёркивало красоту девушки. Тонкий венец с шипами невесомо лежал на голове, лоя блики свечей. Девушку

можно было бы назвать прекрасно-невинной, если бы не взгляд. Обжигающе ледяные глаза будто скальпель препарировали человека, что преклонил перед ней колени. Молодой рыцарь, не смея поднять взгляд, упорно продолжал разглядывать двух золотых химер на ковре, что стояли спиной друг к другу в боевой позе, раздумывая, на кого они больше похожи: на львов или на волков. Как будто от этого зависит решение Королевы!

— Ещё одна тёмная душа решила укрыться в Убежище. Видно, Узурпатор совсем разошёлся, раз даже серебряные рыцари покинули свой вечный пост!

Рыцарь никак не отреагировал на это заявление, лишь скрипнув железными перчатками. Королева усмехнулась и устремила свой взор на подданных.

— Кто привёл этого человека?

Вперёд выступил один из аристократов и преклонил колени рядом с рыцарем.

— Лорд Экберт приветствует бессмертную королеву.

— Встань. Говори.

Последовал короткий поклон.

— Узурпатор уничтожает всех без разбора. Ему не нужна власть, он не собирается поддерживать порядок, ему нужна лишь сила.

Королева жестом прервала говорившего.

— Я это знаю и так. Но что изменилось, раз рыцари решили тоже уйти?

— Ариандель пал. Хранитель-отец и Эльфриде мертвы, — в зале раздались испуганные вздохи, Королева впиалась ногтями в подлокотники трона, оставляя на них глубокие борозды. Тем временем рассказчик продолжил:

— Узурпатор опустошает земли Лондора. В таком темпе он скоро доберётся и до нас. Если мы не закроем Убежище, то и это место погибнет!

— Мы не можем, — Королева резко поднялась с трона и гневно посмотрела на наглого аристократа, — без внешней подпитки наш мир потухнет.

— Он уже потухает. Пламя Лондора исчезло в чреве Узурпатора. Падший прошёл путь Драконов и убил Безымянного короля. Драконов больше не осталось! Нам неоткуда брать пламя!

Королева закусила губу, почувствовала железный привкус и широко улыбнулась.

— Зачем нам пламя Первородных, если у нас есть их кровь? И будет ещё... Лорд Квайзер, — вперёд выступил мужчина в очках, — напишите главе Бюргенверта: мы готовы сотрудничать и будем спонсировать их исследования. Если птумерианские лабиринты оправдают наши ожидания, то мы сможем обеспечивать наш мир самостоятельно. Лорд Экберт, — тот поднял взгляд на королеву, — я готова принять клятву от серебряных рыцарей, но с этого дня вы отвечаете за них головой.

Коленопреклонённый рыцарь встал и принял из рук королевы знак Кейнхерста.

— А теперь приказываю вам вернуться в Лондор и привести всех выживших. Нам нужны верные люди!

Молодые люди поклонились и покинули зал. Королева взмахнула рукой, и подданные начали расходиться. Аннализа вернулась к трону, на её лице скользнула лёгкая улыбка.

«Пусть. Пусть ты теперь правитель Лондора. Но вскоре тебе некем будет править! Ты останешься там, в заикленном мире угасающего и вспыхивающего огня. А мы, наша кровь, будем жить вечно. Кровь сильнее пламени. Кровь не нужно поддерживать. Ты пролил много крови, но именно она станет нашей силой...»

Примечания:

1) Одли — (англ.) Audley

Северус быстро втянулся в обучение в Хогвартсе: программу первого курса он освоил еще до школы, используя палочку мамы, а в Хогвартсе, имея право пользоваться своим орудием, колдовать стало проще простого. Так что Снейп стал поднимать свой уровень, если уж не до беспалочковой магии, то хотя бы до невербальной. Для охотника бесшумно подкрасться и нанести врагу максимальный урон в первый миг — главные задачи. Северус много часов проводил в библиотеке, изучая заклинания, думая, как их можно применить в бою.

Профессор Крофтон заинтересовал бывшего охотника своим предметом с первого занятия. Как настоящий наставник, он сразу же привлёк внимание окружающих и не отпускал ни на миг.

— Защита это не только умение обороняться, но и умение нападать, — начал он, заложив руки за спину, — эта дисциплина делится на два основных блока: заклинания, которые называются тёмными, и твари. Рассмотрим определение Темных Искусств, данное в учебнике: «ТИ — это заклинания и магические практики, задуманные как способные причинить ощутимый вред другим людям. Используются, как правило, со злыми намерениями». Многие считают, что оно ошибочно, ведь даже заклинанием щекотки можно причинить вред. Но ключевым словом в определении является слово «задуманные», то есть темнота заклинаний зависит от намерений его создания. Магия по своей сути нейтральна, тогда как люди — нет. Тёмные искусства не запрещены законом, но в Великобритании не приветствуются. Исключением являются три Непростительных, за применение которых грозит Азкабан.

Теперь перейдём к тварям. Их можно разделить на особо опасных, опасных и условно опасных. К первым относятся: демоны, дементоры, инферналы. Ко второй категории: вампиры, оборотни. К последней: призраки. Перечень этих трёх категорий остаётся открытым...

Северус влюбился в этот предмет не только из-за его содержания, но и из-за самого профессора. Чарльз Крофтон мог ответить на любые вопросы любопытного первокурсника, радуясь искреннему стремлению первокурсника к знаниям. Более того, его ни капли не удивляло желание Северуса узнать, какими немагическими способами можно бороться с существами, ведь палочка могла быть утеряна или сломана, а некоторые твари обладали повышенным сопротивлением к магии.

Профессор Флитвик также обладал духом истинного наставника. Этот мудрый полугоблин с прекрасным чувством юмора считался одним из лучших мастеров заклинаний из ныне живущих, и он умел привить любовь к своей науке многим студентам не только своего факультета. От старшекурсников Северус знал, что профессор помогал тем, кто решил самостоятельно поэкспериментировать с магией, а отстающим давал дополнительные задания, дабы те могли усвоить материал. Он действительно заставлял не тупо зазубривать, но понимать свой предмет, поэтому почти все выпускники тепло о нём отзывались.

Когда профессор Флитвик услышал о просьбе Северуса, он посоветовал, с каких книг ему стоит начать, а за какие лучше взяться позже. На вопрос Снейпа разработки собственных заклинаний профессор покачал головой.

— Ваши стремления похвальны, но не советую вам сейчас этим заниматься. Создание

собственных заклинаний — дело опасное. Во время «записи» заклинания недопустимы дефекты ни в чем, будь то слово-активатор или траектория палочки. Также вы должны четко представить в своей голове результат, чтобы магия закрепилась в реальной действительности. Плюс к этому — скорость должна быть почти на уровне существующих чар. Но это не значит, что вы не можете начать подготовку: нарабатывайте информационную базу, изучите историю некоторых заклинаний. Я вам напишу список. Советую начать с «Лингвистика для магов» Омиэля. Насчёт лечебных заклинаний: «Первая помощь» под редакцией Ланселота, подобная книга есть в библиотеке Хогвартса, но если найдёте более позднее издание, то лучше взять его.

— Я читал, что вы были чемпионом по магическим дуэлям. И... мне интересно: есть ли Дуэльный кодекс в библиотеке Хогвартса, и есть ли какие-то тонкости, которые не содержатся в нём, но важны в благородном обществе, дабы не умалить чести.

— Вы задали интересный вопрос, молодой человек, — профессор огладил бороду, — немногие из нынешнего поколения задумываются над этим, но я рад, что, вы, мистер Снейп, заинтересовались подобным. Ах, помню, во времена моей молодости во многих магических школах был Дуэльный клуб, его посещение считалась обязательным. Если бы я не занимался хором, то я бы не отказался от его основания, а так...

— А есть возможность создать Дуэльный клуб в Хогвартсе? В любой форме? Что для этого нужно?

— Можно попробовать в виде кружка. Нужно минимум шесть человек плюс капитан со старших курсов. Но, учитывая специфику Дуэльного клуба, нужен ещё куратор, один из профессоров. Если у вас не исчезнет желание его создать, я могу дать ряд консультаций.

Северус согласно кивнул и занёс в свой дневник ещё один пункт.

Что же до социума, то со всей этой самоподготовкой у него оставалось очень мало времени на общение с Лили, поэтому той приходилось иногда насильно выдёргивать друга из библиотеки. Именно она ему рассказала о компании Мародеров.

— Как ты мог забыть, — возмущалась Лили, — это же Джеймс Поттер с Сириусом Блеком, у них ещё третий парень есть, Питер Петтигрю. Они ещё постоянно к тебе цеплялись.

Снейп начал что-то припоминать. Ну да, была группа мальчишек, что любила хулиганить и делать пакости. Они пытались спровоцировать Сева, но для взрослого человека, каким и был Снейп, эти ребяческие подначки были что слону дробина. На прозвища он никак не реагировал, лишь картинно изгибал бровь и смотрел на задир как на идиотов.

— Вчера Левиосой в гостинной все пергаменты перемешали, мы с девочками целый час потом свою домашку разбирали, у кого какие свитки, — продолжала ворчать Лили. — Они настоящие хулиганы, Сев! Мы должны что-то сделать!

— Не думаю, что мы можем повлиять на них, — отметил тот. — Но поведение Поттера и Блека удручает. Они позорят свою фамилию.

— В смысле? — Лили на секунду подвисла.

— Они чистокровные волшебники. Их семьи — одни из самых древних в магической Британии и обладают немалым могуществом. Это элита данного общества. А поведение твоих однокурсников недостойно наследников древних родов.

— А ты откуда знаешь, что достойно, а что нет! Сам-то жил среди магглов!

Едкий комментарий Лили Сев пропустил мимо ушей.

— Я полукровка, Лили, моя мама была чистокровной. И я очень рад, что попал на

Слизерин, где я окружён людьми с манерами и знанием этикета, а не орущими обезьянами, — та надулась, но возразить ничего не смогла.

Пара по Истории магии закончилась, и дети отправились в Большой зал на обед. Мимс них стремглав пробежали Джеймс с Сириусом, намереваясь толкнуть Сева, но тот увернулся уже на автомате. Ребята злобно фыркнули, но останавливаться не стали.

Разошлись они уже у дверей, Лили махнула рукой на прощание и отправилась под алые знамёна. Северус сел рядом со своими соседями по комнате, коротко кивнув им и приступил к трапезе.

— Ты опять общался с этой маглокровкой, Снейп! — заметил Розье.

— В твоём голосе я слышу недовольство, могу узнать, с чем оно связано?

— Она гриффиндорка! Не общайся с ней!

Сев положил вилку и немигающим взглядом посмотрел на Эвана.

— Позволь мне самому решать, с кем мне стоит общаться, а кого избегать! Ведь мои действия в данном аспекте не влияют на репутацию факультета, — против этого возразить было нечего. — Кстати, раз уж мы заговорили о статусе, как вы смотрите на это? — Северус вынул из своей сумки свиток и передал сидящим за столом.

Ребята стали жадно читать документ, и после долгого молчания Эйвери, наконец, подал голос.

— Дуэльный клуб факультета Слизерин? Неплохая идея.

— Не только. Если удастся договориться с другими факультетами, то у каждого факультета будет свой клуб, можно проводить межфакультетские соревнования.

— Зачем?

— Чтобы легально и без потери баллов поставить гриффов на место. Ведь магические драки запрещены, а так, — Северус сделал выразительную паузу, — всё вполне законно.

— Ты настоящий змей, — усмехнулся Мальсибер, — осталось только уговорить старосту.

— То есть вы за? — ребята согласно кивнули. — Тогда доставайте палочки, накладывайте чары копирования и раздавайте всем нашим, а я пойду переговорю с Малфоем.

— Это повысит дисциплину, только представьте: за драки в коридоре факультеты теряют баллы, а так все смогут выпустить пар. Более того, это повысит навыки владения палочкой и уровень знаний. У всех появится существенная мотивация развиваться. Также это дополнительные связи с Рейвенкло и способ усмирения Гриффиндора. Количество столкновений существенно снизится.

Малфой вопросительно изогнул бровь, изучая документ. На все вопросы старосты у Северуса был готов ответ. Кто будет курировать — профессор Крофтон. А заниматься с младшекурсниками вызвались ребята со старших курсов: повторение — мать учения. Но Люциус всё равно колебался.

— Даже если так, директор всё равно не позволит.

— Не спорю, профессор Дамблдор может не оценить всей прелести данной затеи. Но наличие Дуэльного клуба повысит статус школы. Дурмстранг, Илверморни, Махотокоро и другие школы имеют либо факультативы, либо кружки, связанные с изучением Дуэльного искусства. В крайнем случае, можно написать письмо в Попечительский совет.

— Ты настроен крайне серьёзно, — Малфой одобрительно кивнул, — но понравится ли это другим ученикам?

Северус выразительно обвёл рукой стол Слизерина, по которому стремительно распространялись свитки со всей информацией о Дуэльном клубе. Не прошло и получаса, как те же свитки стали передаваться на стол под синим знаменем. Студенты начали оживлённо переговариваться.

Люциус коротко кивнул.

— Я подумаю над твоим предложением.

Не прошло и пары дней, как Малфой переговорил со старостами других факультетов, и вскоре небольшая делегация направилась напрямик в кабинет директора. Дамблдор очень удивился — он не ожидал такого сплочения и единства между факультетами. На сторону учеников неожиданно встали деканы, аргументируя, что это улучшит дисциплину и сведёт драки, которые в любом случае неизбежны, до регулируемых дуэлей. Особенно настаивал профессор Флитвик, взывая к возвращению магических традиций и радуясь, что дети решили задуматься над такими вещами. Последним ударом стало письмо от членов Совета с настоятельной рекомендацией согласиться на Дуэльный клуб, так что Дамблдору деваться было некуда. Поэтому уже в апреле было объявлено о его открытии. Каждый мог вступить в клуб, предварительно ознакомившись с регламентом.

Единственное ограничение вводилось для первокурсников, которые не могли участвовать в дуэли, пока не выучат теоретическую часть дуэлинга.

Членство в клубе считалось почётным, поэтому за дисциплиной следили строго. Если кто-то устраивал драки вне зала для занятий, его могли спокойно отлучить от клуба на определённый срок, а то и выгнать окончательно — в зависимости от вины драчуна. Поэтому все старались держать себя в руках, никто не хотел оказаться за бортом.

Первые два года пролетели незаметно. Профессор Крофтон уволился из Хогвартса по семейным обстоятельствам, из-за чего Дуэльный клуб чуть не оказался на грани закрытия, но студентам всё же удалось отстоять его. Обострились отношения между Мародерами и Северусом. Дело было даже не в том, что Снейп продолжил общаться с Лили, а в том, что на их факультет попал очередной представитель семьи Блек.

С этой семьёй Сев был знаком не понаслышке: он часто общался с Нарциссой Блек, невестой Люциуса, очаровательной шестикурсницей, потому был прекрасно осведомлен, что почти все Блеку поступали на Слизерин. Сириус стал ярким исключением, доводя своим поведением мать до белого каления, так что когда его младший брат, Регулус, попал на Слизерин, Снейп ни капли не удивился.

Регулус очень быстро влился в их компанию, и, несмотря на разницу в возрасте, с ним было интересно.

Периодически Северус писал матери. Эйлин отвечала, что все терпимо. Он обрадовал мать новостью, что ему удалось скопить немного денег и он смог купить свою собственную сову, так что теперь ему не придётся пользоваться школьными птицами.

Северус так погрузился в волшебную Британию, что стал забывать про призраки прошлого. Но к сожалению, прошлое о нём не забыло.

— Северус, как ты вырос!

Мать нежно обняла сына, и они медленно двинулись к выходу с вокзала. Сев на заднее сиденье междугороднего автобуса, Северус привычно взял мамину палочку и быстро навесил чары отвлечения внимания и тишины. Дорога обещала быть долгой, так что времени на расспросы было достаточно. Эйлин с удовольствием слушала о том, о чём сын не успел рассказать в письмах, радовалась его успехам за экзамен.

Если мать была счастлива от приезда родного дитя, то отец особых восторгов не испытывал. Увидев черную с бежевой грудкой сову, что сидела в клетке и с любопытством вертела головой по сторонам, посетовал на лишний рот в семье:

— Мало мне тебя в доме, так ты ещё и птицу притащил! Не думай, что я хоть пенни на неё потрачу.

— Не волнуйтесь, отец, мой питомец — моя ответственность, так что на корм для него я заработаю сам.

— Ага, заработает он! Держи карман шире... — Тобиас злобно сплюнул под ноги: на фабрике вновь прошла волна сокращений, и хоть и Снейп остался, денежная инфляция превращала зарплату в пыль. Сокращались размеры пособий по безработице и другие социальные программы. Трудящиеся по всей стране устраивали массовые забастовки.

В целом семейное воссоединение прошло относительно мирно. Летние дни потянулись своей чередой. Северус помогал матери по хозяйству, на пару с ней варил простые зелья, которые Эйлин раз в неделю продавала в аптеку Косого Переулка, тренировал магию. Ему наконец-то удалось освоить невербальную магию для заклинаний первых двух курсов, что помогло существенно увеличить его резерв.

Однако результат требовал закрепления, поэтому он не перестал посещать заброшенную свалку, где и тренировался до полного истощения.

В один из дней уставший Северус уже брёл к выходу из этого царства сломанных и ненужных вещей, когда его слух уловил выстрелы и жуткий гогот. Ведомый любопытством, Северус двинулся навстречу шуму.

«Опять местная шпана по бутылкам стреляет?» — подумал он, бредя по лабиринту из металлолома. Смех и пьяные выкрики всё приближались, и когда Северус выглянул из-за капота проржавевшего насквозь грузовика, его догадки подтвердились. Трое парней, по всей видимости, лет эдак восемнадцати, стояли вплотную друг к другу и над чем-то злобно потешались. Вся компания была знакома Севу: двое, что держали бутылки, уже наполовину пустые, Стив и Джон, хулиганы в школе Пет, а третий, их главарь и заводила, Джек, которого ненавидели, но боялись до дрожи все ребята в округе. Джек со своей командой мог спокойно избить каждого, кто не так на него взглянул или ради развлечения, отжать деньги без зазрения совести, и ему ничего за это не было, ведь отец этого мелкого бандита служил в полиции Коукворта и всегда прикрывал задницу своего гадёныша. Дерзость Джека всё росла, и если бы не отец, то он бы давно загремел в тюрьму для несовершеннолетних.

— И я ещё патронов прихватил, — пьяно улыбнулся Джек, размахивая пистолетом.

— Ух ты, это табельное твоего папаши? — удивился Стив.

— *ля, ну ты тупой, я че, придурок, тащить табель? Не, это личное, батя его и не достаёт практически из шкафа, так что пропажу не сразу заметит.

Джек выставил руку вперёд и спустил курок. Грянул выстрел, и раздался жалостный мяв.

— Дерьмо, промазал, харе раскачиваться, мяса кусок.

Северус перевёл взгляд в ту сторону, куда стрелял ублюдок, и сознание затопила волна ярости.

На постаменте, куда обычно ребята ставили бутылки, дабы пострелять, стояла кривая железная рама огромных размеров. Через верхнюю перекладину была перекинута верёвка, на которой истошно вопила кошка. Вид у неё был ужасный: вся её шерсть была в подпалинах, правое ухо кровоточило, будто его чем-то изрезали. Бедное животное пыталось извернуться, чтобы выбраться из пут, но тяжёлый камень, привязанный к хвосту, не давал ей этого сделать и лишь ухудшал положение.

Северуса перемкнуло. Он быстро перескочил через капот и бросился на живодёров. Джек заторможенно повернулся, отведя пистолет от кошки, и тут же получил Ступефаем точно в лоб. Стив только успел открыть рот, как отправился вслед за товарищем на землю. С третьим парнем всё было не так просто: очередной взмах палочкой, и у Северуса перед глазами забегали мушки — магическое истощение дало о себе знать. Злобно рыкнув, он сделал рывок вперёд и с размаху врезал ублюдку в живот. Джон охнул и согнулся пополам, но Сев не собирался останавливаться на достигнутом. Нужно было добить падлу. Сильный удар в висок, и Джон мешком повалился на землю, закатив глаза.

Северус выдохнул сквозь зубы и размял шею. Сердце бешено стучало. Хотелось рвать и метать. Было сильное желание избить этих подонков ногами, но... Нужно успокоиться.

Засунув палочку за пояс, он двинулся к кошке, что при его приближении злобно зашипела и замахала лапами.

— Успокойся, — вымученно произнёс Снейп, — не обижу!

Кошка чуть-чуть присмирела, и Сев смог внимательно её рассмотреть. Зелёные глаза продолжали всё так же настороженно смотреть, но теперь животное не шипело, лишь слегка показывая острые зубы. Неимоверно большие по сравнению с головой уши нервно дёргались. Северус очень медленно, дабы кошка видела его действие, потянул руки к длинному тонкому хвосту с густой кисточкой и стал отвязывать камень.

— Да ты у нас не кот совсем, а низзл... Что ты забыл у магглов? — стал расспрашивать чудо-зверя Сев, стараясь отвлечь его от боли.

Низзл что-то недовольно мякнул и замахал освобождённым хвостом.

— Потерпи немного, сейчас сниму.

Когда Северус наконец-то справился с тугим узлом, низзл ловко приземлился на все лапы. Сев попытался подхватить его, но животное грозно зашипело и быстро скрылось в неизвестном направлении.

Снейп вздохнул: а он-то ещё думал о том, чтобы подлечить кота дома, покормить, но, видимо, тот, будучи волшебным существом, решил само разобраться со своими проблемами. Отряхнув руки, Сев повернулся к шпане, что до сих пор валялась на земле. Быстро подобрав валяющийся пистолет и сунув его под футболку, он обыскал Джека на наличие патронов. Разжившись десятком пуль, а также парой купюр с изображением Шекспира* — довольно крупная по нынешним дням сумма, Северус собрался с силами и всё же смог заколдовать три Конфундуса — ему не хотелось оставлять после себя никаких улик.

Еле добредя до дома, Снейп заполз в свою комнату. Вынув добычу, он аккуратно разобрал ствол и засунул детали в свой сундук на самое дно так, чтобы никто даже не нашёл.

Когда с тайником было покончено, Сев наконец-то дал себе расслабиться и обессиленный упал на кровать. Как только его голова коснулась подушки, мир вокруг отключился и сознание кануло во тьму.

* * *

Я тяжело бегу по улицам Ярнама прочь от преследователей. Перед глазами всё плывет: каждый шаг увесистым молотом бьёт по мозгам, пар из рта оседает с внутренней стороны маски холодным конденсатом и скатывается ручейками по лицу, затрудняя дыхание. Стук сердца в ушах заглушает всё вокруг, не давая понять, оторвался ли от палачей или нет. Выбегаю из-за угла, вижу конический золотой шлем и отмахиваюсь топором, но фигура неподвижна. Приглядываюсь внимательнее и расслабленно выдыхаю — это всего лишь купол башни вдалеке...

Банда Палачей — поборники зарождающейся Церкви исцеления — решила загнать наш отряд, как стая гончих рыжую лису. Гребаные фанатики под предводительством Логариуса решили наплевать на перемирие, считая, что таким чудовищам, как мы, не место в Убежище. Думаете, что раз искоренили из крови все пороки тёмной души, так сразу стали святыми и месть вас не настигнет? Ха!

Охотники должны охотиться, а не убивать себе подобных! Эти лицемеры кричат, что очищают город от нас, но им просто нужно избавиться от аристократов! Вопрос любой бойни — это вопрос о власти!

Но только эти крысы могут так подло нападать на нас. Когда мы измотаны... слабы... а наши раны кровоточат от когтей и зубов монстров.

Краем глаза замечаю движение и еле успеваю увернуться. Мимо меня пролетает бешеный пёс, но эта тварь всё же сумела зацепить меня своими зубами. Взмах секирой, шавка взвизгивает от боли, ещё удар, отбрасываю ногой труп на очередную суку.

Со сворой я расправился быстро. Два-три крутящих удара, и твари разлетелись на куски плоти. Вдалеке заметил высокую фигуру палача в сером одеянии и огромным колесом на плече. Чёрт, это стычка может стоить мне жизни.

Ныряю в ближайший закуток и оказываюсь в тупике. Грязно выругавшись, быстро подтаскиваю ящики к стене и забираюсь на крышу. Бегу по скользкой от мокрого снега черепице, пытаюсь сохранить равновесие. Бок простреливает от острой боли. Сапоги скользят по крутой поверхности, и я скатываюсь в какой-то переулочек.

Пытаюсь подняться, прислонившись к стене дома, но ноги не держат, и я медленно сползаю на стылую брусчатку. Алый плащ потемнел от крови.

Всё. Это конец. Сил подняться уже больше нет. С трудом достаю из кармана фиал с кровью. Открываю колпачок. На язык скатываются жалкие капли. Отбрасываю флакон в сторону, и он отлетает в сторону, зазвенев, будто колокольчик. Слишком мелодичный звук для этого поганого места. В висках пульсирует боль. Смыкаю глаза и склоняю голову, дабы полы шляпы прикрыли лицо и снег перестал падать на ресницы. Чувствую, как от раны медленно расползается холод, пожирая каждую клеточку тела. Хочется спать.

Что-то тёплое касается моей руки. Бью наотмашь. Уйди, гадкий пёс, я ещё жив. С трудом разлепив глаза, вижу перед собой белый комок шерсти. Белый. Белоснежный, будто облако в солнечный день. На меня смотрят два ярких изумруда. Кошка? В таком месте?

Прекрасное создание тихо мурчит и плавно прыгает мне на грудь. С трудом подняв руку, начинаю произвольно гладить его. Плевать, что такое совершенство не может быть здесь. Плевать, что это может быть уловка. Даже сквозь кожу перчаток я

чувствую тепло этого живого существа, биение его сердца, и мне самому становится тепло...

* * *

Северус проснулся совершенно разбитым. Едва сумев встать с кровати, он побрёл на первый этаж. Увидев его, Эйлин ахнула и подбежала к нему.

— Сев, что с тобой? Ты бледный как смерть. Я с утра тебя разбудить не могла, а ты! Уже час дня.

Тот начал отнекиваться и говорить, что с ним всё нормально, ведь это просто магическое истощение, но мать переполошилась ещё больше.

— Истощение? Просто магическое истощение! Ну, молодой человек, с этого дня чтобы никакого колдовства, верни палочку!

— Ну мам!

— Не мамкай! Я думала, вы, молодой человек, будете серьёзно относиться к своему здоровью, но раз вы себя не бережёте, то с этого дня — только отдых, отдых и ещё раз отдых, а то всё лето в одних книжках. Хоть бы позагорал чуть-чуть!

В целом, Эйлин была совершенно права, так что Севу ничего не оставалось, как пойти на улицу гулять. Мама даже запретила ему брать с собой книги, напихав вместо этого в сумку сэндвичей и свежих фруктов. «На вот, своих друзей угостишь!» Северус покорно кивнул, не сказав маме, что его единственные знакомые укатили в Италию аж на месяц, — кризис никак не отразился на семье Эванс.

На свалку Сев решил пока не соваться — мало ли! Так что оставалось пойти в единственное место, где он мог уединиться.

Древний дуб встретил его как старого друга. Расположившись у основания, Сев принял расслабленную позу и стал медитировать.

«Ну что ж, маменька, раз вы лишили меня палочки, то вы сами меня подталкиваете к тому факту, что маг без неё бессилён. Значит, будем тренироваться без нее!»

Глубокий вдох. Медленный выдох. Глубокий вдох... Выдох...

Короткое мяуканье, и Северус увидел перед собой старую знакомую.

— Ну, здравствуй, рад снова тебя видеть.

Низзл махнул хвостом.

— Есть хочешь? Один я столько всё равно не съем.

Кончики усов мелко задрожали, когда Сев извлёк на свет еду. Внимательно всё обнюхав и не учуяв ничего подозрительного, зверь аккуратно стал обкусывать сыр, а затем и хлеб. Когда на земле остались одни крошки, низзл поднял вопросительный взгляд ярко-зелёных, цвета свежескошенной травы, глаз и жалобно мяукнул. Против такого устоять было трудно.

— Ладно, ешь, худая, что жалко смотреть!

На этих словах зверь оторвался от очередного бутерброда и посмотрел на Северуса. В его взгляде читалось: «А сам-то? Скелет!»

Первые дни низзл ждал Северуса у дуба и каждый раз при встрече махал хвостом. Снейпу всё же удалось вынести из дома кое-какие зелья и медикаменты, чтобы обработать раны зверя.

— Ох, я очень надеюсь, что заживляющая мазь действует и на волшебных животных, — сетовал Сев, втирая зелёную массу, пахнущую различными травами, в тело низзла, предварительно помыв его. Тот был, конечно, очень недоволен, но уходу не сопротивлялся. Всё же Сев старался сделать как лучше.

Через некоторое время низзл, которому Сев дал имя Элис, стала прогуливаться с ним по улицам Коукворта и даже пару раз заходила на участок Снейпов, но никогда не переступала порог дома, как бы намекая на свою независимость.

Но несмотря на прекрасное лето, Снейпа беспокоила одна проблема. Воспоминания. Сны. Образы. Прошлое. Ярнам. Охотники. Всё смешивалось в единый водоворот, будто талая вода, и Сев с трудом мог понять, где находились его личные воспоминания, где образы, навеянные рассказами его отца и деда, а где-то, что никак не могло с ним произойти. Со всем этим нужно было разобраться как можно скорее, но... Детский мозг отодвигал на задворки самые кровавые и жуткие воспоминания, окутывая их белой пеленой. Северус испугался, что начал терять себя. Попытался вспомнить своё прошлое имя, имя своего рода. Ничего. Лишь туман. Он Охотник. Один из тысячи. Единственное, что он ясно помнит — он был Кейнхерстом. И был верен Королеве.

«Мы не должны забывать наше прошлое, — холодный, властный голос звучал в лабиринте воспоминаний, — Если мы забудем то, что дали наши предки, их знания и ошибки, то наше существование потеряет всякий смысл. Зачем они столетиями упорно трудились, шли вперёд, раз мы стоим на месте или ходим по кругу! Узурпатор может убить нас, сжечь наши дома, но он ни в коем случае не должен уничтожить плоды, что оставили наши отцы. Если же вы не можете сохранить что-то старое, то создайте, вырастите новое. Но не стойте на месте. Иначе наш мир станет ещё одним болотом и погибнет!»

Эти слова эхом звучали в голове Северуса, когда он с любопытством рассматривал корешок, что принесла ему Элис. Перед этим он долго жаловался своей хвостатой подруге, что у него не получается новое зелье и он не знает, в чём дело. Низзл внимательно его слушал, склонив голову набок, и через некоторое время принес кусочек бриара.

— Думаешь, стоит добавить? — короткий мяв. — Ладно, я попробую, ты очень умная, Элис, — Северус ласково погладил кошку по голове. — Скоро сентябрь, и я вернусь в Хогвартс. Ах, если бы ты могла отправиться вместе со мной, — Элис мяукнула и запрыгнула ему на колени. — Ты этого хочешь? Тогда придётся одну ночь провести в доме. Или ты придёшь рано утром на участок? — Элис в два прыжка оказалась в сумке Северуса, покрутилась немного и, коротко фыркнув, улеглась, всем своим видом показав, что готова терпеть маленькие неудобства.

Снейп широко улыбнулся и потрепал низзла за большим длинным ухом. Третий год обучения обещал быть чуточку лучше, ведь теперь рядом был маленький друг.

Примечания:

1) Купюра в 20 фунтов стерлингов — вошла в оборот в 1970 г.

Новый учебный год начался как обычно. Новые ученики. Новый профессор ЗОТИ. Новая мантия Дамблдора. Всё как всегда. Все возбуждённо болтали, обмениваясь впечатлениями о лете. Северус внимательно слушал рассказы своих одноклассников и в нужный момент кивал или удивлённо хмыкал. Когда же друзья спросили у него, чем он занимался этим летом, Снейп лаконично ответил, что работал над собой. Правда, кота в мешке, а точнее, низзла Сев не смог утаить. Сидя в спальне, ребята с любопытством рассматривали волшебного питомца.

— Чистокровный низзл, даже не гибрид, поразительно!

— Да и окрас чисто белоснежный, без пятен. Редкость. Чёрт возьми, сколько же он стоит? Откуда он у тебя?

— Не он. Она. И могу сказать только, что нам очень повезло, когда мы встретили друг друга, правда, Элис?

Северус потрепал низзла за ухом, и питомец довольно заурчал.

— Со следующей недели УЗМС будет, вы готовы?

Ребята согласно кивнули: все из них взяли в качестве факультатива этот предмет плюс нумерологию либо древние руны. Сам же Снейп взял и то, и другое. Северус просто рвал себе жилы в учебе, ведь оплата для их семьи была практически неподъемной, а лучшие ученики курса могли рассчитывать на значительную скидку. А еще у Северуса была цель: увидеть и изучить другие страны. Но о подобной роскоши, как продолжение учебы за границей, можно было только грезить.

Быть лучшим на курсе было не так просто. И к концу ноября Снейп выглядел как свежеевыкопанный зомби или вампир: бледная кожа, злые красные глаза с огромными синяками и полное незнание событий социальной жизни. Вместо крови в венах давно уже плескалось бодрящее зелье, так что когда друзья его силком вытащили в Хогсмид, Сев хоть на какое-то время отвлёкся от учёбы.

— А вот это Визжащая хижина, — махнул рукой куда-то в сторону Эйвери.

Сев замедлил шаг и заторможенно повернул голову.

— Да это та самая хижина, о которой ходят все страшные слухи, — заметил Мальсибер, — Каждый месяц из неё раздаются ужасные звуки, и поговаривают, что там живёт очень злой призрак.

— И что, — Снейп был спокоен как удав, — ну, бесится там призрак, ну и? Шумит. Почему его не изгонят, раз он так всех пугает?

Слизеринцы пожали плечами. Если их другу было что-то неинтересно, то вряд ли он обратит на это внимание, но стоило только чему-то зацепиться в его мозгу, Сев тут же вцеплялся в это, как волк в молодого ягнёнка, и потрошил предмет интереса до последней песчинки информации.

Однако Снейп был не единственным охотником, что выслеживал любопытные источники знаний...

Урок древних рун проходил в штатном порядке: профессор Бабблинг, женщина сорока лет, хотя сама выглядела на тридцать, рассказав про защитные руны, дала тест на их знание. Северус быстренько зарисовал нужные руны и стал оглядываться по сторонам, страдая от скуки. На факультатив ходило всего человек пятнадцать со всех четырёх факультетов: кроме

Снейпа, сюда ходили Мальсибер, все когтевранцы, какая-то пара с Пуффендюя и Сириус с Джеймсом. Последним если Северус и удивился, то не сильно: род Поттеров славился своими мастерами-артефакторами, а данная профессия требовала серьёзного изучения рун, дабы плести различные цепочки для улучшения качеств предметов. Ну, а Блэк... Они были не разлей вода, так что куда пойдёт Джеймс, туда и Сириус.

Поттер склонился над пергаментом, старательно выводя пером знаки. Блэк вплотную прижался к нему, пытаясь заглянуть в свиток друга, нагло списывая, но ни разу не попавшись — у него было безошибочное чутьё, когда профессор глядела в их сторону. Когтевранцы буквально царапали своим носом столы, аккуратно выводя каждую черточку и завитушку. Северус мельком глянул на свиток своей соседки в синем галстуке и замер. Девушка давно уже записала все руны, что они изучили, но не спешила откладывать перо в сторону. На тонком пергаменте расплзалась чёрными щупальцами гидра, крайние отростки которой тянулись вверх параллельно друг другу. Руна показалась Снейпу смутно знакомой, но он решил проверить.

— Одли, откуда ты взяла руну, в учебнике её вроде нет...

Голубые, будто два сапфира, глаза немного отстранённо взглянули на Северуса. Едва заметная улыбка осветила милое лицо.

— Они подсказали. Ты их не слышал?

— Нет.

— Они тихо говорят, только я их слышу. А остальные не обращают внимания на них.

Северус ещё раз взглянул на руну и медленно прикрыл глаза. Он вспомнил. Тем временем девушка продолжила:

— Их голос очень умиротворяет, он подобен...

— Едва кольнувшей глади озера, — закончил за неё Снейп и мотнул головой.

Аккуратно взяв из рук девочки листок, он прижал большой палец к чернильнице и одним росчерком замазал руну. Одли даже не успела возразить, как Снейп сгрёб их свитки с парты и отнёс к учительскому столу.

— Профессор Бабблинг, мы закончили, можем идти?

Та коротко кивнула, и Сев, схватив не сопротивляющуюся Одли за руку, вышел из кабинета, провожаемый удивлёнными взглядами других студентов.

Когда они оказались в коридоре, той всё же удалось вырвать запястье из цепких пальцев.

— Зачем ты это сделал? — в её голосе не было гнева, но обида чувствовалась.

— Послушай, Одли, нам надо серьёзно поговорить, и ни одна живая душа не должна узнать об этом разговоре.

Та серьёзно кивнула. Они нырнули в ближайший пустой класс и навесили заглушку. Одли смахнула пыль со старой скамьи и плавно села на неё, расправив юбку. Подняв свои небесные глаза на Сева, она проговорила:

— Ты выглядишь встревоженным. Это из-за рун?

— Да. То есть нет... Не совсем. Одли, — он присел перед ней и взял за руки, — ты говорила, что слышишь голоса. Их голоса.

— Считаешь меня сумасшедшей.

Северус покачал головой.

— Не в этом дело. Просто я знаю, кому принадлежат голоса, даже если ты и не хочешь говорить. И то, что ты чертила...

Снейп начал выводить тонким пальцем на пыльной столешнице знак.

— «Великое глубокое море — руна Кэрилла, что трактует нечеловеческие звуки. Эта расшифровка голосов Великих отображает глубокие течения. Эта руна означает «глубокое море» и обеспечивает дополнительное общее сопротивление. Большие объёмы воды служат оплотом, охраняющим сон, и авгуром тайной Истины». Это то, что я знаю.

Северус начал выводить новые знаки, не переставая рассказывать.

— Кэррил был великим мастером. Одним из немногих, кто по-настоящему пытался понять этих существ. Он слышал их и пытался создать алфавит, словарь, не поддаваясь влиянию их речи. Просто те, кто попадал под влияние их голоса, — Снейп скрипнул зубами, — Я видел, как они сходили с ума, говорил с ними и... это невыносимо. Они менялись не только физически, их тип мышления полностью перестраивался. Будто дети: наивные, любопытные к окружающему миру, всё время пытались передать речь Великих, но человеческий речевой аппарат не предназначен для этого! Одна девушка рассказывала мне, что голос Великого, говорившего с ней, был похож на шум дождя, и она всё время повторяла: «Кап-кап, кап-кап». Однажды в грозу она вышла на крышу лечебницы, потому что, — у Северуса в горле стоял ком, и приходилось делать усилие над собой, чтобы продолжить. — Потому что Великий перестал с ней говорить, а она больше не могла оставаться в тишине...

В голове его возникла картина воспоминаний: ее труп в саду, как раз у подножия Астрономической башни, лицо скрыли подсолнухи, что звенят на осеннем ветру...

Опять, опять навязчивые воспоминания.

Молодой охотник стоит напротив девушки, что прикована к креслу, опутана ремнями и трубками с ног до головы. Её кожа такая бледная, почти прозрачная, и сквозь неё ясно просвечиваются ручейки и каналы вен, будто какое-то голубое кружево. Голову её покрывает грубое рубище, но это лучше, чем если бы её оголённый мозг соприкасался с окружающей средой и вводил в безумие всех вокруг. Тонкий лёд запястий. Она крепко сжимает подлокотники, когда через иглы ей в кровь попадает такая нужная её организму жидкость.

«Пожалуйста, пожалуйста, мне нужна мозговая жидкость. Навязчивый звук быстро утихает. Пожалуйста, принесите мне мозговую жидкость. Мне нужна она... Этот звук — лишь он меня направляет. Без него я вернусь обратно... В старое, беспомощное время...»

Маленькая рука легла на плечо Северуса и крепко сжала. Снейп сплел свои пальцы с ладонью Одли и заглянул ей прямо в глаза той, что помогла вынырнуть ему из кошмара.

— Одли, пообещай мне, что их голоса не заменят для тебя весь мир.

Та робко кивнула. Они ненадолго замолчали. Одли слегка дернулась и с трудом высвободила свою руку. Только сейчас Сев понял, что чуть не сломал ей пальцы, но она не стала акцентировать на этом внимание.

— Что ты можешь рассказать про Великих?

Снейп задумался.

— Никто не знает, кто они. Они не добрые, но и не злые. Великие... просто находятся на ином уровне развития. Их жизнь непонятна нам, простым смертным. Но... они притягивают к себе внимание. И из-за этого страдают все.

Северус вздохнул: он уже и забыл, что является пришельцем из иного мира, и не надеялся встретить здесь отголоски прошлого. Но, видимо, для Великих не существовало пространственно-временных границ. Для тех, кто практически бессмертен и не материален, сами такие понятия, как «место» и «время», теряли смысл. Хотя, может, мир его предков

уже был на грани гибели, и Великие, почувствовав это, решили уйти в другие измерения?

Но сейчас самым важным было не это. Ключевым сейчас было направить эту юную когтевранку и её дар Слышащей в нужное русло. Северус взял с неё обещание, что Одли будет записывать любой звук, что она услышит от Великого, и будет фиксировать всё необычное даже для магического мира, если она это заметит. Взамен он пообещал рассказать ей про Великих и про руны Кэррилла всё, что он знает, и даже больше.

К своему удивлению, Сев также узнал, что та может видеть фестралов. Когда Сев впервые увидел этих немного жутких крылатых существ, он поразился, почему остальные дети не пугаются их. Но кроме него, никто их будто не замечал. Северус перерыл всю библиотеку, дабы понять, почему, но потом всё встало на свои места. Сам Снейп своей способности видеть фестралов не удивился: за свою жизнь он видел столько смертей, что перестал считать. Когда же он спросил о причинах у Одли, та спокойно ответила:

— Мой отец владеет фермой, где разводит гиппогрифов. Эти звери очень красивые, но опасные. Хоть у них и лошадиное тело, но голова орлиная и такой же птичий гордый нрав. Чтобы приблизиться к нему, нужно следовать особой приветственной церемонии. И так каждый раз. Эти создания явно уверены, что уважения много не бывает. Однажды конюх, что ухаживал за ними, забыл о приветствии, и гиппогриф пробил ему клювом череп. Было так много крови. Живые существа такие хрупкие...

Одли очень тонко чувствовала окружающий мир, но редко находила понимание среди людей. Студенты называли её странной, будто не от мира сего, но не трогали, ведь она при всём своём миролюбию могла спокойно послать в задирю неприятный сглаз собственного изобретения, так что потом хулигану долго приходилось просить прощения.

Северус стал больше времени проводить с Пандорой, что, конечно, не могло не вызвать разные толки. Товарищи с факультета не переставали подкалывать его.

— У тебя улучшился вкус, Сев. Всё же чистокровная блондинка лучше рыжей грязнокровки.

— За языком следи, а то заболеешь.

— Чем это?

— Переломом челюсти.

Парни посмеялись, но ругаться при Северусе перестали. Если в начале слизеринцы и пытались командовать или манипулировать Снейпом, то быстро поняли, что занятие это бесполезное. Сев был морально устойчивее, так что на него где сядешь, там и слезешь. Но несмотря на свой взрослый характер, он оставался человеком со своими проблемами и страхами...

— Так-с, студенты, учебники с парт долой, сегодня будет практика.

Новый профессор ЗОТИ, мистер Крауз, отогнал студентов от парт и движением палочки расчистил окружающее пространство. Осмотрев хмурым взглядом поток студентов, он тихо спросил.

— Кто-нибудь знает, что такое боггарт?

Оглядев пару-тройку слегка дрожащих рук, он кивнул одной из студенток.

— Ну, боггарт — это д-дух, злобный, что любит темноту. И никто не знает, как он выглядит, так как он воплощает человеческие страхи. Его ещё называют бугименом. Его нельзя убить, но можно развеять, эм-м, заклинанием.

— Вы запомнили заклинание, мисс Фишер?

— Ридикулоус?

— Ридикулус, но вы практически попали. Три балла Гриффиндору. Итак, в целом мисс Фишер дала верную характеристику: боггарт — это разновидность привидений. Никто не знает, как он выглядит на самом деле, потому что боггарт меняет свою форму в зависимости от того, чего или кого боится стоящий перед ним человек. Боггарт отличается от прочих привидений тем, что умеет превращаться в существо, объект или предмет, которого человек боится больше всего. Сейчас за моей спиной вы видите шкаф, где засела эта пакость. Пока боггарт находится внутри, он ещё ничего из себя не представляет, поскольку не знает, кого и чем будет пугать. У людей есть преимущество: когда их много, поскольку боггарт не знает, чей страх выбрать, поэтому занятие будет проводиться публично. Дабы не было вопросов: да, другие люди увидят ваш страх тоже. Нет, если ваш страх заключается в том, что вашу тайну или секрет узнают, боггарт его не раскроет. Дух лишь создаёт видимость угрозы, а не саму угрозу. Если у вас страх абстрактный, например, война, или мор, или апокалипсис, он не будет устраивать всё это. Это всего лишь слабый дух, а не оружие массового поражения или театр на колёсах. Он покажет мелкую деталь из этого, что запустит у вас ассоциативную цепочку. Поэтому не каждый страх будет понятен со стороны. Самое лучшее оружие против боггарта — это смех. Существует и специальное заклинание против боггарта. Надо представить какую-то деталь, которая сделает страшилище посмешищем, и твёрдо, внятно произнести: Ридикулус. По латыни это слово обозначает смешной. Почему? Объясню. Человек должен научиться смотреть страху в лицо, даже смеяться страху в лицо! Однако для подобной самоиронии необходимо определенное мужество. Молодой человек, я всё слышу и сразу говорю вам «нет». Боггарт не будет постоянно меняться. А теперь для тех, кто не слышал, о чём спросил ваш сокурсник. Да, вы верно подметили: у человека в среднем имеется шесть-семь страхов. Многие из них типичны, например, страх темноты или боязнь смерти, но у каждого он проявляется в разной форме. Боггарт не может причинить боль, хотя страх и боль похожи, их основная цель — это сохранение жизни. Боггарт не будет выбирать между вашими страхами, если он будет меняться, вы поймёте, что ничего жуткого на самом деле нет, это просто фантом. Дух выберет самый сильный, пугающий образ, который он может воплотить, и нападёт. Но он лишь защищается, охраняет свой дом. Если вы в панике убежите, он не понесётся за вами с гиканьем и улюлюканьем, он просто заползёт обратно в темноту. Итак, вопросы? Вопросов нет. Приступим. Мистер Поттер, вы первый.

Джеймс вышел вперёд, взял палочку наизготовку. Профессор Крауз, видя, что студент готов, быстро распахнул шкаф и резко отошёл в сторону. Из темноты шагнул мужчина и с укором взглянул на Джеймса. Прямая спина, дорогая мантия с гербом, острый взгляд — всё это указывало на высокий статус волшебника.

— Джеймс, ты меня разочаровал. Ты не достоин носить мантию. Позор!

Поттер быстро взмахнул палочкой, и изо рта мужчины вместо звуков стали вылетать мыльные пузыри. Маг же всё с тем же строгим видом продолжал отчитывать парня, даже не замечая, что его слова буквально не долетают до недоросля. Картина была настолько смешной и комичной, что многие ребята не удержались от смеха. Мужчина ступешевался и стремительно скрылся в шкафу.

— Отлично, мистер Поттер, вы справились. Итак, выстраивайтесь в очередь, и поехали.

Боггарт стал менять воплощения, как актёр эмоции, стремительно и быстро, но Северусу всё равно было любопытно наблюдать за страхами своих однокурсников. Клоуны, змеи, вурдалаки, родители — всех не перечислить. Были и нестандартные страхи: например,

у Розье это была горящая дверь, из-за которой раздавались душераздирающие крики. Он нервно сглотнул и превратил свой кошмар в деревянную лошадку, что весело раскачивалась и забавно ржала.

Боггарт девушки с Гриффиндора, той, которая как раз и рассказывала про этого духа, превратился в солдата с винтовкой. Направив ружьё прямо на девушку, он спустил курок, но Ридикулус сделал своё дело. Из дула вылетел флажок ярко-оранжевого цвета, и зазвучали фанфары. Разгневанный солдат ещё раз нажал на курок, но оттуда стали вылетать цветы, конфеты, конфетти — всё, что угодно, кроме снаряда. Дети задорно засмеялись, лишь некоторые расстроились, что вся эта прелесть растворится вместе с призраком.

Боггарт Люпина превратился в его друзей — Мародёров, что лежали окровавленные на земле, едва живой Джеймс приподнялся на локтях и, выплевывая кровь, гневно посмотрел на сжавшегося под его взглядом Ремуса.

— Чудовище, — коротко выплюнул лже-Поттер и стал заваливаться на землю.

Настоящий Джеймс положил руку на плечо Ремуса и ободряюще сжал. Люпин коротко кивнул. Взмах палочкой, и по полу запрыгали карликовые пушистики, весело попискивая.

Лишь немногие оттягивали встречу со своим боггартом, встав в самый конец очереди. Среди них был и Сев. Если некоторые делали ставки на то, чем окажется их боггарт, и часто выигрывали, то у Снейпа вообще не было предположений, что перед ним окажется: поющий мозг, ужасный рыбожор, отряд палачей, Узурпатор, в конце концов.

«Охотник должен знать свои страхи! Познаешь страх — познаешь себя! Ты не должен бежать от кошмара, ты должен убить его!» — так говорил его отец, когда ещё находился в рассудке.

Сев вздохнул: настала его очередь.

Снейп мягко подошёл к боггарту, что тут же принял другой образ, стоило приблизиться на определённое расстояние.

Перед ним на стуле сидел человек. Черный кожаный плащ с патронташем промок от крови. Она стекала тонкими ручейками по ткани, по рукам, капала с полей шляпы и собиралась в грязную лужу под ногами. Мужчина медленно поднял голову, открывая лицо, и сердце Северуса пропустило удар.

Перед ним сидел он сам, каким он был в прошлом. Молодой охотник, залитый кровью чудовищ, с красными белками глаз, с какой-то обреченностью взглянул на Снейпа.

— Это никогда не кончится. Они снова умирают. А мы никого не можем спасти. Я устал, — он поднял пистолет, что до этого держал в опущенной руке, и приставил к подбородку. — Я хочу уснуть...

В затихшем классе выстрел прозвучал оглушительно громко. Рука с пистолетом упала безжизненной плетью. Тело начало медленно заваливаться набок, но не коснувшись пола, рассыпалось в прах.

Из класса выходили в странном молчании. Северус шел, погружившись в свои мысли. Он был единственным за урок, кто не заработал баллов, не сумев развеять боггарта, но никто не собирался смеяться над ним, даже Мародеры.

В гостиной тему обсуждать не стали, что Снейпа вполне устраивало. Лишь староста факультета подошла к нему, когда никто на них не обращал внимания, и тихо произнесла, что в случае проблем, он может обратиться к ней за советом, на что Северус благодарно кивнул. Однако он прекрасно понимал, что если у него возникнут трудности, он ни за что не будет впутывать посторонних людей.

Взмах палочки. Уворот. Взмах. Снова уворот. Контратака. Взмах. Ещё взмах. Противник завалился на спину. Кончик палочки смотрит прямо между глаз.

Наблюдатель хлопнул в ладоши. Северус ловко спрятал палочку в чехол и рывком поставил бывшего оппонента на ноги.

— Итак, в этой дуэли победил Снейп. Фиар, больше ловкости, не отвлекайся во время боя. Не пытайся продумывать всё наперёд, рука и язык должны действовать автоматически. Снейп, слишком много движений, ты совсем не пользуешься щитами. Следующая пара.

Северус мысленно рыкнул: медленно, слишком медленно. Окажись он снова в мире кошмара, он бы умер, столкнувшись с первым противником. Всё же восприятие охотника существенно отличалось: по сравнению с обычными людьми маги обладали более быстрой реакцией, но от пули увернуться не сумели бы. Охотники, напротив, могли видеть не только полёт пули, но и были достаточно проворны, чтобы уйти с ее траектории.

Снейп незаметно пробрался к двери и покинул зал. На сегодня тренировку можно считать оконченной.

Несмотря на изначальную радужность и даже некую пользу клуба, Северус понимал, что взял от него всё, что мог: профессиональным дуэлингом он не собирался заниматься, а реальный бой имел иные правила. Противник не будет тебе вежливо кланяться и отсчитывать начало.

Снейп мечтал пострелять из пистолета как в старые былые времена, но колыт, что он привёз с собой, так и лежал разобранный на дне чемодана. Был вариант отправиться в Запретный лес, но наличие кентавров и Хагрида сильно усложняло ситуацию, да и запрет посещения леса никто не отменял. Игра не стоила свеч.

Оставался только вариант найти помещение в Хогвартсе и, защитив его комплексом чар, превратить в некую базу, куда никто нос не посмеет сунуть.

Северус прочёсывал этаж за этажом, но тщетно. Часть классов была занята различными кружками, другая оккупирована старшими студентами для их делишек, некоторые были слишком близко расположены к основным кабинетам и аудиториям, а иные находились на самом видном месте.

Он обречённо брёл по восьмому этажу, где кроме кабинета Флитвика и нормальных помещений-то не было. Северус заглянул в каждую нишу, за каждую портьеру, надеясь найти какой-то закуток, и мысленно ругался. Белый низзл уверенно семенил за ним, обнюхивая каждый угол и качая головой, будто говоря: «Прости, друг, но здесь пусто!»

«Хоть бы одно нормальное место для тренировки! Огромный, черт возьми, древний замок, и ни одной скрытой комнаты!»

Северус дошёл до конца коридора и пошёл обратно.

«Ну, пожалуйста, разве я многого прошу: одну аудиторию, куда никто не зайдёт, одну забытую аудиторию!»

Снейп резко развернулся и пошел обратно. Жмыр коротко мяукнул.

— Знаю, Элис, знаю. Ладно, с этим этажом мы закончили, сейчас покормлю.

Северус повернул корпус в сторону питомца и замер. Низзл сидела посреди коридора и, нервно дёргая хвостом, пристально смотрела на взявшуюся из ниоткуда дверь. Сев тряхнул головой, но морок не пропал, хотя он мог поклясться, что раньше здесь ничего не было.

Сев осторожно открыл дверь. Длинный зал с высокими потолками был залит светом. Вдоль стен были расположены тренировочные манекены, а в центре находился помост для дуэли. Всё находилось в идеальном состоянии, нигде не было ни пылинки. Сев напрягся: слишком подозрительно, будто это место только и ждало его.

Снейп всё так же стоял на пороге комнаты, боясь переступить невидимую черту. Жмыр нетерпеливо мяукнул и, просочившись между ног мага, вбежал в зал.

— Элис, куда! — чертыхнулся Сев.

Оглядев коридор и убедившись, что за ним никто не наблюдает, он нырнул в комнату.

Дверь тихо прикрылась за его спиной, отчего Снейп напрягся, но ничего не произошло. Однако бдительность терять было рано. Каждый шаг был наполнен осторожностью, ведь даже самое безобидное на первый взгляд место могло оказаться не тем, чем кажется. Ему уже хватило сюрпризов в прошлой жизни, когда, изучая Исследовательский Институт Бюргенверта, он наступил на нажимную плиту и чуть не был облит кислотой из ближайшего шкафа.

Элис, наоборот, чувствовала себя в этом месте совершенно спокойно. Северус проходил по комнате час, исследуя её вдоль и поперёк, держа палочку наготове и иногда проверяя те или иные объекты. Но комната не представляет из себя ничего опасного. Снейп хмыкнул: теперь здесь можно спокойно тренироваться.

Северус покинул комнату, запомнив для себя некие ориентиры, поэтому когда он вернулся на следующий день, не сильно удивился отсутствию двери. Пара часов исследования, и механизм входа в комнату был выявлен. Неожиданным сюрпризом стало то, что комната могла изменяться, так что на её изучение Северусу пришлось потратить много дней. Результаты обрадовали: пространство в комнате могло воссоздать любое помещение по желанию, но не имело возможности производить живые объекты, пищу и ингредиенты, что не мешало ей так или иначе находить нужное.

Так, однажды комната открыла ему проход в таверну «Кабанья голова» в Хогсмиде и тайный ход в глубины Запретного леса, куда даже нога Хагрида не ступала, так что Сев мог на свой страх и риск сам добывать ингредиенты растительного и животного происхождения. Но лучшим открытием стало то, что комната могла продублировать библиотеку Хогвартса вместе с Запретной секцией в полном объёме.

Жизнь заиграла для Северуса новыми красками. Выручай-комната — что ещё нужно магу-самоучке? Снейп, конечно, продолжал ходить на пары, но перестал рвать жилы перед преподавателями, заставляя последних немного расслабиться. Теперь любопытный третьекурсник не засыпал их вопросами до, во время и после лекций, но свою оценку «Превосходно» оправдывал целиком.

Общение со студентами тоже сошло до минимума. Сев только чуть-чуть болтал перед сном с соседями по комнате да перекидывался парой слов с Эванс и Одли между переменами. Но, несмотря на всё это, конфликты с Мародёрами были неизбежны.

Урок зельеварения шёл как обычно. Профессор Слагхорн выписал на доске рецепт Проявляющего зелья, и студенты приступили к работе. Северус взглянул на ингредиенты, отодвигая в сторону ненужные, затем немного подумав, убрал и пару основных, представленных в списке. Их можно было заменить на более подходящие, правда, придётся рассчитать пропорцию. Снейп открыл свою толстенную тетрадь с записями, стал записывать предполагаемую реакцию. В итоге зелье получилось ярко-желтого, будто сердцевина яйца, цвета, прямо как было описано в учебнике, правда, без запаха, но он счёл

это хорошим признаком.

Но не у всех студентов дела шли так гладко. Кто-то откровенно зевал и мало следил за зельем. А пренебрежение на уроках зельеварения всегда плохо кончалось.

Котел Поттера начал активно бурлить, и его варево налилось красным цветом. Слагхорн стал быстро кастовать щит, но с разницей в секунду забурлил и котёл Петтигрю.

Северус мгновенно сориентировался: профессор уже сконцентрировал внимание на столе Поттера-Блэка и не успел бы накрыть щитом сразу два котла. Реакция кипения была слишком знакома Снейпу, тот в мгновение ока подлетел к столу Питера и ловким движением опрокинул в котел ложку соли. Зелье пару раз булькнуло и опало, медленно превращаясь в оранжевое варево. Северус, убедившись, что в дальнейшем реакция будет протекать спокойно, быстро поднял глаза на Питера и, молча развернувшись, направился к своему столу. Профессор Слагхорн, который уже успел отлевитировать оплавившийся котёл Джеймса в безопасную зону, устремился к столу Петтигрю.

— Мистер Снейп, что вы...

— Нейтрализовал кислоту с помощью соли. На свойства зелья не влияет. Неорганическая химия. Подтвердил Леруа Корнер, Испания, тысяча семьсот двадцать третий год, — предугадывая вопросы преподавателя, отвечал Северус.

Профессор коротко кивнул и взглянул в котел Питера.

— Вам повезло, мистер Петтигрю, вам не придётся переделывать свое зелье. Сдаём работы, — профессор быстро собрал у ребят колбы с зельями, даже забыв снять с накосячивших студентов баллы.

Северус, что уже давно собрал все вещи в сумку, одним из первых вылетел в коридор, но уже за третьим поворотом за спиной послышались стремительные шаги.

— Эй, слизняк, — Снейп резко развернулся, смотря на бежавшую за ним троицу.

Сегодня Мародёры были не в полном составе. Приблизившись к Северусу, Поттер попытался толкнуть его, но Снейп ловко ушел с траектории.

— Самый умный, да? Тебя никто лезть не просил!

— Беду легче предотвратить, чем бороться с её последствиями. Было бы не очень хорошо, если бы Петтигрю попал в медпункт с ожогами лица третьей степени и шансом лишиться зрения. Я сделал то, что посчитал нужным.

Все это Сев произнёс уставшим тоном, без тени злобы или ехидства. Конечно, он не рассчитывал на слова благодарности — Мародёры не были знакомы с такими понятиями, как воспитание, честь и даже банальная вежливость.

Он развернулся и стремительным шагом направился на Трансфигурацию. Ребята двинулись следом, но предпочли держаться на расстоянии. До кабинета никто так и не проронил ни слова.

На Мародёров Снейпу, в сущности, было плевать, а вот отношения с профессором Слагхорном напрягали. Северус, которому от матери передалась интуиция зельевара, старался развивать свои способности по мере сил, хотел спросить пару советов у своего декана, но профессор на контакт идти отказался. А когда Северус попросил у него разрешение на посещение Запретной секции, и вовсе накричал на него, возмущаясь, что нечего туда лезть. Снейпу было вдвойне обидно, ведь он знал, что некоторые его сокурсники получили данное разрешение, но сумел не выдать эмоций. Коротко кивнув декану, Северус покинул его и больше не беспокоил, тем более, после уже была найдена Выручай-комната, и нужда во всяких там разрешениях отпала.

Близилось Рождество, и Северуса накрывали противоречивые чувства: с одной стороны, ему хотелось вернуться домой, увидеть мать, обнять её, с другой — хотелось изучить Выручай-комнату, что так и манила своими тайнами. Однако на каникулах можно было подзаработать немного сиклей, помогая аптекарю — в такое время как всегда не хватало зелий от переедания, отрезвляющих и, как ни странно, восстанавливающих: многие волшебники любили проводить различные ритуалы, что требовало огромных жизненных и магических ресурсов.

У него были ещё и свои причины не соваться к директору, ведь Альбус Дамблдор считался самым светлым волшебником современности, а обряд, который собирался проводить Снейп, светлым отнюдь не был.

* * *

Несомненно, из всех празднеств Йоль — самый главный, самый священный и самый могущественный зимний праздник. В эти ночи все миры сходились в Мидгарде: боги и богини нисходили на землю, тролли и эльфы беседовали с людьми, мертвые выходили из Нижних Миров.

В Убежище Йоль ждали с нетерпением и внутренним содроганием. Самое прекрасное и самое жуткое время года.

Единственное время, когда приоткрывался путь в Лондор и можно было узнать новости о родине, вытащить немногих выживших, пока взор Узурпатора направлен на другие миры.

Страшное время, когда сюда попадали новые люди, кто часто общался с Миром Иным, на время покидая свои тела и присоединяясь к всадникам Дикой Охоты, или же они становились вервольфами и прочими духами. А те, кому не повезло застрять здесь, жалели, что решили приоткрыть дверь в иной мир.

Важное время, когда все молодые охотники проходили Инициацию...

Медленно падал снег. Лунный свет освещал двор замка, и казалось, что вся площадь усыпана серебром. Группа молодых людей замерли в коленопреклоненной позе перед королевой, что даже в такую холодную пору находилась на улице в одном тонком платье.

— Йоль... «время поворота», «время жертвоприношений», «темное время», — медленно произнесла Аннализа, — в старые времена, когда Повелители ещё сидели на своих тронах, это был день великого пира и праздника, в которые все члены клана собирались вместе, дабы вновь встретить Солнце, восставшее из мрака, и обозреть возрожденный мир. Горнило первого огня вновь пробуждалось, давая нам пламя новой эпохи. Но Повелители покинули нас, а Избранный разрушил наши надежды. Теперь же мы можем рассчитывать только на самих себя.

Королева ледяным взором окинула молодых охотников. Сегодняшняя Охота для многих не была первой, но именно те, кто переживут эту ночь, смогут принять её кровь, став настоящими Кейнхерстами. Аннализа остановила взгляд голубых глаз на крайнем человеке. Белый снег крупными хлопьями падал на непокрытую голову, застревая в густых волосах цвета вороново крыла. Единственный сын и наследник семьи Найттанд, что уже три поколения верой и правдой служила ей. Потомок серебряных рыцарей обладал огромным потенциалом, но пройдет ли он Инициацию...

Северус начал готовиться к Йолю чуть ли не за два месяца. Нужно было найти в Выручай-комнате книги с нужными ритуалами, сделать расчеты, подготовить жертву.

Нужные рукописи сплошь состояли из скандинавских рун, и Снейп был просто счастлив тому, что не забросил их изучение.

Йоль длился тринадцать ночей, которые называли «Ночи духов». Эти ночи от первого заката солнца и до последнего рассвета — брешь между двумя годами, сакральный период, в течение которого нет ни привычного времени, ни привычных границ, когда вершится жребий богов и вращается веретено богини Судьбы.

Она нависла прямо над ним. Не поднимая головы, молодой охотник протянул руку.

Холодное лезвие ножа резко скользнуло по его ладони. Сначала казалось, что ничего не произошло, но спустя пару секунд кожу обожгло пламя, и горячая кровь вырвалась наружу. Тонкой струей она скатывалась по изгибу ладони и крупными каплями падала на девственно белый снег. Он мгновенно, словно вампир, всасывал полученную влагу, не оставляя даже намека на розовый след.

— *Мы рождаемся из крови, воспитываемся кровью, умираем с кровью. Прояви уважение к крови! Да начнётся Дикая Охота!*

— *Да начнётся Дикая Охота!*

Йоль — самая длинная ночь в году, во время которой настоящими властителями в этом мире становятся духи. В эту ночь зажигали «костер Йоля» и охраняли дом от злых бесов. В эту же ночь давались самые искренние клятвы и обещания. Верили также, что не следует быть одному в эту ночь — ведь тогда человек остается наедине с мертвыми и духами Иного Мира. Это время, когда пора освободиться от всех забот и тревог для встречи нового жизненного цикла. Это темное, женское время.

Северус уважал магические традиции. В условленный день дом был прибран, а кухня наполнилась ароматом индейки и пунша. Рождественская ель, зеленая пушистая красавица, что Тобиас притащил в дом, блистала мишурой и стеклянными шарами.

— Брысь, блохастая, только попробуй опрокинуть! — Снейп-старший заворчал на низзла, но без особой злобы. — Мелкий, бегом на кухню, помоги матери.

Сев коротко угукнул, отряхнул снег с куртки и, оставив пакеты под елкой, пошел помогать Эйлин.

— Северус, ту хрень, что ты просил, я достал. Учти, это и за сегодня, и за день рождения. Только... на кой черт тебе циркулярная пила?

— Циркулярная пила! — Эйлин взмахнула руками. — Это же опасно.

— Она все равно в Хогвартсе работать не будет. Мне её разобрать надо, — отмахнулся Северус. Ну не будет же он говорить, что давно мечтал воссоздать пилу-вертушку, а ближайший аналог оружия Охотника — маггловский строительный инструмент.

Он мысленно улыбнулся: шла уже третья ночь Йоля, и обряды, проводимые под старым дубом, стали приносить свои плоды.

Вечер в семейном кругу прошел довольно мирно. Родители искренне обрадовались подаркам: Эйлин любовалась красивым вязаным платьем из шерсти карликового пушистика, а Тобиас, заглянув в сверток, критично хмыкнул, но кожаной курткой остался доволен.

Они сидели на кухне допоздна, мирно болтая и попивая грог. Разошлись довольно поздно. Когда в доме стало тихо, Северус взмахнул палочкой и, убедившись, что родители спят, выскользнул из дома — прерывать цепочку обрядов было нельзя.

Обряды на 20–23 декабря, так называемые «Дни Змеи», когда Солнце проходило тринадцатое зодиакальное созвездие Змееносца, прошли довольно успешно. Но близилась Новогодняя ночь, а с ней и полнолуние. Снейп проверял и перепроверял расчеты, и хотя все

было верно, волнение не уменьшалось: редко когда «Двенадцатая Ночь» Йоля совпадала с пришествием Луны.

Следующий день считался «днем судьбы» — все, что сказано и сделано до захода солнца, определяло все события наступившего года. Считалось, что нет более верных знамений, чем те, что были явлены во время «Двенадцатой Ночи». А самые сильные слова — те, что сказаны в эту ночь.

* * *

Воздух в тронном зале был недвижим. Запах раскаленного воска, что крупными каплями скатывался со свечей, прожигая ворс ковра, смешался с пылью. Королева неподвижно сидела на троне, уставившись в одну точку. Спина её сгорбилась, голова была склонена, и казалось, что если бы она не оперлась на подлокотник трона, то рухнула бы с него без сил.

Она потеряла все. Власть. Подданных. Замок. Даже её Сила была запечатана Железной маской, а она сама являлась пленницей в собственном доме. Королева перевела взгляд с одного багрового пятна на другое: кровь на полу — единственное напоминание о случившейся здесь трагедии.

Аннализа осталась одна. От этой мысли хотелось смеяться: бессмертная, она всегда понимала, что будет одинокой; все, кого она любила, рано или поздно погибали, но им на смену приходили новые поколения. Несмотря на её дар некроманта, она была постоянно окружена хоть и не всегда живыми, но разумными собеседниками, с которыми она могла поделиться своей мудростью и силой, получая взамен то же самое. Но сейчас, в пустом зале, одиночество, пропахшее смертью, ледяными когтями впилось ей в спину, и Королева впервые в жизни захотела приблизиться к огню, дабы хоть на миг изгнать холод из тела.

Но пламя свечи не могло согреть хладное тело Аннализы, а клана, что мог дать ей частички пламени души, Королева лишилась.

За окном ревел буран. Каждый миг, что она была заточена здесь, за окном шел снег. Время будто застыло. Аннализа не знала, сколько уже прошло со дня трагедии: неделя, год, столетие...

Пламя свечи на миг вздрогнуло, но Королева успела заметить движение. Она пристально уставилась на свечу, крепко вцепившись в подлокотники трона. Что-то изменилось... Что-то существенно изменилось...

Аннализа прерывисто втянула воздух. Алые губы растянулись в радостном оскале.

— Неужели «время поворота»? Что ж, посмотрим, сможет ли новая темная душа прийти сюда.

Так много неизвестного.

Эйлин сидела на краю постели, крепко держа руку сына. Аврор за спиной тихо переговаривался о чем-то с целителем, но она не обращала на них никакого внимания. При взгляде на болезненно бледное лицо Северуса, на синие губы, сжавшиеся в тонкую линию, на глубокую складку, что залегла между черных бровей, её сердце болезненно замирало. В голове как заевшая пластинка крутилась мысль: что же она упустила?

Все было как обычно. Эйлин поднялась в десять, спустилась вниз, чтобы поставить чайник. Мельком глянула в коридор и недовольно вздохнула: ботинок Северуса не было.

Ее сын иногда не ночевал дома, обычно это происходило не чаще раза в месяц. Конечно, он пытался делать это незаметно, но разве от матери можно что-то утаить.

Когда сын написал ей, что приедет на рождественские каникулы, Эйлин несказанно обрадовалась: впервые за три года Северус решил покинуть Хогвартс и провести праздник с семьей. Однако каждую ночь он хоть ненадолго, но все равно уходил из дома. Даже тогда Эйлин не придавала этому особого значения: ночные гулянки и колядование по соседям — обычное явление праздничной поры.

К обеду она уже начала беспокоиться: сын все не появлялся, и Эйлин пришла в голову мысль, что он отсыпается в своей комнате после ночной прогулки, а вещи скинул прямо там. Она поднялась наверх, и услышала, как кто-то сильно царапает дверь. Женщина еще не успела отпустить ручку, как в образовавшуюся щель проскользнул низзл и с громким мявом бросилась вниз по лестнице. Эйлин быстро оглядела комнату — никого! Сердце сжалось от нехорошего предчувствия.

— Элис, — миссис Снейп устремилась на первый этаж, — где Северус?

Низзл сидела у входной двери и истошно выла.

— Сейчас-сейчас, — Эйлин, в спешке накинув на себя пальто, натягивала сапоги, — милая, сейчас выйдем.

Бывшая Принц отлично помнила про свойства волшебных питомцев. Низзлы обладали поразительным чутьем и всегда знали, где находится их хозяин. Они помогали заблудившемуся вернуться домой, а их верности могли позавидовать даже собаки.

Эйлин бежала за Элис, едва поспевая за быстроногим животным. Вот и пустырь со старым дубом, куда убегал Сев. Достигнув древа, она остановилась как вкопанная. Кострище. Круг, вписанный в квадрат. В центре чаша со свечой. Её огонь едва горел. Элис, не мигая, смотрела на неё, её уши подрагивали от напряжения. Эйлин поднесла руку к пламени — горячий лепесток колыхнулся и исчез. Она упала на колени.

— Северус, где ты?

Воздух в легких заледенел, и Эйлин испугалась собственного шепота. Хлопья снега взлетели в воздух, засыпая пепелище, будто его и не было.

— Северус!

Одинокий крик потонул в заревевшем зимнем ветре.

Она не помнила, как добралась до дома. Стоило ей только переступить порог, ноги подкосились, и она сползла по стене коридора. Из подвала вышел Тобиас, задал какой-то вопрос, но Эйлин лишь мотнула головой: слезы душили ее. Муж начал спрашивать ее, но голос его будто звучал сквозь вату. Тобиас зарычал и хорошенько встряхнул Эйлин.

— Возьми себя в руки! Раз мелкий пропал, надо звонить в полицию!

— Не поможет, — её голос был сер.

Снейп тяжело вздохнул и полуутвердительно спросил.

— Ведьмовство? Тогда пусть с этим ваши разбираются, эм-м, авроры. Поиски организуют.

— Поиск, точно, — Эйлин резко вскочила и побежала в свою комнату.

Вынув из тайника свою палочку, она стремглав бросилась в комнату сына. Первой под руку ей попала школьная мантия. Руки Эйлин дрожали, поэтому нужное заклинание получилось не с первого раза. Ткань одежды натянулась, вытягиваясь стрелой на юг. Эйлин улыбнулась: сын был жив, и он находился на острове.

* * *

Так много неизвестного.

Янус Грейв был одним из немногих «счастливчиков», кому повезло остаться на дежурстве в новогоднюю ночь. Министерство будто вымерло: лишь одинокие трудоголики да дежурные авроры находились здесь.

Грейву было невыносимо скучно. Был, конечно, вариант завалиться в Отдел тайн, к Мидасу, а то тот в своем кабинете совсем мхом покроется. Негоже все рождественские праздники проводить в одиночестве — невыразимцы тоже люди.

Подземные уровни Министерства угнетали. Уже Первая комната Отдела тайн создавала гнетущее впечатление, что он находится в Царстве тьмы: просторное круглое помещение, обсидиановые пол и потолок; на их фоне едва видны такие же черные двери. Между ними горели призрачным синим пламенем свечи, будто болотные огни. Их холодный мерцающий свет, отражаясь на гладком мраморном полу, делал его похожим на темную воду под ногами.

Янус медленно шел по часовой стрелке, отсчитывая двери. Вторая, третья, вот и нужная — Комната Ума.

Аврор слегка приоткрыл дверь, но в проеме тут же возникла высокая фигура.

— Я не терплю, когда меня отвлекают от работы, — серые глаза впились в аврора, будто иглы.

— Ты пылью еще не покрылся, Мидас? — Грейв попытался заглянуть за спину невыразимца, но успел разглядеть лишь плавающий мозг в аквариуме, когда тот вновь ловко закрыл обзор, — Пойдем ко мне в кабинет, отметим вместе, у меня на такой случай и бутылка припасена.

— Я работаю, — ученый попытался закрыть дверь, но не тут-то было.

— Иди сюда, никуда твои мозгожоры не уплывут.

Вытащить Мидаса из лаборатории — то же самое, что попытаться вытащить улитку из раковины, но Янусу это удалось. Невыразимец тихо заворчал, но все же последовал за товарищем.

Грейв уже направился к выходу, когда ученый остановил его.

— Ну что еще, рыбкам корм забыл оставить?

Мидас указал на одну из дверей.

— Ты слышал?

— Мидас, — прорычал Янус сквозь зубы, — не хочешь пить, так и скажи!

Но невыразимец уже скользящим шагом направился к двери, на ходу вытаскивая палочку. На секунду замерев, он к чему-то прислушался и стал медленно открывать дверь. Грейв мысленно выругался: чутье у Мидаса было отменное, так что он уже был готов

прикрыть их обоих в случае чего щитом.

Комната смерти дышала древностью. Каменная Арка, занавешенная белой туманной пеленой, была немного сколота наверху, и казалось, что древняя конструкция вот-вот рухнет, но Янус прекрасно знал, что это обман. Арка Смерти стояла здесь ещё до Министерства и будет стоять тогда, когда Лондон превратится в пыль.

От постамента амфитеатром расходились скамьи. Грейв никогда не понимал, зачем их здесь поставили. Смерть — это не представление, да и казни, проводимые здесь, проходили довольно тихо, без каких-либо эффектов. Те, кого приговорили к падению в Арку, никогда не проявляли эмоций, не бились в истерике, будто проявляя уважение к Вечной Невесте.

Мидас плавно начал обходить комнату, держа палочку наготове. Янус двинулся в противоположном направлении.

Невыразимец на миг замер, а затем быстрым шагом направился к чему-то, что лежало за Аркой.

Глаза Грейва, уже привыкшие к полумраку, стали размером с блюдца. На постаменте прямо перед древней конструкцией лежал человек. Ребенок!

Мидас аккуратно перевернул его, прижал пальцы к сонной артерии.

— Жив. Просто без сознания.

— Что будем делать?

— Действуем по инструкции. Проникновение в Отдел тайн, — невыразимец накинул диагностирующее заклинание, — есть пострадавший. Аппарируй с ним в Мунго. Хотя нет! Лучше вызови их сюда. Неизвестно, можно ли перемещать его.

— Что насчет министра?

Мидас на миг задумался.

— Пока не стоит. Лучше свяжись с главой Аврората. Я пока останусь здесь, прослежу.

Янус коротко кивнул и без лишних слов покинул комнату. Когда дверь за его спиной бесшумно закрылась, Мидас достал из кармана двустороннее зеркало.

— Сэр, у нас непредвиденная ситуация...

* * *

В больнице был аврал.

Первое, четвертое и пятое отделение разрывались от наплыва пациентов. Целители не успевали уложить одного мага, как тут же прибывали новые.

В Йольские ночи все будто сходили с ума: каждому будто приспичило провести хоть один ритуал, дабы восславить рождение Солнца и приход Нового года. И плевать этим недоумкам, что обряд не делается с бухты-баряхты, а требует тщательных расчетов и приготовлений. Но нет, даже те, кто едва-едва окончили пять курсов Хогвартса, вдруг возомнили себя великими волшебниками и проводили ритуалы, не вникая ни в его значение, ни в сущность.

— Девочки, этого с ожогами в шестую. Адриан, бегом в приемку.

В палатах не было места от трансфигурированных коек. Отделение не закрывали. Вызовы шли без перерыва. Целители работали сутки-двое, сутки через сутки.

На одном из дежурств сообщили о ЧП — маг упал с больничной лестницы и свернул шею. На автомате, без всякой задней мысли, целительница послала сообщение в травматологию:

— Мы слышали, у вас место освободилось? Можно мы больного переведем?

— Это не у нас, это в вирусном отделении.

— Жаль...

Цинично, но ничего личного. Просто работа. Просто погибший маг — всего лишь дефицитная освободившаяся койка.

Мириам Страут, обессиленная, упала на стул. Щелкнул колпачок, в воздухе запахло грибами. Осушив флакон с бодрящим зельем, целительница начала устало массажировать виски.

— Держись, девочка, — она похлопала себя по щекам, — Йоль прошел, сейчас обследуем последних пациентов и домой...

В комнату заглянул целитель-стажер.

— Мадам Страут, там ребенка привезли. Без сознания. Предварительная диагностика ничего не выявила.

— Маггл?

— Маг. Нашли палочку, авроры считали отпечаток. Ученик Хогвартса, тринадцать лет, полукровка. Посмотрите?

Целительница быстро вскочила и выбежала в коридор.

Увидев пациента, Страут тут же принялась за диагностику. Она раз за разом взмахивала палочкой, проводя разные тесты, и результаты выявляли не лучшую картину. В физическом плане стремительно прогрессировала анемия, о чем ярко свидетельствовали посиневшее ногтевое ложе и общая бледность. С магией же вообще творилось что-то непонятное: в районе груди находился едва просматриваемый энергетический шар багрового цвета с небольшой червоточиной посередине. Заклинание не могло выявить природу подобного образования.

— Этого в пятое отделение. Предварительный диагноз: материальная порча с осложнениями. Свяжитесь с родителями: обычно такое накладывают на семью целиком.

* * *

Аврор закрыл блокнот и, кивнув целителю, повернулся к матери пострадавшего.

— Миссис Снейп, могу я задать вам ряд вопросов? — та слегка повернула голову. — Вы знаете, что произошло? Когда вы последний раз видели сына?

— Вчера вечером. Мы легли спать, а утром я обнаружила его пропажу.

— Вы замечали какие-либо странности за Северусом? Или видели кого-нибудь подозрительного около дома?

Эйлин мотнула головой.

— Вы обучали сына аппарации? У вас был доступ к нежелательной литературе?

— К чему все эти вопросы, сэр? Какая литература? Северус учился по программе Хогвартса, я не вмешивалась в его обучение.

Она тяжело вздохнула.

— Он всегда был самостоятельным и благоразумным. Но я все равно не могу перестать волноваться за него. Скажите, что с ним произошло?

— Мы обнаружили его в Министерстве магии, — аврор, внимательно следивший за реакцией женщины, заметил, что на этих словах Эйлин удивленно распахнула глаза, — рядом с... в закрытой для посетителей зоне. Скажите, ваш сын проводил какие-либо темные ритуалы?

Эйлин крепко сжала руку мальчика, лежавшего на кушетке.

— Я не обучала его подобным вещам и сама этим не занималась, — ровным голосом произнесла она, но аврор наметанным глазом уловил напряжение.

— Миссис Снейп, послушайте меня, — он аккуратно взял ту за руку, — жизнь вашего сына находится в опасности, врачи бьются над его спасением, но они не знают, что стало причиной критического состояния Северуса. Если у вас есть хоть какая-то информация, что направит их в верном направлении, поделитесь ей.

Плечи Эйлин начали дрожать.

— Я не знаю.

— Эйлин, ради вашего сына, прошу.

— Я не знаю! — вскрикнула Снейп, и из глаз ее брызнули слезы. — Я не знаю, что он делал! Эти его ночные прогулки... Всю прошлую неделю!

Аврор перевел взгляд на дежурного целителя, что тяжело вздохнул и прочитал одно слово по его губам. Йоль.

— Вы знаете его маршрут?

Твердый кивок.

Сборы не заняли много времени, и вскоре они отправились в предполагаемую точку последнего местонахождения пострадавшего.

* * *

Их было двое. Она — склоненная на троне. Он — за ее спиной глядел в окно. Снаружи плясал в дикой пляске буран, но в зале висела тишина.

— Значит... все мертвы?

В груди немного саднило от воспоминаний, предложенных Королевой. Иллюзия бойни, смерти отдавалась фантомной болью во всем теле.

После ухода Найттанда случилось массовое нашествие чудовищ в северной части Ярнама. Церковь Исцеления предприняла чрезвычайные меры и сожгла часть города, несмотря на то, что там еще оставались разумные люди. Такого жители Убежища простить не могли, и Церковь стала стремительно терять влияние. Но первосвященник Людвиг был так опьянен властью, что решил пойти на отчаянный шаг — взять под контроль весь город! Для этого пса законные владыки Ярнама — знать Кейнхерста — стали той костью, что мешала дышать. Судьба Нечистокровных была predetermined.

Под крылом Церкви Логариус собрал охотников — приверженцев и фанатиков Церкви исцеления — банду жестоких Палачей. Совершив под покровом ночи налет на замок Кейнхерст, они обезглавили и перебили всех. Это нельзя было назвать честной битвой. Это была бойня. Бесчеловечная, жестокая бойня. Кровавые реки побежали по белоснежному снегу.

Но Палачи сильно просчитались. Королева Аннализа была выше вампиров и оборотней. Она была прирожденным некромантом. Бессмысленно стараться убить магией или мечом того, кто сделал смыслом своего существования скольжение над бездной небытия, на тонком тросе своего некромантского искусства! После множества неудачных попыток, Логариус, не видя другого выхода, заключил силу Аннализы с помощью железной маски, а лишив Корону Иллюзий, запечатал ею же королевские покои. Палачи решили стереть даже само имя Кейнхерст с лица земли. Они отрезали тронный зал от основной части замка, а по возвращении в город и длинный мост, чтобы никто не помешал исполнению миссии надзирателя их командира.

— Я лишилась своих подданных. Ты — единственный, кто выжил. Я не ожидала тебя увидеть. Мы полагали, экспедиция в Подземелья провалилась. Хотя, сейчас все это кажется бессмысленным.

— Ваше величество, — молодой человек быстро обошел трон и припал на одно колено, — моя верность вам не знает границ. Скажите, что я могу сделать для вас? Позвольте мне убить этого грязного палача Логариуса!

— Нет. Я запрещаю. Рейвен, — слышать старое имя было непривычно, — твой дух силен, но тело слабо. А для боя с Логариусом тебе потребуются все имеющиеся силы. Тот сосуд, что ты оставил в новом мире... в Англии, пока не готов. Поэтому я не прошу тебя повторно принести мне клятву — тело не сможет перенести Инициацию. Обожди.

— Да, ваше величество.

— Рейвен, — королева мягко взяла юношу за подбородок, — я не отказываюсь от тебя, но приказываю проявить терпение. Мы в меньшинстве, и спешка лишь навредит нам. Но раз тебе так не терпится, у меня есть для тебе поручение...

Альбус Дамблдор сидел в своем удобном директорском кресле и смотрел из-под очков со стёклами в форме полумесяца на ученика напротив него.

Когда началось новое учебное полугодие, директору неожиданно прилетел филин с письмом из Мунго: один из учеников Хогвартса в данный момент находился у них на излечении, в связи с чем посещение школы было временно невозможно. Дамблдор не обратил бы на это письмо особого внимания — мало ли что могло случиться, та же магическая инфекция, — если бы следом за ним не пришло сообщение из министерства Магии прислать подробную характеристику на одного из учеников. Причем целью являлся как раз тот студент, что попал в больницу.

Многих студентов директор знал в лицо, но имя Северуса Снейпа мало о чем ему говорило. Да, был такой, кажется, на Слизерине, полукровка. Прилежный ученик, дисциплину не нарушал, и на этом можно и закончить характеристику. Но письмо из министерства не давало покоя, поэтому на очередном собрании профессоров был поднят вопрос касательно Снейпа.

Поначалу коллеги очень удивились интересу директора, но практически все единогласно заявили: Северус Снейп был всегда со всеми вежлив, выдержан, учителя отмечали у него искреннюю тягу к знаниям, и его можно было назвать одним из лучших учеников.

— У мальчика довольно широкий кругозор: ему мало школьной программы, он часто читает научные журналы и газеты, вроде он собирался с этого полугодия подавать заявки на конкурсы «Юный зельевар», ему же как раз должно было стукнуть четырнадцать зимой. Он с вами уже обсуждал данный вопрос, мистер Слагхорн?

— Мне об этом ничего не известно, мистер Флитвик, — декан Слизерина качнул головой, — но в любом случае, раз у него такие планы, ему придется зайти ко мне, ведь в заявке требуется подпись квалифицированного зельевара, чтобы несовершеннолетний имел право на участие.

Альбус, что всегда был внимателен к мелочам, заметил перемены в поведении Слагхорна. Обычно, когда речь заходила о его учениках, тем более талантливых, Гораций соловьем разливался, нахваливая каждого. Но про Северуса он говорил сухо, даже как-то холодно и не добавил ничего нового к уже сказанному другими профессорами. Подобное отношение несколько удивило директора, тем более зельевар был деканом факультета Снейпа.

Когда собрание окончилось и все начали расходиться, Альбус попросил задержаться декана Слизерина.

— Присядьте, мой друг, не желаете чаю?

— Благодарю, — Гораций согласно кивнул.

Слагхорн всегда высоко ценил качественные напитки, а чай, который предлагал директор, всегда был высшего класса.

— Я вижу, что вас что-то гнетет, — Альбус взял из вазочки мармелад, и лимонная долька исчезла в густой белой бороде, — вы не особо радостно отзывались о вашем ученике, мистере Снейпе.

— Ничуть, — зельевар качнул головой, но под пронзительным взглядом голубых глаз

Дамблдора тяжело вздохнул, — да, он вызывает некоторые беспокойства. При общении с ним у меня возникает чувство дежавю. Он мне напоминает Риддла.

— И почему же?

Брови Альбуса удивленно поползли вверх. Да, оба мальчика были полукровками, оба поступили на Слизерин, оба примерные ученики. Но в отличие от Тома, Северус не был сиротой, да и риддловских замашек за ним не наблюдалось, хотя... мальчик был только на третьем курсе...

— Трудно объяснить, но... Он не боится взрослых, не заглядывает никому в рот. Его взгляд такой же, как у Тома. Холодный, расчетливый, — Слагхорн вспомнил, как посмотрел на него этот студент, когда он отказал подписать заявление на посещение Запретной секции. Зрачки резко сузились, но на лице не дрогнул ни один мускул. Снейп едва заметно кивнул как бы самому себе и, холодным голосом попрощавшись с профессором, покинул кабинет. Но ощущение того, что его сейчас придушат, ушло не сразу.

Альбус внимательно выслушал своего подчиненного и пообещал переговорить с мистером Снейпом, как только тот вернется в школу.

Северус прибыл в школу дня через четыре, используя камин. Аврор, сопровождавший его, коротко кивнул Дамблдору и, убедившись, что с учеником все в порядке, вернулся в Министерство.

— Здравствуй, Северус, как себя чувствуешь?

— Здравствуйте, профессор Дамблдор, — тот вежливо поклонился, — вполне неплохо, благодарю за беспокойство.

— Могу я с тобой поговорить? Присаживайся. Чаю? Долек?

Снейп коротко кивнул. Альбус не спеша разлил им обоим чай и завязал непринужденный разговор.

— Как отдохнул на каникулах? Хорошо провел время с семьей?

— Замечательно, профессор Дамблдор. Я скучал по ним. Рождество — праздник такой, семейный. Хотя Рождество в Хогвартсе не менее душевное...

Северус слегка улыбнулся, когда вспомнил прошлые зимние каникулы. Огромная ель светилась разноцветными огнями в Большом зале. Хагрид тогда с трудом притащил эту лесную красавицу, а Альбус с Минервой натрансфигурировали множество красивых шаров и изящных фигурок. Во дворе то тут, то там попадались ледяные статуи, что светились внутренним светом: вот золоторогий олень несется в упряжке, а вот Щелкунчик открывает свой большой рот и трясет саблей. Была даже мини-копия Хогвартса. Дети тогда бегали, веселились, играли в снежки, лепили снеговиков. По всему замку были развешаны гирлянды и различная зелень: остролист, плющ, омела. В гостиных на каминах висели носки. А Дамблдор раздавал всем сладости: карамельные трости со вкусом мяты, корицы, апельсина в факультетских цветах. Северус даже тогда устроил шуточную дуэль с кем-то из рейвенкловцев, используя их вместо палочек. Было и имбирное печенье, и традиционный английский кекс. Тогда на Рождество все решили забить на межфакультетские разногласия и завалились спать в гостиную Пуффендуя: хотя на самом деле они не спали, а рубились всю ночь в плюй-камни, карты, а девочки занимались гаданием.

— Как же ты умудрился попасть в больницу? — посетовал Дамблдор; Сев лишь развел руками. — И что целитель сказал?

— Простая анемия. Нарушение режима питания и сна и тому подобное. Мама назвала меня безответственным, и в ее словах есть доля истины. Нельзя быть книжным червем.

— Ну, тут твоя мама права, — директор спрятал улыбку в густой бороде, — в таком возрасте нужно много двигаться, проводить время с друзьями. У тебя же есть друзья, Северус?

— Конечно, на факультете, еще пара знакомых с других, есть кое-кто и за ее пределами.

— Ах, Северус, когда я был чуть старше тебя, помню как вел переписку с иностранными студентами. Тогда многие так делали, а после окончания школы отправлялись в кругосветное путешествие, дабы пересечься со своими друзьями по бумаге и в реальной жизни...

Они еще немного поговорили на общие темы, а когда Фоукс недовольно закурлыкал, требуя к себе внимания, директор махнул рукой.

— Ладно, мальчик мой, полагаю, ты соскучился по своим товарищам, не буду тебя задерживать. Ты как раз успеешь к обеду. Но надеюсь, завтра ты ко мне заглянешь?

— Непременно, профессор Дамблдор, благодарю за беседу, — Северус коротко поклонился и покинул кабинет директора.

Когда дверь за ним закрылась, Альбус повернулся к своему фамильяру.

— Какой интересный молодой человек, ты не находишь? — Фоукс тряхнул перьями. — Я тоже так считаю. Ну-ну, не ворчи, сейчас покормлю.

* * *

Северус надеялся вернуться в Хогвартс тихо и незаметно, но не ожидал, что его будут ждать многие.

— Кого я вижу, Снейп собственной персоной! — легкий прищур с холодным голосом не смогли скрыть чертей на дне глаз. — Мистер считает себя настолько крутым, что решил устроить себе дополнительную неделю каникул?

— Вы плохо осведомлены о моем досуге, мистер Мальсибер, эта неделя была самой скучной и пресной за всю мою жизнь. Хотя что еще можно ожидать от больницы. Это вам не курорт, — Сев ловко приземлился между товарищами и подцепил себе на тарелку жирный кусок курицы. После еды, что подавали в лечебнице, организм требовал чего-то вредного, жареного, со специями.

— Ты был в Мунго? — воскликнул Розье, но Северус, тонко улыбнувшись, предупредительно прижал палец к губам.

— Господа, поговорим обо всем вечером, нам ни к чему лишние уши.

— Хорошо. Мы рады, что ты снова с нами, Снейп. А то тут слух прошелся, что ты умер.

Он взглянул на своих друзей и коротко хмыкнул. До истины было недалеко.

После обеда он столкнулся со старой знакомой. Лили Эванс молча бросилась на шею Северуса, отчего тот опешил от подобной детской непосредственности, граничащей с фамильярностью, и крепко обняла.

— Сев, где ты пропадал? Ты меня напугал! Я тебя всю неделю искала.

— Лили, ты заметила? — он несказанно удивился, ведь в последнее время они редко пересекались с этой рыжеволосой ведьмой.

— Дурак ты, — та шутливо ткнула его вбок, — ты же не Мародер, чтобы пары пропускать. И тем более, я уверена, что будь ты хоть на смертном одре, ты бы приполз на Древние руны и зельеварение.

— Ты меня переоцениваешь. Учитывая, что я был в Мунго. С анемией, — стремительно добавил Северус, увидев испуганный взгляд, — с простой магловской анемией.

— Бестолочь, — Лили покачала головой.

В этот миг ее окликнула однокурсница, и она, извиняюще улыбнувшись, удалилась прочь.

В библиотеке же Северус столкнулся с Пандорой. Та удивленно подняла на него пронзительно-синие глаза и склонила голову набок.

— Я тебя не узнала.

— Я так сильно изменился?

Она слегка кивнула.

— Твоя аура. Она немного другая. Раньше было много темно-голубого, а сейчас она темно-красная. Как кровь. И мутные пятна на груди. Они будто горят и колются. Это признак гнева и ненависти. Хотя, когда цвета накладываются друг на друга, сложно о чем-либо судить.

— Почему? Что это значит?

К словам Одли Северус всегда прислушивался, хоть со стороны они и звучали странно.

— Ты знаешь, что у человека две энергетические оболочки. Одна внешняя, показывающая, в каких условиях жил человек, каково было его окружение. Например, аура детдомовца будет сильно отличаться от того, кто жил с семьей, а поле здорового человека с крепкой иммунной системой будет отличаться от ауры человека больного. А есть еще и внутренняя оболочка, показывающая состояние души человека. Тут уже все будет зависеть от личности: стремится ли он к знаниям или славе либо впадает в меланхолию, ведет за собой других или является ведомым. Но так или иначе, внешний слой и внутренний взаимосвязаны и влияют друг на друга.

— К чему ты клонишь?

— У тебя они независимы. Внешняя аура мало чем отличается от оболочек наших сверстников, ведь наши тела еще растут и развиваются. Но твоя внутренняя оболочка... очень плотная, как у взрослого. И только сильные душевные потрясения способны повлиять на ее изменение и даже полностью перекрасить. А душа детей очень пластична.

— И... давно ты это видела?

Северус затаил дыхание. Если Одли все это знала, то она могла сделать некие выводы. А если учесть, что она еще и слышала Великих, такой дар начинал пугать.

— Со дня нашего знакомства. И я рада, что ты мой друг. Потому что... многие считают меня чудачкой... А ты принял меня такой, какая я есть. И никогда не считал мои «странности» чем-то ненормальным. В трудную минуту именно ты пришел мне на помощь, я хочу ответить тем же. Так что, если ты доверишь мне, расскажи, что случилось.

— Прости. Но я пока не могу рассказать.

— Понимаю, — Одли слегка кивнула, — некоторые мысли должны созреть, прежде чем делиться их плодами с другими. Но знай, я помогу тебе ободрить твой нездоровый дух!

— Что? — Снейпу показалось, что он ослышался.

Та же интонация, тот же спокойный голос. Он начал всматриваться в эти бездонные глаза цвета сапфира. Что-то в ее лице было неуловимо знакомое. Но что?

— Я помогу тебе поддержать твой слабый дух, добрый охотник.

Северуса прошил удар тока. Он замер, пораженный, и этого мгновения хватило, чтобы Пандора проскользнула мимо него и покинула библиотеку. Когда дверь за ней тихо закрылась, он вздрогнул и опрометью бросился на выход, но в коридоре уже никого не было.

«Этого не может быть, — сердце Северуса бешено стучало, — как Она очутилась

здесь?»

* * *

Следующие полгода прошли для Северуса в бешеном темпе. От изучения магловской программы он решил отказаться: ему хотелось еще глубже проникнуть в тайны магии, а науки простецов забирали слишком много времени. Тренируя беспалочковую магию и подтягивая свою физподготовку до уровня Охотника, он не забывал заниматься подготовкой к соревнованию юных зельеваров. На него еще и навалилось то, что после Мунго он попал в поле зрения директора, и теперь ему приходилось пару раз в неделю беседовать с Дамблдором в его кабинете. Альбус был человеком интересным и прекрасным ученым, с ним было занимательно вести беседы по поводу зельеварения с уклоном в алхимию и обсуждать свежайшие научные достижения. Директору было очень лестно, когда Северус нашел издание его научной работы по исследованию свойств драконьей крови и попросил в ней расписаться. Да и самого Альбуса радовал пытливым умом его юного собеседника.

Приготовление и продажа духов, зелий, алкоголя студентам шли полным ходом, ведь кроме денег это помогало Северусу развивать важный для алхимика дар контроля нескольких процессов, протекающих одновременно, да и в экстремальной ситуации приходилось находить решения оптимизации для буквально всего без потери качества, что не могло не влиять на развитие общего магического уровня.

Луна тоже не давала покоя. Йольские обряды и встреча с Королевой возложили на Северуса дополнительные обязанности по проведению ритуалов. Мало того, что он должен был проводить обряд на каждое полнолуние, так еще и Аннализа настоятельно рекомендовала ему найти иной путь в их мир.

Желание поскорее пройти Инициацию и стать полноценным Охотником подгоняло Северуса похлеще кнута и не позволяло ему хоть немного сбавить темпы. Времени катастрофически не хватало не то что на общение с друзьями, так даже на нормальную еду и сон. Однажды он до ужаса напугал Мародеров, столкнувшись с ними ночью в коридоре. Тогда парни решили, что столкнулись с призраком погибшего жуткой смертью студента, и убежали прочь, боясь, что привидение нажалуется мистеру Филчу на нарушителей. Снейп же тогда даже не понял, с кем столкнулся, и осознание происходящего пришло к нему только спустя некоторое время.

Когда наступила пора летних экзаменов, Северус лишь слегка удивился, почему отменили пары и они пишут какие-то тесты. Только на втором экзамене мозг догнал, что происходит, но паники не было: по сравнению с тем, что Снейп изучал в Выручай-комнате, вопросы экзамена были пустяком. Еще неделю ожидания результатов он ходил вокруг замка, пока остальные студенты отдыхали, с глазами филина, не веря, что учебный год кончился. За это время он так прикипел к учебе и своему убежищу, что не представлял, как проведет целых два с половиной месяца без всего этого, но тут же нашел ответ: подработка, подработка и еще раз подработка в Косом. Ведь экономический кризис, что гулял по Великобритании, никак не отразился на ее магической стороне.

Было и еще кое-что в лете, что несказанно радовало Северуса. Можно было совершить полноценное погружение в кошмар, не боясь, что утром придется бежать на пары, а значит у него будет чуть больше времени для разговора с Королевой.

Снейп сел в Хогвартс-Экспресс и мечтательно уставился в окно, пугая своей немного безумной улыбкой товарищей.

— Рейвен, рада видеть тебя в добром здравии и уме, — Аннализа кивком поприветствовала Охотника, — чем порадуешь?

Тот протянул руку, на которой покоился флакон с туманной жидкостью. Королева хищно улыбнулась. Кровь была вкусна, но информация из иного мира была желанней. Находясь в вечном заточении в тронном зале, бессмертная умирала от скуки, и воспоминания, что приносил ей этот юнец каждый месяц, пьянили сильнее вина.

Аннализа прикоснулась к флакону, и тысячи образов хлынули ей в голову.

— Ах, обучение в Хогвартсе вызывает жалость. Такая скудная программа: погнавшись за количеством, они упустили качество. Это праздность для пытливого ума. Техника, приемы — все это так ничтожно. Любой уважающий себя волшебник знает, что посох лучше палочки, ведь чем длиннее орудие, тем выше скорость заклинания. Олдрик, Пожиратель Богов, был выдающимся магом, его скорость была запредельной. А там, в новом мире... едва ли каст составит шестьдесят единиц. Хорошо, что ты решил изучать беспалочковую магию. Ах, был бы у нас сейчас доступ к библиотеке института, там хранится много писаний об учении наших предтеч. Ведь в Убежище лишь ученые из Бюргенверта сумели сохранить магический дар, тогда как мы можем пользоваться лишь рунами да артефактами, несмотря на то, что библиотека замка не уступает институтской. Однако, боюсь, церковники ее разворовали, — голос Королевы упал на пару градусов, стоило ей вспомнить о трагедии.

— Моя Королева, — Охотник стоял перед ней навтыжку, — нам нужно привлечь на свою сторону людей.

Королева задумалась, вновь начала перебирать воспоминания мага.

— Те мальчики, — Аннализа хищно улыбнулась, — они отличаются от других. В них чувствуется потенциал. Жаль, что они так юны, но... никто же не запрещал их наставить на нужный нам путь загодя. Подумай, что можно им предложить. И если они согласятся, то пройдут Инициацию вместе с тобой.

Молодой Охотник коротко кивнул. Королева взмахнула рукой, и тот, откланявшись, рассыпался пеплом. Аннализа встала и подошла к окну: за окном по-прежнему ревел буран, но Королеве впервые не было холодно, ведь в груди маленьким угольком стала гореть надежда.

* * *

Осень незаметно подкралась на мягких кошачьих лапах и прыгнула так неожиданно, что казалось, будто никакого лета и не было. Хогвартс-Экспресс быстро мчался в Шотландию, но времени в дороге было достаточно, чтобы обсудить, кто как провел лето и чем собирается заниматься дальше. Северус задумчиво смотрел в окно, провожая взглядом уносящиеся вдаль пейзажи.

— О чем задумался, Снейп? — Мальсибер слегка тронул товарища за плечо.

— Мальсибер, ты доволен обучением в Хогвартсе? Обучением в лучшей магической школе Великобритании?

Произнесено это было таким тоном, что тот задержался с ответом.

— А ты, Эйвери, веришь, что Министерство ведет нас к светлому и прекрасному будущему? — из голоса Снейпа прямо-таки сыпалось битое острое стекло.

— Северус, ты чего? — ребята в недоумении посмотрели на товарища.

— Читайте!

На ноги им упала газета.

— Как писать дурацкие законы о запрете темных искусств и ритуальной магии, так они первые, а как решить реальную проблему — так они прячут головы в песок словно страусы!

Ребята развернули выпуск «Ежедневного пророка», затем с недоумением уставились на нахмурившегося однокурсника.

— Ты смеешься, маглы же беспомощны, они ничего не могут противопоставить нашим заклинаниям.

— Ничего, говоришь, — глаза Снейпа злобно прищурились, — тогда ответь, почему мы как крысы, прячемся в магических резервациях, а не являемся повелителями мира. И только не надо заявлять мне про численный перевес. Правящая элита всегда находится в меньшинстве, но у нее больше силы. Молчите? Тогда позвольте подтолкнуть вас в верную сторону. Вы знаете, что такое пистолет и ружье?

— Эти черные маггловские стреляющие дудки? — изогнул бровь Эйвери.

— Да, стреляющие дудки. — передразнил Сев. — А вы знаете, что пуля из этой дудки может развить скорость до тысячи метров в секунду, тогда как скорость ваших заклинаний составляет всего лишь жалкие пятьдесят-шестьдесят, а радиус поражения — не более тридцати метров? И если от заклинания еще можно укрыться щитом, то пуля пробьет ваш жалкий Протега и размажет мозги по стене. И это я говорю про одиночный выстрел, а ведь у магглов существуют автоматы со скорострельностью шестьсот патронов в минуту.

— К чему ты клонишь? — взгляды ребят стали настороженными.

— А то, что если маггловское правительство Великобритании сочтет нас опасными, то они нас выкосят очень и очень быстро. Если учесть, что на маггловской стороне сейчас кризис, деньги обесцениваются, три миллиона людей потеряли работу, а десять не могут позволить себе такие простые вещи, как чистая вода и еда, маги живут довольно хорошо, со всеми удобствами, и магглы нас возненавидят. Министерство медленно, но верно уничтожает нас. Вместо того, чтобы подтягивать магглорожденных и полукровок до уровня сильных мира сего, они целенаправленно втаптывают аристократов в грязь, уравнивая всех по нижнему уровню. Ведь проще запретить сильную магию, чем научить ею пользоваться. Зачем нынешним поколениям темные искусства, ритуалистика, кабалистика, демонология, химерология, менталистика, телекинез, ведьмачество, магия стихий? Ведь слабых магов проще контролировать, и они охотнее будут заглядывать в рот министерству! Никто, никто из вас даже не сможет назвать разницу между чудесами, чарами и пиромантией!

— Ну, пиромантия — это разрушительная магия огня, — робко подал голос Регулус.

— Оу, Блэк, только ли разрушительная? Сколько заклинаний из пиромантии ты знаешь, чтобы судить об этом? Ну же, ведь твоя семья славится темными заклинаниями! Дам подсказку: фирменное заклятие рода Блэк, Черная плеть, является творением пиромантии... Да, пламя бывает очень опасным, разрушительным, неистовым, но почему-то вы все забыли про огонь домашнего очага, что оберегает дом, что согревает вас, а ведь это все одна и та же магия. Заклинание Гармонии, Тепла — это все пиромантия. Но благодаря министерству вы об этом забыли. И это лишь крошечная часть того, что теперь с их подачи считается плохим, скверным, незаконным. И знаете, что самое обидное, вы сами в этом виноваты!

— А мы-то тут при чем? — возмутились ребята, но замолчали под ледяным взглядом Северуса.

— Вы? Нет, ваши семьи! Ваши чистокровные семьи, что не смогли дать отпор

министерству и легли под него. И хоть вы и прогнулись в плане магии, в плане крови вы решили держаться до последнего. Чистота превыше всего... Ха, худшее сочетание консерватизма и гибкости, что я видел.

— Да что ты знаешь, полукровка! — Мальсибер схватил Снейпа за грудки.

— Что? А разве я не прав? — Северус картинно изогнул бровь. — Разве за все это время в магии появилось что-то новое, что отвечало бы интересам магического общества или вы довольствуетесь только старыми крохами? Министры думают, что загнали магию под каблук, довели ее до формальности и простого махания палочкой. Но это не так. Это не магия! Это жалкие детские фокусы, которым вас обучают в вашем Хогвартсе. А магия — это страсть, эмоции, жажда, энергия. Сила!

По кончикам пальцев пробежали электрические разряды, и Эйвери отпрыгнул в сторону, замороженно наблюдая за маленькими молниями, что забегали на ладони Северуса.

— Ты... Как... Беспалочковая? — Эйвери едва мог вдохнуть воздух.

— Вот это магия. Власть. Могущество. И у меня к вам лишь один вопрос: вы хотите заполучить такую Силу?

Его товарищи выглядели так, будто они попали под Ступефай. Молчание, с растерянными взглядами, неподвижные. Северус хмыкнул: о, он знатно потоптался по их мировоззрению. Остался только последний шаг: выйти из купе и оставить их поразмыслить наедине. Мысли должны дозреть, прежде чем срывать их плоды.

Оказавшись в коридоре, он настежь раскрыл окно, впуская внутрь порывистый ветер. Да, он был резок и довольно груб, дал волю эмоциям, что было неприлично. Ему нужно было остыть. Снаружи проносились поля и реки. Снейп наблюдал, как они стремительно уносятся вдаль, поэтому не сразу заметил на стекле отражение светловолосой девушки.

— Здравствуй, рад тебя видеть, — силуэт кивнул, и Сев почувствовал кольцо теплых девичьих рук на своей талии.

— Я скучала по тебе.

— Я тоже.

Они немного помолчали.

— Как давно ты пробудилась?

— В семь лет. Тогда я просто поняла, что стала другой.

Северус сжал ее ладонь. «Тогда же, когда и я...»

— Нас что-то пробудило... Нас всех что-то пробудило.

— Зачем? Наше прошлое. Сон. Кошмар. Зачем все это?

Он повернулся к Одли лицом.

— Прости меня. Прости, что не исполнил обещание. Пожалуйста...

* * *

Он наблюдал за ней издалека. Редко проявляющая эмоции, но всегда дружелюбная, спокойная и нежная, она казалось ему чем-то большим, чем искусным изобретением. Она была живой. По-настоящему живой. Каждый раз приходя сюда, Рейвен удивлялся тому, как искренне она радуется его возвращению.

Вечная пленница этого места, Хранительница Сна Охотника, специально созданная для этой цели, Кукла казалось чем-то стабильным и надежным в этом безумном мире. Но при взгляде в ее глаза у Охотника почему-то сжималось сердце.

Первые догадки появились после второго погружения.

Он увидел ее молящейся возле очередной надгробной плиты. Рейвен так привык к этим

кускам камня, что и забыл: это место было не только местом отдыха, но и кладбищем, и напоминанием о других охотниках. Умерли ли они, достигнув отчаяния, или им все же удалось выскользнуть из кошмара, надгробие было единственным напоминанием об их существовании.

Рейвен тихо подошел к Кукле, дабы послушать ее молитву, но в этот раз она заметила его приближение. Повернув голову, она кивнула в знак приветствия и устремила взор обратно:

— Эта плита воздвигнута в честь Охотника, которого я когда-то знала. Сон пленил его, но не сломил, и в итоге он увидел свет зари... Я молюсь о том, чтобы ты нашел свое предназначение в реальном мире.

Он присел рядом, провел рукой по шероховатому камню. Слова были полустерты, но пока различимы.

— Интересно, если я пробужусь второй раз, то тут будет два надгробия или все же останется это?

Кукла в изумлении распахнула глаза, и Рейвен, глядя в них, понял, что тонет.

— Зачем? — лишь одно слово, и по ее щекам потекли настоящие слезы. — Зачем ты вернулся?

Охотник пожал плечами.

— Может, мое предназначение здесь еще не завершилось?

Вот только... все повторилось. Восход Кровавой Луны, убийство Леди Марии, смерти Страдающего Охотника в рыбацкой деревне, смерть дочерей Гаскойна. И его выбор.

— Интересно, что будет, если я откажусь?

Кукла вопросительно посмотрела на него.

— Что будет, если я скажу «нет» Герману?

Охотник с тоской смотрел на горящее здание. Чем ближе к пробуждению, тем больнее было находиться здесь.

Кукла пожала плечами.

— Твой ответ не понравится ему. Ты его расстроишь.

— Знаю. Только... Хватит ли мне смелости противостоять ему? Прошу, ответь на вопрос: старик помнит все? — Рейвен задумчиво покрутил пальцем. — Эти петли?

— Я... не знаю, — Кукла слегка вздрогнула, — мы с ним никогда не говорили на эту тему. И... ты первый охотник, кто вообще заметил это.

— Ясно, тогда я поговорю с ним.

Все провалилось.

— Ты должен принять свою смерть. Вырвись из плена ночи.

Это пробуждение было самым болезненным. Адски жгло в груди, а он смотрел, как горит Мастерская. Первый Охотник был очень быстр и силен. Рядом с ним Найттанд чувствовал себя глупым мальчишкой. Но в этой бесконечной смене кошмаров и пробуждений он стал лучше понимать старика.

Его боль.

— О, Лоуренс... Почему ты так долго... Я стал слишком стар для такого. Боюсь, теперь я мало чем могу быть полезен.

Его тоску.

— О, Лоуренс... Мастер Виллем... Кто-нибудь, помогите мне... Освободите меня, пожалуйста, кто-нибудь... Пусть закончится этот сон... В ночи ничего не видно... О, кто-

нибудь, пожалуйста...

Его неприятие отказа Рейвена. Герман просто не хотел, чтобы он остался здесь и бесконечно убивал чудовищ. Не хотел, чтобы он остался в бесконечном кошмаре.

Рейвен изо всех сил ударил по надгробному камню. Ну почему? Почему он испытывал жалость? Сначала к Кукле. Затем к этому старику...

Он слишком мягкий. Пытался всех спасти. А жалость — это проблема для Охотника. Начнешь жалеть других — начнешь жалеть и себя, а это конец!

Лучше бы он вообще не испытывал чувств.

Когда тело Первого Охотника рухнуло ему под ноги, не было ни радости, ни горя. Было лишь осознание, что старик наконец-то обрел истинный покой.

Золотое сияние в кроваво-грязных небесах стало чем-то новым в этой бесконечной петле. Рейвен повернул голову к аномально-огромной багровой Луне и обомлел.

Великий? Во Сне Охотника?

Тело двинулось само по себе. Этот Великий был мерзок, как и все ему подобные, но он отличался от остальных. Он притягивал к себе, и этому невозможно было противиться. Рейвен чувствовал себя будто в непроницаемой толще воды. Словно потерпевший кораблекрушение, он медленно опускался на дно Океана.

Существо мягко приземлилось на костлявые лапы, его безглазая черная морда была направлена в сторону охотника. Зияющий рот, будто какая-то щель, распахнулся, и тонкий слух Найттанда уловил нечто.

Мнение, что Великие беззвучны, ошибочно. У них свой язык, своя речь, но он недоступен простому смертному. Рейвен слышал шум воды, но это нельзя было сравнить ни с шумом дождя, ни с шумом волн. Этот звук был одновременно тише и мощнее, глубже, сильнее, будто китовая песнь.

Давление Силы, древней, будто само время, абсолютной, было непреодолимо.

** * **

Северус нахмурился. После встречи с Присутствием Луны воспоминания становились отрывочными, окутанными мглой, будто после Великого ничего и не было.

Но что-то точно было. Ведь он как-то попал сюда. Северус напряг свою память: в его воспоминаниях было нечто неправильное, но сознание никак не хотело выстраивать отдельные эпизоды в одну хронологическую линию. Он перевел взгляд на Одли: то, что Кукла оказалась в этом же мире, радовало. Она стала настоящим человеком: живым, эмоциональным, и если вспомнить ее рассказы, искренне любящей свою семью и друзей. А ведь во Сне Охотника она была лишь эхом, отголоском личности человека, который давно умер. Но все же Кукла имела свой характер, отличный от Леди Марии.

Сознание будто пронзило тысяча молний. Кукла ведь была создана после смерти Леди Марии, но... в воспоминаниях Рейвена та еще была жива. Мария была родом из Кейнхерста и состояла в родстве с Аннализой. То ли племянница, то ли еще кто-то. Он видел ее на балу пару раз: прекрасная белокурая девушка с манящей улыбкой и грацией кошки, она была быстра и опасна. Ею невозможно было не восхищаться. При дворе ее называли гением. Пройдя Инициацию в двенадцать лет, она стала самым молодым Охотником и попала в ученицы к Герману, первому мастеру Охоты.

Северус начал усиленно массировать виски.

Его память будто была разбита на осколки. Вот кусок его жизни, когда он вместе со своей семьей служил Королеве, вот кусок, когда он бродил по кошмару и видел горящий

старый Ярнам, коего раньше и в помине не было, и везде сломанные мосты и крутые обрывы.

Было неприятное чувство, что кто-то грубо и жестко вырвал пару страниц или даже глав из книги его жизни, и поэтому невозможно понять сюжет. Но ведь его книга пока не дописана, а значит, еще можно восстановить утерянное.

Северус взглянул на Пандору.

— Одли, мне потребуется твоя помощь...

— Интересное место, — Одли с любопытством осматривала Выручай-комнату, — оно похоже на Мастерскую.

— Чем же?

— Оно вне времени и пространства, но... эта комната более пластична в энергетическом плане. Ведь перед ней не стоит такая же задача, как перед Мастерской.

— Стабильность и безопасность в безумном мире.

— Не только...

Пандора пробежалась взглядом по корешкам книг, вытянула ловкими пальцами старый том и аккуратно уселась на кушетку.

— Мне здесь нравится. Тут вряд ли можно умереть от скуки. Мне позволено приходить сюда когда угодно, Северус?

Тот кивнул.

— Хотя я и обнаружил это место, я здесь не хозяин, так что ты вольна посещать это место, когда тебе удобно.

Снейп внимательно изучал книжные полки, то и дело бросая взгляд в ежедневник, где был набросан список необходимой литературы. Ментальная магия и стихийная отошли на второй план. А вот тайные искусства крови и души, пробуждение магии, переселение сознания требовали тщательного изучения. Книг на эту тематику было не так много, но все они были написаны таким мудреным языком, что у Северуса мозг успевал выкипеть и вытечь через уши. Подобная литература не могла дать ответы на некоторые вопросы Снейпа, но он все же почерпнул для себя что-то новое.

В один день, когда Сев после пар вновь отправился в штаб, он обнаружил в комнате новый предмет. Пышный букет белоснежных лилий завораживал своей красотой. Но печаль Пандоры не могла укрыться от глаз Северуса.

— Что произошло?

— Кто-то погиб. Я перестала чувствовать этого человека.

Снейп прикоснулся к ослепительно белым цветам.

— Ты чувствуешь Пробужденных? — легкий кивок. — И много таких, как мы?

— Слишком много, чтобы думать, будто это простое совпадение, и слишком мало, чтобы знать друг о друге. Кто-то близко, кто-то очень далеко. То, что мы оказались в одном месте — чистое везение.

— Я думаю, стоит поискать остальных. Выяснить, что они знают, и попробовать объединить усилия. Может, я найду кого-то из Кейнхерстов?

— А если они из Церкви?

Снейп задумался.

— Будем работать по обстоятельствам.

Северусу нравилось ставить перед собой задачи. Пропадало чувство, будто ты дрейфуешь в открытом океане в абсолютной темноте: новая цель как маяк освещает путь и чтобы пройти его, придется много работать. Сразу вспомнились слова отца, которые он сказал перед его Инициацией.

— Просто помни, в жизни нет побед или поражений. Ты не выигрываешь, ты просто каждый раз работаешь чуть лучше, продвигаешься чуть дальше и делаешь чуть больше

того, на что ты способен.

Книги по поисковым заклятиям оказались увлекательным чтивом. Подобная магия не ограничивалась поиском человека по личному предмету или крови, наоборот, в ней могло использоваться все, что угодно, если это могло привести к нужному результату. Различалось только качество. Северусу нужно было заклинание на поиск неопределенного круга лиц из серии «Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что!», но даже такое волшебство было разработано. Правда для его применения Снейпу серьезно пришлось углубиться в артефакторику.

Несмотря на всю расчудесность Выручай-комнаты, в ней нельзя было проводить круглые сутки, поэтому помимо пар Северус хоть иногда, но появлялся либо в гостиной своего факультета, либо в библиотеке Хогвартса. Заниматься чем-то серьезным в таких местах Снейп не мог, но бросать работу он не намеревался. Поэтому разборный поисковый артефакт стал идеальным предметом, на который он мог потратить свободные минуты. Лепестки глобуса удобно укладывались в сумку, а нужные руны наносились вязким составом, что легко набирался в перьевую ручку. Снейп не боялся наносить длинные цепочки знаков без страховки, ведь замкнутый контур образовывался, только если соединить вместе части глобуса, следовательно, ошибка на отдельном сегменте не влияла на остальные лепестки и могла быть тут же исправлена.

— Северус, ответь мне на один вопрос, — Одли приземлилась напротив. — Ускользящее озеро защитит от Адского пламени?

— Что? — он на секунду впал в ступор.

— Данная руна может противостоять этому заклинанию?

Северус отложил один из лепестков в сторону.

— Давай считать: первая руна дает снижение огненного урона на пять процентов, вторая — на семь, третья — на десять, все они защитят от ожога третьей степени, последняя — от четвертой, если воздействие огня будет краткосрочным, да и температура пламени невысокая. Но Адское пламя — совсем иная категория: если человек использует для защиты только эту руну и ничего более, то вместо уголька или пепла у нас будет сильно подгорелый стейк, — черный юмор Мальсибера был уж слишком заразителен.

— Да Снейпи у нас кровожаден, ребята.

Северус мысленно закатил глаза, только этих убогих здесь не хватало.

— Поттер, вас не учили, что вмешиваться в чужой разговор неприлично?

— А кто вмешивался? — гриф оскалил зубы. — Мы, вообще-то, между собой болтали, да, парни? Кстати, а это что за хрень?

Джеймс ловко схватил со стола лепесток и стал крутить в руках. Пандора уже хотела вскочить с места, но Северус взглядом остановил ее. Снейп слишком хорошо знал психологию таких людей, да и легкого скольжения в мыслях хватило, чтобы понять, чего хотят Мародеры. Поэтому план был придуман мгновенно.

— Это? Так, мелочь по артефакторике.

— Этот бесполезный кусок стекла мало похож на артефакт, — Джеймс небрежно перебросил его Петтигрю.

— А сам-то ты как сделал бы? — Северус изогнул бровь.

— В смысле?

— Ну, сборный артефакт. — он повел рукой. — Что ты на меня так смотришь? Неужели ты не понял, что я делал? Поттер, у тебя семья потомственных артефакторов, ты должен

такие мелочи слету определять. О Мерлин, неужели все так печально?

— А ну-ка, — Поттер выхватил у своего дружка расписанную рунами часть и начал ее осматривать. Он терпеть не мог, когда его называли дураком. Джеймс наморщил нос, пытаясь определить, что держит в руках.

— Пф-ф, неудобное старье, сейчас такими никто не пользуется.

— Старый не значит плохой, под мои нужды он подходит.

— Да ты этот глобус запитать не сможешь, — фыркнул Поттер.

— Ты сам хоть один артефакт сделал, чтобы судить о других?

— У тебя способностей нет.

— А у тебя? Что-то я не видел, чтобы ты их хоть как-то развивал. Или ты их не проявляешь, потому что не смог унаследовать родовой талант? Сочувствую.

Лицо Джеймса пошло багровыми пятнами.

— Ты пожалеешь о своих словах, Снейп, — прорычал он, — после пар тебе конец!

Мародеры развернулись и вышли из Большого зала. Снейп молча проводил их взглядом, мысленно усмехнувшись: «Пусть для начала найдут!»

Видимо, Северус слишком больно задел Поттера своими словами, потому что Мародеры все настойчивее пытались выследить его, и проникать в Выручай-комнату становилось раз за разом труднее. Драться с ними очень не хотелось. И не потому, что их было больше: нет, расклад один против трех-четырех соперников был привычен еще с прошлой жизни. А эти были еще детьми, поэтому раскатать их в лепешку не составило бы особого труда, но именно разница в силе останавливала Северуса. Ведь он всегда предпочитал драться с равным противником.

Правда, была пара-тройка деньков, когда Мародеры специально не искали Северуса, и, к счастью, это были самые удобные для него дни. А точнее, ночи Полной Луны.

Очередной ритуал, очередная встреча с Королевой. План по поиску других Охотников был одобрен, хотя Аннализа выразила беспокойство по поводу Пробудившихся.

— Рейвен, проблема может быть не в том, что ты столкнешься с Палачами, а в том, что некоторые просто не захотят вернуться. Даже среди нейтральных могут встретиться враги.

— Я понимаю ваши опасения, но попытаться стоит. В том мире достаточно магии, чтобы попробовать очистить наш мир, пока неиспользуемые источники не стали бродить. Там уже наметилась тенденция запрета магии. Если она им не нужна, мы заберем ее.

Северус открыл глаза. Как же он был измотан. Переходы между мирами вытягивали слишком много сил.

Повернув голову, он увидел Пандору, что сидела в глубоком кресле и пила чай.

Она впервые осталась здесь, в Выручай-комнате, на всю ночь, и хотя дежурила все это время, по ее виду нельзя было сказать, что она устала.

— Ты вовремя вернулся, сейчас только пять часов.

— Одли, а как же твой сон?

Она качнула головой.

— Ничего, я часто не сплю по ночам и сижу в гостиной факультета или брожу по замку. А тут хотя бы книги интересные. Я рада, что с тобой все в порядке.

— Тебя проводить до общежития?

— Не стоит, — она похлопала по школьной сумке, — я пойду сразу на завтрак. Я еще не дочитала.

— Тогда позволь тебя покинуть, — Северус откланялся и вышел из комнаты.

Снейп без проблем вошел в гостиную своего факультета и уже хотел подняться к себе в комнату, когда Элис предупредительно зашипела. Северус резко развернулся и увидел в глубоком кресле своего товарища.

— Что ты здесь делаешь, Блэк?

— Ждал тебя. Хотел с тобой поговорить без лишних свидетелей, но тебя невозможно поймать после пар. Пришлось ждать сегодняшней ночи.

— Ты знал, что я куда-то пойду?

— Все знали, — Блэк пожал плечами, — наш староста не идиот, все видит, тем более ты не один такой полуночник, просто ты единственный, кто ни разу не попадался. Теперь понятно, почему, — он кивнул в сторону низла. — Но разговор не об этом. А о том, что произошло в поезде. То, что ты сказал... в этом есть крупица истины.

Северус вопросительно изогнул бровь, но Блэк продолжил:

— После подписания Статута многие искусства стали запретными или забылись. А ты показал то, на что, я думал, способны лишь сильнейшие маги. Поэтому я хочу спросить: твое предложение все еще действует?

— Какое предложение?

— Ну, — Регулус запнулся, — ты спрашивал, хотим ли мы получить такую Силу.

— Ах, это, — Снейп коротко хмыкнул, — ну, тут все зависит от твоего желания. Хочешь — получай, не хочешь — твое право. Тут никакого предложения и нет.

Регулус замер, открыв рот.

— Блэк, если хочешь получить Силу, библиотека Хогвартса в твоём распоряжении, бери книги, тренируйся, я мешать не буду.

— Снейп, — Рег отмер и быстро вскочил, — мне не нужны книги Хогвартса. Мне нужно нечто большее. Я не хочу всю жизнь служить в министерстве или просиживать задницу в Визенгамоте. Мне хочется выйти за эти границы.

— Тогда действуй. Ну, а если хочешь получить что-то от меня, тогда предложи что-либо равноценное.

— А что тебе нужно? Деньги? Информация? Связи?

— Все. И одновременно ничего из этого.

— Как это понимать? — Регулус встал напротив Снейпа.

— Так и понимай. То, что ты назвал, это лишь средство, но не сама цель. А если ты реально хочешь знать, есть ли что-то за границами твоего привычного мира, то я требую с тебя клятвы молчания, и все рассказываю, а ты уж решай, захочешь ли ты эти границы пересекать или нет. Жду в библиотеке после пар.

Как только прозвенел звонок с последнего урока, Снейп не спеша направился в библиотеку, где его ждал младший Блэк. Они коротко кивнули друг другу, и Регулус последовал за ним. Впереди всех шла Элис, разнюхивая дорожку и иногда выбирая самые немислимые дорожки, поэтому Блэку даже показалось, что они просто плутают. Но на молчаливый вопрос Северус лишь пожал плечами.

— Так за нами никто не проследит.

Наконец они дошли до восьмого этажа. Блэк промолчал, когда перед ними появилась невидимая ранее дверь, но когда внутри он увидел Пандору, не выдержал.

— Что здесь делает когтевранка?

— Я ввел ее в курс дела. И она будет свидетелем клятвы. Ты имеешь что-то против?

— Ты ей доверяешь?

— Скажем так, мы с Одли не можем друг другу не доверять.

Та коротко кивнула в знак согласия. Взяв низзла на руки, Пандора слегка улыбнулась Регулусу без тени неприязни в глазах и вернулась к чтению. Северус проводил ее взглядом, а затем обернулся к Регу.

— Сперва клятва о неразглашении, затем ответы на все интересующие тебя вопросы.

Регулус коротко кивнул. Слова обета были произнесены, и Северус начал свое повествование.

Сказать, что Блэк был в шоке — ничего не сказать. В конце рассказа Снейпа он уже не мог сидеть спокойно и метался по комнате, держась за голову.

— Иные миры? Падшее пламя? Королева вампиров? Снейп, ты понимаешь, что твоя история звучит как маггловский фэнтезийный роман? Как у Толкиена.

— Почему ты считаешь мои слова вымыслом? — изогнул бровь Снейп. — Ведь наши миры и раньше соприкасались. Легенды о Дикой Охоте — не просто звук.

— Это невозможно, — обессиленный, Регулус упал на софу, — и сколько тебе сейчас? Северус пожал плечами.

— Я перестал считать после третьей петли.

В воздухе повисло молчание.

— И что ты решил? — спросил Регулус.

Сев задумался и затем медленно произнес:

— Мне нравится этот мир, но и тот отпустить я не в силах. Мои предки покинули Лондор в надежде спастись от Узурпатора, но ведь никто не дал гарантию, что это ненасытное чудовище не сможет проникнуть сюда. Так что, Регулус, если ты откажешься, я не буду тебя винить. Но если ты готов продираться сквозь тернии, дабы достать сладкие плоды, — Северус протянул ему руку, — я покажу, где достать самые большие и сочные.

Улицы Лондона были запорошены снегом. Маги спешили по своим делам, стараясь как можно быстрее закупить подарки на Рождество, поэтому не обращали никакого внимания на окружающих.

Лишь одна фигура выбивалась из общей атмосферы праздничной суеты. Молодой человек в черном одеянии медленно шел по магическому кварталу, будто к чему-то прислушивался, вглядывался в лица прохожих и слегка качал головой.

Поисковый артефакт ребята закончили собирать как раз до каникул. Крутанув глобус, Северус начал быстро зачитывать фразы, что должны были стать критерием поиска, отсеять всех лишних людей и оставить лишь тех, кто хоть как-то был связан с Лондором либо Убежищем. Результаты оказались довольно неожиданными. Очень много Пробужденных находилось в Америке и в Восточной Европе. Концентрация бывших Охотников или пепельных на Британских островах была маленькой: всего двенадцать человек, не считая самого Северуса и Одли. Трое находились в Лондоне, трое — в какой-то точке недалеко от берега, остальные разбросаны по всей территории Великобритании. Когда Северус указал на морскую точку, покрытую странной рябью, Регулусу, тот мотнул головой.

— Безнадёжно. Это Азкабан. Тебе их оттуда не вытащить.

Северус вопросительно наклонил голову, и Блэку ничего не оставалось, как рассказать все, что он знает.

— Это место — обитель зла и тьмы. Тюрьма для самых ужасных преступников. Мало что известно про это место, но даже то, что доходит до людей, пугает до жути. Говорят, это место построил сильный маг, который практиковал наихудшие виды Тёмной магии. Экриздис жил совершенно один на острове посреди океана и, чтобы как-то себя развлечь, заманивал к себе маггловских моряков, а затем пытал их и убивал. Только после его смерти, когда маскирующие чары развеялись, министерство магии обнаружило остров и воздвигнутое на нём строение. Люди, расследующие этот случай, отказались комментировать то, что они обнаружили на острове. А обнаружили они дементоров. Неизвестно, вследствие чего те появились, но магам, впервые обнаружившим их, сразу стало ясно, что они не покинут остров. Только из страха мести этих созданий крепость не была уничтожена. Дементоры выглядят как парящие мертвецы в черных рваных балахонах под три метра высотой. Лиц у них нет, лишь зияющая щель вместо рта. И они тебя выпивают. Твои счастье, радость, эмоции, а если их не остановить, то даже и душу, оставляя от человека лишь пустую оболочку. «Поцелуй дементора» — самый страшный вид казни. Их невозможно убить, лишь отпугнуть на время. Они стражи Азкабана, но Министерство их с трудом контролирует. А то, что они разумны, делает их еще более опасными.

— Откуда ты столько знаешь? — удивилась Пандора, — Разве существ класса ХХХХХ проходят на третьем курсе?

— Недавно боггарта изучали, — дернул плечом Блэк, — вот кому-то дементор и привиделся, профессору объяснять пришлось.

— То есть ты его видел почти по-настоящему, — прошептал Северус, нервно облизнув пересохшие губы, — Регулус, молю, дай заглянуть в твои воспоминания, обещаю, вреда не причиню и больше никуда не полезу.

После того, как Регулус дал Непреложный обет, Северус раскрыл ему многие свои

секреты, совершенно точно зная, что Блэк никому о них поведать не сможет. А если он захочет сам ими воспользоваться, у Снейпа еще оставалось пара козырей в рукаве.

Регулус коротко кивнул. Пускать кого-то в свою голову было неприятно, но его товарищ сдержал обещание и был деликатен до безобразия.

Сев быстро вынырнул из воспоминаний и тут же стал зарисовывать дементора в свою тетрадь, пока образ в памяти был свеж. В это время Пандора выудила из своей бездонной сумки плитку шоколада и протянула ее бледному Регулусу. Ведь вспоминать о дементоре было все же неприятно. Блэк благодарно кивнул ей.

— Ты уже начал читать книгу, что дал тебе Северус? Про окклюменцию. Может помочь против дементоров.

— Закрывание сознания? В этом есть рациональное зерно. Спрятаться в ракушку значительно легче, чем фонтанировать позитивом и направлять его в палочку, — Регулус согласно кивнул.

Он быстро приновился к темпу обучения этой парочки, поэтому догнать их по программе Хогвартса не составило особого труда. Да и с внешкольным обучением все было не так трудно. Одно цеплялось за другое, затем подтягивалось третье, и постепенно кольчуга знаний начала выковываться. Как объяснял Северус: нет совершенно отдельных наук, все в мире взаимосвязано. Упорства Регулусу было не занимать.

Северус наконец закончил рисунок и стал критично сравнивать только что получившийся набросок с изображением в личном дневнике. Дьявольская улыбка озарила его лицо.

— Пандора, они тебе никого не напоминают? — Снейп дал ей на сравнение два рисунка.

Глаза Одли вспыхнули гневом.

— Даже не смей! — прошипела она, но Сев не собирался сдаваться.

— Они мне в свое время столько крови испортили. А тут отличный шанс, тем более если они уже пять веков души жрут. Это же просто сокровищница, а не тюрьма.

— Может, вы мне объясните, телепаты?! — вспыхнул Регулус.

— Ты думаешь, раз они чуть менее материальны, чем Хранители Смерти, то с ними легче справиться? Мне напомнить, как часто ты очухивался в Мастерской после встречи с ними? — Одли угрожающе нависла над Северусом, проигнорировав Блэка.

— Прошу, успокойся, я не собираюсь к ним лезть. Я пока еще понимаю разницу в силе. Да и нужно же продумать, как туда попасть.

— А что тут думать? — пожал плечами Регулус. — Приложить любого Авадой, и билет на остров получен. Вот как оттуда выбраться...

— Не вариант, — мотнул головой Снейп, — нужно попасть туда незаметно.

— Северус, прошу, начни с другого, например, — Одли закусила губу и ткнула пальцем в поисковый артефакт, — с Лондона.

— А что покажет увеличение? — Регулус провел двумя пальцами над картой. — Хм, магический квартал, это существенно сужает круг поиска. Когда туда отправишься?

— На каникулах, — коротко ответил Северус.

Такой вариант был очень удобен. Соврать матери, что он остается на Рождество в замке, а самому вместе с остальными учениками сесть на Хогвартс-Экспресс и очутиться в Лондоне — раз плюнуть. Прожить почти две недели под чужой личиной, не беспокоясь, что

его кто-то будет искать, было просто прекрасно. Тем более, Выручай-комната предоставила ему все необходимое: в отделе потерянных и забытых вещей нашлись и довольно сносная мантия семикурсника, которая могла подойти взрослому, и записка с парой галлеонов.

А вот с внешностью Снейпу пришлось повозиться. Взрослый маг привлёк бы гораздо меньше внимания, чем одинокий четверокурсник, тем более у Северуса давно чесались руки хотя бы заглянуть в Лютный, а такой шанс упускать было нельзя.

Тут-то и пригодился его талант к зельеварению.

Северус долго думал, как модифицировать Обратное зелье. Он буквально зарылся в различные справочники. Выручай-комната подкинула книги по метаморфмагии, но на ее изучение у Снейпа не было ни сил, ни времени, ни желания. Хотя некоторые идеи оттуда он все же почерпнул.

— Знаешь, Одли, какие только трюки не используют твари, чтобы выжить. Самым ярким примером является мимикрия. Например, хамелеон. Казалось бы, про них известно все. Но нет! Ученые недавно выяснили, что эти милые существа при смене цвета отнюдь не пользуются пигментом. Они перестраивают решетки нанокристаллов, которые находятся под кожей, и начинают отражать уже совсем другие лучи солнечного спектра. А мимикрия. Сколько обмана кроется в этом слове. Подражание формой, звуком, запахом. Овца сможет спрятаться в волчьей шкуре, а букашка превратиться в слона. Я уже не говорю про метаморфоз, — Сев мечтательно закатил глаза, — полное преобразование организма. Перестройка всех систем, изменение как внешнее, так и внутреннее. Это же огромный скачок в развитии для отдельно взятой особи.

Снейп много экспериментировал с составом зелья, но лучший результат показал образец № 24: туда он добавил сушеную шкуру хамелеона, толченые крылья бражника вместо пиявок и спорышей, а вот связующим ингредиентом стали цветки незабудки, ведь Северус вместо части тела человека собирался использовать свои собственные воспоминания.

Нужный образ пришлось искать долго. Аккуратно вытянув нужный фрагмент памяти из головы, Северус ловким движением вытянул его в тончайший волос и ловко вмещал в зелье.

Единственный недостаток Обратного с точки зрения зельевара заключался в том, что зелье после добавления частиц того, в кого хотел превратиться волшебник, меняло свой цвет, консистенцию и вкус. Эти качества напрямую зависели от характера человека-«образца». Поэтому по конечному варианту продукта нельзя было определить ни его качества, ни возможные побочные, негативные последствия.

Рубиновая жидкость на вкус оказалась как красное вино. Глотку приятно обожгло, по телу побежали электрические искры. Но удовольствие быстро сменилось невыносимой болью. Северус согнулся пополам, плотно сжав зубы, стараясь не закричать. Рост костей можно было сравнить с пыткой на дыбе. Мышцы и сухожилия разрывались и вновь переплетались в тугие канаты. Кожа неимоверно чесалась, хотелось разодрать себе лицо в кровь, лишь бы избавиться от этого ощущения.

Все прекратилось так же быстро, как и началось. Снейп встал, медленно сжал и разжал кулаки. Взглянул в зеркало.

— Давно не виделась, — едва заметная улыбка скользнула по губам, — Рейвен.

* * *

Сойдя с поезда, Снейп попрощался со своими товарищами, пожав каждому на прощание руку.

Обнаружив у себя в ладони странную монету, он вопросительно взглянул на Одли.

— Остаемся на связи. Письма нам ни к чему, а короткие сообщения в самый раз, хотя я немного скучаю по Посланникам купальни, — та коротко хихикнула. — Поэтому я за вами, непоседами, буду следить!

— Спасибо, но я хочу Рождество без приключений. — сказал Регулус, быстро пряча зачарованный галлеон в карман. — Хотя братец мне их может с лихвой обеспечить. А вот и он, бывайте!

Младший Блэк махнул рукой на прощание и скрылся в толпе. Пандора коротко поклонилась Северусу и, подхватив легкий саквояж, плавно направилась к родителям. Снейп взглядом проводил семейство Одли и отправился к выходу с вокзала. Оказавшись в маггловской части Кингс-Кросса, он зашел в общественный туалет и вышел оттуда уже в образе Рейвена.

В преддверии праздников магический квартал расцвел волшебными огнями. Владельцы магазинов не поскупились на качественные иллюзии, и теперь то тут, то там летали полупрозрачные Санты с оленями. Улыбаясь угольными ртами, снеговики приглашали зайти в лавки. Красивые ледяные фигуры переливались всеми цветами радуги. В воздухе пахло апельсинами, корицей и горячим глинтвейном. Двое детей, выбежав из лавки доктора Фейерверкуса, чуть не столкнулись с ним. По земле покатались хлопущки. Ребята коротко ойкнули, но Рейвен лишь тепло улыбнулся в ответ и помог собрать им укатившиеся фейерверки. Атмосфера Рождества была такой пьянящей, что Рейвен сам было чуть не соблазнился заглянуть в кафе к Фортескью, но передумал. Сначала нужно было выполнить то, за чем он сюда пришел, а потом уж развлекаться.

Он дошел до белого здания банка и резко свернул налево. Оказавшись в Лютном переулке, криво улыбнулся и поднял высокий воротник плаща, скрывая нижнюю часть лица.

Атмосфера здесь разительно отличалась. Если Диагон-Аллея излучала тепло и дружелюбие, то тут праздником даже и не пахло. Только на самых близких к перекрестку домах на окнах были наклеены снежинки, но при подробном рассмотрении даже они оказались не такими милыми.

— Черепа и паучки, какая прелесть, — он подавил кривую усмешку.

Рейвен долго бродил по кривой затемненной улочке и размышлял, как найти Пробужденных. Поисковый артефакт показывал только приблизительное местоположение в пределах одной локации, а дальше приходилось выкручиваться. Пройдя три раза по переулку, и не увидев ни одного знакомого лица, Рейвен плюнул и стал шататься по лавкам.

И даже тут было не все гладко. Двери некоторых магазинов были заперты, хотя он видел, что из окон льется свет, в других продавцы при виде нового клиента вели себя так напряженно, что Рейвен посчитал благоразумным убраться оттуда как можно скорее.

А вот в лавке «Горбин и Беркес» ему неожиданно улыбнулась удача. Лавка была полна различных вещей: от вполне безобидных до таких темных, что слегка подташнивало. Однако здешний продавец смотрел на Рейвена не подозрительно, а даже с неким любопытством.

— Чего желаете, мистер? Купить, продать, обменять?

Рейвен осмотрел полки. Некоторые товары он распознал сразу: неприятные артефакты-вампиры, проклятые драгоценности, — все это было мило, но не нужно: врагов пока у него не было. Рейвен лениво скользнул взглядом по прилавку и глаз зацепил коробку с тусклой надписью «Товары от одного до ста кнатов». Он бы и не обратил на дешевую мелочь никакого внимания, если бы не предмет, лежащий сверху. Рейвен, не ожидая, что ему так

повезло, с трудом сдержал эмоции.

Подцепив пальцами оранжевый мелок, обвязанный ниткой, он с ленцой в голосе спросил цену. Взгляд продавца потух.

— Два сикля.

Горбин отдал бы бесполезный кусок мела, что даже не писал, и за пять кнатов, но внутренний гоблин шептал, что цену нужно накрутить. К его удивлению, новый покупатель не стал торговаться, а согласно кивнул.

— Не возражаете? — он быстро перевернул коробку, высыпав все ее содержимое на стол, — вдруг еще повезет.

— Да пожалуйста, ради Мерлина, ищите, сколько хотите, — продавец обнажил острые зубы, глядя на этого чудика, что, по-видимому, даже не знал цены вещам.

На нем можно будет здорово обогатиться.

Рейвен тонкими пальцами быстро перебрал кучу хлама — в этих движениях чувствовался опыт — и выудил на свет еще один мелок, только уже белого цвета, и тусклый медальон.

— Сколько с меня?

— Одиннадцать сиклей, — стопка монет легла в руку продавцу, — извольте еще чего-то?

— Можно оставить у вас записку? — покупатель повертел в руках оранжевый мелок.

— Попробуйте.

Рейвен изогнул бровь, услышав насмешку в голосе Горбина, но промолчал. Тут уже пришлось Горбину удивляться: покупатель взял медальон в руку и что-то нажал. Тихий щелчок, и над крышкой вырос изогнутый шип. Рейвен быстро провел по нему подушечкой большого пальца, оставляя на темном металле кровавый след. Медальон будто губка впитал кровь, очищаясь и светлея на глазах. Горбин беззвучно выругался: артефакт из чистого золота с кровавой привязкой — как он мог такое пропустить?

Кулон со странной вязью на крышке беззвучно раскрылся, и из него выпал свернутый в трубочку кусочек бумаги.

— Мемуары, не думал, что увижу их вживую, — Рейвен развернул пустой пергамент и стал выводить на нем оранжевым мелом странные знаки.

Кивнув самому себе, он убрал мелок в медальон и положил записку на прилавок. Продавец уже было хотел спросить, что с ней делать, но тут бумага вспыхнула, выжигая слова прямо на столешнице. Горбин открыл рот, чтобы возмутиться, но запись пропала так же неожиданно, как и появилась.

— Что? Как?

— Это сообщение смогут прочитать лишь немногие. А другим пусть глаза не мозолит. Благодарю, что уделили время.

Рейвен вежливо откланялся и быстро покинул лавку, оставив Горбина в полном недоумении.

Рейвен торжествовал: достать целых три предмета связи за такой короткий промежуток времени — редкостный шанс. Оранжевый путеводный мелок для сообщений, мелок для белого знака с предложением помощи и медальон. Все только для темных или Охотников, для остальных магов эти вещи — пустышки. Теперь, если его сообщения заметят, поиск будет осуществляться не в одностороннем порядке. Но чем больше записок — тем больше шанс, что нужные ему люди увидят запись.

Он решил заглянуть в место, куда хоть раз, но заходил каждый. В бар.

Паб «Белая виверна» хоть и находился в темном районе, но выглядел куда привлекательней, чем его собрат «Дырявый котел». Несмотря на то, что таверна была довольно темной и большая ее часть находилась в подвале, бар обладал неким лоском. Пьянящее сочетание красного с черным придавало этому месту дороговизны и серьезности. Но и публика здесь собралась другая. Не сказать, что она была в разы лучше, но, во всяком случае, в пабе отсутствовали придурковатые посетители, облаченные в пижаму и ночной колпак или дешевый дождевой плащ вкупе с домашними тапочками. А на таких Рейвен насмотрелся, не раз проходя сквозь «Дырявый котел».

Он не стал долго рассматривать убранство, а сразу направился к барной стойке. Заказав шерри, он присел за столик в углу зала так, чтобы боковым зрением наблюдать за входной дверью. Никаких чар вешать не стал — зачем привлекать лишнее внимание. Чем больше он попытается отгородиться или спрятаться, тем интенсивнее за ним будут наблюдать. А так был шанс, что про него скоро забудут.

Достав свой дневник, Рейвен раскрыл его на последней чистой странице и задумался. Стоило очистить свои мысли и подумать над дальнейшими действиями.

Сегодняшняя находка могла существенно облегчить поиск, если он ею правильно воспользуется. Одну записку он уже оставил в темной лавке. Стоило прикрепить еще где-нибудь в этом пабе и «Дырявом котле», но Рейвен мотнул головой. Нет, лучше не в самой таверне, а прямо у прохода в магический квартал, тот малюсенький закуток был идеальным местом. Шестеренки в голове ускорили обороты. Можно будет пометить и другие входы, но ведь он знал только один. Ситуацию нужно было исправить. Рейвен сделал небольшую пометку в голове.

«А ведь чистокровные предпочитают камин или портключи либо аппарировать. Проблема... — он нахмурился: — Куда ходят все маги, вне зависимости от положения?»

Лавки, пабы, бордели — это все, конечно, прекрасно и пользовалось популярностью, но их все посещали лишь в одном случае: когда есть деньги!

Оставить записку у входа в банк было прекрасной идеей. А недалеко можно и знак призыва нарисовать. Нужно только прощупать место, проверить внешнюю защиту банка.

Рейвен залпом допил крепленое вино и вернулся к барной стойке.

— Я желаю снять у вас комнату.

Бармен искоса взглянул на мага и продолжил натирать стаканы.

— Простите, мистер, но мы подобным не занимаемся, — буркнул он себе под нос.

Рейвен едва заметно прищурил глаза. Заявление хозяина паба вызвало сомнения. Он внимательно оглядел помещение, обежал взглядом барную стойку и мысленно улыбнулся.

— Знаете, чем отличаются качественные иллюзорные чары от некачественных?

Бармен промолчал, но Рейвен заметил, как его руки значительно замедлились, следовательно, он услышал.

— Так вот, некачественные чары сокрытия воздействуют только на наши органы чувств, тогда как высшая магия обмана влияет и на окружающее пространство тоже, избавляясь от мельчайших информационных несостыковок. Поэтому если не хотите, чтобы дверь за моей спиной заметил кто-то посторонний, либо уберите зеркальное покрытие задней стенки бара, либо повесьте чары получше, а то отражение и видимая реальность не совпадают.

Бармен за стойкой тяжелым взглядом уставился на посетителя и отвернулся к полкам с бутылками.

— Твою ж... Моргана! — он быстро выхватил палочку, и зеркальное покрытие уступило место деревянному.

Бармен развернулся к Рейвену, но тот даже ухом не повел. Не обращая никакого внимания на вооруженного бармена, он взял забытую бутылку хереса и плеснул себе еще вина.

— Если вы запустите в меня Обливиэйт, я приму это как личное оскорбление, — произнес он совершенно ровным голосом.

Не дождавшись никаких враждебных действий от посетителя, бармен наконец-то опустил палочку.

— Чего вам надо?

— Снять комнату.

Бармен еще некоторое время сверлил его глазами.

— С камином? — наконец спросил он.

— Без.

На стойку упал небольшой ключ.

— Дверь вы уже видели, третий этаж.

Рейвен коротко кивнул. Положив на столешницу деньги, он отправился наверх.

Помещение был небольшим, но вполне отвечало интересам Найтганда. Кровать да небольшой стол. Он кинул на кровать сумку и стал доставать из нее многочисленные инструменты: глобус, перьевую ручку, монокуляр. Сменив линзу на макро и активировав парящий Люмос, Охотник принялся за работу.

Места силы всегда привлекали к себе не только магов, но и маглов. Лей-линии, также известные как мировые линии — псевдонаучное для маглов и давно забытое для магов понятие, называющее линии, по которым расположены многие места, представляющие географический и исторический интерес, такие как древние памятники, мегалиты, курганы, священные места, природные хребты, вершины, водные переправы и другие заметные ориентиры. Из лей-линий складывались геометрические формы разных масштабов, которые все вместе образовывали единую сеть — силовых линий энергетического поля земного шара.

Маги почти потеряли эти знания, когда произошел неожиданный всплеск в немагическом мире. Существование лей-линий в Англии, как и название, были предложены в 1921 году английским археологом-любителем Альфредом Уоткинсом, представившим методическое изложение своей теории в книге «Древний прямой путь». 30 июня 1921 года Уоткинс посетил деревню Блэуордайн в графстве Херефордшир, где с удивлением обнаружил, что несколько холмов с древними руинами можно было соединить прямой линией. Открытый к новому и неизведанному ум позволил ему увидеть систему прямых линий, соединявших все окрестные примечательные места. Поэтому труды этого археолога

оказались довольно качественными и познавательными даже для магов. Но почему его труды вновь предали забвению, Северус так и не смог понять.

Однако он серьезно увлекся лей-линиями и смог выяснить для себе довольно много интересного. Например, в Древнем мире на семи мощнейших по тем временам узлах были построены чудеса света.

Также на великих узлах находились другие известные всему миру сооружения: храмы и дворцы Петра в Иордании, древний город майя — Чичен-Ица, расположенный в Мексике на севере полуострова Юкатан, руины Мачу-Пикчу — «затерянного города инков» — скрытые в зарослях джунглей высоко в Перуанских Андах. Китайцы в этом плане пошли еще дальше: их Великая стена была построена вдоль огромного отрезка лей-линии, захватив многочисленные мелкие и средние узлы, в сумме дававшие намного больше, чем любой крупный силовой узел.

Туманный Альбион также не уступал: Стоунхендж, замки Эдуарда Первого в Уэльсе, Вестминстерский дворец и Тауэр, памятники неолита на Оркнейских островах, пещера Горхема, список можно продолжать до бесконечности.

Рейвен прекрасно понимал, почему знания о лей-линиях тщательно скрывались. Произнеся специальное заклинание, он увидел, как глобус накрыла легкая золотая паутина. Увеличив масштаб карты, он взглянул на Англию и сверил данные с картой достопримечательностей. Коротко хмыкнул. Зная приблизительное месторасположение Хогвартса и менора Одли, Найттанду стало ясно, почему некоторые узлы оставались якобы пустыми.

— Все меноры и замки как на ладони, хоть прямо сейчас иди и бомби, — покачал головой Рейвен и стал высматривать самый неприметный узел в пределах Лондона или его пригородах.

Через час работы Охотник нанес на простую магловскую карту пометку и убрал артефакты в сумку. Взглянув на часы, он мотнул головой: за время йольских ритуалов его режим опять полетит к чертям собачьим, так что стоило отоспаться перед первой ночью.

* * *

Гарбхан Мамон предпочитал не вмешиваться в дела своих посетителей, но он всегда внимательно присматривался к тем, кто забрел к нему впервые. И этот черноволосый маг не стал исключением. Недорогая мантия хоть и была старой, но выглядела опрятно, а манеры и речь показывали, что перед ним не простой работяга, а человек, воспитанный благородно. Может, обедневший аристократ, а может, тот не считал нужным привлекать к себе излишнее внимание, кто знает.

Сначала он думал, что маг просто зашел выпить, но когда тот спросил про комнату, Мамон решил его прощупать. Отказать в просьбе — значит увидеть, какой человек на самом деле.

Мамон ожидал чего угодно: что молодой человек попытается давить, угрожать или же наоборот предложит большие деньги, но действия этого мага стали для бармена полной неожиданностью. Тот не стал ни торговаться, ни просить, ни пугать. Он как бы между делом заметил недостаток в защите секретов бара. Бармен чертыхнулся: если бы маг не указал ему на это, то у его клиентов, кто просил тайное убежище, могли возникнуть проблемы, особенно если бы нагрянул этот молодой аврор. Моуди, заноза в заднице, любил докапываться до любой мелочи и чуть пару раз не сорвал важные сделки. Он бы точно заметил косяк с иллюзией.

Когда Гарбхан направил палочку на мага, у того на лице не дрогнул ни один мускул. Спокойный, как удав, он даже под прицелом осмелился налить себе выпить. И Мамон, плюнув на все это дело, все же дал то, что изначально попросил клиент.

Посетитель не доставил проблем: он вообще вел себя тише воды ниже травы, хотя и уходил из таверны каждый вечер, а возвращался только под утро. Однако в Лютном было тихо, значит, он проворачивал свои дела в другом месте. Но Мамон так и не смог пересилить любопытство.

— Куда вы опять на ночь глядя? Не боитесь, что вас Дикая Охота унесет?

Маг слегка задержался на пороге и, бросив на Мамона секундный взгляд, коротко хмыкнул.

— А почему бы и нет? Был бы интересный опыт.

Когда дверь за ним закрылась, бармен покачал головой.

— Дурак. Либо безумец, — был его вердикт.

Маг исчез так же тихо, как и появился. Просто однажды утром положил ключ на стойку и вышел из бара. Мамон лишь коротко кивнул: ушел и ушел, главное, проблем с ним не было.

Гарбхан и забыл бы про него, если бы месяц спустя Пейт не вылез из своей норы. Этого торговца Мамон недолюбливал: лысый ворюга всегда заискивающе улыбался, но с такими как он, стоило держать ухо востро. Мерзкий как гоблин, Пейт стал расспрашивать бармена, видел ли он кого нового, странного, подозрительного недавно, на что получил лаконичный ответ, что подозрительный здесь только он. Торговец примирительно развел руками: «Таким уж я уродился!»

— А про меня никто ничего не спрашивал?

— Что, опять разозленный клиент решил тебя убить?

Пейт на это только фыркнул.

— Ох, никто не понимает моих шуток. Но ты, если кого нового увидишь, сразу мне скажи, — торговец схватил с прилавка бутылку настойки и был таков.

Тогда-то Мамон и вспомнил про черноволосого мага, но говорить о нем Пейту посчитал выше своего достоинства. Пусть тот сам разбирается.

* * *

Рождество в доме Блэков шло своим чередом. Регулус проснулся как обычно и устался в потолок комнаты. Взглянув на часы, он горестно вздохнул и стал одеваться. Вдруг Рег замер и сильно хлопнул себя по лбу: он же не в Хогвартсе, а значит, пар, а тем более, утомительных тренировок с Северусом не будет, а значит, можно и отоспаться. Но потом махнул рукой — он уже практически одет, да и спать не особо хотелось.

Спустившись вниз, он хотел позвать домового эльфа, но увидел в гостиной Вальбургу, что чинно сидела и пила кофе.

— Доброе утро, Регулус.

— Доброе утро, мама, — он нежно поцеловал руку Вальбурги и сел напротив.

Та благосклонно кивнула и щелкнула пальцами. Тут же перед ними на столике появились поджаренные тосты, джем, масло и сваренные вкрутую яйца.

Налив себе чай, Рег аккуратно принялся поесть завтрак.

— Ты сегодня рано. Обычно вас с Сириусом до десяти не добудишься.

— Мне слишком много нужно сделать, чтобы тратить время на сон.

— Неужели хоть один из моих сыновей это понял, — Вальбурга мягко улыбнулась.

Сама она, несмотря на то, что было всего семь утра, была одета в чайное платье

приятного темно-синего цвета.

Вальбурга не стала ни о чем расспрашивать сына, ведь это можно было сделать и за обедом, когда за столом соберется вся семья. Регулус благодарно кивнул и, забежав в комнату за книгой, сел поближе к камину.

Блэк трепетно провел пальцами по теплой обложке. Книга выглядела обгоревшей, но прикасаться к ней было приятно. Сначала Регулусу показалось, что надпись на обложке выполнена из золота, но буквы даже в темноте излучали внутренний свет. Эта книга была подарком Северуса на Рождество.

— Закрой глаза, — Снейп кивнул Блэку, продолжая раскладывать на столе старые свитки и рукописи, — вытяни вперед руку. Когда что-то почувствуешь, скажи.

Когда под пальцами приятно потеплело, он услышал удовлетворенный хмык товарища.

— Как я и думал. Держи.

Регулус открыл глаза и увидел протянутую ему книгу.

— Что это?

— Подарок. Пиромантия Изалита.

— Благодарю. Но почему именно пиромантия?

— Вы подходите друг другу. Я бы больше удивился, если бы не было отклика. Блэки славятся своим взрывным характером. Буйство эмоций и страсть. Огонь — ваша родовая стихия.

Теперь, сидя в кресле у себя в мэноре, Регулус понимал, какой шикарный подарок сделал ему Северус. Учебник пиромантии из Изалита, описывающий огненную магию ведьм иного мира. Пиромантия хаоса позволяла управлять лавой, именно она лежала в основе всех остальных школ. И самое чудесное, в ней были прописаны основы обучения, не подразумевающие палочку.

— Освоишь эту книгу, и если тебе понравится, подарю остальные, — вспомнил он высказывание друга.

Беспалочковая магия, причем стихийная — против такого соблазна Регулус не мог устоять. Правда, пришлось дать Северусу обещание, что технику безопасности он выучит неукоснительно. Магия пироманта должна калечить врагов, а не его самого.

Регулус очнулся только ближе к обеду, когда его позвали.

— Молодой хозяин, — перед ним возник эльф в темной наволочке с крючковатым носом и уставился с обожанием, — прошу к столу. Все уже собрались.

— Спасибо, Кикимер, — Регулус быстро встал и направился в обеденный зал.

Эльф оказался прав. Здесь уже собралось все старшее поколение Блэков: Вальбурга с Орионом, Сигнус с Друэллой, дядя Альфард о чем-то беседовал с дедушкой Поллуксом. Сириус уныло ковырялся в тарелке.

Рег проворно юркнул на свое место.

— Регулус, нехорошо заставлять людей ждать, — покачала головой мать, но отец мягко накрыл ее ладонь своей.

— Рад вас видеть, молодые люди, — Поллукс отсалютовал бокалом, — рассказывайте, как ваши успехи в школе, какие забавы нынче в моде?

Парни наперебой начали делиться успехами, но в основном спрашивали Сириуса. Регулус ведь регулярно писал письма, так что про него все и так было известно.

Мать внимательно слушала об успехах сыновей, иногда согласно кивая, иногда же наоборот, неодобрительно хмуря брови, но молчала.

— Я считаю, ты слишком много времени уделяешь забавам, и мало концентрируешься на учебе, Сириус, — заметила Вальбурга, — Лучше бы взял пример со своего брата. Кстати, Регулус, что это ты сегодня так увлеченно читал?

— Да так, друг подарил.

— Хорош друг, подарил какое-то горелое старье, — не удержался от язвительного комментария старший брат.

— Не суди книгу по обложке, — возразил Орион. — Кстати, хочу сказать, семейство Малфоев пригласило нас на бал в новогоднюю ночь. Кроме нас будут присутствовать еще и Лестрейнджи, так что вы увидите своих кузин.

— Не всех, — буркнул себе под нос Сириус, но его услышали.

— Сириус, — ледяной взгляд Сигнуса прошил того насквозь, — не смей упоминать имя осквернительницы крови в этом доме.

— А не то что, — вздернул подбородок Сириус, — мой портрет тоже будет выжжен?

— Сириус, — гневно воскликнула мать, но слово взял Альфард.

— Ну-ну, давайте не будем ссориться, тем более в Сочельник, вспомните, как мальчишки любили Анди, все мы были расстроены, но ведь могло быть и хуже: она могла выйти замуж не за волшебника, хоть и маглорожденного, а простого магла.

— Я не хочу даже слышать об этом, — возмутилась Друэлла, — тема закрыта.

Оставшаяся часть обеда прошла в напряжении. Сириус бросал во все стороны вызывающие взгляды, Регулус же, наоборот, уткнулся в тарелку и не смотрел по сторонам.

Вечер тоже был не самым радостным. Сириус заперся в своей комнате и выходить не собирался, а сам Регулус сидел в том же кресле у камина с книгой в руках, но взгляд его был печален.

Взрослые сидели в небольшой гостиной и играли в вист, Вальбурга время от времени кидала встревоженные взгляды на сына, и когда очередная партия подошла к концу, приблизилась к нему и уселась в соседнее кресло.

— Тебя что-то тревожит, сын?

Регулус оторвал отсутствующий взгляд от пламени.

— «Тоуџорс Риг!», семейный девиз. Ты всегда говорила, что быть Блэком — чуть ли не то же самое, что быть королевской крови... А короли не должны общаться с ничтожествами, так?

— К чему ты клонишь, Регулус? Выражайся яснее! — нахмурилась Вальбурга.

— В Хогвартсе я дружу с одним парнем со Слизерина, он меня сильно выручает, помогает найти материал вне школьной программы, он меня уже до середины пятого курса подтянул, хотя сам на четвертом. Я думал о том, чтобы пригласить его к нам. Летом. Ненадолго. Но дело в том, что он полукровка, — Рег говорил очень тихо, а последние слова произнес практически шепотом, но Вальбурга его услышала.

— Ты считаешь его полезным?

— Я считаю, что он многому может научить меня.

— Полукровка? — она скептически изогнула бровь, но Регулус твердо кивнул.

— Я видел, как он колдовал. Без палочки.

— Простой Люмос без палочки при должном усилии любой сможет.

— Нет, — мотнул головой Регулус, — мама, ты не понимаешь, он не просто усердный зубрила. Он не любит магию, которую нам навязали Хогвартс и министерство, он уважает только истинную Магию.

Вальбурга вопросительно поджала губы, но Регулус продолжил:

— Вот, это он мне подарил на Рождество, — и протянул ей старую обожженную книгу, от которой он не отрывался весь день.

Вальбурга с сомнением взяла в руки хрупкую на вид рукопись, и каково же было ее удивление, когда от кончиков пальцев по телу побежало приятное тепло, будто она встретила нечто родное.

— Пиромантия Изалита, — медленно прочитала она, — никогда о подобном не слышала, но книге точно несколько веков.

— Ну-ка, — неожиданно возникший за спиной Поллукс заставил их обоих вздрогнуть, — дай посмотреть.

Старик ловкими пальцами выхватил книгу. Нахмурившись, он внимательно стал изучать книгу, беззвучно шевеля губами. Затем тряхнул головой и уставился на Регулуса.

— Тебе эту книгу подарил твой товарищ? — тот согласно кивнул. — И ты хотел пригласить его к нам летом? — снова кивок, но уже менее уверенный. — Я даю тебе свое разрешение.

— Но, отец, — Вальбурга хотела что-то возразить, но замолкла под пронзительным взглядом мага.

— Пока я глава Рода Блэк, я решаю, кого можно впускать в дом, а кого нет. Регулус, напиши письмо своему другу, а книгу я пока заберу. И не смотри на меня такими глазами, внук, рукопись я тебе верну. Негоже на каникулах учиться.

Регулус печально кивнул.

Когда наступил поздний вечер и все разошлись по спальням, Поллукс засел в семейной библиотеке. Искал он одну книгу, настолько старую и ценную, что Блэк уже сомневался, а не хранится ли она в Гринготтсе. Но все же память не подвела старика, и нужный фолиант был найден. Аккуратно сняв защитный купол с книги, он перевернул хрупкие страницы, вчитываясь в предисловие, а затем изумленно взглянул на том, отобранный у внука.

— Моргана, неужели мать пиромантии...

Поллукс нервно промокнул пот со лба. Нужно было срочно посоветоваться с портретами предков, в особенности с одними из самых старых: с Алькор и Мицар Блэк.

— Снейп, Блэк, где вас черти носят? — капитан Дуэльного клуба Слизерина навис над двумя мальчишками, что лениво развалились в креслах.

— Булстроуд, в чем проблема?

— В том, что через две недели будет межфакультетское соревнование по дуэлингу, а две «звезды» нашего клуба даже не удосужились в этом полугодии посетить хоть одну тренировку. Но при этом на вас многие ставят! — яд прямо-таки сочился из голоса Адама.

— Мы...

— Просим прощения и обязуемся прийти на следующее занятие, — перебил Снейпа Регулус, за что получил недовольный взгляд от товарища.

Когда хмурый Булстроуд наконец-то ушел, Северус наклонился к другу.

— Я не хочу участвовать. Зачем нам это надо? — вопросительно прошипел он.

— Мы должны отстаивать честь факультета.

— Там и без нас есть кому ее отстаивать.

Но видя укоряющий взгляд Блэка, Сев сдался.

На следующий день ребята отправились в клуб. Так как встречи проходили после пар, то в классе можно было встретить ребят с любого курса, так что когда Рег убежал к своим однокурсникам, Северус не стал возражать. Почувствовав на себе пристальный взгляд, Снейп слегка повернул голову и увидел, как Розье быстро отвернулся.

После того памятного разговора в поезде их отношения стали несколько прохладными, а общение натянутым. Ребята слишком сильно были уверены в правоте своей философии. Да и сам Снейп понимал, что действовал слишком резко: потоптавшись по министерству, он еще серьезно проехался по самим аристократам, а такого их гордость вытерпеть не смогла, тем более от безродного полукровки. Но все же доля истины в его словах была.

Он тряхнул головой, отгоняя печальные мысли и сосредоточился на дуэли. Блэк выступал против своего сокурсника Уилкса. Несмотря на то, что Снейп хорошо натаскал товарища, да и сам Регулус был не промах, спарринг не был легким. Противник был довольно вертким, и хотя было видно, что по уровню он значительно уступал Блэку, сдаваться так просто не собирался. Едва ли его упорство переломило бы ход дуэли, но Уилкс явно давал понять противнику, что расслабляться пока рано. В конце концов Регулусу надоело выводить сложные цепочки, и он попытался подловить противника на простом заклинании. Послав в Уилкиса связку из трех заклятий, Блэк пустил вдогонку невербальный Конфундус. Северус заметил это лишь потому, что Рег сделал на одно движение палочкой больше, чем полагается в цепочке, а значит, атака была с довеском. Противник на секунду потерял ориентацию, и этого мига хватило Блэку, чтобы окончательно утвердить победу. Палочка Уилкса оказалась в руках соперника, ознаменовав окончание дуэли. Противники поклонились друг другу.

— Хорошая была битва, — Уилкис не выглядел ни капельки расстроенным, — мне понравилось.

— Мне тоже, — кивнул Блэк, — как же сложно было в тебя попасть!

— Ну, а как иначе, — Уилкис пожал плечами, — сейчас столько магических столкновений, можно без проблем попасть под чье-нибудь шальное заклинание. Но мне есть куда расти! Кстати, кто в этот раз жребий вытянул?

— Я, — рядом появился парень с соломенными волосами в едва различимых веснушках, — не знаете, у кого девятый номер?

— У него, — Регулус указал на Северуса, — Крауч, это Северус Снейп, четверокурсник.

— Барти Крауч, — ребята пожали руки, — не доводилось раньше пересекаться. Хотя, как по мне, дуэль — лучшее знакомство.

Сев согласно кивнул.

Молодые люди взошли на помост и встали напротив друг друга. Снейп мысленно вздохнул: он уже давно перешагнул порог возможностей даже выпускников Хогвартса, и поэтому ему приходилось сдерживать свою силу. Так, вместо семикурсников, которых еще можно было испытывать на прочность, в этот раз ему выпал студент, что был младше него. Эта дуэль обещала закончиться быстро.

— Приготовились... начали.

Северус уже приготовился отбивать первое заклинание, но его не последовало. Он перевел взгляд с кончика палочки на лицо противника. То, как Крауч глядел на него... Это был не взгляд человека, настроенного на победу или желающего его побить. Нет. Барти смотрел на него изучающе, так пристально, будто пытался что-то рассмотреть в Снейпе.

— Ты не воспринимаешь меня, как противника. Прошу, отнесись к дуэли серьезно, — тихо, но твердо произнес он.

Северус едва заметно прищурился. Оклюменцией он владел на должном уровне и легко бы заметил попытку вмешаться в собственный разум. Однако Крауч уловил его мысли. Интуиция советовала прислушаться к мальчишке.

— Хорошо, — медленно произнес Сев, — но у тебя лишь один шанс. Удиви меня, — короткий кивок.

Атаковать они начали одновременно. Стоило только Барти произнести первое заклинание, как Северус понял, какая завязалась цепочка. Стандартная связка из трех заклинаний не отличалась изысканностью, и ее можно было спокойно отразить Протега и последующим уворотом.

— Бомбарда-Конъюктивитус-Баубиллиус-Орбис, — произнес скороговоркой Снейп, заранее уходя с линии атаки.

Закрывшись от первого заклятия Протега, Крауч быстро сделал шаг в сторону, перенаправляя молнию в помост, и закрылся еще одним Протега. Так они перекинулись еще парой связок, когда в ход пошли отдельные заклинания.

— Опуньо Локсосдес, — выкрикнул Крауч, и в сторону Снейпа устремился рой мотыльков.

Насекомые закружились вокруг Сева, пытаясь отвлечь его, но он не стал обращать на них никакого внимания и успел послать в сторону Барти заклинание липкого поля, когда шестое чувство взвыло на полную катушку. Северус в последний момент успел сменить атаку на защиту и завернулся в Протега тоталум.

В тот же миг пространство вокруг него разорвалось серией взрывов. Мотыльки, стоило им только коснуться одежды, тут же вспыхивали со страшной силой, и если бы не защитное заклинание, то Северус бы сильно пострадал от этих мини-бомб. Злобно рыкнув, он выбросил руку вперед, мысленно отдавая команду. Из конца палочки вылетел бледно-фиолетовый луч и, зацепившись за одежду противника, рванул Крауча на себя. Быстро схватив за ворот рубашки, Северус приставил кончик палочки к его шее.

— Дуэль окончена.

Стоило только наблюдателю произнести эти слова, как весь гнев будто рукой сняло. Разжав пальцы, Снейп прислушался к своему учащенному сердцебиению и коротко хмыкнул. Давно у него не было подобной встряски.

— Благодарю за поединок, — Северус посмотрел в глаза Барти, — и за хороший урок. Никогда не стоит недооценивать противника. Ты отличный соперник.

Барти удивленно вскинул брови, но быстро вернул себе нейтральное выражение.

— Взаимно. Надеюсь, мы еще не раз пересечемся на арене.

Снейп и Блэк посетили еще пару тренировок, а потом наступил чемпионат школы по дуэлингу. Соревнования проходили в Большом зале, где ради этого сдвинули факультетские столы и трансфигурировали несколько помостов. Пары составляли не с учетом курсов, а с определением квалификации и силы участников. Да и победу присуждали в нескольких номинациях, чтобы никому не было обидно: факультет с самым большим количеством побед, лучший дуэлянт и лучшая битва. По количеству очков с минимальным отрывом победил Слизерин, второе место поделили Когтевран с Гриффиндором, на третьем оказался Пуффендуй, и то только потому, что там было меньше всего участников. И хотя этот факультет считался довольно неконфликтным, в этот раз ребята заставили всех вспомнить, что барсук, хоть и миролюбивый, но все же хищник. Пятикурсница с этого факультета получила приз зрительских симпатий за самую красочную битву. И это была чистая правда: все, кто наблюдал эту дуэль, были в восхищении. Девушка буквально порхала над помостом, ловко уворачиваясь от заклятий, насылаемых грузным гриффиндорцем, посылая в ответ жалящие искры красных, желтых, синих и зеленых цветов. Шестикурсник рычал от своих промахов и жалящих заклинаний, а девушка все продолжала виться вокруг него. Глядя на эту битву, у всех возникала невольная ассоциация: медведь и пчела. Наконец девушка попала своим заклинанием точно в руку противника, отчего тот выронил палочку, и поединок был окончен. Пуффендуйка победно прокрутилась вокруг своей оси, выпустив сноп золотых искр, и спустилась к зрителям, где ее тут же облепили радостные однокурсники. А вот приз лучшего дуэлянта, к всеобщему изумлению, взял семикурсник с Когтеврана, поразив судей обширным списком примененных в состязании заклинаний, причем этот парень ни разу не повторился, а часть заклинаний была его собственного изобретения. Профессор Флитвик аж на стуле подпрыгивал от радости и гордости за будущего выпускника своего факультета.

Северус не стал биться за какие-либо призы, хотя его победы были существенным вкладом в выигрыш факультета. На резонный вопрос Регулуса «Почему?» спокойно ответил, что слава вместе с завистниками ему не нужна, а светить своим уровнем, а тем более, своими заклинаниями он не намерен.

Снейпа вообще вся эта шумиха с дуэлингом не особо трогала. Соревнования были и прошли, так что на тренировки можно опять забить и забыть. Но кое-кто про него не забыл.

Северус спокойно обедал в Большом зале, когда он почувствовал на себе внимание целых трех пар глаз. Подняв голову, он увидел своего товарища Блэка, зажатого между Уилкисом и Краучем. Регулус выглядел спокойным и слегка надменным, как и полагается истинному слизеринцу, но Снейп слишком хорошо знал Блэка, чтобы не заметить панику на дне его глаз.

— Снейп, мы хотим с тобой поговорить.

— А это срочно? — тот нехотя оторвался от еды.

— Да, иначе вы потом с этим, — на этих словах Крауч кивнул головой в сторону Блэка, — опять куда-то исчезнете. И потом ищи-свищи.

— Ближе к делу, — Снейпа уже начала раздражать манера местных магов долго кружить вокруг да около вместо того, чтобы говорить коротко и по существу.

— Обучение Блэка, — вымолвил Уилкис. — Мы заметили, что наш товарищ существенно улучшил свои навыки, несмотря на то, что он и так был в числе сильных студентов нашего потока. Но он стал реже посещать гостиную и спальню, в библиотеке его тоже редко видят. Отсюда вывод: он занимается в другом месте. А если учесть, что вы появляетесь и исчезаете практически одновременно, то напрашивается вывод, что вы где-то нашли место для саморазвития. Верно?

— Что вы от меня хотите?

— Мы хотим к вам присоединиться.

— Ваше желание мне понятно, но зачем вам это? Если просто для того, чтобы быть лучшим студентом или сдать блестяще все экзамены, то это не ко мне.

— А у тебя самого какая мотивация? Какова твоя цель?

— Ну, у меня их много: изучить магию этой Вселенной, дабы она работала на мир, откуда я пришел, возродить клан вампиров и отомстить Церкви, убить нежить-Узурпатора. Список можно продолжать до бесконечности, на это одной жизни не хватит, но хорошо, что я условно бессмертный!

Проговорив это максимально пафосно, Снейп вновь вернулся к еде.

— Ну не хочешь говорить, и не надо, но зачем сказки рассказывать, — надулся Уилкис, но слово неожиданно взял Крауч.

— Ты ведь не врешь, Снейп?

— Ну, если бы я хоть на миг засомневался, примете ли вы мои слова всерьез, я бы ни за что не поведал вам правду. А раз уж вы сами не верите мне, то кто поверит вам, м-м-м?

Ребята замолчали, пытаясь переварить услышанное. Затем рты их медленно открылись в изумлении. Крауч что-то сдавленно просипел, а глаза Уилкиса стали похожи на глаза филина. А вот дальнейшее повергло всех окружающих в шок.

— Я готов к вам присоединиться.

На этих словах Северус подавился и немигающе уставился на Уилкиса. Тем временем тот продолжил:

— Снейп, мне осточертело это болото. После Хогвартса у меня одна дорога — в Министерство, а его политика, мягко говоря, не устраивает мою семью. А если ты действительно из другого мира, может, твои знания нам как-то помогут, а я в долгу не останусь.

На этих словах Крауч встрепенулся и закивал. Северус молча посмотрел на одноклассников Блэка, а затем пожал плечами.

— Хорошо, встречаемся в библиотеке в девять. И никому ни слова, иначе прокляну.

Ребята серьезно кивнули и покинули Большой зал. Северус устало потер переносицу: этих мальчишек он не знал, а следовательно, не знал, чего от них ожидать. Рекрутирование этих ребят — это как выстрел во тьме: нельзя сразу понять, попал ты в цель или нет. А тратить патроны впустую он не желал. Зато мальчишки сразу показали, что они с Блэком привлекли слишком много внимания, и если они продолжают в том же темпе, то последствия могут быть непредсказуемыми. Эти-то хоть прямо в лоб спросили, что происходит, а если кто-то начнет под них копать? И не дай Мерлин на их небольшую компанию обратит внимание администрация школы. Нужно было срочно менять тактику.

Северус нащупал зачарованный галеон и послал мысленный сигнал Одли.

Уворот. Уворот. Снейп пропустил заклинание над собой. Уворот. Подсечка. Круговой шаг в сторону. Рывок. Удар под дых. Резкий разворот. Шаг за спину, и он схватил замешкавшегося противника за шею. Чуть сжав пальцы, отчего враг начал хрипеть, он заставил противника выронить палочку.

— Вы все мертвы, — подвел итог Снейп, — плохо, очень плохо.

Уилкис с трудом поднялся, потирая ушибленную ногу, Крауч предпочел доползти до кресла, чтобы окончательно рухнуть в него.

— Ты быстрый как демон, по тебе невозможно попасть! — возмутился он.

Северус решил провести первичную проверку навыков ребят в Выручай-комнате и был, мягко говоря, разочарован. Несмотря на то, что Снейп был безоружен, ребята дрались втроем против него одного, и он повесил на них комплексную защиту союзника, дабы те не покалечили своими заклинаниями друг друга, они не то что проиграли ему всухую. Они даже по нему ни разу не попали.

— Нападать со спины подло! — возмутился Регулус, когда Снейп ослабил хватку.

Северус склонил голову и прошипел ему прямо в ухо:

— Ты сам виноват, что позволил противнику зайти себе за спину. Будь это настоящая дуэль, я бы не задумываясь вырвал тебе сердце, — все это было произнесено таким тоном, что у Блэка по спине побежали мурашки: точно бы вырвал, не поколебавшись ни секунды.

Снейп отпустил товарища и устало потер переносицу. Этот жест в последнее время уже стал привычным.

— И вы еще называете себя магами. Ваша скорость каста, — Северус тяжело вздохнул, — пока вы заклинание договорите, я успею кофе сварить и выпить. Хотя чего я могу требовать от студентов, что целых три занятия осваивали простую Левиосу. Олдрика на вас нет!

Барти в углу насупился.

— Ну, мы же не убийцы чудовищ, как ты.

— Правильно, вы будущие политики и интриганы. Но выпущенной вам в лоб Аваде на это как-то плевать. Равно как и клыкам оборотня, воткнувшимся вам в шею. А ведь эти монстры очень часто встречаются. Да за примерами далеко ходить не надо, вот тот же Запретный лес: акромантулы, кентавры, какая-нибудь неведомая хрень, выведенная Хагридом. Те же оборотни, хотя на школьную территорию они не могут попасть из-за барьера, но остальные тварюшки внутри находятся. А ведь некоторые магические существа невосприимчивы к магии, поэтому с ними приходится сражаться зачарованным оружием. Надеюсь, хоть один из вас занимался фехтованием, — парни дружно подняли руки, — отлично, первая хорошая за день новость.

— А когда мы будем заниматься новой магией? — задал вопрос Уилкис.

— Когда сдадите мне программу Хогвартса за четвертый-шестой курсы. Что вы на меня так смотрите? Регулус полгода усиленно занимался, прежде чем получил право на что-либо за гранью. Но это не самая главная ваша проблема!

— А какая же?

— Магглы.

И Северус поведал друзьям о своих опасениях.

— Магглы платят за технический прогресс жизнью планеты: вырубают леса, загрязняют воду и воздух. Они плодятся как кролики, тогда как численность магов, наоборот, сокращается из-за родовых проклятий, наложенных недругами. Они будут все ближе и ближе подступать к родовым поместьям, захватывая скрытые доселе территории. Единственный шанс для магов спасти старинные замки и мэноры — объявить их исторической или культурной ценностью. Однако это не сможет защитить магические расы.

Люди постоянно разрушают природу, вскоре они доберутся и до зачарованных зон. Знаете, чем это грозит: исчезновением магических ингредиентов, даже тех же наполнителей для волшебных палочек. С рынка пропадут различные зелья, лекарства... Цепочку последствий могу не продолжать.

— И что же делать? — Крауч нахмурился, пытаясь вообразить такое мрачное для волшебного мира будущее.

— Можно создать пространственный карман и там осесть, — предположил Уилкс, но Снейп покачал головой.

— Невозможно. Чтобы создать пространственный карман такого размера, нужно объединить силы всех волшебников, и то не факт, что через несколько столетий магия не ослабнет и карман не схлопнется вместе со всеми, находящимися внутри.

— То есть мы в тупике?

— Почему же? Выход есть всегда, — Северус слегка изогнул губы в улыбке, — если этот мир к вам так враждебен, почему бы не уйти в другой?

— Ты предлагаешь нам... отправиться в Ярнам?

— Не совсем, но идею ты уловил. Почему не в Ярнам? Потому что это не самостоятельный мир.

Ребята удивленно распахнули глаза, и Северус понял, что они от него не отстанут, пока он все не расскажет.

* * *

Когда падение Лондора под натиском Узурпатора стало очевидным, выжившие искали место, чтобы спастись. Аннализа, тогда она еще не была Королевой, а всего лишь придворным некромантом и верховной чародейкой, нашла решение. Никто не знает, как ей это удалось, но она смогла найти лучик света в беспросветном царстве тьмы.

Художники.

Это слово всегда было окутано тайной. Только им была доступна магия, которая находилась за гранью понимания темных душ. Создание миров.

Они не были людьми, но к нежити они не имели никакого отношения.

Художники не носили имен, как и их картины. Однако были исключения.

Нарисованный мир Ариамис и нарисованный мир Ариандель. Тюрьма и Пристанище.

Аннализа, ведомая пламенем надежды и отчаяния, проникла в последнюю картину и попросила Художницу дать им мир, который мог бы стать убежищем от Узурпатора. У некромантки были сомнения, что ее мольба будет услышана, но молодая девушка с оранжевыми глазами рептилии неожиданно согласилась, попросив взамен только раздобыть редкие ингредиенты для красок. Аннализа, не раздумывая, согласилась: краски — небольшая цена для спасения населения.

Вскоре холст проглотил первых переселенцев. Так как время поджимало, то Аннализа не могла ждать, когда работа будет закончена. Однако все прошло как нельзя успешно: когда картина была практически дописана, а большая часть жителей уже оказалась внутри,

Избранный все же нашел вход в нарисованный мир. Когда Аннализа, будучи уже Королевой в новом мире, узнала о том, что Ариандель пал, помимо горя она почувствовала еще невообразимое счастье: Узурпатор не тронул Художницу, да и вообще не обратил никакого внимания на ее труд. Полотно не заинтересовало его. Видимо, он не рассчитывал на то, что в одной картине может быть спрятана другая.

Однако, как и любая волшебная картина, магическое полотно начинало гнить вместе с его жителями. Рейвен в теле Северуса осознал это только недавно. Была ли Королева в курсе? Скорее всего, да. Подверглась ли она заразе? Неизвестно.

У него имелось два варианта спасения своих сородичей: либо вернуть всех в Лондор, либо найти там Художницу и попросить ее отреставрировать картину, пока не стало слишком поздно. Но все упиралось в Узурпатора, который в любом случае вставал на их пути.

Найтланд прекрасно понимал, что своими силами он не справится с тем, кто поглотил пять Великих душ Повелителей и пламя Первородных. Но вместе с его младшими товарищами из этого мира можно бросить вызов этому титану. Главное: вырастить из них отличных бойцов, и тогда они не позволят Избранной нежити убить его в первые секунды боя, лишь бы сами случайно не погибли.

* * *

Северус не стал рассказывать всей правды, ребятам и урезанной версии хватило за глаза. Ну зачем им знать все подробности, причем не самые лицеприятные: нежить, полые, гниение мира. Пусть про некоторые из них они узнают сами, так им будет легче принять его реальность, а некоторые, дай Мерлин, не заметят. Тем более, Северус надеялся, что с приходом новой Магии Лондор обновится, и проклятие нежити уйдет в небытие или хотя бы утихнет.

— То есть нам нужно помочь тебе убить лича, что устроил террор, а взамен мы получим все, что пожелаем?

— Переселение в другой мир... Это слишком... пугает, — выразил общее мнение Блэк.

Северус согласно кивнул головой. Другой мир — это вам не соседняя улица. Местные маги были слишком сильно привязаны к местам силы, тогда как жители Лондора могли спокойно восполнить свою ману голубым эстусом.

Снейп аж на месте подпрыгнул. Точно. Голубой эстус! Как он сразу об этом не подумал? Теперь не будет никакого магического истощения! Он быстро выхватил блокнот и начал там быстро строчить. А почему бы реально не приготовить этот эликсир? Это был вызов для него как зельевара. Интересно, а что лучше: золотой эстус или кроветворное? У второго дозы приема были меньше, зато их можно было взять побольше. Правда, эстус можно пить как живым, так и полым...

Снейп так углубился в свои думы, что Одли пришлось окликнуть его, дабы вернуть в реальность.

— Да, переселение... Но я не утверждаю, что вы должны сейчас все бросить и кинуться в омут. Для начала нужно хотя бы школу закончить. Вылазки в Ярнам я вам обеспечу, но о полноценном переселении можно будет говорить только через несколько лет. Может, вы поймете, что это все не ваше, что это слишком трудно, и вы сдадитесь на полпути, — Охотник видел, как слизеринцы сжали кулаки и мысленно улыбнулся: провоцировать этих юных магов было одно удовольствие, — а может, все будет ровно наоборот, время покажет.

* * *

Северус выбрался из подземного туннеля и вдохнул полной грудью прохладный ночной воздух.

Как и любое таинственное место, Запретный лес манил юного мага, однако Северус ходил туда не только из-за запрета. В лесу обитали различные волшебные существа, многие из которых были весьма опасны, но компоненты, что можно было добыть с них, весьма ценились в Лютном. Да и многие растения, что нужны были для зелий, произрастали здесь, а не в теплицах Хогвартса. Однако была еще одна причина, что заставляла возвращаться сюда снова и снова.

Это место навевало чувство ностальгии, ведь оно слишком сильно напоминало лес на краю Ярнама. Да и название имело абсолютно такое же, хоть живность была разной.

Деревья в чаще росли так густо, что здесь царил полумрак даже в самый яркий солнечный день.

Территория леса тянулась на многие и многие километры, и Северус уже несколько раз ловил себя на мысли, что неплохо было бы устроить где-нибудь здесь базу. Вряд ли ее кто-нибудь когда-нибудь найдет.

Нарвав полную сумку луноцветов, Северус уже хотел возвратиться к туннелю, ведущему в Выручай-комнату, но вдруг услышал посторонний для этого места звук. Он замер, весь обратившись в слух. Шелест листьев, крики птиц — все это исчезло, растворилось в гуле, будто Снейп находился глубоко под водой, на дне океана. Сев встал и ведомый внутренним чутьем двинулся в глубину леса.

Гул в ушах все не умолкал, он был каким-то монотонным, давящим, оставлял в душе чувство тревоги. По мере приближения к источнику шума звук менялся: сначала Снейпу казалось, будто это подводный рокот, затем подземная река, ревущий водопад. Все вокруг затопил белый шум.

Лес перед ним неожиданно расступился, и Северус очутился у подножья холма. Он взглянул вверх и обомлел. Огромное старое перекрученное дерево все светилось огнями. Снейп напряг зрение: сухие ветви были сплошь усеяны светлячками, и именно шелест их крыльев создавал этот невообразимый шум. При его приближении насекомые всколыхнулись и слетели с насиженных мест. Сердце замерло от невообразимой красоты. Будто искры пламени поднимались в ночное небо и растворялись в нем, во тьме.

Северуса на инстинктах потянуло к этому свету. Пытаясь коснуться этих живых огней, он заметил, как пара светлячков села ему на руку. Кожа на пальцах мгновенно почернела, будто покрывшись сажой, и Северус зашипел от боли. Пытаясь стряхнуть насекомых, он сделал шаг назад, но рой светлячков устремился прямо на него.

«Живой. Живой. В тебе Пламя. Отголосок Пламени. Искра».

Было больно. Очень больно. Светлячки, коснувшись кожи, яростно обжигали. С каждой новой вспышкой боли в мозг ввинчивались новые слова.

«Пришел. Перерожденный. Разбитый. Забывший. Забытый».

Еще шаг назад. Главное — убраться от этого опасного места. Северус отмахнулся. Шаг назад, и его нога провалилась в воду. Снейп обернулся. Что за чертовщина? Вместо леса — позади черная гладь озера. Снова взгляд вперед, и вместо холма перед ним развалины какого-то древнего храма все с тем же проклятым деревом с проклятыми светлячками.

«Смерти нет. Смерть — не конец, ибо все живущее остается частью великого круга перерождения».

Кожа уже потеряла чувствительность от многочисленных ожогов, а Снейп все

продолжал идти спиной вперед, уже по колено находясь в воде. Вдруг опора под ногами исчезла, он рухнул вниз, и вода сомкнулась над его головой.

Огненные цветы ожогов заменили ледяные кинжалы холодной воды. Все его тело будто парализовало. В этот миг ему стало по-настоящему страшно.

Воздуха становилась все меньше, а он никак не мог выбраться на поверхность. Сознание плыло и двоилось, но Северус продолжал молотить руками и ногами изо всех сил.

Ему казалось, что осталось сделать последний рывок и он вырвется на поверхность, когда его мир резко перевернулся и он обо что-то сильно ударился. Затем в лицо ему ударил резкий свет.

Когда глаза наконец привыкли, он увидел перед собой явно чем-то недовольного Мальсибера, а сам он находился на полу в их слизеринской спальне.

— Что... Что случилось? — Снейп явно ничего не понимал.

— Ты случился, — прошипел Адриан и уменьшил яркость Люмоса. — Кричал во сне, еще с кровати грохнулся.

— А разве... — начал было Северус, но быстро замолчал.

Про вылазки в Запретный лес его однокурсникам лучше было не знать.

— Прошу прощения, что разбудил. Не знаю, что на меня нашло.

— Не извиняйся, — Мальсибер махнул рукой, — я не спал. Читал. Тут на каждой кровати пологи тишины висят, — и он обвел рукой спальню, показывая, что другие соседи спят, — а ты, когда упал, свой снес.

— Ясно.

Северус проверил свои руки на наличие ожогов и, убедившись, что ничего нет, понял, что это был всего лишь кошмар.

Однако следующей ночью сны не прекратились, а стали, наоборот, еще хуже. Воспаленный мозг выдавал образы разрушенных городов, яростных битв, гигантских деревьев, древних драконов.

Северус устал. В какой-то момент он попросил у мадам Помфри зелье сна без сновидений, но эликсир не блокировал видения, а лишь приглушал, покрывал пеленой тумана. Неожиданно спасение нашлось в ментальной магии, в окклюменции. Менталистика позволяла защитить свой разум не только от посторонних, но и от самого себя.

Все это выразалось в практически полном отсутствии эмоций. Может, его соседям по спальне и стало спокойней, но для окружающих Северус будто отгородился ледяным коконом, и даже с друзьями он стал более холодным, что, однако, не изменило их отношение к нему. Все понимали, что менталистика накладывает свой отпечаток на личность. Но нельзя так просто погасить огонь.

* * *

— Долго нам еще идти? — Уилкис запнулся об очередной корень и чуть не растянулся на земле, однако Блэк вовремя подхватил его.

Они уже давно преодолели границу Хогвартса, но Снейп все равно продолжал вести группу все глубже и глубже в темный лес.

— Осталось немного, — Северус шел вперед уверенным шагом, зная, что товарищи последуют за ним.

Всего за пару месяцев ребята далеко продвинулись в учебе, и Снейп пришел к выводу, что их уже можно приглашать к участию в ритуалах, и ближайший не заставил себя ждать.

Белтайн. Этому празднику придавалось особое религиозное значение. Он был посвящён

богу солнца и плодородия Беленусу, которому приносили символические жертвы друиды, кельтские жрецы. Существовало поверье, что в дни праздника его можно увидеть спустившимся на землю. Белтайн отмечался разжиганием костров на возвышенных местах. Участники проходили между кострами или прыгали через них для ритуального очищения и защиты в новом сезоне. Так как это была ночь солнца и огня, Снейп, помимо Одли, решил прихватить с собой Блэка, а потом плюнул на все и решил взять всю их братию.

— И зачем мы сюда пришли? — выгнул бровь Крауч. — Можно же было и поближе пустошь выбрать.

Но Снейп лишь гневно шикнул.

Он тщательно выбирал место, ведь в обряде имела важность каждая мелочь: время, место, слова. Последние в особенности. Даже название праздника наполнено силой.<note>В древнеирландском языке «tene» — «огонь», корень «bel-», возможно, означает «сияющий» и связан с именами кельтских богов Белена и Белисамы, и таким образом, название праздника можно перевести, как «сияющий огонь», или «Огонь Бела». Другая гипотеза связывает название Beltaine с древне-ирландским словом at-bail «умирает»: это предположение не исключает связи Белтане и Белена.</note>

— Язычники были сильнейшими магами древности, ибо обращались не к одной личности, но ко всему, что могло дать им сил. Христиане пытались уничтожить их традиции, обряды, вытеснить своими церковными праздниками: близкой по дате Пасхой, праздником Святого Креста и днем святой Вальпургии, но, — Северус обернулся к ребятам, впервые улыбнувшись за долгое время, — магию нельзя уничтожить. Связи изменились, но не оборвались. Поэтому для многих магов имеет значение и Вальпургиева ночь — Ночь ведьм, Ведьмин костер — что несет боль волшебству. В деревнях проводится магическая церемония изгнания ведьм: люди разжигали костры, на которых иногда сжигали соломенное чучело ведьмы, совершали обход дома с факелами, звонили в церковные колокола и прочее. Может, это и пугает слабых магов, но для могущественного волшебника это лишь смех. Ведь Огонь так схож с Магией, и его контролирует тот, у кого больше силы.

— Ты хочешь сказать, — Блэк нервно сглотнул, — что древние колдуны использовали огонь для себя как источник силы, а все эти сожжения ведьм, действия Инквизиции — это использования нашего же оружия в руках врага?

Северус уже к этому времени успел разжечь костер, и теперь его лицо покрывали причудливые блики света и тьмы.

— Магия не оружие, которым можно завладеть и которое переходит из рук в руки. Это нечто большее. Будто воздух, которым все дышат. Будто небо над нашей головой. Будто... Космос. Мы не хозяева всего этого. Мы лишь используем Дары, что нам дали, поэтому мы должны ими верно распорядиться.

Снейп аккуратно взял Одли за руку и приблизился вплотную к костру.

От пламени невозможно было отвести взор. Оно гипнотизировало, пленяло, затопляло мозг, отодвигая назад все лишнее и обостряя тьму на периферии зрения.

— Вы хотели, чтобы я вас научил новой магии. Сегодня подходящее время для пиромантии — этой великой фантазии... Как утверждали Древние: «Мы рождаемся во тьме, и нас греет огонь, но мы не можем дотронуться до него. Те, у кого тяга к огню сильна, могут научиться держать его в своих руках».

Северус встал на одно колено и, запустив руку в огонь, достал из пламени красный уголек, что пульсировал на ладони будто живой.

— Огонь не в моей руке, он в моем сердце, а значит — он не может причинить мне вреда.

Северус ободряюще улыбнулся.

— Я знаю, первый шаг — самый страшный. Самый пугающий и болезненный, ведь сгорает вся грязь и погань. Дальше легче.

Парни нервно сглотнули. Самое ужасное во всей этой ситуации было то, что перед прыжком нельзя было пользоваться какими-либо амулетами или зельями защиты от огня, ведь это расценивалось бы как знак трусости, и кара за это была очень жестокой. Защита обращалась в свою полную противоположность и лишь усиливала пламя. Но и уйти, когда дело зашло так далеко, парни не могли, это уже был вопрос чести.

Снейп понял, что ему нужно первому прыгнуть через костер, дабы показать пример. Он коротко выдохнул и, прикрыв глаза, сделал шаг навстречу пламени.

Его опалило нестерпимым жаром. Ментальные щиты слетели, уступая невиданной силе. Еще шаг, и светлячки в сознании заметались, потянувшись к пламени большему, чем они сами. Шаг, и костер позади. Приятное тепло уходило, Северус зябко оглянулся назад и увидел, как рядом с ним возникла Пандора. Они одновременно кивнули друг другу и вновь прыгнули в костер. Всполох пламени, среди яркого света мелькали темные силуэты Блэка и Крауча. Поворот, чей-то радостный смех. Шаг вперед и вновь назад. Ночной холод и жар костра. Тьма и свет. Юные маги, проводившие древний ритуал, те, кто лишь пару минут назад умирали от страха, возрождались, переполняемые весельем и силой.

В Хогвартс они вернулись только на рассвете, когда от костра остались лишь угли. И если Северус с Пандорой вели себя как обычно спокойно, то парни просто пугали окружающих своими счастливыми улыбками и блуждающими взглядами, но никто так и не осмелился подойти к ним и узнать, в чем дело, да и многим вообще было не до того: до ежегодных экзаменов оставалось чуть меньше двух недель.

— День добрый!

Бармен дернулся и поднял взгляд на посетителя. Мамон мог поклясться, что секунду назад перед стойкой никого не было, но, человек, стоящий перед ним, говорил об обратном. Он сосредоточил все свое внимание на волшебнике, и лицо его показалось смутно знакомым.

— Свободные комнаты имеются, — он показал большим пальцем за спину, и Гарбхан тут же его вспомнил.

— Опять вы! И надолго?

— Не могу сказать, — черноволосый волшебник пожал плечами, — может, на месяц, а может, уже через неделю меня убьют, кто знает. Цена та же?

Бармен кивнул и кинул магу ключ. Тот ловко поймал его и исчез за дверью.

Войдя в помещение, Рейвен довольно хмыкнул. Это была та же самая комната, что он снимал полгода назад. Он положил чемодан на кровать и, щелкнув замком, достал золотой медальон. Поморщившись от боли из-за раскаленного металла, Найттанд открыл Мемуары, и оттуда посыпались многочисленные записки. Он углубился в их чтение и присвистнул — знак призыва активировался около двадцати раз, а он этого даже не заметил. Почему? Скорее всего, мешала защита Хогвартса, за что он сейчас и расплачивался.

Рейвен задумался. Первым делом нужно зайти к Шайверетчу, сбить излишки ингредиентов, добытых в Запретном лесу, а затем к Горбину. Может, тот подскажет, как решить проблему.

— Артефакт, который будет работать внутри антиаппарационного барьера? — Горбин почесал подбородок. — Такой имеется, но есть проблема.

Он указал рукой на шкаф в углу магазина. Рейвен подошел к нему, открыл дверцы, оглядел пустое пространство и вопросительно уставился на продавца.

— Исчезательный шкаф, — пояснил Горбин. — Дело в том, что такие предметы всегда делались парами: два шкафа, связанные между собой, стояли в двух местах и служили своеобразным «чёрным ходом», путём эвакуации.

— Выглядит целым. Так в чем загвоздка: сломан или слишком дорогой?

— У меня только один в наличии. Где второй — неизвестно.

— Ну, раз они парные, значит, связаны между собой. Вы не пытались выяснить, где вторая точка входа? Опытным путем?

Горбин покачал головой.

— А вдруг он на дне реки или в вещдоках Аврората, и тут я полезу. Нет, я не самоубийца.

— Ну зачем лично самому? Закинули бы туда кого не жалко. Кстати, как давно он здесь?

Продавец пожал плечами.

— Еще при моем отце стоял.

— Значит, долго. И никаких проникновений вы не наблюдали?

Еще один кивок. Рейвен побарабанил пальцами по дверце и крепко задумался. Проверить самому или попросить помощи у друзей. Регулус вроде хвастался, что у него, как и у всякого аристократа, есть личный домовик, который может телепортироваться там, где

не сможет маг, правда, в Хогвартс брать его не разрешалось, дабы не лениться. Хотя домовик мог разболтать старшим, где шатался Блэк, если сочтет это место в качестве угрозы. Рейвен нахмурился. С чего он вообще об этом задумался. Он же раньше полагался только на себя. Благодарумие боролось с любопытством.

Он пошарил по карманам и нащупал портключ, который был настроен на небольшой тупик в Лютном, и зачарованный галлеон.

«Ладно, пути отступления у меня есть, так что...»

Рейвен поставил ногу в глубину артефакта и обернулся на Горбина.

— Ждите, — коротко бросил он и, очутившись внутри шкафа, плотно закрыл дверь.

Звуки снаружи как отрубило. Рейвен прождал где-то с полминуты, но ничего не изменилось. Никаких рывков, как в камине, никакого протаскивания через игольное ушко портключа. Только тьма, запах пыли и гладкие стены шкафа.

Найтланд толкнул дверцу шкафа. Снаружи тут же послышался грохот, и створка, слегка приоткрывшись, застряла на полпути. Рейвен замер, затем выглянул в образовавшуюся щель. Он оказался в каком-то небольшом помещении, по размеру напоминающее кладовую, в окружении других шкафов и различных предметов хозяйственного быта. Навалившись плечом, Рейвен увеличил просвет. Высунув голову, он увидел, что шкаф был перекрыт нагромождением парт, стульев и швабр. Достав волшебную палочку, он отлевитировал баррикады в сторону и вылез наружу. Оглядев помещение более внимательно, заметил дверь и, стремительно приблизившись к ней, стал вслушиваться. Плавно повернул ручку и потянул дверь, которая даже не оказалась заперта, держа палочку наготове.

Впереди оказалась еще одна комната побольше. Быстрый осмотр показал, что она пуста. Помещение было душным и мрачным, без окон. Единственным источником света была керосиновая лампа, свисающая с низкого потолка. Вдоль двух стен стояли шкафы с ящиками для документов, на каждом наклеены какие-то списки. На дальней стене висели начищенные до блеска цепи и кандалы.

Рейвен оглядел комнату, пробежался глазами по документам и тихо взвыл.

— И как я отсюда шкаф вытащу?!

То, что это был кабинет старого завхоза Хогвартса Аргуса Филча, сомневаться не приходилось, хотя Снейпу посчастливилось ни разу здесь не побывать. Единственное, что он знал об этом месте: оно находится где-то в подземельях школы и здесь хранятся записи о наложенных наказаниях и конфискованные вещи.

Рейвену повезло, что в момент его появления завхоза не было в кабинете, иначе были бы проблемы. Однако это не отменяло того, что нужно было решать дела с парным артефактом. То, что Филч не пользовался Исчезательным шкафом, было лишь на руку: пропажу не сразу заметят. С другой стороны, Рейвен вообще не представлял, как он протащит шкаф из подземелья аж на восьмой этаж, не попавшись на глаза ни одному портрету либо призраку, охранникам и шпионам директора.

Вдалеке послышались шаркающие шаги и ворчание. Найтланд зашипел не хуже кошки и рванулся в каморку. Закрыв дверь, он залез в шкаф и, расставив Левиосой предметы так, как и было раньше, но с запасом на проход, эвакуировался.

Когда он вновь очутился в лавке Лютного, у Горбина чуть глаза на лоб не вылезли.

Проглотив очевидный вопрос: «Вы живы?», он встряхнулся и спросил:

— Вы знаете, где второй шкаф? Достать сможете?

— Знаю. Не достану.

— Так сложно?

Рейвен присел на табурет и схватился за голову.

— Так же, как вынести драгоценности Британской Короны из Тауэра!

— Не так уж трудно, — Горбин пожал плечами, — если уж захотели кого-то ограбить, то и для вора товар найдется.

Продавец указал на костлявую руку на камине и подмигнул Рейвену.

— Я вижу, парень вы смелый и отчаянный, так что я вам помогу. Слушайте...

* * *

Через три дня Рейвен вернулся в лавку. Стояла глубокая ночь, но продавец будто ждал его прихода.

— Привезли?

Горбин кивнул и достал из-под полы небольшой мешочек. Рейвен заплатил за товар и аккуратно пересыпал порошок в распылитель. Конечно, этой самоделке далеко до Розмарина Хора, но у магловского пульверизатора принцип работы схож, да и он гораздо легче огнемета. Дешево и сердито. Закрепив емкость под запястьем, он убедился, что пальцы удобно лежат на крючке.

— Иди сюда, — Горбин аккуратно взял с каминной полки Руку Славы, нежно погладил её и положил на стол.

Темный артефакт зашевелился и как паук заполз на руку Рейвена, вцепившись в его запястье чуть выше емкости с порошком. Тот поморщился, рука держала не хуже наручников.

— Рука Славы будет освещать тебе путь. Как только действие перуанского порошка начнет ослабевать, она подскажет, — в подтверждение этого артефакт еще сильнее сжал запястье Найттанда, отчего тот поморщился.

Рейвен кивнул Горбину, показывая, что все понял, и двинулся к шкафу. Очувтившись в камерке, дал глазам привыкнуть к тьме и зашел в комнату завхоза. Услышав мерное дыхание, он кинул для подстраховки два Усыпляющих на Филча и его кошку и стал потихоньку левитировать шкаф из подсобки.

Оказавшись через два часа на восьмом этаже, Рейвен уже мысленно проклинал этот шкаф. Ему чуть ли не на каждом этаже приходилось делать остановки, чтобы отдохнуть и прийти в себя. Магический артефакт жрал немереное количество энергии. Это не перышко Левиосой поднимать.

— Мне нужно спрятать шкаф, мне нужно спрятать шкаф, мне нужно, — в стене появилась дверь, и Рейвен дернул её на себя.

— Да мне не склад потерянных вещей нужен! — воскликнул он и уточнил свой запрос: — Мне нужна моя база, — щелчок ручки показал, что обстановка снаружи сменилась и шкаф наконец-то оказался там, где должен быть.

Рейвен устало рухнул на диван и уставился на артефакт.

— Проход в Запретный лес есть, в Хогсмид есть, теперь еще и в Лондон. Еще бы реальный, а не астральный проход в Ярнах... Мечты. Мечты.

Пришлось немного поговорить с Горбином. Рейвену было выгодно, чтобы шкафы находились там, где они сейчас, и ими мог пользоваться только он. Тогда как продавец был недоволен тем, что тайный проход доступен лишь Найттанду и он мог воспользоваться им в любой момент.

— Вот буду я обсуждать дело с важным клиентам, и тут вы из шкафа, клиенты не

поймут!

— Так давайте отнесем шкаф в какую-нибудь подсобку, чтоб на глаза не попадался. Он у вас в магазине сто лет стоял, пусть еще постоит. Нам обоим это выгодно, я вам смогу чаще ингредиенты сбывать и, — Рейвен понизил голос до выразительного шепота, — кое-что получше. А перед клиентами я вас подставлять не собираюсь.

— Контракт?

— Согласен.

В первые же дни Рейвен притащил парочку забытых артефактов из Выручай-комнаты: зачарованная шкатулка для украшений из малахита; кольцо очарования, которое оплетало свою носительницу небольшими чарами красоты, статуэтка феникса из венецианского стекла. За это он получил неплохую сумму, плюс Горбин показал ему черный ход его лавки. Дело пошло на лад.

Целый месяц Рейвен разбирал завалы в Выручай-комнате, а вещи даже не думали кончаться. Часть вещей ему приходилось чинить с помощью специальных заклинаний, а то, что невозможно было восстановить, либо разбиралось на составляющие, либо уничтожалось. На складе мусор мог спокойно соседствовать с раритетом, а безобидная безделушка с редкостной гадостью, поэтому приходилось проверять каждый предмет в особых перчатках. Конечно, защита была не такая классная, как у разрушителей проклятий, но для первичного осмотра артефакта хватало.

В очередной раз сортируя всевозможные диковины и причуды, Рейвен наткнулся на древнее украшение. Он повертел в руках потускневшую тиару. Зубцы инсигнии смотрели ввысь острыми железными перьями, и каждое перо было украшено небольшим сапфиром, а там, где диадема должна была касаться лба, тиара имела клинообразную форму, очень напоминающую собой клюв. Под толстым слоем непонятого налета едва виднелась какая-то надпись. Стоило только почистить украшение, как тиара засияла серебром.

— ...дороже злата, — Найтганд задумался.

Где-то он уже подобное слышал. Что-то связанное с Когтевраном. Рейвен мотнул головой и убрал диадему в сумку. Если эта вещь как-то связана с факультетом умников, следует показать ее сначала Пандоре. Рейвен побросал еще парочку ценностей в мешок и покинул Хогвартс. Рейд на сегодня был окончен.

* * *

Младший Блэк нервно бродил по гостиной, то и дело бросая взгляд на часы. Альфард сидел в кресле и со смехом в глазах наблюдал за ним.

— Регулус, что ты мечешься, как гиппогриф по загону. От этого твой друг раньше не появится. Портключ настроен на определённое время.

Почувствовав магическое колебание купола, он рванул в гостиную и распахнул дверь.

— Северус, — окликнул он мага, стоящего посреди небольшой мрачной площади, изучающе оглядывающего пространство вокруг.

Тот обернулся и, быстро взбежав на крыльцо, пожал товарищу руку.

— Лондон, — скорее уточняя, чем вопросительно спросил Снейп.

— Он самый, — Регулус бегло оглядел друга и для себя отметил, что для знакомства с чистокровным семейством Блэков Северус оделся вполне достойно.

К дальнейшему изумлению и счастью, знакомство с родителями Регулуса прошло гладко. Манеры его друга были безукоризненны, Снейп неотступно следовал этикету мага и джентльмена, очень легко и естественно вел беседы на нейтральные темы, а задавать

вопросы личного характера Вальбурге не позволяла английская вежливость. Вскоре Железная Леди покровительственно кивнула и отпустила молодых людей заниматься своими делами.

— Мне показалось, или леди Вальбурга была не очень рада мне? — спокойно спросил Снейп, когда они остались одни.

— Да, но я вообще удивлен, что она вела себя так сдержанно. Скорее всего, это из-за Поллукса, моего деда, ты его увидишь вечером. Именно он позволил мне пригласить тебя, — Регулус упал на кровать и оглядел гостевую комнату.

— А что Сириус?

— Брат не в курсе. Точнее, он знает, что ко мне собирался друг со Слизерина, а дальше ему было неинтересно. Сири сразу заявил матери, что уматывает к Поттерам на все лето.

Северус молча кивнул, принимая информацию к сведению. Тем лучше, меньше шансов нарваться на конфликт.

— Как продвигается изучение пиромантии?

— Не так быстро, как хотелось бы, — Регулус передернул плечами, — теперь все приходится делать под присмотром Поллукса. Дед еще на зимних забрал у меня книгу и чуть не на листы ее разобрал изучая. В Хогвартс брат не позволил. Хорошо, что я успел снять копию с книги, но сам знаешь, у таких вещей срок краток, — Регулус вспомнил свои занятия с Главой их рода и вздрогнул: он никогда не видел деда такими неистовым, увлеченным чем-либо.

— Сам-то ты чем занимался? — спросил он друга.

Узнав про Исчезательный шкаф, Регулус присвистнул. Это же сколько открывается возможностей. Также Северус рассказал другу про склад забытых вещей.

— Кстати, это же герб вашего дома? — Северус достал из чемодана небольшую шкатулку.

Регулус аккуратно взял ее в руки. Старая, из темного дерева, герб Блэков едва просматривался.

— Вроде да. Где ты нашел ее? Ты знаешь, что там?

— Даже не пытался узнать. Вещи, зачатые на крови, открывать себе дороже.

Регулус колебался. С одной стороны ему хотелось тут же узнать, что же кроется в несессере, а с другой — такая древность могла оказаться коварнее, чем видится.

— Кричер! — раздался хлопок и перед молодыми людьми возник старый эльф.

— Молодой хозяин чего-то желает?

— Кричер, ты самый старый эльф в этом доме. Ты знаешь, что это может быть? — Регулус протянул ему шкатулку.

Кричер внимательно оглядел вещь, затем поднял удивленные глаза на Блэка.

— Молодой хозяин! — висящие уши старого домовика задрожали от волнения. — Молодой хозяин вернул потерянную реликвию! Молодой хозяин!

Эльф порывисто обнял Регулуса, отчего тот даже растерялся.

— Ээ, Кричер, так все же что это?

— Молодой хозяин не знает? — изумился эльф. — Но как же тогда...

— Нашел Северус.

— Гость молодого хозяина? — удивление в голосе смешалось с недоверием.

— Хорошо, что вещь вернулась на законное место. Главное, чтобы она не навредила хозяевам этого дома.

— Нет, нет, нет, — замотал головой Кричер. — Эта вещь никогда не сможет быть использована против истинных Блэков.

— Значит, попробуем.

Регулус проколол булавкой палец и дождался, пока алая капля не скатится на механизм замка. Раздался тихий щелчок, и крышка откинулась.

Внутри обнаружился небольшой круглый значок на цепочке. Регулус аккуратно вытянул его из шкатулки и стал разглядывать.

— Похож на амулет.

— Это «Маяк клифа». Когда владелец находится в смертельной опасности и не может ее избежать, его находит тот, кому он больше всего доверяет и кто в данный момент может помочь, — начал объяснять Кричер.

Кричер подробно разъяснил назначение артефакта.

— Неплохая вещь, если, конечно, друг успеет прийти на зов, — заметил Северус.

Регулус надел амулет на шею, спрятав его под одежду.

— Ты не особо удивлен. Будто сталкивался с подобным прежде.

— Не совсем. Наши предтечи активно пользовались артефактами, и я помню описание многих из них наизусть. Например, кольцо жертвенности. За миг до смерти носителя создает фантома и ломается. Освобожденной энергии артефакта хватает, чтобы прорвать антиаппарационный барьер и выкинуть хозяина в безопасное место. Главный недостаток: одноразовое использование. Твое же кольцо, напротив, прослужило твоей семье много поколений до того, как было утеряно. Но его недостаток в том, что артефакт не выталкивает хозяина, а притягивает помощника, тем самым ставя в опасность его жизнь. Идеальных вещей не существует.

— Почему? — изумился Блэк.

— Закон равновесия — один из самых главных законов создания магических вещей.

— Северус, но ты же зельевар, а не артефактор. Откуда ты это знаешь?

— Потому что это только база. Основа. Я знаю правила, законы. Но если меня попросят создать с нуля Кольцо стальной защиты или Рубин Олдрика, я не смогу. На это способен только мастер. Но это не значит, что полученный результат я не смогу использовать с максимальной выгодой для себя...

* * *

Магия Лондора считалась силой, которой могли владеть лишь немногие, ибо она была детищем Великих и хранила в себе глубинные секреты.

Наибольшее распространение в мире получило волшебство, созданное Нагим Ситом, последним из драконов, но он не был единственным мастером Магии. Древний Олачилль владел уникальными заклинаниями «описания», по сравнению с которыми, волшебство Сита казалось прямолинейным, ведь отрицало все, кроме самого заклинателя. Ещё одним создателем уникального волшебства был Манус Отец Бездны. Его тёмная магия обладала большим разрушительным потенциалом, который связан с человеческой природой владельца.

Однако Магия была не только мечом, но и щитом. И если волшебство отвечало за атаку, то чудеса, в основном, представляли собой заклинания поддержки: усиление, защита и лечение.

Некоторые ученые, правда, выделяли в отдельную категорию Порчу — магию, берущую свое начало во Тьме, — и Заклинания из душ.

Снейп не обошел стороной и зачарованные предметы, а также способы их комбинирования. Правда, Северус боялся, что утопит товарища в новой информации, но Регулус впитывал знания из иного мира будто губка. Блэк постоянно задавал дополнительные вопросы, да такие мудреные, что Снейпу пришлось порядком попотеть, чтобы на них ответить.

— Я знаю, что ты учил Пандору рунам, но сейчас ты их не упомянул, хотя это способ усилить себя. Да и ты сам рассказывал, что предпочитаешь сражаться клинком, а не палочкой.

— Так сложилось, — пожал плечами Северус, — я ведь рассказывал, что Ярнам — всего лишь Убежище. И ради спасения нам пришлось заплатить высокую цену. Чтобы поддержать жизнь полотна как можно дольше, предки привязали к ней свою магию, что не могло не отразиться на детях. Картина выкачивала из жителей волшебство, поэтому последующие поколения рождались все слабее и слабее. Наше состояние было очень похоже на ваших сквибов: мы знали, что магия существует, но не могли использовать ее. Тогда величайшие умы взялись за дело и стали создавать специальные инструменты. Авгур Ибраитаса, Глаз Черного неба, Малый Тонитрус, Перчатки палача, Рев чудовища — каждый мастер желал превзойти остальных. Некоторые настолько далеко зашли в своей жадности, что последствия их экспериментов стали вечными памятниками города.

Северус вспомнил Часовню Яругул в северной части города и вздрогнул. Иссушенные трупы стояли на коленях, уставившись пустыми глазницами в темные небеса. Вокруг них ярким светом горело пламя души. Его жар нестерпим и опасен. Взрыв магии был такой мощности, что растопил брусчатку мостовой, а ударной волной прохожих заживо вплавило в стены. Черный день в истории Ярнама.

— Однако главная проблема заключалась не в том, что мы не могли колдовать, а в том, что мы переставали быть магами.

— А разве есть разница?

— Существенная. Маг, который не умеет применять волшебство по незнанию, все же остается магом, ведь внутри него течет энергия. А из нас она утекала. Магия больше не питала ярнамитов, в результате чего те стали подвержены различным болезням, продолжительность жизни сократилась.

— И вы никак не пытались решить эту проблему? — спросил Регулус.

— Пытались, — усмехнулся Снейп. — Так же, как и старые вырождающиеся семьи вашего мира.

— Путем обновления крови, — догадался младший отпрыск семьи Блэк.

— Верно, и с этого началось самое яростное противостояние за всю историю Ярнама.

Пересказывая Регулусу историю своего мира и историю своей жизни, Северус пришел к неутешительному выводу, что все это: война между Нечистокровными и Церковью Исцеления, исследование руин погибшей цивилизации Птумериан, охота за кровью — не имело смысла. Очищение. Загрязнение. Суть от этого не поменялась. Обе стороны стремились приблизиться к Великим, и обе в конце концов превратились в чудовищ.

— Все исследования крови проходили в основном в Бюргенверте. Наши ученые и ученые церкви проводили многочисленные эксперименты, некоторые даже сообщали. У нас была одна цель, но... методы мы применяли разные.

Северус говорил медленно, растягивая слова, будто рассуждая для себя, чем для Блэка.

— Мы хотели понять Великих, осознать, кем они являются, и возвыситься до их уровня. Однажды к нам попал любопытный образец: то существо было очень похоже на Великого, но им не являлось. Вы бы назвали эту тварь полукровкой. Кровь Великого обладала странной силой, однако при взаимодействии с человеческой кровью она произвела нечто абсолютно новое. То, что так долго искали наши предки — источник магии! Мы оказались на шаг впереди наших соперников, и они не смогли смириться с этим. Они вступили в сговор с мужами Бюргенверта и объявили ту кровь запретной. Для простых жителей выглядело странным то, что учёные, неутомимые искатели правды, могли что-то назвать «запрещённым» — и насколько же испорченной, нечистой должна была быть кровь Ярнам, чтобы они пошли на это.

«Возможно, эта кровь кишела паразитами, служившими источником «магических» способностей» — так они думали. И люди испугались этой крови. А также они стали бояться нас. Тех, кто добровольно позволил этим «паразитам» обитать в теле.

Глаза Регулуса стали похожи на два больших блюдца.

— А эти паразиты...

— Выдумка от первого и до последнего слова. Даже не так. У людей произошла подмена понятий. То, что производило магию в крови, — это были, скорее, некие бактерии. Они не несли ни вреда, ни пользы. А те твари, что были найдены в трупах, черви-паразиты, имели совершенно другую природу. Их происхождение явилось результатом мутации самих носителей плюс несоблюдение правил гигиены и общая антисанитария — короче все, чем славится чума, какой бы она ни была.

— А что стало дальше с исследованиями?

Снейп передернул плечами.

— Процесс застопорился. Не имея возможности полноценно обмениваться информацией, пользуясь лишь шпионами, что приносили бессмысленные обрывки информации или ложь, которую специально подсовывали, каждая сторона стала допускать все больше и больше ошибок. В итоге недалёковидные манипуляции с кровью зашли так далеко, что породили Чуму Зверя. Люди, что служили Церкви, стали превращаться в чудовищ. Чума приходила в разных обликах, и одно из них очень хорошо известно вашему миру. Ликантропия!

Северус вспомнил своего отца-маггла и сцепил руки в замок.

— И вы не смогли найти лекарство?

— Знаешь, имей мы дело с одной ликантропией, может быть, мы бы и нашли лекарство,

а мы имели дело с неконтролируемым вирусом, что изменялся внутри каждого своего носителя. Чума была страшной, она никого не обходила стороной: ни нищего, ни богатого, ни простолюдина, ни аристократа. Дворяне Кейнхерста тоже пострадали. Наша королева была великим некромантом и обучала своему искусству многих. А знаешь что за гремучую смесь выдали Магия мертвых и Чума Зверя? Вампиризм и упыризм. И сейчас я говорю не про вид магии как таковой, а про физические мутации. Также развелось много гулей. И если с вампирами мы смогли взаимодействовать, ведь они были полностью разумны и даже сумели сохранить свое аристократическое благородство, то низших кровососов пришлось уничтожать. Вот только чем больше мы боролись с чудовищами, тем больше мы забывали про исследования. Мы увязли в болоте. Хотя наши враги тонули быстрее, — криво улыбнулся он.

Аристократы с раннего детства обучали своих отпрысков владению оружием, ведь искусство шпаги при дворе ценилось так же высоко, как искусство пера. Дворяне Кейнхерства каждый миг совершенствовали техники магии и клинка. Они гордились своими знаниями, своими способностями, хвастались поверженными врагами.

Медленным и неуклюжим церковникам невозможно было достичь подобного мастерства: в них не было той толики ловкости и изящества — чего еще ожидать от вчерашних крестьян и бедных горожан.

Люди так привыкли винить в своих бедах и неудачах других, что, поддавшись зависти, в очередной раз обозвали аристократов чудовищами, ведь только монстры могут быть настолько быстрыми, а их искусство охоты — извращенным и порочным.

— Так же и с магией, Рег. Нет извращенной, темной магии. Есть лишь отношение людей к ней. Главное то, как преподносится информация.

Блэк со скепсисом посмотрел на друга. А Северус тем временем продолжил:

— Я дам тебе описание двух заклинаний, которые могут убить. Первое — абсолютно безболезненное. Человек даже не успевает понять, что он умер. Милосердно, не находишь? Второе приносит невыносимые страдания: человек начинает задыхаться, в душе поднимается животный страх. В ушах безумно стучит сердце, а легкие разрываются от боли. Эта пытка может длиться несколько минут. А потом твое сердце останавливается. Так какое из этих заклинаний темное?

Регулус на миг задумался. Подозрительно очевидный вариант, что второе. Однако, зная Северуса, Блэк мог предположить, что-либо оба заклинания темные, либо нет. Регулус прищурился и спросил:

— Скажи-ка, Сев. А первое заклинание случайно не Авада?

Тот согласно кивнул. Блэк потер подбородок.

— Второе заклинание... У меня есть два варианта: Акселитус — вызывает удушье, и Расти Акреско — плотенаращивающее заклятье. Покрывает человека толстым слоем жировых отложений, что приводит к его удушению. Оно может быть использовано для поимки привидений. Так какое из них?

— Вообще-то я думал об Агуаменти, с помощью которого можно попытаться утопить человека, но ход твоих мыслей мне тоже нравится. Всегда нужно иметь в запасе несколько вариантов.

Северус рассказывал Регулусу все, что он знал о Кейнхерсте, Бюргенверте. Великих, ярнамитах, птумерианцах. Церкви и Школе Менсиса. Ведьмах, чудовищах, духах. Прядя нить повествования, Снейп будто сам возвращался в прошлое, восстанавливал разрозненные

воспоминания. Медленно он сам стал понимать, почему хочет вернуться туда. Может, тот мир и был неправильным, искаженным, но он был прекрасен в своем уродстве. Дикая Охота заставляла его кровь кипеть, бурлить, заставляла его сердце биться чаще и чувствовать себя как никогда живым.

Нет, в размеренной и спокойной жизни были, конечно, свои плюсы, но... Жажда битвы неутолима. Даже, казалось бы, исследовательская деятельность обладала той пикантной остротой, что будоражила мозг. Ему до безумия нравилось чувствовать таинственность, загадку на кончике языка и опасность за спиной.

Регулус сидел в глубоком кресле, подперев голову коленом и выводя палочкой таинственные пасы. Он всегда любил слушать истории про рыцарей и драконов, монстров и охотников на чудовищ, но повествование его друга мало походило на сказку, даже довольно мрачную. Это была жизнь, настоящая, полная боли. Но из-за того, что она была реальна, она была желанней книжных романов.

Однако кое-что все же глодало Блэка.

— Знаешь, ты рассказывал про резню в Кейнхерсте. Про то, что всех дворян уничтожили. Но как тебе удалось выжить?

— Об этом поговорим в следующий раз, но скажу одно: тогда меня не было в замке, — Северус покачал головой. — О бойне я узнал лишь много лет спустя. Как и почему это произошло, мне неизвестно. Несмотря на то, что моя Королева была непосредственным участником этих событий, у нас нет полноценной картины произошедшего. Как Церковь узнала о том, что большая часть аристократов отправилась на охоту? Как они сумели проникнуть в замок? — он крепко сжал кулаки, вонзив ногти в ладони. — Хотя мои братья и обладали повышенной регенерацией, им было далеко до Королевы-некроманта. Если бы остались хотя бы тела... Но их раскромсали, раздавили, заливая стены замка кровью, сожгли, а прах развеяли над морем, не оставляя дворянам ни малейшего шанса на воскрешение. Мы так возгордились своей силой, оставляя наших врагов далеко позади, что забыли: люди бывают очень выносливыми и живучими. И я сейчас не только про свой мир говорю.

— Магглы, — догадался Регулус.

— Верно. Может, мы и считаем их жалкими, но не стоит их недооценивать. Если люди узнают о магах, они растерзают нас, как стая собак. Они задавят нас числом и оружием.

Северус приблизился к своей сумке и достал из тайного отделения пистолет. Глаза Блэка расширились от удивления. Слава Мерлину, ему не надо было объяснять, что это такое. Благодаря тренировкам Регулус знал, что это не просто черная дудка, из которой магглы стреляют друг в друга, а довольно опасное оружие.

Револьвер «Питон» притягивал взгляд. Удлиненный восьмидюймовый ствол сверкал серебром, хоть это и была простая никелировка. Щечки на рукоятке были выполнены из дерева и не лакированы, для усиления эстетического эффекта. Это, в свою очередь, позволяло Северусу осуществить задуманное.

— Зачем ты его принес?

— Я хочу, чтобы ты помог мне его зачаровать. У тебя ведь есть опыт в артефакторике?

* * *

Ужин в поместье Блэков всегда проходил в официозной обстановке, независимо от обстоятельств, и являлся неким подобием собрания семейства для подведения итогов дня.

Поллукс восседал во главе стола, имея великолепную возможность наблюдать всех

представителей рода. Вальбурга обсуждала вместе с Друэллой последние светские события, Орион, Сигнус и Альфард вели разговор о политике. Глава рода перевел взгляд на младшего отпрыска своего семейства и мысленно хмыкнул: он думал, что мальчишка будет болтать с гостем, своим однокурсником Снейпом, но молодые люди даже не глядели друг на друга. Наоборот, наострив уши, они всю слушали взрослых, пытаясь вникнуть и понять то, что происходит сейчас в мире.

Когда трапеза кончилась, обитатели дома рассредоточились по дому по интересам. Однако не все могли спокойно заниматься своими делами. Добравшись до своего кабинета, Глава рода вызвал Кикимера и приказал ему передать приглашение внуку и его гостю. Эльф глубоко поклонился, подметая ушами пол, и с громким хлопком испарился, а уже через минуту раздался стук в дверь.

Переступив порог, юные маги застыли в ожидании.

— Садитесь, — Поллукс сделал приглашающий жест.

Когда гости расположились в креслах, перед ними на стол легла книга. Поллукс стал следить за эмоциями подростков. Регулус, любимый внук, встрепенулся. Глаза загорелись нетерпением. Книга о пиромантии Изалита была познавательной, но весьма опасной. И Глава рода Блэк сомневался, стоит ли оставлять юного мага с ней наедине.

А вот Северус Снейп отнесся к рукописи с равнодушием. Вообще этот гость был довольно странным. Хоть Поллукс и разрешил пригласить сокурсника внука, однако он бы не позволил кому попало переступить порог дома самого ревностного в отношении чистоты крови рода.

Парень был непрост. По той информации, что Поллуксу удалось собрать, он выяснил: одноклассник его внука жил в рабочем маггловском районе в маленьком доме. Отец — работник фабрики. Мать — отлученная от рода волшебница, что было видно по ее магическому следу. Семья еле сводила концы с концами.

Вот только манеры гостя говорили о том, что этот молодой человек воспитывался в лучших традициях чистокровного семейства и держался как лорд. И если бы не дешевая, хоть и добротная одежда, Блэк вряд ли бы заподозрил, в каких условиях жил Снейп. Этаким принц и нищий в одном флаконе. Правда, содержание было лучше, чем упаковка.

Ситуация была забавна еще и тем, что мать Северуса как раз и была из рода Принц. Но все равно несостыковок было слишком много. Может, миссис Снейп и была прекрасной матерью и научила сына всем манерам чистокровных, однако некоторые вещи можно понять, только постоянно варясь в определенных кругах общества. Может, отец Эйлин, лорд Принц узнал о внуке и сам занялся воспитанием? Это объяснила бы многое, в том числе наличие таких уникальных книг по магии. Хотя вряд ли бы Глава рода Принц позволил бы своему внуку находиться в денежном затруднении. Но кто знает: Блэки и Принцы не особо дружили, чтобы обсуждать такие вопросы.

Однако что мешало расспросить самого Снейпа?

Поллукс посмотрел на Северуса и натолкнулся на спокойно-равнодушный взгляд. Юный маг не отвел глаза в сторону, а невозмутимо продолжил смотреть прямо, как на равного. Поллукс знал, что может придавить собеседника взглядом, однако то, что мальчишка держался, говорило о многом.

— Знаете, мистер Снейп, вы довольно интересны. В особенности взгляд. Слишком взрослый для вашего возраста, — заметил он.

— Я довольно много читаю. А мудрость книг имеет свойство отражаться в глазах, —

равнодушно заметил Снейп.

Поллукс мысленно покачал головой.

«Нет, парень, ты сам-то веришь в свою ложь?»

Эти глаза не имели ничего общего с любителем книг. Жестокий и спокойный взгляд, со шкалой терпения, в котором читалась смерть по достижении определённого уровня. Такой взгляд пугал даже опытных бойцов. Холодная, равнодушная смерть. Без ярости, криков, эмоций.

— И вы решили передать эту мудрость друзьям? — Поллукс кивком головы указал на фолиант на столе. — Довольно редкий экземпляр. Я бы даже сказал, уникальный. Эта книга принадлежала вашей семье?

Снейп коротко кивнул.

— И лорд Принц разрешил вам подарить такую ценность моему внуку? — забросил пробную удочку Блэк.

На лице Снейпа отразилось легкое недоумение, но тот быстро вернул себе нейтральное выражение лица.

— Лорд Принц не имеет к этой книге никакого отношения.

— Но разве... — Поллукс заметил, как занервничал его внук при упоминании семьи Снейпа, значит, мальчишка был лучше осведомлен.

— Сир, это подарок моему другу, Регулусу Блэку. На книге не лежит никаких проклятий, в ином случае... Я не понимаю, зачем обсуждать подарок?

Поллукс тяжело вздохнул и решил рискнуть.

— Не знаю, в курсе ли вы, мистер Снейп, но та книга, что вы подарили, является лишь одной из ступеней знаний к такому опасному, но в то же время прекрасному искусству магии, как пиромантия. В нашей библиотеке хранится еще один фолиант, некогда принадлежащий ведьмам Хаоса.

Снейп встрепенулся, и в его глазах разгорелся едва заметный интерес.

— И давно у вас хранится эта книга?

— С основания рода. Наши предки утверждают, что эта книга хранит частичку первородного пламени из иного мира. Пламени, что рождает души. Но это не более, чем красивая легенда. Алькор и Мицар всегда любили приукрасить сказания о былом.

— Глава, — Регулус почтительно склонил голову, — позвольте нам переговорить с основателями. Боюсь, их рассказы более реальны, чем вы думаете.

— Регулус, — Поллукс с неодобрением посмотрел на внука, — ты же знаешь, что в последние десятилетия основатели просыпаются все реже. В прошлый раз мне едва удалось их разбудить, а ведь каждый раз может стать для них последним. И тревожить их ради праздного любопытства...

— Праздность притупляет ум, Глава, я это усвоил с малых лет, — младший Блэк едва заметно дернул уголками губ, ведь у него перед глазами постоянно находился наглядный пример в лице старшего брата. — Но уверяю вас, это иной случай. Если я окажусь неправ, я готов понести заслуженное наказание.

Пожилой маг погрузился в раздумья. Лицо его оставалось бесстрастным, и лишь постукивание пальцев по подлокотнику кресла выдавали его колебания.

— Регулус, ты достойный представитель своего рода и говоришь довольно убедительно, и я склонен тебе верить. К сожалению, мистер Снейп, не могу сказать вам того же, ведь вы не Блэк, а ваша дружба, — между этими словами Поллукс сделал микроскопическую паузу, но Северус все равно уловил ее, — не прошла испытания временем. Поэтому я не знаю, чего можно от вас ожидать. Надеюсь, мои слова не прозвучали слишком грубо.

— Отнюдь, — Северус качнул головой, — вы полностью в своем праве.

— Глава, — хотя голос Регулуса звучал ровно, кулаки его сжались чуть плотнее, — если вы сомневаетесь, я готов взять полную ответственность за действия Северуса. Но я более чем уверен, мой друг не совершит ничего недопустимого.

Поллукс перевел взгляд со своего внука на гостя, затем обратно и на короткое время прикрыл глаза.

— Хорошо, но только на пять минут.

* * *

Из кабинета Главы они сразу же трансгрессировали в зал, где находились портреты предков. Северус ожидал увидеть что угодно, но реальность превзошла все ожидания. Помещение, где они оказались, больше походило не на гостиную, а на небольшой музей. Кругом стояли небольшие стенды, под стеклянными витринами которых лежали кинжалы, мечи и разного рода украшения. Вдоль стен, отделанных деревом и красным бархатом, неподвижными истуканами застыли статуи, с виду настолько древние, что можно было почувствовать дыхание времени. Между ними горели канделябры, и пламя свечей создавало причудливые тени, отчего казалось, что скульптуры едва заметно дышат, они живые и лишь спят до поры до времени.

— Многие считают, что важнейшим помещением в поместье является ритуальный зал, — произнес Поллукс, как бы отвечая на невысказанный вопрос гостя. — Отчасти это верно: там проходят многие ритуалы, что играют значение для жизни. Но ритуальный зал, скорее, выполняет роль желудка, тогда как сердце рода... — он обвел помещение рукой. — Сюда не ведет ни один коридор, и попасть сюда можно только с моего разрешения.

— Здесь хранятся артефакты, которые вы не доверяете гоблинам, — это был не вопрос, а утверждение.

— Гоблинам вообще не стоит доверять, — заметил Поллукс, — несмотря на все эти магические договоры.

Глава рода неторопливо вел их по залу, пока они не дошли до секции, где не было

статуй, но висели картины. Много картин.

Северус бегло оглядел галерею. Здесь было много портретов, но также встречались и натюрморты, и пейзажи. Люди на картинах в основном спали, однако некоторые рамы пустовали. В этом не было ничего удивительного: нарисованные маги могли ходить друг другу в гости, хоть и старались надолго там не задерживаться.

— Поллукс, ты привел посетителей? — спросил волшебник с короткой черной бородой и в подбитой мехом мантии. Другие портреты после этих слов встрепенулись. — Неожиданно. В одном из вас я вижу Блэка. Старший или младший внук?

— Младший, сэр, мое имя Регулус.

— А вы, молодой человек?

— Северус Снейп, сэр.

— Не слышал о такой фамилии, — волшебник перевел вопросительный взгляд на Главу, но, увидев в его руках книгу о пиромантии, коротко хмыкнул. — Опять будешь допрашивать наших стариков?

Поллукс лишь коротко кивнул.

Портреты основателей рода притаились почти в самом углу, и свет канделябров едва добирался до них. Северус едва их видел: картина была выполнена в темных тонах, и оба волшебника были в черных одеяниях. Алькор — в доспехах и плаще с золотой окантовкой, Мицар — в закрытом пышном платье. Рыцарь на портрете пришел в движение, а это значило, что портрет очнулся.

— Зачем потревожили нас?

Поллукс вкратце описал ситуацию, объясняя, что внук хочет расспросить предков о былых временах, на что первый Блэк коротко отмахнулся.

— Дела давно ушедших лет. Что толку говорить о мире, которого уж нет давно. *Ich wille griß* (Здесь и далее староанглийский — Как хочется покоя).

— Блэки, — едва слышно произнес Снейп, — черные доспехи... — он на секунду замер, а затем впился в лицо рыцаря взглядом. — *Blæc cniht? Cniht-crāwe?! Sweoster Friede's riht begen?* (Черный рыцарь? Рыцарь-ворон?! Верный слуга сестры Фриде?)

Волшебница в черном одеянии выпрямилась, сидя в своем кресле, а ее муж схватился за клинок на бедре.

— *Hwæt? Riht... Elfriede... Sweart cirice'sfæder... ealdor of þrie...* (Что? Верно... Эльфриде.... Основательница Черной церкви... Старшая из трех...)

Регулус понимал их лишь отчасти, но общий смысл уловил, и с изумлением теперь смотрел то на предков, то на друга.

— Как ты узнал? — спросил Алькор.

— Ваш герб: три ворона и особый колющий меч. Также ваша броня многое рассказала. Кто знает историю, тому не трудно догадаться.

— Ну, такой истории не учат в Хогвартсе, — усмехнулась Мицар. — Так кто же вы, мистер Снейп?

Северус бросил короткий взгляд на Поллукса, но потом вновь повернулся к портретам. Ему нужны были ответы. И правда — справедливая цена.

— Рейвен Найтланд. Мои предки были серебряными рыцарями.

— Вечные стражи города, даже когда боги его сгинули. Неужели и они покинули свой пост?

— Обстоятельства изменились.

— И что же случилось? — полюбобытствовал основатель рода.

Но Снейп покачал головой. Сперва ему нужно было узнать, в какой миг они покинули Лондор и переместились сюда, чтобы знать, как много ему придется рассказывать.

— Уж много веков мы не слышали о Лондоре, да и не надеялись услышать. Что ж, мы расскажем свою историю...

Многие века рыцари-вороны верно служили Эльфриде, основательнице Черной церкви. Когда было предсказано, что Огонь мира вновь погаснет, старшая сестра приняла решение укрыть незащищенных жителей в ином мире. Мире, что был спрятан в картину. Вместе с отцом они стали Хранителями Арианделя, надеясь, что Избранный вскоре вновь зажжет пламя.

Однако шли годы, а героя все не было. Картина медленно начала гнить, отравляя своих жителей, и тогда сестра Фриде приказала своим верным рыцарям отправиться на поиски нового безопасного места.

— Госпожа Эльфриде воспользовалась древней магией и сквозь ворота отправила воронов в другие миры. И так мы попали сюда, — Алькор Блэк обвел рукой окружающее пространство.

— Врата? — переспросил Снейп.

— Да, врата храма, что построили еще боги, дверь в Междумирье. Мы прошли сквозь завесу, но не смогли вернуться обратно.

— Почему? — изумился Регулус, — Что вам помешало вернуться?

— Прибыв сюда, мы осваивались здесь несколько лет. Хотели убедиться, что здесь можно жить, а не просто выживать. Только когда мы привыкли к здешней обстановке, было принято решение возвратиться с доброй вестью, но... — Мицар замолчала, и ее муж продолжил глухим голосом:

— К тому моменту связь с Арианделем была потеряна, а в Междумирье завелось чудовище. Многие погибли, пытаясь прорваться хотя бы в Лондор. Из разведывательного отряда уцелели лишь Блэки и Кроу, хотя они предпочитают называть себя Кэрроу.

— Мерлин, — Поллукс, что впервые слышал такие подробности, погрузился в раздумья.

Теперь Северусу нужно было рассказать свою историю. Он поведал основателям о том, что Избранным стал один из нежити, Негорящий, который захотел узурпировать Огонь. Жатва его была кровавой: он отобрал жизни не только Лордов, но и ушедших королей, и последних драконов. Вскоре он добрался и до Фриде. Она просила Негорящего оставить их в покое, но ее молитвы не были услышаны.

— Что же до остальных сестер, то Юрия и Лилиан присягнули на верность Узурпатору. Теперь не люди хозяева Лондора, а нежить.

Подобная новость опечалила первых Блэков, но Снейп не собирался прерывать рассказ. Он сообщил им, что Аннализа, следуя примеру Фриде, скрылась вместе с выжившими в еще одной картине, которую Узурпатор не смог найти.

— И вновь история повторяется, — печально улыбнулась Мицар, — ваш мир умирает, а вас, молодой человек, послали в качестве первопроходца в новые земли. Ну, мистер Снейп, считайте, что вашей родины вы больше не увидите.

На этом разговор был закончен. Маги вернулись в кабинет Главы, и Поллукс, сев в кресло, налил себе выпить.

— Да уж, признаться, вы меня поразили, мистер Снейп, или мне вас называть вашим настоящим именем?

— Пока что фамилия Снейп меня вполне устраивает. Мистер Блэк, я могу рассчитывать на сохранение полученных обо мне сведений в тайне?

— Раз вы того желаете, — Поллукс махнул рукой. — Надо же... гость из другого мира... И каковы будут ваши дальнейшие планы? А главное, какое участие в них будет принимать мой внук?

— Сложно сказать, — усмехнулся Сев, — но одно могу ответить: работы предстоит немало...

* * *

Сидя за столом в комнате Блэка, Северус склонился над револьвером и с помощью специального инструмента наносил на деревянную рукоятку одни ему известные руны, мурлыкая под нос некую мелодию. Регулус сидел рядом на кровати, на коленях у него лежали записи из книги пиромантии, но он сконцентрировал все свое внимание на друге, наблюдая за тем, как тот работает.

Раздобыть инструмент для нанесения рун не составило особого труда. Услышав просьбу племянника, Альфард коротко кивнул и лишь попросил бережного обращения, хотя подобное предупреждение было излишним.

Данное приспособление не особо сильно отличалось от того, что в свое время использовал Охотник, поэтому потренировавшись немного на трансфигурированных деревянных табличках, Снейп приступил к обработке пистолета. На одной стороне рукояти он изобразил неправильную пятиконечную звезду с вписанным в нее глазом; на другой — фигуру человечка с разведенными руками, позади которого стояли два столба. Хотя для сегодняшнего читателя подобная руна больше напоминает улыбающийся смайлик, плачущий кровавыми слезами; ствол тоже не остался без внимания — на никелевой поверхности появилась вязь, больше напоминающая грубый хирургический шов с множеством точек вокруг.

Первую руну, «Глаз», Северус обработал специальным голубоватым раствором, отчего рисунок стал еще сильнее выделяться на поверхности. Вторую руну, «Бесформенный Идон», окропил собственной кровью и дерево впитало ее как губка. Третья, «Наследник», осталась нетронутой.

— Я закончил.

— Не знал, что ты умеешь зачаровывать оружие, — Блэк встал позади Снейпа, но не спешил брать в руки пистолет. — Думал, это доступно лишь гоблинам.

— Охотник должен уметь улучшать свое оружие. На самом деле, лучше было бы провести инкрустацию самоцветами, но на данный момент у меня нет подходящего материала, — пожал плечами Снейп и, продолжая мурлыкать под нос мелодию, стал убирать рабочее место. Регулус сел обратно на кровать, но долго там усидеть не мог и опять вскочил:

— У меня складывается впечатление, что разговор с основателями тебя совсем не расстроил. Почему? Ведь тебе же сказали, что ты не сможешь вернуться.

— Все не так просто, мой друг, — Снейп хитро улыбнулся, — Что тебе известно про двери меж мирами?

* * *

Несмотря на гостеприимство друга, Северус решил надолго не задерживаться в доме на Гриммо. Но вместо того, чтобы отправиться в Коукворт, он вернулся в магический квартал.

Большую часть дня в Лютном переулке было мрачно, однако когда Солнце находилось в

зените и его не закрывали облака, луч света проникал и в это темное место, отчего оно становилось еще опаснее. Контраст между светом и тьмой достигал своего апогея, и люди, скрываясь от небесного светила, то исчезали в мгновение ока, то возникали будто из ниоткуда.

Северус старался держаться по большей части в тени, дабы не стать легкой добычей для не самых законопослушных личностей. Он уже практически дошел до лавки «Горбин и Беркс», когда дверь резко распахнулась и на улицу спиной вперед вышел человек.

— Не гневайся, друг, видишь, я уже ухожу, — человек, чья мантия больше напоминала сутану, чем бесформенный балахон, держал руки перед собой в примирительном жесте ладонями вперед.

Маг этот показался Снейпу смутно знакомым, и когда стал поворачивать свою лысую голову, он узнал эту заискивающую улыбку, и шок заставил его нырнуть глубже в тень.

Не обратив на прохожего никакого внимания, человек двинулся вверх по Лютному, весело насвистывая незамысловатый мотив. Выждав немного, Северус последовал за ним.

Идти пришлось не так уж долго. Лысый маг зашел в одну из лавок, дверь в которую открывалась не каждому, и Северус заколебался. Может, стоило расспросить Горбина о недавнем посетителе. Однако рука, повинувшись невидимой воле, уже потянулась к ручке, и та, повернувшись, громко щелкнула. Не спеша открыв дверь, Снейп осторожно заглянул в проем, готовый в любой момент уйти с линии атаки, давая тем временем глазам привыкнуть к темной обстановке в помещении. Перешагнув порог, он медленно двинулся в глубину магазина, внимательно прислушиваясь. Вдруг перед лицом мелькнуло что-то серебристое. Снейп на инстинктах подался назад и резко уперся спиной в чью-то грудь, а напротив шеи замер острый кинжал.

— Так-так-так, что за птичка залетела в эту клетку? — раздался над ухом еле слышимый голос.

— Не так быстро, Лоскутик, — в воздухе разнесся звук взведенного курка, — Что ж ты нападаешь, не успев предложить дружбы?

— Хм, действительно, прошу прощения за манеры. Но это несправедливо, что ты знаешь мое имя, а я твое нет, — произнес маг обиженным тоном.

Северус слегка повернул голову, чтобы видеть лицо Лоскутика, что с неприкрытым любопытством смотрел на него.

— А ты помолодел с нашей последней встречи, — хмыкнул Сев. — Вижу, от лишних волосатых конечностей ты успешно избавился.

— О, так ты Охотник. А я все гадал, кого из знакомых встречу на этот раз.

— И многим ты успел нагадать в трех мирах?

— Как можно, — притворно вздохнул Лоскутик и ловко спрятал кинжал в складках сутаны. Немного погодя и Северус спрятал пистолет. — Я... из лучших побуждений... всегда делюсь самым сокровенным, а все хотят меня обидеть! Неблагодарные!

— Ты, конечно, гад тот еще, но я рад тебя видеть.

От такого признания маг подавился воздухом и подозрительно уставился на посетителя.

— И чего же ты хочешь, милый друг? — с прищуром посмотрел на него Лоскутик.

Тогда Северус задал вопрос, на который ответ мог дать только он — обманщик, мародер, торговец, а главное, легендарный путешественник между мирами.

Уже с первого дня в Хогвартсе стало ясно, что пятый курс станет самым напряженным. И дело не в том, что в конце года пятикурсники должны были сдать СОВ, хотя и они были немаловажны. Северусу вскоре должно было исполниться шестнадцать, а значит, близилось время Инициации. И хотя он уже проходил ее в прошлой жизни, напряжение его не отпускало, ведь в этот раз он должен был подготовить не только себя, но и своих товарищей.

Если с заклинаниями и фехтованием особых проблем не было, то со стрельбой и верховой ездой все было практически по нулям.

— Нужно уметь вести бой на любой дистанции. Клинок на ближней, палочка на средней. Для дальней дистанции подойдут пистолет, лук и, как ни странно, посох, — заявил на первом собрании в Выручай-комнате Северус. — Как раздобыть огнестрел, я пока не знаю. Для овладения луком нужно обладать недюжинной силой, — он вспомнил своего прадеда, последнего настоящего драконьего всадника, и его лук, который он даже не смог натянуть. — А вот научиться использовать посох гораздо легче.

— Сейчас немногие пользуются посохами, — заметил Регулус, — а мастеров, что могут его изготовить, и того меньше. В Лондоне две лавки с палочками и ни одной с посохами.

— Мощность и дальность не способствуют сохранению Статута, — пожал плечами Барти, — мне отец объяснял.

Слизеринцы стали обсуждать, что может заменить посох. Был предложен вариант использовать трость. Бывало, данный инструмент использовался в качестве ножен для клинка или палочки.

— А что, если использовать трость не как ножны, а как усилитель? — предложил Уилкис. — Трость станет продолжением палочки, и будет полноценный посох.

— В этом что-то есть, — хмыкнул Блэк. — Подобрать аналогичную древесину не так уж трудно, а вот с сердцевинкой придется повозиться. Если трость будет полая, то можно попробовать пропитать дерево изнутри драконьей кровью. А вот что делать с волосом единорога и пером феникса...

— Из волос можно сделать пряжу, — высказалась молчавшая доселе Одли, — Можно параллельно приклеить несколько нитей, будто струны. Или же пустить одну нить, но по спирали. Не знаю, как будет лучше.

— Перья феникса — самая редкая сердцевина из всех, ведь они способны на самую высшую магию.

— А с чего мы решили, что материалы трости и палочки должны совпадать? — нахмурился Уилкис. — Есть же, например, композитные луки, а мечи делаются из сплавов различных металлов. Можно поэкспериментировать с материалами, чтобы добиться наибольшей эффективности.

— Прямо оружие-перевертыш, — усмехнулся Северус. Однако ребята прежде с таким не сталкивались, поэтому Снейпу пришлось объяснять: — Оружие с двойной природой. Трость-хлыст, молот-меч, меч-лук.

Эта идея захватила Уилкиса, и он стал пытаться друга, требуя рассказать как можно больше про чужеземное оружие.

Вопрос с дальнобойным оружием пока повис в воздухе, тогда как с верховой ездой решение вскоре было найдено.

Профессор УЗМС, мистер Кеттлберн, был энтузиастом, а иногда и безрассудным человеком, большая любовь которого к — как правило — опасным существам, которых он изучал и о которых заботился, приводила к серьёзным травмам. Не только собственным, но иногда и других людей. Впрочем, Кеттлберна любили, несмотря на эксцентричность, и его продолжительная работа в школе свидетельствовала о большой симпатии к нему со стороны преподавателей и студентов.

Поэтому уговорить профессора разрешить им периодически кататься на фестралах не составило труда. Однако Кеттлберн поставил пару условий: они будут помогать ему в кормежке и уходе за крылатыми конями. Впрочем, это условие было вполне справедливым.

Но была одна небольшая проблема, которая могла помешать обучению. Из всей компании только Одли и Снейп видели фестралов.

— Я же даже не вижу, где у него морда, а где хвост, — сетовал Уилкис. — А вдруг он на дыбы встанет, а я не увижу! Мы же не можем только в дождь кататься!

Тогда Пандора, как представительница факультета умников, предложила блестящую идею: использовать попону.

— Выглядит мрачновато, — резюмировал Уилкис, смотря на повисшее в воздухе покрывало, что слегка шевелилось.

— Я бы даже сказал, жутко, — добавил Регулус, наблюдая, как в пустом провале капюшона исчезает кусок сырого мяса. Совершенно бесшумно, — А ты что скажешь, Северус?

Тот пожал плечами.

— От них трудно отвести взгляд, — он улыбнулся одними уголками губ, глядя громадного вороного крылатого коня, больше похожего на скелет, по гладкой шелковистой коже. Морда фестрала напоминала драконью, а большие широко открытые глаза без зрачков светились потусторонним белым светом. Огромные крылья фестрала — мощные, кожистые и перепончатые, напоминали крылья летучей мыши, а длинный хвост скользил по земле подобно кнуту.

Так как фестралы любили темноту, Кеттлберн разрешил объезжать их только по вечерам, когда солнце уже садилось за горизонт. Ребята были только за: после ужина студенты предпочитали не выходить из замка, так что их занятиям никто не мог помешать.

Ездить на фестралах было немного непривычно. Фестралы не ходили под седлом, однако на этих лошадях достаточно комфортно было ездить и без него. Удобно разместиться верхом на спине фестрала можно, уперевшись коленями ему в основания крыльев, а также на манер женского седла. Фестралы взмывали в воздух довольно круто и резко, широко распахнув крылья, поэтому приходилось крепче держаться за загривок. Ребята в основном летали над территорией Запретного леса и Черного озера, хотя иной раз долетали до поля для квиддича, а затем неслись в сторону гор и обратно.

— Это было круто, — когда фестрал резко пошел на снижение, но приземлился совершенно незаметно и легко, Регулус буквально кубарем скатился с него, но был совершенно счастлив, — да это круче любой метлы в тысячу раз.

— Парни, время, — покачал головой профессор, — не успеете до отбоя!

— Вот черт, а можно сказать, что мы были у вас на отработке?

Кеттлберн лишь махнул рукой, и ребята стремительно понеслись в замок. Проводив Пандору до башни Когтеврана, ребята влетели в гостиную своего факультета, где напоролись на недовольного Мальсибера, который в этом году был назначен старостой Слизерина.

Выслушав версию с отработкой, Адриан недоверчиво хмыкнул: все знали, что у Кеттлберна мягкий нрав, и он никогда никого не заставлял отрабатывать у себя.

Тренировки занимали все вечернее время, поэтому ребятам приходилось разбираться с домашними заданиями во время обеда. В один из таких перерывов к их компании подошел Макс Харпер, капитан сборной по квиддичу.

— Блэк, в эту субботу будут отборочные в команду, это твой шанс попасть в команду.

— Отборочные? — тот вынырнул из своего эссе по трансфигурации и задумался. — Прости, Харпер, я не приду.

— Почему, — изумился тот, — ты же предыдущие два года так рвался!

— Мне это больше не нужно, — пожал плечами Регулус.

На самом деле Блэк долго размышлял, стоит ли заниматься квиддичем или нет. С одной стороны, стань он членом команды, родители гордились бы им, да и было бы о чем поговорить с братом. Но с другой стороны, Сириус был на Гриффиндоре, а его лучший друг был охотником в команде, поэтому квиддич вполне мог еще сильнее отдалить их друг от друга; да и после тренировок Снейпа игра на метлах казалась чем-то мелким и незначительным.

Впрочем, в последнее время он все меньше думал о своем брате. Раньше он очень хотел, чтобы Сириус уделял ему больше внимания, но тот все время проводил с Поттером, а после того, как Регулус поступил в школу, и вовсе стал кривить рот, называя его не иначе как «правильный Блэк». Конечно, Вальбурга их часто сравнивала, и это сравнение было не в пользу Сириуса, отчего тот злился, а Регулус не знал, как поступить, разрываясь между мамой и братом, в итоге не делая ничего.

На первом курсе он стал приятельствовать с Краучем и Уилкисом, но такой крепкой дружбы как у старшего брата с Поттером, не сложилось. Тогда Блэк, чтобы не завидовать, с головой ушел в учебу.

Ему нравилось проводить время с ребятами со старших курсов, но среди них больше всего выделялся Снейп. Несмотря на то, что он был полукровкой, что-то в нем невероятно цепляло. Может, дело было во взгляде, когда казалось, что его черные глаза, похожие на два бездонных туннеля, смотрят прямо в душу; может — в манере поведения, ведь Северус часто держался как взрослый, и это не выглядело смешно.

А когда тот показал уровень магии, коей он владел, Регулус пообещал себе, что он предпримет все, от него зависящее, чтобы стать таким же сильным.

В тот миг, когда Снейп поведал ему свою тайну, Блэк понял, что пропал. Ведь никому не дано остановить жажду окунуться в неизведанное. Подгоняемый мечтами о невиданных землях, он внимал каждому слову и выполнял все указания Северуса.

После к ним присоединились Крауч и Уилкис, но Блэк не ревновал: Снейп, как старший товарищ, успевал всем уделять время и внимание, оставаясь при этом внешне холодным. Однако он, сам того не ведая, продолжал притягивать людей.

Чтобы не вызывать особых подозрений, ребята периодически ходили в школьную библиотеку, где они могли мелькать на глазах других студентов, но даже там не прекращали свои занятия.

— Запретный лес близ Хогвартса и Запретный лес близ Бюргенверта разнятся как небо и земля. Если рядом со школой вам еще могут встретиться нейтральные или дружелюбные существа, то около института вас попытается убить абсолютно любая тварь: дикие собаки, зверюды, вороны, сгнившие трупы, плотоядные черви, змеиные клубки и паразиты,

огромные вепри и посланники небес. Например, носитель змей...

Северус быстро сделал набросок и показал его своим товарищам.

— При первой встрече выглядит как обычный зараженный. Но стоит к нему приблизиться на достаточное расстояние, и капюшон разрывается, а голова становится похожей на гнездо со змеями разных размеров. Противник очень опасен из-за большого радиуса атак и сложности в понимании его действий, по крайней мере, в первых битвах с ним. Змеи могут наносить удары вокруг Хозяина на триста шестьдесят градусов, выплевывать вперед облако яда и выполнять непредсказуемые серии атак. Также этот паразит умеет призывать клубки змей, что усложнит бой с ним в разы.

— Простите, а у нас в лесу действительно водятся такие создания? — Снейп повернул голову и увидел студента в синем галстуке, их ровесника. К груди он прижимал стопку тетрадей, во все глаза уставившись на рисунок. — Просто я думал, что мaledиктусы редко встречаются.

Ребята не стали прогонять случайно подслушавшего их разговор когтевранца, а наоборот, заинтересовавшись новым термином, втянули его в обсуждение. Северус стал подробно расспрашивать Квиррелла о таком явлении, как мaledикт, и это навело его на новые размышления о проблеме в Ярнаме.

— Тот, чья кровь проклята от рождения... Наследуемое проклятие... Мать Кос обратила свою ярость против Бюргенверта, а птумерианская королева, — Снейп тяжело вздохнул.

Про птумериан было известно крайне мало, чтобы делать какие-либо выводы. И как в мире, который был создан не так уж давно, могли быть найдены осколки цивилизации, история которой исчислялась тысячелетиями. На подобные вопросы у молодого Охотника не было ответов.

Зато появились ответы на другие. Еще в начале года Северус отдал Пандоре найденную в недрах Выручай-комнаты диадему, и та наконец-то завершила ее изучение.

— Без сомнений, это древний артефакт, принадлежавший когда-то одной из основательниц Хогвартса Кандиде Когтевран. Долгие века диадема считалась утерянной. Я рада, что ты ее нашел, но полагаю, ее содержимое заинтересует тебя гораздо больше. Полюбуйся.

Одли провела пальцами по зубцам инсигнии, и, что-то зацепив, вытянула наружу огненный черный стусок. Северус внимательно взгляделся в него и хмыкнул.

Издrevле в Лондоре существовала традиция преобразовывать души врагов в силу. Искусные мастера могли превратить любую квинтэссенцию в уникальное оружие или заклинание, главное, чтобы был подходящий инструмент. В старинных рукописях еще сохранились описания различных душ: у кого-то сердце было похоже на желтый огонек свечи, у другого — на красное пламя факела, у третьего — на черный огонь как при горении серы.

— Сильная душа.

— Всего лишь фрагмент.

— Фрагмент? — Снейп нахмурился.

Он вспомнил, как читал древние рукописи, относящиеся еще к эпохе королевства Дранглик, и среди описания уникальных артефактов ему попалась дескрипция Души Надалии, пепельной невесты, отрешившейся от плоти и скитающей по Мглистой башне.

<i>«Когда Надалия явилась в эти края, того короля, которого она искала, уже не было здесь. В отчаянии она отрелась от собственной души и слилась с наследием старого

короля. Душа пророчицы одиночества была разбита на двенадцать осколков. Одиннадцать она доверила пепельным идолам, что имели для нее огромное значение, а последний осколок взял Дымный рыцарь Рейме, влюбленный в пепельную невесту, которая окутала свои земли дымом и туманом»</i>

— Неужели придется искать другие? Но где?

— Может, стоит поискать остальные артефакты Основателей? — предложила Одли.

Подобная идея была воспринята благосклонно, и Северус решил переговорить с Горбином.

— Реликвии Основателей, говоришь? — продавец в задумчивости почесал отросшие бакенбарды. — Да их не видели уже века три. Хотя нет, один проходил через нашу лавку, много лет назад, — Горбин обратился к воспоминаниям. — Карактак, старый дурак, продал его за такую смехотворную цену! А такие вещи нужно выставлять на аукцион.

Найттанд стал расспрашивать подробности той сделки, но было видно, что этот разговор вызывает досаду у мага.

— Медальон ушел в руки Хепзибы Смит, я хотел его выкупить, но эта ведьма не желала со мной разговаривать. Пришлось послать помощника, что был у меня на тот момент, твой ровесник, наверное. С его дьявольским очарованием, Риддл бы точно уговорил ее продать нужные мне вещи...

— Но?

— Даже ему не удалось уломать эту каргу. А через пару дней ее нашли мертвой. В убийстве обвинили домового эльфа, но когда я попросил знакомого аврора поделиться описью имущества, медальона среди вещей не оказалось. И какое совпадение: в это же время мой помощник уволился. Поганец! — Горбин стукнул кулаком по столу, и Рейвен мысленно вздохнул: все было ясно без слов.

— А давно это было?

— Лет тридцать назад.

Рейвен хмыкнул. За столько лет с этим Риддлом могло случиться что угодно, и медальон мог вновь затеряться. Значит, придется попотеть.

К Горбину он отправился вечером, поэтому впереди была еще целая ночь. Стоило заглянуть к Лоскутику. Он дошел до нужного магазина, где над дверью висела потертая табличка, на которую он ранее не обращал внимания.

<center><i>«Добро пожаловать в лавку сокровищ Верного Лоскутика!</i>
<i>Мы скидываем цены, а не людей в пропасть!»</i></center>

Рейвен качнул головой.

«Интересно, сколько людей в Лютном о него уже сломало зубы?»

— Кого я вижу, — стоило звякнуть дверному колокольчику, как Пейт выскочил как черт из табакерки, — а я буквально на днях раздобыл то, что ты хотел.

Лысый на мгновение нырнул под стойку и достал оттуда толстый фолиант. Обложка из белой кожи пожелтела со временем, да и золотое тиснение потускнело.

— Справочник святой Элизабет. Лекарства и зелья по ее рецептам всегда высоко ценились, но здешним магам недоступен язык Дранглика, хотя многие пытались расшифровать записи. Но это же тебя не остановит?

Найттанд протянул руку, но мародер подтянул книгу ближе к себе.

— Сколько? — спросил Рейвен.

— Какой ты нетерпеливый, мой друг, — ухмыльнулся хозяин лавки, — но деньги меня

не интересуют. Есть для тебя одна работка...

Когда Рейвен нашел этот поселок, моросящий дождь наконец прекратился и к серой акварели неба добавились желтые оттенки заходящего солнца. Крыши домов уже давно сгнили, но каменные постройки крепко стояли на земле, прямые и гордые, озаряемые золотым светом.

Забытые хлева, пустые загоны, остывшие дома — жизнь давно покинула это место. Но одного взгляда хватило, чтобы понять: без боя дело не обошлось — переломанная мебель, черепки разбитой посуды, следы подпалин на стене. Рейвен слегка пнул чудом уцелевший табурет, и тот развалился в труху. Здесь не было ничего интересного, и пора было переходить к осмотру следующего жилья.

«Почему здесь нет людей?»

И действительно, остров Безотрадный, что был бы идеальным местом для любого отшельника или мага, который просто любит уединение, был необитаем. Но не мертв. В скалах на берегу гнездились птицы, а идя по заросшей дороге, Рейвен заметил пробежавшего вдали русака.

Хоть остров и был недалеко от северного побережья Шотландии, но все же его отделяла большая вода, поэтому трансгрессировать на этот клочок земли не было никакой возможности. Только портключом.

Неплохое место для тайника. Осталось только найти и забрать нужное. К сожалению, у Пейта была информация только о приблизительном местоположении: третий дом от колодца. Вот только на острове было две деревеньки, и нужно было проверить обе.

В первом месте было пусто, поэтому Рейвен отправился в следующее. Солнце еще не скрылось за горизонтом, но в небольшом пролеске, что отделял две деревни друг от друга, уже затаилась глубокая тень.

Найтганд медленно шел по узкой тропинке, внимательно оглядываясь по сторонам. Пусть торговец и утверждал, что в вылазке на остров не будет ничего трудного, но кнат цена его словам.

Впереди в кустах он заметил чью-то раскачивающуюся широкую спину, покрытую бурорыжей шерстью. Медведь не редкость в северных лесах, поэтому Рейвен решил обогнуть по широкой дуге крупного хищника.

Резкий порыв ветра заколыхал ветви деревьев, срывая последние алые листья. Человек и зверь замерли. Уловив чужой запах, хищник развернулся в мгновение ока и, рванув в сторону, исчез из вида.

— Что за?.. — Рейвен отшатнулся.

Это точно был не медведь.

Из соседних кустов послышалось низкое рычание. Палочка скользнула в руку, и в сторону источника шума полетел луч заклинания. Но тварь снова успела сменить позицию.

Это создание было меньше медведя, но крупнее акромантула, однако было быстрее их в разы. Тварь с поразительной ловкостью уворачивалась от лучей заклятия, перемещаясь боком, по кругу, но неуклонно приближаясь все ближе и ближе.

Рейвен, отступая назад, стал осыпать противника самонаводящимися заклинаниями, но тварь будто чувствовала сгустки магии и убегала в сторону до тех пор, пока те не угасали в опавшей листве.

Кинув взрывное заклинание по площади перед собой, он быстро сунул руку в набедренный подсумок, стараясь нащупать древко оружия. Ох, как же не хотелось сражаться не испробованным инструментом, но другого выбора не было.

Стоило нажать на скрытый рычаг, и увенчанные острыми зубьями диски взвизгнули в радостном предвкушении кровавой жатвы. От такого резкого звука рыжая тварь вмиг затормозила и встала на дыбы. Этого мига хватило, чтобы в подробностях рассмотреть чудовище. Круглое тело, покрытое свалявшейся ржавой шерстью, держалось на пяти толстых лапах, чьи кривые вытянутые ступни с длинными когтями были подвернуты внутрь. Рот, усеянный мелкими острыми зубами в несколько рядов, находился на брюхе и был таких размеров, что тварь смогла бы проглотить козу целиком.

Чудовище опустилось на все свои конечности, и Рейвен увидел круглые, смахивающие на две перевернутые кверху дном миски мутно-болотного цвета глаза, полные ненависти.

Пятиног дернулся вперед, за что тут же получил диском пилы по одной из конечностей. Взревев от боли монстр отскочил назад, сделал вторую попытку, но и в этот раз ему не удалось достать охотника. Гневно задышав, пятиног надулся и издал ужасающий рёв. Казалось, его было слышно даже на другом краю острова. Продолжительный и пронзительный, этот рёв был подобен звуку «Кх-ах!».

«Думаешь, напугал меня?» — усмехнулся Найттанд, но тут он услышал отклик на рев пятинога.

«Кха-ах» далеко за спиной, «Кха-ах» за теми дальними холмами, еще и еще...

Рейвен пантерой прыгнул вперед, стремясь оборвать боевой клич твари. В воздух взлетели клочья рыжей шерсти, обогранные кровью. Зубья пилы вгрызлись в плоть, раздирая тело чудовища в клочья.

Пятиног затих, но расслабляться было пока рано — его собратья приближались. Рейвен со всех ног рванул к деревне. Теперь все зависело от того, кто раньше преуспеет в своих поисках: пятиноги или маг.

* * *

Найттанду было страшно и весело одновременно. Вертушка пела словно расстроенная скрипка, кровь левой бежала по венам, а сердце боевым барабаном стучало в груди.

Когда он вбежал в поселение, там уже была целая стая монстров, но это заставило его лишь ускорить бег.

«Бей и убегай», — такая тактика была предпочтительней всего, ведь нельзя было постоянно держать пилу включенной, да и дрожь оружия уже перешла в руки, а нужный дом все не был найден.

Вдруг на краю деревни Рейвен заметил каменный круг колодца и, резко развернувшись, ударил преследовавшего его пятинога пилой. Однако он был охотником, а не инженером-оружейником: в какой-то момент самодельную пилу заклинило и ствол оружия был разможен зубами животного. Воткнув сломанное древко в глаз твари, Рейвен рванул к нужному дому и плечом выбил дверь. Влетев внутрь, он попытался захлопнуть ее, но пятиног просунул лапу в проем. В следующий миг лапы он лишился, дверь ударилась о косяк и была заперта на заклинание.

Времени даже на небольшую передышку не было. Рейвен не знал, насколько умны эти твари и хватит ли у них мозгов ломиться через окна.

Он стал методично исследовать дом. Очаг, полный золы, сгнивший чердак, подпол — везде было пусто. Обследовав все еще раз, Рейвен обнаружил, что в одном месте земля

теплая, даже горячая. Он стал руками разгребать землю и вскоре его пальцы нащупали металлическую шкатулку. Вытащив ее на свет, Рейвен тут же засунул ее в подсумок и достал портключ — пора было убираться из этого места.

* * *

— Надо же? Ты все-таки нашел сокровище! — воскликнул Пейт. — Приятно удивлен.

— Я тоже удивлен, — хмыкнул Найттанд, — думал, что портключ в один конец, не особо хотелось оставаться на Безотрадном с его-то обитателями, — на прилавок легла лапа пятинога.

— Как можно, мой друг, — торговец театрально схватился за сердце, — надеюсь, они не доставили тебе особых неприятностей?

— Есть немного, но если ты сможешь достать мне хорошее оружие, думаю, подобных вылазок будет больше.

Казалось, Пейт остался доволен ответом. Рейвен залез в подсумок и достал найденную на острове вещь. Торговец быстро обтер шкатулку, видимо, она сама мало интересовала его, и, откинув крышку, осторожно вынул наружу кольцо.

Немного грубое, выкованное из черного металла, с оранжево-голубым камнем.

— И что это за кольцо? Что в нем особенного?

— О, это кольцо принадлежало Неутомимому Воину, единственному сыну Ведьмы Изалита. Демон-Стоног был порожден именно оранжевым кольцом. Конечно, с течением времени его проклятие ослабело, но... Пятиноги ведь не на пустом месте появились.

Пейт поведал Охотнику легенду о возникновении этих монстров: о противостоянии двух шотландских кланов — МакКливертов и МакБунов, про пьяную драку, закончившуюся убийством и месть родных под покровом ночи.

— Как думаешь, теперь, когда кольцо у нас, тем проклятым возможно вернуть человеческий облик? — спросил Рейвен.

В ответ Пейт лишь тихо рассмеялся.

— Мой юный друг, это история произошла много веков назад. Те Макбуны уже давно умерли, а их детеныши и дети детенышей никогда и не были людьми. Им нечего возвращать. Они всего лишь агрессивные твари.

И как бы грубо ни звучали слова торговца, отрицать правду было бессмысленно.

Когда Рейвен, прихватив справочник святой Элизабет, уже собрался уходить, Пейт в очередной раз окликнул его.

— Друг мой, а помнишь, ты спрашивал про дверь между мирами?

Рейвен, уже взявшись за ручку двери, замер, а затем медленно повернулся к торговцу. Он старался сохранить спокойное выражение лица, но сердце все равно учащенно забилося.

— Проблема в том, что я не люблю возвращаться. Я иду вперед, не оглядываясь на руины, ведь из обломков ничего не сделаешь. Но тебя я отговаривать не собираюсь, нет-нет, каждый должен лохануться самостоятельно. Ну-ну, не обижайся, мой друг, — Пейт поднял руки в примирительном жесте, — так вот, о двери. Ты когда-нибудь слышал об Арке Смерти?

* * *

Сидя за круглым столом в Выручай-комнате, юные маги делились новостями, накопившимися за последние выходные. Всем было любопытно узнать, как прошла вылазка Северуса в Лондон, а тому, в свою очередь, было любопытно узнать, что происходило в его отсутствие.

Блэк с Краучем приняли за изучение Справочника чистокровных фамилий, пытаюсь выяснить, есть ли среди них еще потомки странников из других миров. Знакомясь с историей данных семей, их традициями, сравнивая гербы и девизы, они пытались найти тех, кто мог хоть как-то быть связан с темными душами.

Уилкис всерьез занялся изучением магического оружия, изучал проводимость материалов, пытался понять работу механизмов.

Природа проклятий захватила Квиррелла и он стал пытаться Одли, требуя от нее все новых и новых подробностей про Чуму Зверя, исследования Бюргенверта, кровь Великих погрузился в книгу о ликантропии и вампиризме.

Северус рассказал про задание на Безотрадном, про пятиногов, чем дал Квиринусу новую пищу для размышлений, дал взглянуть на справочник зелий из Дранглика. И поделился с ними своей проблемой.

Отдел тайн — особо секретный отдел министерства магии, где находились артефакты повышенной магической силы и опасности. Поэтому не было ничего удивительного в том, что возможный проход в Междумирье охранялся именно этим отделом. По их представлениям, Арка — проход между Миром живых и Миром мёртвых, своего рода портал, соединяющий оба мира. Считалось, что ступивший через завесу окажется в ловушке мира смерти навсегда. Что было недалеко от истины.

— Надеюсь, ты не собираешься штурмовать министерство? — спросил Регулус.

— В ближайшую пару лет вряд ли, — качнул головой Северус, — тем более, можно попытаться устроиться к ним в Отдел. Пятый курс, профориентация...

Но было и еще кое-что, о чем надо было позаботиться. Если ему все же удастся добраться до Врат, пройдя завесу, ему придется сразиться с чудовищем Междумирья. Шанс, что Северус убьет его с первого раза, был мизерным, поэтому ему требовался путь к отступлению, способ вернуться живым. Стоило спросить совета у Королевы.

* * *

— Нам нужно название, — заявил как-то за обедом Крауч.

Ребята оторвались от еды и с любопытством взглянули на товарища. Барти, радостный, что ему удалось привлечь внимание, решил развить свою мысль.

Они с разных факультетов, с разных курсов, но перед ними стояла общая задача. Половина их команды выпустится уже через два года, но их взаимоотношения — не просто школьный кружок, чтобы разрушиться под влиянием времени.

— Тем более, мы же в будущем будем расширяться, шесть человек — слишком мало, чтобы изменить мир. А на новичков магических обетов не напасешься. Нам нужно создать настоящий клуб.

— Ковенант.

Все взгляды устремились на Северуса.

— Ковенант, — продолжил тот. — Фракция, с которой любой желающий может заключить пакт. Это не место для веселых игр, но служение определенной цели. Конечно, не за просто так. Усердное следование идеям ковенанта — способ для получения редких и уникальных наград.

Фракции существовали в каждую эпоху, и каждая из них преследовала свои цели. Кто-то посвятил свою жизнь служению Солнцу, кто-то сдерживанию Бездны, одни возвели убийство врагов в ранг искусства, другие поклялись защищать слабых и обездоленных.

— Цели некоторых ковенантов были непонятны окружающим, другие откровенно

пугали. К примеру, Мародеры — ковенант безумных воителей, которые могли убивать людей, вторженцев, фантомов или же помогать убивать монстров, руководствуясь исключительно своим безумием. И хотя их лидер, Праведный рыцарь Годрик, тоже был безумен, он часто отговаривал новичков от поспешного выполнения задач Ордена.

— Мародеры, значит, — Регулус задумчиво посмотрел на стол алознаменного факультета, где послышался очередной взрыв хохота, — и Годрик их глава...

— Миры соприкасаются, переплетаясь историей. Даже находясь в разных реальностях, мы слышим эхо друг друга, — философски заметил Снейп, разглядывая герб Слизера и вспоминая бой с Тенями Ярнама.

Идея создания была одобрена всеми без исключения участниками. Обложившись книгами по магическим договорам, молодые маги начали обсуждение целей и задач, постулатов и кодекса ордена. И вскоре ковенант Возрождающих увидел свет.

* * *

— ...а также полиморфизм. Мистер Снейп, я вам не мешаю?

Северус оторвал взгляд от рукописи и увидел гневного профессора трансфигурации, которая раздраженно дергала волшебной палочкой. Если бы Макгонагалл была сейчас в анимагической форме, ее хвост в ярости бил бы по полу.

— Раз вы меня не слушаете, значит, все знаете. А раз все знаете, может, продемонстрируете нам свое мастерство? — она демонстративно указала в сторону доски.

Северус поднялся из-за парты и двинулся в сторону кафедры, не обращая внимания на хихикающих в соседнем ряду Поттера и Блэка. Он глянул на ряд диаграмм, которыми была исчерчена вся доска, но выразительное покашливание Макгонагалл говорило, что у него нет времени на их изучение.

— Пс-с, — Северус обернулся на Мальсибера, что сидел на первой парте и незаметно перевернул учебник трансфигурации, ткнув в жирный заголовок задания «Слияние с окружающей обстановкой», и едва заметно кивнул.

Как назло, нужное заклинание из учебника Хогвартса вылетело из головы. Северус попытался его вспомнить, но безуспешно. Однако он не хотел давать Мародерам очередной повод для шуток, да и потерять баллы факультета было бы неприятно. Тут ему в голову пришла идея, и он решил, что подобный вариант может прокатить.

Северус встал поближе к учительскому столу и, молча взмахнув палочкой, провел круг над головой. В тот же миг его окутало золотое сияние, и он исчез, а на его месте возник стул, точно такой же, на котором обычно сидела декан Гриффиндора.

— Мистер Снейп!

Макгонагалл стремительно подскочила к кафедре, замахиваясь палочкой, отчего лжестул медленно пополз в сторону, а затем и вовсе, отшатнувшись, вновь превратился в Северуса.

— Что?

— Что вы только что сделали? — взволнованно и в то же время гневно спросила она, запуская в ученика Диагностирующие чары и осматривая его со всех сторон.

От такого пристального внимания к своей персоне ему стало не по себе.

— Эм, чары Хамелеона.

— Мистер Снейп, чары Хамелеона помогают человеку приобрести расцветку и фактуру окружающих предметов, а не стать ими. Жест и цвет заклинания другой. Это определенно были не они.

— Ну, магия вариативна. Она различается от региона к региону. Не может же министерство включить в один учебник абсолютно все заклинания.

— В следующий раз, мистер Снейп, настоятельно рекомендую воспользоваться тем, что рекомендует наш отдел образования ММВ. Иначе в случае вашей ошибки мы не сможем быстро вам помочь. Садитесь!

Баллов, как ожидаемо, он не получил. Но и не потерял. Однако впечатлений оставил массу.

После пар к нему подошел Мальсибер, стремясь завести серьезный диалог. Он восхитился магическими способностями Снейпа и стал расспрашивать его про использованное заклинание, но Северус не стремился выкладывать всю подноготную. Тогда Адриан решил зайти с другой стороны.

— Ты же в курсе изменений в магическом законодательстве за последние два десятилетия? Все эти ограничения в плане колдовства, усреднение уровня магии, чтобы гряз... — он запнулся и продолжил: — Магглокровки не чувствовали себя такими ущербными...

Северус мысленно вздохнул. Староста опять завел свою любимую шарманку, а значит, говорить об этом мог бесконечно. Снейп погрузился в свои мысли, лишь изредка вставляя, где нужно, короткие комментарии.

— ...по обмену опытом, где собираются талантливые люди, не согласные с нынешней политикой. Такому нетривиальному магу как ты будет полезно посещение подобного общества.

Снейп задумался. Почему бы и нет. Если он хочет заявить о себе и найти союзников, то ему нужно будет создавать новые и новые социальные контакты.

— Что ж, значит, в эти выходные ждем тебя в Хогсмиде. Приходи, не пожалеешь.

Мальсистер ждал его рядом с указателем на границе магической деревушки и, коротко кивнув в знак приветствия, повел его вверх по улице. Завернув в переулок, он остановился напротив одного коттеджа, ничем не отличающийся от других, и прикоснулся волшебной палочкой к двери.

Пройдя вглубь дома, они вошли в огромную гостиную, видимо, расширенную пространственными чарами, где расположилось по крайней мере человек двадцать. Северус внимательно оглядел присутствующих: и хотя никто из них не был в школьной форме, было видно, что большая часть этих людей принадлежит к факультету Слизерина. Было здесь и несколько старшекурсников-воронов. При их появлении некоторые слегка кивнули в знак приветствия и продолжили слушать выступающего.

— Школа изначально функционировала на благотворительные средства наших благородных семейств. Но магглокровок с каждым годом становилось все больше, а галеоны не берутся из воздуха. Если они хотят учиться, пусть платят. Почему, например, мой отец должен платить за меня и за чужого ребенка?

В зале послышался гул недовольных голосов.

— Но эти отпрыски маггловского мира не могут и не хотят учиться. Лентяи и лоботрясы, они даже не пытаются вникать в суть Магии! А потом, когда у них ничего не получается или получается какое-то мракобесие, они винят нас, высшие силы, но никогда себя.

Зрители согласно закивали.

— Нередко можно наблюдать людей, далеких от целительства, спорящих именно на целительские темы, и людей, далеких от вопросов управления социальными группами, спорящих о высокой политике. И если не многие отважатся назвать себя специалистами в области, например, археологии или живописи, то практически каждый второй считает, что так или иначе разбирается в политике, целительстве, магии и воспитании детей.

Голоса недовольных стали громче, но молодой человек, что стоял на возвышении, поднял руку вверх и сжал ее в кулак, призывая к тишине.

— Мы впитываем магию с молоком матери, воспитываемся магией, живем магией. А магглокровки... Признаемся сами себе, мы находимся по разные стороны завесы. Им не понять наш уклад жизни, наши традиции, но вместо того, чтобы измениться самим, они пытаются изменить нас.

Оратор продолжил развивать эту тему, когда Северус почувствовал, как кто-то приближается сзади, а затем нагло облокотился на его стул.

— Как ты думаешь, магглокровки действительно виноваты в падении уровня магического образования и магии вообще?

Северус задумался.

Если говорить конкретно о законодательных актах, то министерство выпустило около десятка образовательных декретов, половина из которых пришлась на период Нобби Лича, первого маггложорожденного министра магии. Его назначение вызвало ужас в рядах старой — чистокровной — гвардии, многие из которых оставили свои правительственные должности в знак протеста.

«Кто покидает арену, проигрывает автоматически», — так говорил отец Рейвена, и он

имел в виду не только соревнования чемпионов.

Свято место пусто не бывает, поэтому на освободившиеся посты пришли амбициозные и жаждущие власти полукровки и магглокровки, что, конечно, не могло не повлиять на расстановку политических сил.

Что же до Хогвартса, то изначально суть обучения магглокровок сводилась к тому, чтобы они научились контролировать свои силы. «Не разрушать» вместо «создавать».

Этими выкладками Северус поделился с Блэком, что стоял сзади.

— Их учили вешать замки вместо того, чтобы открывать двери. Потом магглокровки стали учить этому своих детей и так далее. А ведь программа Хогвартса очень насыщена и требуют большого объема самостоятельной работы. Но вместо того, как спорить и как задавать вопросы, мы учимся молчать и подчиняться.

— Многие магглорожденные из-за этого уходят после пятого курса, неспособные двигаться дальше, — заметил какой-то когтевранец, — хотя некоторые из присутствующих так охочи до знаний, что они требуют все больше и больше. Ну какая химерология, какая теургия в Хогвартсе, я вас умоляю! Пф!

Но студент не стал дальше развивать тему, и молодые маги сконцентрировали все свое внимание на импровизированной сцене. Одни выступающие сменялись другими, кто-то говорил долго, кто-то бросал лишь пару фраз.

— И так ясно, что магглокровки слабее, — долговязый парень, что сидел в кресле в первых рядах, даже не удосужился встать, когда слово перешло к нему, — недаром Слизерин не хотел, чтобы они учились с нами. Они не слышат свою кровь. Не слышат магию. Они не могут возвыситься и остаются в грязи. Что нам до них?

Со всех сторон послышались крики одобрения.

— Жалкие грязнокровки!

— Не слышат кровь!

— Чистота превыше всего!

Несмотря на общий шум, голос Регулуса прозвучал довольно звонко, и его выкрик подхватили другие.

* * *

Северус продолжил ходить на эти собрания, но молчал на них большую часть времени. С посвященными в ковенант он давно научился общаться без слов, одними жестами, мимикой. Что же до непосвященных, они только присматривались друг к другу, молчаливо оценивая. Впрочем, такие встречи не ограничивались лишь политическими дебатами. Старшие передавали младшим секреты магии, кои не принято записывать на бумагу. Здесь учили и темной магии, но по сравнению с тем, что знал Снейп, это было так — мелкое вредительство.

Нередко он покидал Хогвартс, чтобы сбыть ингредиенты из Запретного леса; сдать и получить новые заказы в аптеке — зелья из справочника Святой Элизабет пользовались немалым спросом, — а также получить новости от Пейта. Его заказы хоть и были опасны, но приносили много денег. Северусу даже удавалось немного отправлять матери.

Также он искал способ избежать смерти. Он долго пытался разобраться, как работали фонари Ярнама, эти таинственные магические артефакты. Почему после смерти он перемещался именно к ним? Может, фонари перезапускали временной участок, ведь все чудовища после его гибели оживали. А может, Посланники купальни, что постоянно вились вокруг светильников, показывали видение будущего и путь, что мог пройти его фантом,

призрак, до следующего фонаря, а тот уже показывал следующий участок пути? Кто знает... Если вспомнить бой с Хенриком в гробнице Идон, что пришел мстить за убийство отца Гаскойна, тогда к нему на помощь почти сразу прибежала Эйлин. Погибнув и вернувшись на поле битвы, Рейвен заметил, что бой между старым Охотником и вороной шел полным ходом, и если бы Рейвен остался в стороне, Охотница бы наверняка погибла. Эта ситуация выбивалась из общей схемы.

Северус тяжело вздохнул. В магии времени он никогда не был силен. Да и в этом мире временными петлями и не пахло.

Может это не временной парадокс, а чудеса? Что-то схожее с Уходом от смерти? Или это нечто вроде Отрицания — древнего чуда, принадлежавшего кардиналу Шульвы и позволяющее обмануть судьбу?

Или же это обман врага? Вдруг в попытке избежать смерти дух Охотника создает копию, слепок души и подставляет его под удар, а сам устремляется куда подальше? Тогда почему он чувствует боль перед смертью? Драккл, как во всем этом разобраться?

На пергаменте невольно возникает рисунок фонаря. Изогнутый, будто стебель цветка, столб; медные колокольца; светильник на цепи и Посланники купальни, в исступлении молящиеся под его светом.

Что же он упускал?

Будь рядом Одли, она как истинная когтевранка дала бы ему совет: «Если головоломка не складывается — начни сначала».

А что есть начало?

Он пробуждается в больнице. Растерянный, разбитый. Вокруг тихо и мрачно. Идет вперед сквозь комнаты. В одной из них он сталкивается с оборотнем. Один удар когтистой лапы, и дух вырывается из вспоротой грудной клетки.

Он приходит в себя на земле у подножия небольшого каменного здания среди могил. На небе светила полная Луна, а в воздухе витал аромат лилий.

Поднимаясь по гранитным ступеням, он встречает Посланников. Маленькие лысые гомункулы с белой кожей, в своих тонких словно хворост лапках они держат обманное оружие и молчаливо, но настойчиво предлагают его в дар.

У старого могильной плиты он вновь встречает их. Посланники приветствуют его, тянут к нему руки, прося прикоснуться к надгробию.

Охотник часто встречает их на своем пути. Тревожные, несущие предупреждения; угрюмые и расстроенные, рядом с местом упокоения павшего охотника: плачущие, они обнимают надгробие, несущее отпечаток последних секунд жизни неизвестного бойца; задумчиво молящиеся у фонарей; радостные и довольные продающие лекарства и оружие. Незаметные и, как ни странно, незаменимые помощники.

«А помощники ли?» — голос Доктора врывается в сознание, и память обжигает воспоминание.

Он лежит на жесткой кушетке и мерзнет. Рука онемела, но согнуть ее нельзя, дабы не потревожить иглу в вене.

Хоть это и невозможно, но он чувствует, как чужая кровь смешивается с его собственной, заражает, меняет его и порождает странные видения в сознании. Кровь течет. Течет. Течет.

Повернув голову набок, он наблюдает, как из огромного разлива крови на полу

возникают золотые глаза и на поверхность поднимается оборотень с багровой мокрой шерстью.

Охотник не может ни пошевелиться, ни отвести взгляд. Оборотень тяжело встает и медленно бредет к нему. Вытягивает лапу с длинными как кинжалы когтями, осторожно, если не сказать, нежно, будто желая погладить. Но стоит только зверю прикоснуться, как тот вспыхивает подобно просмоленному факелу. Пламя бушует, заворачивая. Волк пытается сбить с себя пламя, ревет от боли, а затем падает, опаленный, и исчезает.

А затем он видит их: маленькие лапки хватаются за край кушетки, после появляется белое тельце с лысой уродливой головой. Он карабкается по его телу и шипит, и воем. А затем появляется еще один. И еще. И еще.

Он чувствует их. Как они облепляют все его тело, не дают дышать. Ползут к лицу. Он видит их белесые глаза без век, рты, похожие на щель, полные острых зубов. От мысли, что они растерзают его, начиная с лица, становится жутко. Их так много, что они полностью скрывают обзор. Их шипение и вой сводит с ума.

Когда он уже практически валится во тьму, на края сознания слышит приятный женский голос:

— А, вы нашли себе Охотника...

Северус очнулся в холодном поту. Резко вскочив, отчего стул, на котором он сидел, с грохотом опрокинулся, он застыл посреди Выручай-комнаты. Что, если от смерти его спасали именно Посланники, потому что они выбрали его. Ведь они могли появляться где угодно. И что, если он заключил кровавый контракт не с Доктором, а именно с ними? Почему они его выбрали?

На эти вопросы у него не было ответов, и даже Одли не могла их дать.

— Кто такие Посланники? — задумчиво переспросила та. — Трудно сказать... Они всегда были со мной, как я себя помню.

Северус задумался. Тот женский голос несомненно принадлежал Кукле.

— А здесь ты их не встречала?

Пандора печально покачала головой.

Пришлось Снейпу продолжить поиски в другом месте.

Изучая старую книгу о мифах, он наткнулся на рисунок: группа всадников несется вскачь под светом Полной Луны, в руках у них молнии и огненные мечи. А у их ног выются маленькие духи, подозрительно похожие на Посыльных. Снейп этим немало заинтересовался и углубился в чтение.

Оказывается, автор книги путешествовал по миру и собирал предания о Дикой Охоте. Согласно различным представлениям, это была группа призраков или сверхъестественных существ, вышедших на охотничий гон. Охотники, по разным версиям, могли быть либо эльфами, либо феями, либо мёртвыми. Если кто-либо встретится с ними, то попадёт в иной мир, а если заговорит, то может погибнуть.

Предполагалось, что видение Дикой Охоты предвещало какую-то катастрофу, такую как война или чума, или, в лучшем случае, «всего лишь» смерть того, кто был свидетелем этого. Люди, встретившие Дикую Охоту, также могли быть похищены в подземный мир или в сказочное королевство.

Снейп усмехнулся: Ярнам мало походил на сказку.

В фольклоре Норвегии призраками Дикой Охоты предводительствовала женщина по

имени Фригг — верховная богиня, которой известна судьба каждого человека. Она стерегла души некрещеных детей и была связана с Луной.

Призраки, согласно некоторым версиям легенды, наказывали порочных и ленивых. Если оставить пищу перед дверями, то призраки съедят её, но пища снова появится перед тем, как кавалькада духов двинется дальше. Считалось, что некрещёные умершие, особенно дети, становились забавой для собак Дикой Охоты, которые гнали их в ад.

Подобное утверждение показалось Снейпу странным, ведь вряд ли бы защитница детей Фригг позволила бы так обращаться со своими подопечными.

В Средние века также считалось, что в свиту Дикой Охоты входят ведьмы и их возглавляет Геката, богиня тёмной стороны Луны, покровительствующая ведьмам.

В книге было много противоречий, и он решил спросить совета у того, кто разбирался в мифах.

Мадам Пинс внимательно выслушала Снейпа и задумалась.

— Вы правы, мистер Снейп, это ошибочное суждение, что на картине изображены духи некрещеных детей. Это их слуги. Обитатели снов, что ищут достойных охотниц и охотников, тем самым усиливая Охоту, поклоняются и служат им. И Дикая Охота не предвещает беды, она призвана, чтобы бороться с ней. Магглы всегда путали причину и следствие.

Ничего нового для себя он не услышал, однако данный разговор натолкнул Снейпа на свежую мысль, и он стал изучать литературу по магии снов.

«Сон — это маленькая смерть, смерть — это большой сон», — гласила надпись в описании Напитка живой смерти. Хотя это зелье было из учебника шестого курса, для Снейпа его приготовление не вызвало труда. Ему даже удалось значительно оптимизировать процесс его варки.

Чуть сложнее дела обстояли с ритуальной чашей. Благодаря Горбину он достал каменную основу, что использовали для Омуты памяти. Однако на кромку легли совсем иные руны.

В ночь полнолуния Северус отволоч чашу на опушку Запретного леса, где водрузил ее на старый пенёк. Натаскав воды из речки — интуиция говорила, что Агуamenti лучше не использовать, — он стал водить мокрой рукой по кромке, пока вода не посветлела и в ней не стал отражаться серебряный диск Луны. Скрестив ноги, он сел прямо на землю, отчего его лицо оказалось вровень с чашей, и откупорил флакон с зельем. В воздухе запахло валерианой. Сделав глоток, он спрятал флакон в складках мантии и, немигающе уставившись на ровную гладь, стал ждать наступления эффекта.

Северус держал свое сознание в узде и не запаниковал, когда понял, что не может пошевелиться. Чтобы контролировать сновидение, нужно было претерпеть сонный паралич, который, как писалось в книге, часто сопровождался жуткими и необычно сильными галлюцинациями, на которые человек не способен реагировать из-за паралича, и физическими беспокойствами.

Когда за пнем среди деревьев промелькнул силуэт паука, Северус подумал, что ему привиделось. Арахнид приближался к нему медленно и бесшумно, осторожно переставляя толстые волосатые лапы. Странно, хоть паук и был крупнее собаки, он не был похож ни на отпрыска Ром с его костяной головой и усохшим телом, ни на Апостола кошмара с его маленькой безглазой мордой. Нет... Это было что-то совершенно иное...

Когда паук вплотную приблизился к Северусу и раздвинул свои жвала, с которых капал яд, тот заметил, что тварь своим брюхом загородила чашу, отчего отражение Луны на

поверхности пропало. В душе Снейпа вспыхнул гнев, и он поднял взгляд на хищника.

Иногда магу, чтобы колдовать, не нужно ни проводника, ни жеста, ни слова. Лишь намерение или, проще говоря, желание. А сейчас желание у Снейпа было только одно.

Акромантул, а это был именно он, резко отшатнулся и заверещал от боли. Его короткая шерсть встала дыбом, а по ней забегали золотистые разряды молний.

Когда паук, путаясь в своих ногах, убрался в чащу леса, Северус заметил Посланников, что осторожно выглядывали из чаши. Заметив, что опасность миновала, гомункулы осторожно выбрались из чаши и забрались к нему на колени.

Их вид больше не пугал Северуса, а шипение духов сна казалось даже немного радостным. Будь у него возможность, он бы мягко улыбнулся им. Один из Посланников, цепляясь за складки мантии, стал взбираться выше. Почувствовав на своей шее тонкие пальцы, Северус с удивлением понял, что гомункул обнимает его, и, драккл дери, он почувствовал себя по-настоящему счастливым.

Если Пандора была искренне рада Посланникам, то остальные участники ковенанта со скепсисом отнеслись к маленьким духам.

— Они еще более страшные и странные, чем домовые эльфы, — заметил Уилкис, глядя на гомункулов, что будто маленькие дети радостно дергали когтевранку за подол платья, шипя и щелкая на своем непонятном языке.

— К ним просто нужно привыкнуть, — возразил Квиррелл, трансфигурируя на головах Посыльных маленькие остроконечные шляпы и цилиндры, забавляясь реакцией духов.

— Квиринус, разбалуешь, они потом не отстанут, — предупредила Одли.

Впрочем, к маленьким помощникам будущие Охотники привыкли довольно быстро, и жизнь потекла своим чередом.

Северус вместе с Краучем пытались воссоздать Мемуары, дабы поддерживать связь в отряде, да и Снейп хотел, чтобы у них был символ, который их всех объединит. Итогом совместных усилий стал артефакт, напоминающий по виду обычный брегет. Вот только эти часы показывали отнюдь не время. На крышке артефакта была выгравирована причудливая вязь, напоминающая одновременно и глаз, и наконечник копья или стрелы.

В отличие от них, у Уилкиса дела шли не так радужно. Оружие-перевертыш хоть и привлекало внимание, но подобные гибриды во всех областях применения проигрывали своим «чистокровным» сородичам. Больше вес, хуже баланс, более сложная конструкция была вероятнее подвержена поломкам.

— Я не понимаю, как можно сражаться таким оружием, когда в бою выносливость и ловкость — основной залог выживания.

— Согласен, не каждому придется по нраву такой инструмент, — кивнул Снейп, вспоминая, как часто Охотникам приходилось чинить оружие, — но если бы оно было бесполезным, им бы никто не пользовался. Преимущество этого оружия — неожиданность и непредсказуемость. Противник может увидеть формы замаха и попытается предугадать траекторию атаки, а в итоге его будет ждать неприятный сюрприз.

Уилкису подобное пришлось по душе, и он взялся за работу с новыми силами. Так как оружие в основном было композитное, требовалось создать прочное соединение различных материалов. Поэтому он ни на секунду не расставался с книгой «Теории трансубстанциональной трансфигурации». Его друзья даже шутили, что он может хоть сейчас идти сдавать ЖАБА по данному предмету.

Ребята продолжали тренировать чары и фехтование. Молодой Охотник, видя их успехи, решил увеличить им нагрузку: они должны научиться использовать руны и уметь зачаровывать оружие.

— Первым делом вам следует научиться создавать огненный покров и молниевый, ибо первого боятся чудовища, а второго — духи. У простых Охотников было не так много магии, поэтому они пользовались специальной бумагой, — Северус передал каждому по жесткому прямоугольнику.

Крауч попробовал ее подушечками пальцев.

— Похожа на наждачку, — резюмировал он.

Снейп предложил им резко провести бумагой по лезвию меча или секиры, после наблюдая их пораженные лица при виде воспламенившегося клинка.

— Однако мы с вами маги и можем зачаровать оружие, используя лишь свою энергию.

Взяв в руки кинжал, он резко провел им по своей ладони. Барти резко вдохнул носом воздух, однако взгляда никто не отвел. Хлынула кровь, но вместо того, чтобы пролиться на пол, она покрыла все лезвие и стала вытягиваться дальше, превращая кинжал в настоящий меч.

Охотник с нежностью провел по клинку. Королева Аннализа знала много тайн крови, она училась выживать с помощью нее, контролируя каждую клетку своего тела, но Мария... Ее контроль крови вне тела был просто виртуозен.

— Это же Магия крови, — воскликнул Квиррелл, — книг о ней нет даже в Запретной секции. Она ведь очень опасна.

— Верно. Но возможно, настоящая опасность магии крови не в том, что она берет свои силы из жертвы, и не в том, что она заставляет жадных и амбициозных использовать других людей ради усиления своих заклинаний. Возможно, опасность просто в том, что мы её не понимаем, и именно это влечёт за собой катастрофические последствия, даже когда намерения чисты. «Мы рождаемся из крови, воспитываемся кровью, погибаем от крови. Нам надо открыть глаза... Бойся древней крови», — так говорили в Церкви. А теперь замените «кровь» на «магию».

Волшебники задумались. Подобное не приходило им в головы.

«А ведь мастер Виллем говорил так о крови Великих. Может, магию мы получили благодаря им?»

Боги Лордрана тоже владели магией и довольно мощной. Почему? В древних свитках говорилось, что на закате эры Древних Гвин нашёл одну из четырех Великих душ, давшую ему силу Повелителя.

Северус, что в это время шагал по комнате, запнулся.

«А правильно ли был выполнен перевод рукописи? Может, это была не Великая душа, но душа Великого? Тогда это в корне меняет их представление о душах и магии».

Он заметался по комнате, не зная, к кому обратиться за советом, к Королеве или Мародеру. Выбор был сделан моментально.

Бросив товарищам, чтобы те продолжали занятия, Северус залпом опрокинул в себя флакон с зельем и шагнул в Исчезательный шкаф.

* * *

«О Амигдала, за что мне подобное наказание?»

Пейта ненавидели, презирали, несколько раз пытались убить, и если и говорили, то только по делу. Он примерял на себя роли мародера, авантюриста, обманщика и торговца. Но простого собеседника — ни разу.

— Вот только откуда в тумане взялись эти души? — Рейвен, что пытался воспроизвести ход человеческой истории, что вылилось чуть ли не в часовой монолог, опрокинул в себя остатки зеленого рыбного эля и передернулся. Редкостная гадость будто напрямик из Рыбацкой деревни с ее отвратительными жителями.

— Из Нексуса, откуда еще, — фыркнул Пейт.

— Нексус? — Рейвен задумался. — Что это? Никогда не слышал о подобном месте.

— Откуда бы. С тех пор, как туман накрыл Болетарию, все упоминания о нем стерлись. Людишки погибли, зато драконов расплодилось. А они как-то не склонны вести архивы. Бумага слишком легко воспламеняется.

Пейт рассмеялся собственной шутке, однако Найттанд даже не улыбнулся.

— Но ты-то знаешь? Поведай мне, — тот махнул бармену, и перед ним на столе возникла бутылка огневиски. Пейт картинно вздохнул.

— Ну, словоплетом я никогда не был, но раз уж ты так настойчиво просишь...

* * *

— Старейший почувствовал рядом с собой нового могущественного Демона, и вскоре мир погрузится в Глубокий Туман... Ну, а дальше ты и сам знаешь. Боги, люди, нежить то появятся, то исчезнут, и огонь то потухнет, то погаснет — и так по кругу. Так что этот ваш Узурпатор лишь один из ряда ему подобных. Скоро появится новый Избранный и уничтожит их шайку-лейку. Или не скоро, кто знает.

— А Ярнам? — спросил Рейвен.

— А что Ярнам? — пожал плечами Пейт. — Чуть дальше оттуда, чуть ближе сюда. Еще один мир, еще одна песочница Великих. Ничуть не хуже, но и не лучше других, не понимаю, почему ты так рвешься туда назад!

— Я должен, — Рейвен сжал губы в тонкую линию, — должен во всем разобраться: Чума Зверя, пепельная кровь, бледная кровь, Великие. Ведь картина гниет, а значит, и мир разрушается вместе с ней.

— Воу-воу, парень, полегче, — торговец, что до этого расслабленно откинулся на спинку стула, подался вперед. — Ты что-то путаешь! Ярнам никогда не был картиной!

— Почему нет? Я помню рассказы Королевы, как она просила Художницу предоставить несчастным жителям Лондора Убежище от Узурпатора, и Художница с помощью крови дракона нарисовала эту картину.

— Верно, — Мародер кивнул, — я сам был среди тех, кто решил покинуть те негостеприимные края, но Художница никогда не создавала Ярнам.

— Я не понимаю. Объясни!

— Ты требуешь ответы, не научившись задавать вопросы. А ведь правильный вопрос — уже половина ответа. Ну-ну, не смотри на меня таким злым взглядом, мой юный друг. Так уж и быть, сегодня я добрый и сформулирую вопрос тебе: Раз Ярнам — лишь картина, то почему под городом находятся лабиринты, коим тысячи и тысячи лет?

Озадачив Рейвена вопросом, Лоскутик встал и, ободряюще похлопав того по плечу, удалился. Рейвен не стал его останавливать.

Ярнам. Город, что назван в честь последней королевы Птумеру. Изначально у Птумерианцев не было правителя, они были простыми хранителями Лабиринта, гробницы богов. Именно там впервые была найдена Древняя кровь.

Подземелья Птумеру... Огромный пласт истории, что просто невозможен в однослойном мире картины.

Подземелья Чаш... Он принимал их как должное. Просто еще одно место, наполненное чудовищами. Но разве никто не задавался до этого вопросом об их возникновении.

— *Я лишилась своих подданных. Ты — единственный, кто выжил. Мы полагали, экспедиция в Подземелья провалилась. Хотя сейчас все это кажется бессмысленным...*

Рейвен тряхнул головой. Экспедиция, о которой он ничего не помнил. Он вообще мало что помнил. Первая охота с такими же молодыми Охотниками как он; бал, где он впервые увидел леди Марию с ее дерзкой улыбкой и взглядом, в котором читается превосходство; чудесный вид с моста замка, когда под ним проплывали небольшие лодки рыбаков; огромный лук драконоборца на стене в кабинете его отца. Но...

Он также помнил, как просыпался в лечебнице Йозефки, как шел в Церковь Исцеления.

Как искал ответы на вопросы. Как уходил, прогоняемый воплями: «Чужак! Чужак!» Как нашел разрушенный замок...

— *Так, так... ты и верно необычный Охотник. Я утомлена этими бессмысленными ночами. Раздели мою участь и отрекись от церкви. Если таково твоё желание... Я прошу тебя принять мою нечистую кровь. Прекрасно. Давай, испей моей крови. Почувствуй, как порочность овладевает тобой и жжет изнутри. Теперь ты тоже Нечистокровный. Ты и я — последние из Нечистокровных...*

Рейвен встал, пошатываясь. Хоть сегодня он выпил, но стал пьян не от вина, а от воспоминаний. А память коварна, что кровавая тряпина.

— *Продолжай охоту на чудовищ и больше не думай о тайнах ночи. Это лучшее из того, что может сделать Охотник.*

Ну уж нет. Он больше не позволит себе быть ведомым.

— *Лучше не игнорировать прошлое, а извлечь из него урок, — всплыли в голове слова Тобиаса, когда тот сидел на крыльце и, читая газетные хроники, качал головой, — иначе история может повториться.*

Северус улыбнулся. Его отец, его нынешний отец, иногда говорил на удивление умные вещи. Так почему бы хоть раз не последовать его совету?

* * *

Северус шел по коридору с обеда на очередную пару, когда в одном из проходов он услышал громкий гогот и чьи-то недовольные возгласы.

«Мародеры, что ли, опять расшумелись? Опять их дурацкие шутки?» — мелькнула в голове мысль, ведь судя по недовольному взгляду и шепоткам впереди идущих ребят с Гриффиндора, что, заглянув в проход, тут же ускорили шаг, так оно и было.

Снейп тоже уже собирался пройти мимо, — с той четверкой полудурков не особо хотелось связываться, но зоркий глаз Охотника зацепил некое несоответствие.

Посреди коридора стояли отнюдь не Джеймс Поттер со своими прихвостнями, а соседи Снейпа по спальне. Они стояли и над чем-то радостно потешались, а за их широкими спинами слышалось чье-то женское подвывание.

«Что за...»

Северус подошел ближе. Услышав позади себя шаги, слизеринцы развернулись, и Северус с удивлением заметил, что они окружили Лили Эванс, которая стояла, сжав кулаки, и яростно смотрела на хулиганов. За ней, сидя на полу, плакала девушка, чьи волосы были заколдованы в змей и не переставая шевелились.

— Что здесь происходит? — ровным голосом спросил Снейп, хотя он чувствовал, что внутри начинает потихоньку закипать.

— О, да так, преподаем некоторым магглокровкам уроки воспитания, — ухмыльнулся Мальсибер, — а то они смеют указывать нам, как жить и что делать.

Найт и Эван согласно закивали. Северусу очень захотелось влечь Адриану подзатыльник, но он сдержался. Вместо этого он едко заметил:

— Воспитанием студентов должен заниматься их декан, а не староста чужого факультета. Или мне стоит вам напомнить, что на Слизерине не допускаются действия, что порочат честь и достоинство его представителей?

— Да ладно тебе, Сев, мы же просто слегка пошутили, — возразил Розье, но под тяжелым взглядом недовольно фыркнул и швырнул палочку Эванс ей под ноги.

Та тут же крепко вцепилась в нее.

— С этой что? — последовал кивок в сторону плачущей «горгоны».

— Уже ничего, — Мальсибер недовольно взмахнул палочкой, отменяя чары.

Проводив парней долгим нечитаемым взглядом и дождавшись, пока они скроются за поворотом, Северус повернулся к девушкам.

— Вы как? — он протянул руку вперед, к незнакомке, но Лили тут же отбила ее.

— Не трогай ее, — это были первые слова, что Эванс произнесла за все это время. Приобняв девушку, за плечи, та помогла ей встать. — Мэри, все хорошо, они ушли, как себя чувствуешь?

Девушка разрыдалась еще сильнее, и Снейп с трудом разобрал сквозь ее рыдания слова «живые», «шевелиятся», «укусят». Лили крепко обняла подругу и начала гладить ее по спине, успокаивая.

— Ей нужно в Больничное крыло. Я вас провожу.

— Не надо, Снейп, иди, куда шел.

— Довольно грубо отказывать в помощи, когда ее предлагают по доброй воле.

Лили промолчала. Доведя Мэри до медпункта и передав ее в заботливые руки мадам Помфри, они молча отправились на урок. Однако на середине пути Лили все же нарушила молчание.

— Северус, прости, просто... — она тяжело вздохнула. — Мне не нравятся люди, с которыми ты связался. Я не выношу Эйвери и Розье. А уж Мальсибер! Такие подонки! Чтс ты в них нашел, Сев? Ты же видел, что он сделал с Мэри Макдональд?

— Видел. Надеюсь, они в скором времени поумнеют и перестанут делать подобные глупости.

Лили остановилась у колонны и, прислонившись к ней, посмотрела в худое, бледное лицо.

— Это Темная магия, и если ты как слизеринец считаешь, что это просто глупости...

— Может, я и слизеринец, но я хотя бы пришел разобраться в ситуации, в отличие от твоих однокурсников, что решили сделать вид, будто это не их дело, — с ноткой негодования заметил Снейп.

— Они... они, наверно, не заметили или сильно спешили, — Эванс покраснела под его настойчивым взглядом, — они могли просто не увидеть.

Северус криво улыбнулся.

— Все они увидели. Просто трусили. Не львы, а овцы.

— Не смей так о них говорить! — взвилась Лили. — По крайней мере, они не применяют Темную магию. Омерзительно!

Снейп хотел возразить. Сказать, что это какое-то одностороннее мышление, что Темная магия вовсе не омерзительна. Но тут он представил, что придется углубляться в объяснения, что из себя представляет Темная магия; что иногда она бывает очень полезна, как например, Полное Безмолвие или Шаги Перемирия; доказывать, что в человеке Тьма скрыта изначально и так далее до бесконечности. Но передумал.

Когда они подошли к кабинету, у которого топтались в ожидании того, что их наконец впустят, змеи и львы. Увидев Лили, Джеймс радостно замахал рукой, привлекая к себе внимание, но при виде Северуса его лицо заметно скривилось, а Сириус сделал вид, что блюет. Подобное ребячество позабавило Снейпа, и он повернулся к своей спутнице.

— Знаешь, Эванс, ты права: неважно, насколько волшебник глуп или труслив, главное, чтобы Темную магию не применял. Тогда он может смело называть себя достойным

человеком!

Снейп никогда не считал охоту чем-то романтичным или благородным. Его с ранних лет приучали к тому, что это — не миссия спасения, а зачистка. Грязная, утомительная, но обязательная, иначе зараза будет разрастаться все больше и больше и в конце концов победит. К этому он пытался приучить своих товарищей.

Северус долго думал, как организовать испытание. Отправиться на прогулку в Запретный лес охотиться на акромантулов, уйти в горы для знакомства с пещерными троллями или великанами, взять у Министерства пару заказов на оборотней. В итоге выбор пал на остров Безотрадный с его обитателями, где он мог в достаточной мере контролировать ситуацию.

Портключ туда и обратно Пейт продал без лишних вопросов.

Остров представлял вид еще более мрачный, чем помнил Снейп, когда он был на нем в последний раз. Голые после зимы деревья царапали бледное небо своими длинными когтистыми ветками-руками. На холмах, покрытых ковром жухлой травы то тут, то там лежали камни, заросшие мхом и издалека напоминающие крупные зеленые бусины.

Поднявшись на очередное возвышение, Северус дал парням знак остановиться и достал монокуляр. Удовлетворенно хмыкнув, он передал его дальше.

— Пятиноги очень быстры и с дьявольской ловкостью умеют уворачиваться от заклинаний, поэтому если хотите нанести им максимальный урон, застаньте их врасплох, — с этими словами Северус сжал руку в кулак, формируя длинную молнию, и метнул в ничего не подозревающую вдалеке тварь электрическое копьё.

Золотая вспышка разрезала пространство, и хищник рухнул, раскинув конечности в сторону.

Спустившись по пологому склону холма к руслу реки, Охотник присел у неподвижной туши и подал знак сесть ближе.

— Многие считают, что на убийстве охота заканчивается. Это не так. Все заканчивается, когда вы забираете добычу себе и благополучно возвращаетесь в безопасное место. Многие Охотники погибали лишь потому, что опьяненные эйфорией от победы, теряли бдительность. Кто-то был зарезан бродягой из переулка, кто-то загрызен тварью, выскочившей из куста. Что же до добычи, то нужно не просто засунуть тушу в мешок, но взять себе энергию жертвы.

Он обвел рукой окружающее пространство.

— Всё в мире является энергией. Воздух, свет, трава, птицы и звери. Энергия лежит в основе всего. Лучше всего это можно понять в зельеварении или алхимии. Мы берем ингредиенты, кладем их в котел, с помощью пламени освобождаем их сущность, энергию, смешиваем их со своей и... Получаем эликсир, который впоследствии употребляем. Сейчас же мы попробуем провести абсорбцию анима напрямую. Вы должны увидеть ее, почувствовать.

Охотники стали пристально вглядываться в тело пятинога. Долгое время ничего не происходило, но потом Уилкис нахмурился чуть сильнее и вопросительно уставился на командира.

— Кажется, я видел светящуюся дымку.

— Верно, это анима. В разных местах ее называют по-разному: эхо души, отголоски или

угасшее желание крови. Уилкис попробуй забрать ее себе.

— Как? — изумился маг.

Северус задумался. Он так часто проделывал эту операцию, что сбор энергии происходил уже на автомате.

— Вспомни, как ты колдуешь, выпускаешь заклинание из палочки. Это подобно выдоху, тогда как сбор энергии — это вдох, — постарался объяснить он на ассоциациях.

Уилкис прислушался к своим ощущениям, мысленно потянулся к туше и почувствовал, как серебристая дымка тянется к нему.

— Теперь эта энергия в тебе, но она пока не часть тебя, а значит, враг может отнять ее в любой момент. Усвоение или преобразование — это уже следующий этап. Вы можете стать сильнее, быстрее, увеличить жизненную силу, стойкость или сопротивляемость ядам, даже мощь магической атаки. Вы станете полноправными хозяевами своего тела.

— И как это сделать?

Снейп взглянул на небо. Объяснение грозило затянуться.

— Узнаете после успешной Охоты. И постарайтесь выжить.

Он подал юношам знак, и те удалились прочь. Будут ли они действовать в команде или разбредутся по острову, Снейп не знал. Но с помощью брегета они всегда могут кинуть клич и прийти на помощь друг другу.

Сам Северус двинулся в противоположную от них сторону. Достигнув деревни, он немного свернул в сторону и взобрался на пригорок, с которого отлично просматривалось все поселение, но самого наблюдателя нельзя было увидеть из-за груды наваленных валунов. Выбрав на вид самый устойчивый и древний камень, он присел перед ним и разложил на земле инструменты для нанесения рун.

Портал притяжения. Это особый вид Портала, отличающийся от других тем, что действовал как бы наоборот. Большинство из Порталов работали одинаково: перед магом имелся вход, а в месте назначения — выход. В случае с Порталом притяжения — маг являлся как бы выходом из Портала и перемещался к его входу. Другими словами, если обычный Портал — это камень, брошенный в воду, то Портал притяжения — это камень, выбрасываемый из воды. Здесь использовался совсем другой принцип создания и действия Порталов.

Глифы Ярнама легли на камень ровными золотыми строками, постепенно угасая. Рунескрипт «возвращения домой», состоящий из рун райдо, отал и вуньо, Северус нанес уже не так глубоко — Хогвартс был лишь их вторым домом.

Расставив свечи, он зажег их с помощью внутренней энергии, и в тот же миг из земли словно грибы после дождя вылезли Посланники. Проход был создан.

Когда Солнце уже стало клониться к закату, ребята стали возвращаться. Северус окинул их довольным взглядом: уставшие, потрепанные, грязные с ног до головы, но живые. Он сделал приглашающий жест к монолиту, и те согласно кивнули, благо руны читать умели все.

Оказавшись в Выручай-комнате, ребята несказанно удивились.

— Я думал, что в Хогвартс нельзя трансгрессировать, — высказал общую мысль Блэк.

— А разве это похоже на трансгрессию? — задал риторический вопрос Снейп.

Регулус прислушался к ощущениям: его не тошнило, да и не было чувства, что его скатали в бумажный комок и выплюнули сквозь трубочку. Скорее, он стал дымом и мощный ветер унес его далеко-далеко.

Они подошли к Одли, и Северус продолжил:

— Что же до усвоения и распределения энергии, то оно происходит через мозг. Все зажимы идут из головы. Будь то физические, эмоциональные, моральные, ментальные — какие хотите. Все это — проявления барьеров в голове. Умение убирать эти барьеры — одна из ветвей ментальной магии наравне с легилименцией. Пандора владеет этим навыком в совершенстве. Надеюсь, мне не нужно объяснять, почему нужно обращаться к специалисту, а не делать все самостоятельно?

Блэк первым коснулся протянутой руки Одли, ведь он верил Северусу, а тот верил Пандоре.

От соприкосновения все его нутро всколыхнулось и пришло в движение. Это было как тогда, когда он нашел свою первую волшебную палочку, но только в этот раз сладкий миг долгожданной встречи растянулся в бесконечность.

Позже Регулус неоднократно ловил себя на мысли, что ради этого мига он готов вновь и вновь отправляться на Охоту.

* * *

Сириус был зол. Он раздражался от нравоучений матери, ее вечных сравнений с младшим, послушным сыном. Ему постоянно напоминали о постулатах рода Блэк, чистоте крови, величии их семьи. Его это так достало, что поступление на Гриффиндор казалось настоящим спасением.

Мерлин, как его ругали и наставляли на путь истинный, не передать словами. А уж когда Регулус поступил на Слизерин, волна поучительных тирад поднялась с новой силой.

Правда сам Регулус уже не был таким пай-мальчиком. Уже на четвертом курсе Сириус стал замечать, что брат стал объектом недовольных взглядов и поджатых губ матушки, и мысленно радовался этому. Однако этим все и ограничивалось — никаких многочасовых нравоучений брат не получал.

Когда же Сириус узнал причину недовольства Вальбурги, то был в шоке. Оказывается Регулус приглашал домой полукровку. И не абы кого, а Северуса Снейпа. Будь это кто иной, Сириус бы просто посмеялся и похлопал брата по плечу. Но гостем был этот горделивый ублюдок. Мерлин, с первых дней появления в Хогвартсе он вел себя как напыщенный аристократ.

Да что в нем нашел Регулус?

Нужно было сбить спесь с наглеца.

— Не понимаю, чего ты взъелся на Снейпа, — Люпин широко зевнул, листая учебник по Рунам, — весь вечер талдычишь: Снейп то, Снейп все.

— А как иначе. Корчит из себя самого умного. Один его выпендрож у Маккошки чего стоит, пф.

— Ну, может, он может себе это позволить, потому что тратит время на получение знаний, а не на шалости? — оборотень голосом выделит последнее слово. — Мы уже не маленькие. У нас в этом году СОВ, между прочим, а в следующем профориентация.

Блэк недобро прищурился.

— Ну да, конечно, «давайте усердно учиться и думать о взрослой жизни», — он обернулся к остальным Мародерам. — А раньше не стремался с нами отрываться. Теперь же Люпин староста, хвост свой серый распушил, не положено ему глупостями заниматься, надо хулиганов наставлять на путь истинный.

Ремус устремил свой взор вдаль поверх левого плеча Сириуса, и это еще больше

взбесило последнего, так как точно такой же взгляд был у Снейпа, когда он не считал нужным отвечать на очередную колкость гриффиндорцев.

«Еще один особенный!»

Гнев в душе Сириуса кипел и требовал выхода. А как обычно бывает, из гнева не рождается ничего хорошего.

* * *

Когда после ужина Северус выходил из Большого зала, перед ним на пол упал конверт. Подняв короткий взгляд на потолок, он вернулся взглядом к посланию, на котором была выведена лишь его фамилия.

Проверив конверт на неприятные сюрпризы — Северус пару раз был свидетелем, как его сокурсники получали любовные письма, пропитанные Амортенцией, — он осторожно распечатал его и вчитался в красивые, но безликие строки, выведенные самопишущим пером.

«Твоя кошка залезла куда не следует. Желаеть увидеть ее живой, приходи один в Визжащую хижину сегодня в полночь.»

Ниже был изображен рисунок дерева, подозрительно напоминающего Дракучую иву, и единственное слово "Вход".

Северус еще раз перечитал послание, но стоило ему перевернуть лист, как тот почернел и осыпался пеплом.

Он задумался. Северус никогда не держал книззла взаперти, поэтому Элис могла бродить где угодно и когда угодно, исследуя замок. Иногда она находила что-то интересное и, возвращаясь к Северусу, вела его за собой. Бывало, она вообще не появлялась в спальне Слизера, предпочитая ей Выручай-комнату или же спальню Рейвенкло, где можно было спать под боком у Пандоры.

Письмо могло быть простым разводом, поэтому он достал брегет, связываясь с друзьями. Ответ не очень обнадеживал: сегодня никто из них не видел его книззла, но обещали помочь с поисками.

— Это точно западня, — заявил Регулус, разглядывая дерево, что угрожающе раскачивало ветвями, похожими на кувалды.

Северус молча кивнул.

Поиски до позднего вечера ничего не дали, поэтому ему пришлось идти к дереву. За ним увязался Блэк.

— Кому это могло потребоваться? Мародерам?

Северус слегка изогнул брови. «Скорее всего».

— Возможно под деревом туннель. Ты полезешь туда?

Он покачал головой.

— Войду через дверь. Если в туннеле засада, зайду с тыла.

— Я с тобой.

— Нет.

— Если ты боишься, что они меня увидят, то ошибаешься. Я овладел твоими чарами Хамелеона, — миг, и вместо Регулуса на земле оказался камень, который медленно катится в сторону Снейпа.

Сев вздохнул. Даже если он прикажет тому возвращаться в Хогвартс, кто знает, не последует ли тот за ним незаметно.

Снейп махнул рукой и быстрой походкой направился в сторону Хогсмида под светом

полной Луны.

Добравшись до вытянутого вверх дома на откосе, окруженного одичавшим садом, он подал знак напарнику-камню ждать у входа, а сам стал обходить здание кругом. Все окна были плотно заколочены, не оставляя любопытным ни малюсенькой щелочки.

Северус поправил натянутый на лицо шарф и, достав палочку, направился к двери. Та была заперта, чему не надо было удивляться, однако, к радости, замок поддался уже после четвертого заклинания. Снейп аккуратно повернул ручку и медленно стал открывать дверь вовнутрь, надеясь, что та не заскрипит.

Руку обожгло огнем. От неожиданности Снейп вскрикнул и отшатнулся назад. С жутким грохотом дверь распахнулась, и в проеме возник волк. Нет... Оборотень!

Северус с удивлением уставился на зверя. Местный ликантроп совершенно отличался от ярнамских тварей. Серая шерсть была столь коротка, что оборотень казался лысым, а желтые глаза со зрачками-щелочками совсем не пугали. Да и во всем облике просматривалось что-то от homo sapiens. Однако это все равно был безумный и опасный монстр.

Северус увернулся от прыгнувшего вперед чудовища и быстро оглядел окружающее пространство: Регулуса в поле зрения не было.

«Надеюсь, он будет в порядке!»

Достав из-за пояса серебряный нож и согнув руку так, чтобы клинок и палочка составляли единый луч, Северус криво ухмыльнулся.

— Ну же, ты жаждешь крови, как и я. Тогда удовлетворим желания друг друга!

* * *

Несмотря на поздний час, Больничное крыло было ярко освещено. Трое студентов сидели в тишине, каждый погруженный в свои мысли. Когда дверь палаты отворилась и на пороге возник Дамблдор, один из юношей резко вскочил и пылко спросил:

— Он в порядке?

Директор коротко кивнул.

— Его жизнь теперь вне опасности, хоть следы от многочисленных проклятий останутся навсегда, — он кинул многозначительный взгляд на Снейпа с перебинтованной рукой, но тот даже не обратил на него внимания. — Довольно жестоко. Еще бы чуть-чуть, и он погиб.

— А что нам оставалось делать? Ждать, пока он нас укусит? — огрызнулся Регулус. — Мы защищались.

Поттер вздрогнул. Да уж, защищались.

Еще с вечера его не покидало смутное чувство тревоги. Сириус куда-то запропастился, а Питер после ужина стал слезно просить помочь ему с домашним заданием, которое нужно было сдавать уже завтра, и выглядел очень встревоженным. Джеймс не стал отказывать товарищу, надеясь успеть сделать все еще до отбоя, однако задания все не кончались. Предложение обратиться за помощью к Лили было отвергнуто с аргументацией, что ей сегодня дежурить вместо Ремуса, а Лунатик может одну ночь обойтись без них. Подобные доводы из уст Петтигрю звучали странно, и когда Поттер решил добиться правды, то был шокирован.

Джеймс схватил метлу и, ударом ноги выбив окно, взлетел в ночное небо, надеясь предотвратить столкновение.

За время полета он успел рассмотреть множество вариантов: что Снейп увидит превращение Ремуса, что тот его загрызет, а даже если нет, то заразит — варианты были

один хуже другого.

Когда он прибыл на место, он не поверил своим глазам. Вся поляна перед Воющей хижиной была залита кровью. На земле лежал, раскинув перебитые лапы, оборотень и тихонько скулил, а над ним, направив палочку точно в голову, возвышалась фигура в плаще.

— Снейп! — Фигура вздрогнула и подняла голову. — Остановись, ради Мерлина.

— Поттер? — плотный шарф не смог скрыть изумления в голосе. — Назови мне хоть одну причину, почему я не могу прикончить тварь, которая хотела меня убить!

— Не говори так о нем. Он просто себя не контролирует. Это не его вина!

— Защищаешь его? — Северус перевел взгляд на ликантропа. — Значит, твой друг. Неужели это Ремус, я прав?

— Снейп, я прошу тебя!

— Не ожидал услышать подобное, — тот усмехнулся. — Что ж, я не убью его... сегодня. Но ты мне будешь должен.

Северус отошел от оборотня, и в этот момент на поляне возник директор. И хотя в ярком ореоле его фигуру было плохо видно, Снейп заметил, что остроконечный колпак съехал набок, а белая борода развевалась словно боевое знамя.

Осмотрев всех участников, Дамблдор покачал головой.

— Вы трое, в мой кабинет. Регулус Блэк, это и вас касается.

Регулус, что до этого прятался за углом хижины, создавая гравитационные ловушки и тем самым затрудняя передвижения зверя, тяжело вздохнул.

Дальнейшие события напоминали безумный калейдоскоп. Мадам Помфри тщательно обследовала каждого, напоила зельями, однако не стала укладывать их в постель, так как директор хотел разобраться в возникшей ситуации как можно скорее. Со Снейпом медведьма возилась дольше всех, тщательно изучая рану. Хоть было и очевидно, что это был удар когтями, а не укус, во время сражения кровь оборотня могла попасть на рану. И было неизвестно, произойдет ли в данном случае заражение.

Потом вернулся Дамблдор, и начались многочисленные допросы. Как и почему они оказались за пределами школы в комендантский час? Как их вообще туда занесло? Как взломали дверь? И хотя ребята отвечали с неохотой, директор вытащил из них всю правду.

— Что ж, ситуация более чем серьезная. Вы, мистер Снейп, поддались на провокацию, нарушили школьные правила, втянули в это своего друга, применяли темную магию, и если бы не своевременное вмешательство мистера Поттера, стали бы убийцей.

Северус молчал, оставаясь внешне безучастным. Директор тяжело вздохнул.

— Подвергать вас наказанию не вижу смысла, ибо жизнь может наказать сильнее, — выразительный взгляд на руку. — Думаю, вы не будете против пройти осмотр целителя в течение трех последующих дней, а также в следующее полнолуние. Что же до остальных, — строгий взгляд на Поттера и Блэка, — вы будете держать произошедшее в тайне. Вам ясно?

Находиться в изоляции было неприятно. Рука невероятно чесалась, хотелось содрать повязку, но ему не разрешала это сделать мадам Помфри. От ее взгляда — пусть она и старалась скрыть тревогу — было тошно.

Хоть когти оборотня прорезали мясо до кости, его не стали лечить бадьяном, а насыпали на алые борозды смесь измельченного в порошок серебра и ясенца белого, что «запечатала» рану, не давая ему умереть от потери крови.

Кровь. Все крутилось вокруг нее. Какова вероятность, что кровь оборотня смешалась с кровью мага? И даже если ответ будет положителен, то каковы шансы, что он заразится ликантропией в слабой форме. А разве ликантропия бывает в слабой форме?

Северус нервно захихикал.

Гилберт. Гилберт. Милый Гилберт.

— Моя болезнь была неизлечима, но этот город подарил мне надежду... Эта странная кровь подарила мне время. Мне невероятно повезло. Эта чума не тронула меня. Я даже умру человеком.

Бедный Гилберт. Проклятье не обошло его.

Заболевание крови, кроворожденный патоген — вот что такое Чума Зверя. Инфекция, болезнь, передающаяся от человека к человеку с помощью крови.

Мадам Помфри не могла помочь. Она могла только ждать. Может, использовать противоядие. Но те таблетки использовались для лечения пепельной крови и приносили лишь кратковременное облегчение. В конечном итоге пепельная кровь привела к нашествию чудовищ.

Северус схватил блокнот.

«Кровь... Кровь состоит из трех элементов. Первый — эритроциты, или красные кровяные тельца. Их задача — транспортировка различных газов, в первую очередь, кислорода, по организму. Второй — плазма. Приблизительно половина крови — плазма, жидкость, которая переносит кровяные тельца по организму. Её можно выделить с помощью центрифуги-сепаратора. Она представляет собой мутную, иногда прозрачную желтоватую жидкость, называемую сывороткой или чистой кровью — кровью без примеси каких-либо других элементов. Третий — лейкоциты или белые кровяные тельца. Они служат в качестве иммунной системы организма: атакуют вредоносные клетки и очищают старые и отмершие клеточные структуры.

Чума поражает жертву через кровь. Сородичи Космоса избежали Чумы, оставили её позади. Вместо крови у них чистая, желтоватая жидкость — сыворотка, где есть только белые клетки крови, которые, в принципе, можно называть бледными клетками крови. Та самая Бледная кровь!»

Северус задумался.

«Но если в крови отсутствуют эритроциты, тогда как организм будет получать питательные вещества?»

Да, Бледную кровь можно было назвать лекарством, но... оно было отнюдь не лучшим.

Кейнхерсты не болели Чумой, ведь в их жилах текла кровь Королевы, кровь, что была смертельна для чудовищ.

Здесь ее называли *Черная кровь*. Кровь вампиров, яд для всего сущего.

Бледная кровь и Черная кровь — производные от Древней крови, лекарство и яд — две крайности одной и той же сущности.»

Мало радости в неизбежном выборе из двух зол.

Когда мадам Помфри в очередной раз покинула Больничное крыло, дабы перевязать Люпина — все же Сектумсемпра оставляла вечно открытые раны, — Снейп достал сверток своих вещей. Из под сумки был извлечен кинжал, покрытый багровой коркой. Ждать, пока ему вынесут диагноз-приговор, было невыносимо. Но у него было на уме одно заклинание, что могло дать ответ.

«Когда сдирается плоть и льется кровь, чудовище внутри просыпается. Что ж, тогда я сделаю так, чтобы оно никогда больше не проснулось».

Кровавая корка на кинжале треснула, выпуская наружу аквамаринное сияние, и закипела. Снейп почувствовал, что и его кровь раскаляется, дрожит и поет. И это было божественно.

* * *

На душе Регулуса скреблись кошки. Лучший друг лежит в медпункте под наблюдением, а виновник ходил на пары как ни в чем не бывало. Будь это кто другой, Блэк тут же бы написал матери, но тем, по чьей вине возникла вся эта ситуация, был его собственный брат. Конечно, и так было ясно, куда ведут ниточки, но слышать подтверждение из уст Поттера было неприятно. Регу очень хотелось верить, что гриффиндорец солгал, но когда он решил поговорить с братом напрямую, тот даже не отрицал своей вины. Регулусу было очень горько и обидно, поэтому он вложил всю свою боль в удар, надеясь, что брат почувствует хоть капельку тех страданий, что испытывает он.

— Какого драккла ты творишь? — возмущению Сириуса не было предела. — Почему ты защищаешь этого слизняка?

— Потому, что так поступают настоящие друзья. Мы защищаем друг друга. А не используем как инструмент для расправы над врагом. Я знал, что тебе не нравится Снейп, но не думал, что ради мести ты подставишь товарища. Тц! — Регулус устало потер переносицу. — Знаешь, хорошо, что ты не считаешь нас семьей, потому что после твоего поступка с тобой не хочется иметь ничего общего!

Эти слова были для Сириуса словно пощечина.

— Ах вот так, — тот злобно оскалил зубы, — ну и катись тогда к своему обожаемому Снейпу. Чтоб вас!

Дальше Регулус уже не слушал.

Северуса выпустили из Больничного крыла через пару дней. Если не считать повышенную бледность, то внешне он никак не изменился. На расспросы товарищей он лишь ответил, что ничего определенного сказать нельзя, поэтому его будут мурьжить как минимум месяц, но к занятиям вернуться позволили.

— Директор очень надеется, что все обойдется. Иначе меня изолируют от общества, Люпина ликвидируют, а Дамблдор... Будет отвечать перед законом. Сириусу тоже мало не покажется. А так... Дело можно будет замять.

Грустно, но в данной ситуации победителей не было, только проигравшие.

Еще через неделю к занятиям вернулся Люпин. Было видно, что тому тяжело передвигаться, а руки его сильно дрожали, но на расспросы окружающих он лишь отмалчивался. Школьники, не получая ответов, стали строить свои догадки и выводы. И как-то в общественном сознании укрепилась мысль, что между Люпином и Снейпом состоялась

дуэль, где гриффиндорец чуть не погиб. Подобная версия не получила подтверждения сторон, но видя, как Люпин шарахается от Снейпа в коридорах, кое-кто решил посеять справедливость.

Когда после пар Снейп хотел подойти к Люпину переговорить, на его пути встала Эванс, и этой заминки оборотню хватило, чтобы улизнуть. Северус с досадой проводил спину Люпина взглядом, а после попал в эпицентр тайфуна. Претензии, обвинения, до классического набора не хватало только слез. В основном, весь ее спич можно было свести к тому, что Снейп вызвал ослабленного болезнью Люпина на дуэль и применил к нему Темную магию, и если бы не Поттер... *похоронный марш*

Слушать Эванс было неприятно. Мало того, что она обвиняла его, основываясь лишь на слухах и не разобравшись в ситуации, что показывало ее недалекий, заурядный ум, так и вела себя так, будто он должен после ее слов раскаяться и начать посыпать голову пеплом.

На бледном лице вспыхнула кривая усмешка.

— Не думаю, что произошедшее касается тебя, Лили. Поэтому ты не имеешь права судить об этом.

— Может, меня там не было, но я вижу, что ты переступил черту. Каким чудовищем надо быть, чтобы сотворить такое с человеком? Ремус на ногах еле стоит!

— Я сражался не с Ремусом! — от грохота кулака о парту Лили вздрогнула. — Я даже не знал, — голос Снейпа скатился до шепота, — что это Ремус. Для меня это было просто безымянный ликантроп. Зверь, жаждущий убийства... Так легче... делать то... что должно и не думать, что раньше... кто-то был человеком...

Когда он вернулся к дому Гилберта и увидел выломанное окно, он все понял. Он знал, что Гилберт болен, знал, что у Гилберта осталось мало времени, слышал, как Гилберт взывал к богам, моля о спасении. И когда он увидел зверя, что при виде него стал пятиться назад, то просто не смог атаковать. Охотник отступил. Хотя позже, видя, как на Гилберта будет нападать толпа охотящихся, а он от нее защищаться, он думал, что надо было убить его сразу. Так было бы справедливее. Честнее.

Он взглянул на Лили. Она всего лишь школьница. Роза в теплице. Ничего не знающая девчонка.

— Я не верю, — Эванс говорила почти шепотом. — Оборотень в школе? Ты лжешь! Директор бы не допустил угрозы ученикам! Может, он не так опасен?

— Лили, время сказок давно прошло. Почему ты, — Северус замолчал, а когда продолжил, голос его звучал абсолютно равнодушно: — Видимо, тебе проще думать, что монстр я, а твой друг — лишь жертва.

— Северус, ты тоже мой друг, просто...

— Просто что?

От испытующего взгляда Лили стушеввалась. Снейп ждал, пока та продолжит, но она продолжала хранить молчание, опустив голову.

— Эванс, давай не будем лгать себе. Тебе казалось, что мы друзья. В действительности мы просто давно знакомы.

Северус развернулся и удалился твердым шагом, не видя, как по лицу Лили побежали соленые дорожки слез.

* * *

После сдачи последнего экзамена Северус в тот же день собрал вещи и покинул школу. Результаты СОВ все равно пришлют только через месяц, так что он решил не тратить время

на ожидание завтрашнего поезда, тем более, от пристального внимания директора к своей персоне его уже порядком тошнило. О своем отбытии товарищей он предупредил заранее, и через Исчезательный шкаф отправился в Лютный.

Гарбхан привычно передал ему ключ от комнаты над пабом, отметив только, что вскоре цены поднимутся. Рейвен лишь пожал плечами: цены, хоть и понемногу, но росли каждый год. Но тут он задумался: а ведь уже через пару лет он выпустится из Хогвартса. Возвращаться в родительский дом не было желания, тем более тот мало подходил под его нужды. Ныкаться в Выручай-комнате, как мышь в кладовке, не позволяла гордость. Ему нужно его собственное место.

— Тебе нужно убежище. Свой аванпост, чтобы в нужный момент укрыться от постылой жизни, — хмыкнул Пейт, — личная гавань.

— Ну не все могут быть вечными странниками, как ты, — возразил Найттанд.

— Да, я бы и рад где-нибудь осесть, да только время — тоже ураган, что все сдувает на своем пути, и лучше я буду лететь в его потоке, чем останусь на развалинах спустя сто, двести, триста лет. Болетария, Лордран, Дранглик, Лотрик — думаешь, это разные места? Нет, просто на могиле старого государства строилось новое; разные культуры, люди, правители, а земля все та же. Я много странствовал, но когда возвращался, каждый раз обнаруживал, что дома моего больше нет. В конце концов мне это надоело, и я отправился сюда. Однако, — Мародер покачал головой, — в этом мире все меняется так стремительно, что это даже пугает. Может, скоро я покину это место.

— И куда отправишься?

— Если ветер не лжет, вскоре я отправлюсь к огненному кольцу.

Найттанд задумался. Что могло понадобится Пейту на другом краю света, среди вулканов? Но возможно, тот имел ввиду нечто иное.

Но Лоскутик быстро перевел разговор на другую тему, и вскоре Рейвен забыл, о чем хотел спросить.

Несмотря на то, что было время каникул, некогда было отдыхать, нужно было варить зелья для различных аптек и лавок, да и Пейт не позволял сидеть без дела. Его заказы были опасны, но кроме галлеонов Рейвен мог получить какие-либо книги или артефакты, что было намного важнее денег.

Из-за того, что работа была всегда с подвохом, в Лютном мало кто хотел работать на Пейта: в основном то были либо совсем зеленые маги, кто до этого не был знаком с торговцем, либо те, у кого дела были совсем плохи и кто, находясь на грани отчаяния, решил идти ва-банк. Поэтому у Найттанда в Лютном сложилась репутация человека, который мог выкрутиться из любой ситуации.

Однажды, когда он уже возвращался в комнату после очередного «веселого» денька, его окликнул Гарбхан, хозяин паба. Подойдя к стойке, Рейвен заметил, что на него с любопытством уставился незнакомый маг.

— Слушай, Рейвен, есть дело. Ты же сталкивался с существами пятого класса опасности? — ответом был короткий кивок. — Это Алистер Фиджен, — кивок в сторону незнакомца, — и ему бы не помешала помощь.

— А не молод ли он? — Фиджен с хмурым видом окинул Найттанда взглядом. — Такой только на корм сгодится.

— Подавитесь, — едко заметил Рейвен.

— Парень, — Фиджен тяжело вздохнул, — мне не до шуток. У меня сбежал товар,

который нужно изловить. Казалось бы, чего проще, да только все при слове «мантикора» разбегаются.

Охотник погрузился в размышления.

— Мантикору обязательно нужно вернуть в целости и сохранности?

Контрабандист, подумав, медленно кивнул.

— Что ж, это будет интересный опыт.

Они обсудили все детали и разошлись, довольные друг другом.

На следующий день Алистер и еще двое волшебников трансгрессировали вместе с Рейвеном на окраину леса.

— Здесь мы въехали по тропе, — Фиджен обвел рукой пространство, — проехали где-то мили две, пересекли мост, а там засада. Шайка Харба. Мы бы отбились, да только они нам чары с клеток успели посбивать. Сразу не заметили, а как заметили, было уже поздно. Тут не то чтобы товар спасти успеть, ноги бы унести!

— Уже придумал, как справиться с ней? — спросил товарищ Алистера.

— Возможно. Я иду один. Как дело будет сделано, дам знать.

Контрабандисты пожали плечами. Им и так не особо хотелось идти в чащу леса.

Рейвен раньше никогда не встречал мантикору, но читал ее довольно красочное описание в учебнике. Свирепый хищник с головой человека, телом льва и хвостом скорпиона. Говорили, тварь умела имитировать человеческую речь, тем самым привлекая к себе жертв, и еще, пожирая свою добычу, она тихо и сладко пела. Шкура мантикоры неуязвима практически для всех известных заклинаний, ядовитые шипы на её хвосте по толщине сравнимы со стеблем камыша, а в длину имели около тридцати сантиметров, а удар её жала вызывал мгновенную смерть.

На самом деле, как рассказывал профессор Кеттлберн, опасность заключалась не в самом яде, а в его количестве. И лучше держаться от твари на большом расстоянии, ибо подобно *Parabuthus transvaalicus* — африканскому пустынному скорпиону — мантикора использовала огромный чёрный хвост, чтобы разбрызгивать отраву на расстояние до пяти метров.

Найттанд всю ночь размышлял, как справиться с этой тварью. Казалось бы, что могло быть проще, чем наложить Инкарцero, ведь его веревки невозможно порвать и обездвиженный мог снять заклятие с себя только в том случае, если он знал конкретный участок тела, на который это заклинание наложено. Но шкура мантикоры не была восприимчива к заклинаниям, следовательно, и магические веревки оплести ее не смогут. А значит...

Рейвен открыл брегет и написал записку Уилкису. Несмотря на поздний час, тот не спал. Выслушав друга, Рейвен отметил, что подобная идея ему уже приходила в голову и у него даже имелся один рабочий образец. Поэтому уже через минуту Посланники купальни доставили Найттанду новое хитрое оружие Охотника.

Рейвен шел уже целый час, когда вдалеке послышался шум реки. А после стал виден и глубокий овраг, на дне которого протекала узкая речушка, чей поток перекрывало вздутое фиолетовое тело.

«Не съеден, но отравлен, даже не знаю, что хуже».

Рейвен отлевитировал труп неизвестного контрабандиста или разбойника на сушу и сжег его. Только утопленника за спиной не хватало. Запах паленого гнилого мяса мог привлечь внимание мантикоры, но к нему никто не вышел.

Перейдя мост, Рейвен заметил перевернутую повозку.

— Помогите, — он остановился как вкопанный. Ему не послышался этот слабый стон. — Кто-нибудь, на помощь!

Пара шагов вперед, и из-за корпуса повозки стала видна чья-то рука, что слабо шевелилась. Будь Охотник менее опытен, он бы тут же бросился на помощь. Однако Рейвен предпочел обойти транспорт по широкой дуге.

За рукой показалась голова. На искаженном лице двумя стеклянными шарами застыли глаза. Затем стали видны грудь и львиная грива. Мантикора стояла, уткнув морду в брюхо жертвы, ища куски повкуснее, отчего человеческое тело постоянно дергалась. Иногда тварь приподнимала голову, и из ее рта доносились звуки человеческой речи.

— Помогите мне. Я здесь! — словно зловещий пересмешник она украдала голос мертвого мага и теперь воспроизводила его с ужасающей точностью.

Засунув руку в подсумок, Рейвен достал на свет пузатый флакон, в глубине которого клубился сизый дым. Шаг. Чавкающие звуки прекратились. Еще шаг.

— Помоги...

Круглая колба врезалась прямо в морду зверю и взорвалась дождем осколков. Мантикора взревела и затрясла косматой головой. Пока туман медленно оседал, Рейвен быстро вскинул оружие на уровень глаз и прицелился. Щелкнул курок, и вокруг шеи зверя обвилась удавка. Рев сменился хрипом. Охотник прицелился еще раз, но быстро отпрыгнул в сторону, уворачиваясь от струи яда. Хвост манतिकоры будто жил своей жизнью и сейчас раскачивался будто гремучая змея, разбрызгивая вокруг себя мутно-желтую жидкость. Не давая к себе приблизиться, хищник передними лапами стянул с себя удавку и угрожающе зарычал. Охотник коротко выругался.

От первого удара Рейвен увернулся только чудом. Второй. Третий. Он уходил из-под лап чудовища в последний миг, скользил чуть дальше, оставляя за собой чуть смазанный контур. Мантикора пока не могла достать его, но и не позволяла разорвать дистанцию. И Рейвен понимал: долго так продолжаться не может.

Огненный шар заставил ее отпрыгнуть в сторону. Человеческие черты на нечеловеческом лице исказились в гневе, но эмоции вышли какими-то кривыми, искусственными. А вот подпалины на шерсти были самыми настоящими.

От новой колбы мантикора увернулась, но та разбилась достаточно близко, чтобы облако тумана вновь накрыло ее, мешая обзору. Этой заминки хватило, чтобы перезарядить нитемет. Стоило нажать на рукоять в определенном месте, как опорная перекладина оружия, похожая на арбалет, раздвоилась, образовав крест. Щелчок, и мантикору накрыла сеть. Она рванулась вперед, но тщетно. Тварь покатила по земле, пытаясь стряхнуть с себя ловушку, но в результате запуталась еще сильнее. Рейвен пока держался на почтительном расстоянии. Когда мантикора затихла, он осторожно приблизился к ней и с удовольствием отметил, что та наконец заснула: газом в колбе было усыпляющее зелье, переведенное в летучее состояние.

Выпустив из палочки искры в воздух, что быстро исчезли среди деревьев, он присел перед зверем на корточки и достал шприц. Нужно было собрать ингредиенты до прихода контрабандистов.

Когда на место аварии прибыл Алистер со своими помощниками, в сумке Рейвена уже покоилась пара фиалов с кровью и ядом манतिकоры, а в плотный чехол был запакован один из шипов с хвоста. Северус передал магам пару колб с усыпляющим, объяснив, как

пользоваться ими, и предупредив, чтобы те сами ненароком не надышались парами. Также объяснил, как снять гравитационную сеть. Фиджен коротко поблагодарил его и передал мешочек с галлеонами. Разошлись маги, довольные друг другом.

К десяти вечера особняк с южной стороны Гриммоулд-плейс был полностью освещен. Просторная веранда превратилась в оранжерею: ее украсили решетками для вьющихся растений, подогрели и наполнили экзотическими цветами по баснословной цене... Весь дом был так причудливо оформлен, что невозможно было определить, куда же вы попали. Фойе казалось раем, лестница — зеркальным лабиринтом, коридоры — гротами, утопающими в папоротниках... Раут проходил на первом и втором этажах, сам же дом казался бесконечным.

В воздухе порхали феи, эти маленькие декоративные существа со слабо развитым интеллектом кружились вокруг магов, вызывая у них вздохи восхищения своими ловкими пируэтами и тем самым выманивая у самых добродушных конфеты и виноград. Поближе к земле находились домовые эльфы, что не менее ловко лавировали между многочисленными гостями и разносили на огромных подносах закуски и бокалы с шампанским.

Регулус стоял в углу и мрачно наблюдал за гостями, прячась за бокалом вина.

— Опять рыцарь-ворон сидит в засаде, дожидаясь добычи, — подошел к нему с улыбкой Северус. — Мистер Блэк, на балу не стоит ни на минуту забывать, что выражение лица должно быть веселым и любезным. Как говорила моя матушка: «Унылое или злое лицо на балу то же, что пляска на поминках».

Регулус постарался выдавить из себя улыбку, но вышла она настолько неестественной, что даже отталкивала.

— До сих пор переживаешь?

Тот коротко кивнул.

Когда младший Блэк вернулся домой, он не мог не рассказать родителям о происшествии с оборотнем. Вальбурга, конечно, не могла оставить подобное без внимания: как можно было позволить этой мерзкой твари находиться рядом с детьми! Однако когда она вернулась от директора, вид у нее был донельзя оскорбленный.

— Да что о себе возомнил этот старый педераст, — совсем не по-благородному выругалась леди Блэк, — социальный эксперимент у него, видите ли.

Потом Вальбурга уволокла Сириуса в кабинет отца. Пробыли они там достаточно долго, но вылетел оттуда старший сын с красным лицом. Столкнувшись с Регулусом, окатил его презрительным взглядом и бросил лишь одно слово. Стукач. С этого дня Блэк брата не видел. Как позже выяснилось, Сириус сбежал из дома к Поттерам, где его встретили как родного сына — с распростёртыми объятиями.

— Уже полтора месяца прошло, а он так и не вернулся, — грустно отметил Регулус, — мама ему даже сейф заблокировала, так на него зла. А все без толку.

— Сириус не умеет признавать свои ошибки, — Северус сделал глоток игристого вина. — Наказание он воспринимает не как меру должного воздействия за проступок, а как принуждение, давление на его волю. С такими людьми по жизни очень тяжело.

Они немного помолчали. Северус решил не говорить другу, что Вальбурга и ему сделала выговор на тему того, что он подверг ее сына смертельной опасности. Снейпу оставалось лишь смиренно молчать: не говорить же ей, что за последние полгода таких ситуаций было множество. Хотя не согласиться с ней было нельзя — вакцины от ликантропии не существовало. Пока что.

— С кем это танцует Уилкис? Случайно не с Реджиной Блишвик?

— Кажется, да. Не думал, что ее семья придет. Макмилланы ведь не пришли.

— Краучи тоже.

Маги тяжело вздохнули. В обществе все сильнее чувствовался раскол на тех, кто поддерживал Пожирателей Смерти и тех, кого устрашили их действия.

Сегодня же здесь собрались в основном те, кто не отрицал идеи Пожирателей: чистокровные волшебники устали от неразумных действий грязнокровок, да и две мировые войны показали, что магглы — лишь агрессивные животные.

Несмотря на то, что на подобном приеме Северус был впервые, он чувствовал себя как рыба в воде. Был обходителен и галантен со всеми, а если кто-то и пытался задеть его, то собеседник получал обратно свою же шпильку: на приемах в Кейнхерсте подобные игры были обыденностью. Его несколько раз хотели сглазить, но потерпели фиаско — кварцевое кольцо на пальце надежно защищало владельца. Впрочем, не все гости испытывали желание проверить полукровку на прочность.

Люциус с супругой, казалось, были искренне рады видеть его здесь. Благодаря Нарциссе Малфой знал, что Северус вхож в дом Блэков, а приглашение на раут лишь подтвердило эту информацию. Они разговорились. Конечно, после выпуска Люциуса из школы они поддерживали связь при помощи писем, иногда даже Снейп выполнял кое-какие заказы, но не все можно было выложить на бумагу, поэтому Малфой желал подробно расспросить своего знакомого.

— Уже решил, чем займешься после Хогвартса?

— Есть вариант устроиться к гоблинам разрушителем проклятий либо в Комиссию по экспериментальным чарам.

— Правда? — удивился Люциус. — Не думал получить Мастерство по зельям? Ты довольно хорош в этом, я мог бы дать рекомендации.

— Это было бы большой любезностью с вашей стороны, — Северус вежливо кивнул. Отказывать Малфою не хотелось, но связывать свою жизнь с зельями он не собирался.

Разговор плавно перетек на обсуждение зелий и их взаимозаменяемость чарами и артефактами. Люциус отметил, что выводы его друга не лишены смысла, и если он хочет продолжить дискуссию на более продвинутом уровне, то он может познакомить его с тем, с кем надо.

Любая форма магии оставляла неизгладимый отпечаток на своем носителе, и не всегда приятный. Лицо этого мага казалось обожженным, черты были чуть смазанные, словно восковые, перекошенные; белки глаз налиты кровью, зрачки — узкие щели. Длинная черная мантия окутывала высокую фигуру, а лицо было таким же белым как снег.

— Милорд, — Малфой почтительно поклонился.

Волдеморт вызывал дрожь. И дело было не во внешности, но в ауре. Про таких говорят: «Он делал то, что не делали другие; он стал лидером, другие следовали за ним».

И хотя разговор был недолгим — среди гостей были персоны и поважнее молодого студента, — Снейп сумел оставить о себе приятное впечатление, и Лорд милостиво заметил, что если юный маг будет так же усердно трудиться и выберет нужную сторону, ему могут открыться многие перспективы. Более прозрачного намека и быть не могло.

* * *

На шестом курсе время ускорило свой бег. Уже с сентября Барти, Регулус и Уилкис начали бегать на консультации к преподавателям, искать углубленную литературу, делать

дополнительные задания — в общем, полным ходом готовились к СОВ. Северус с Квиринусом смотрели на них и лишь посмеивались, для них это было уже прошлое, что они вспоминали со смехом. Сам Снейп ни капли не сомневался, что парни и так сдадут экзамены, но нагрузку им все же снизил: ему нужны здоровые охотники, а не иссушенные полые.

Для себя же он тоже расставил некоторые приоритеты: чары, ЗоТИ, нумерологию и руны он решил изучать на уровне ЖАБА, равно как и зельеварение с алхимией. Все остальное — на уровне СОВ, что позволяло ему не ходить на занятия, а сдавать задания в конце недели. В свободное время он проходил стажировку в Комиссии по экспериментальным чарам: данный отдел очень лояльно относился к студентам, да и положительная характеристика Флитвика тоже сыграла немалую роль. С гоблинами же у Снейпа не получилось: «Слишком молод, приходите через год».

Если Северус и расстроился, то несильно. Через полгода ему стукнет семнадцать, а после совершеннолетия многие вопросы будут решены. К примеру, наконец-то он научится трансгрессии, благо в Хогвартсе для шестикурсников организовывались платные курсы, которые вёл специальный инструктор из Министерства магии.

К удивлению Снейпа, работать в Комиссии было здорово. Комитет занимался не только разработками и проверками новых чар и совершенствованием старых, но и вообще всеми отраслями магии, поэтому здесь любой изобретатель мог проявить всю свою фантазию. И пусть результаты экспериментов были не всегда практичны — чего стоила та история с ядовитой уткой! — Отдел все же приносил немало пользы.

К примеру, долгое время связь между работниками ММВ проходила с помощью писем, переносимых почтовыми совами. Этот способ был жутко неудобным, повсюду лежал совиный помёт. И кто-то из комиссии предложил: пусть письма будут летать сами, без птиц. С тех пор сотрудники стали посылать друг другу заколдованные бумажные самолётики. В министерстве стало гораздо чище, однако и данный способ не был лишен недостатков: самолётики могли быть сбиты по дороге или перехвачены.

— И вот сейчас мы пытаемся модифицировать заклинания для пересылки сообщений, — рассказывал Снейп товарищам о своей стажировке, — Какой-то умник зачаровал письмо так же, как и снитч. Что тут началось, Мерлин, мы то письмо потом всем отделом ловили! — он так тяжело вздохнул, что друзья не смогли сдержать смех.

Однако Северус не забыл о своей основной цели.

Министерство представляло собой восьмиэтажное здание с подвальными помещениями, находящееся под землёй. Помещение, через которое маги каждый день попадали в министерство — Атриум, — как раз отделяло семь уровней ММВ от девятого, где находился Отдел тайн.

На первый взгляд, попасть туда было просто, достаточно было воспользоваться лифтом. К удивлению Снейпа, явной охраны не было. Он полагал, что нужен будет какой-то ключ или артефакт, вроде медальона старшего Охотника, но нет. Конечно, у каждого сотрудника министерства был пропуск-удостоверение, но его предъявление требовалось только на входе.

Девятый уровень поразил Снейпа. Из-за голых стен, облицованных черным обсидианом, при отсутствии окон и каменного зеркального пола этаж казался древним бесконечным лабиринтом. Он являлся воплощением темного отражения верхнего мира: в отличие от остальных уровней, где было яркое освещение и довольно многолюдно, здесь было довольно

мрачно, одиноко и абсолютно тихо. В первый день, что Северус ходил здесь под невидимостью — в целях безопасности — он не повстречал ни одного мага.

Этот этаж Снейп исследовал методично, но осторожно. Здесь не было дверей, кроме одной, совершенно черной, в дальнем конце коридора, однако она не поддавалась ни одним отпирающим чарам. Правда, на этаже имелось одно ответвление с лестницей, что вела еще глубже под землю. Здесь находился другой коридор, сильно смахивающий на тот, что в Хогвартсе вел в учебные зельеварни. В держателях, укрепленных на грубых каменных стенах, горели факелы, освещая массивные деревянные двери с железными засовами и обитыми железом замочными скважинами. Эти двери поддавались легко, но за ними не было ничего интересного, кроме немного пыльных залов судебных заседаний, и ничего похожего на то место, где могла бы находиться Арка Смерти.

Пока у Снейпа не было никакой возможности отпереть дверь, да и проводить здесь слишком много времени он не мог: стажеров отпускали рано, но он должен был успеть покинуть ММВ до закрытия. Тогда у него родилась идея.

Невыразимцы, так называли сотрудников Отдела тайн, тоже люди; они приходят и уходят с работы, а значит, надо за ними проследить. Но делать это самому, даже под невидимостью, могло быть слишком рискованно.

За разработку артефакта Северус засел, как только в голове оформилась схема того, что требуется получить в итоге. С помощью Посланников был добыт воспаленный глаз. Прекрасный человеческий орган, который извлекли сразу же после смерти или даже до нее. В Ярнаме его применяли в ритуале для взлома печати дальних гробниц в старом лабиринте.

С помощью специального инструмента он поместил внутрь глаза паучье яйцо и стал ждать. Голем должен был вылупиться через неделю, и за это время Снейп успел напитать его магией под завязку.

В очередной раз, когда посещал министерство, он выпустил голема в лифте. Человеческий глаз, обтянутый черной мохнатой кожей, на паучьих лапах побежал по стене лифта, постепенно исчезая, будто какой-то блуждающий кошмар. Теперь оставалось только в нужный момент воспользоваться <i>de</i>моноклем и увидеть картину чужим глазом.

Целый день паук просидел в кабине, никем не замеченный, но ближе к полуночи лифт все же спустился на девятый уровень. С грохотом, отдавшимся эхом, разъехались золотые решетки, и в кабину вошли двое. Пока двери не закрылись, голем ловко выбежал наружу и засеменял по потолку в сторону черной двери. Ему пришлось провести ночь в засаде, прежде чем удалось преодолеть и этот рубеж вместе с какой-то ранней пташкой.

За дверью находилась просторная круглая комната. Все здесь было черным, даже пол и потолок; вокруг всей комнаты через равные интервалы располагались одинаковые черные двери, коих было не меньше дюжины, без ручек и табличек, а между ними горели синим пламенем свечи в канделябрах. Их холодный мерцающий свет, отражаясь на гладком мраморном полу, делал его похожим на темную воду под ногами.

Невыразимец широким шагом пересек комнату и открыл одну из дверей, голем быстро побежал по потолку вслед за ним. Перспектива оставаться в этом зале не радовала Снейпа.

После тьмы холла танцующий, искрящийся бриллиантовый свет резал глаз. Как только голем адаптировался, ему удалось оглядеться. Со всех сторон его окружали часы — большие и маленькие, напольные и настенные, механические и песочные, они висели между книжных полок и покоились на столах, расставленных вдоль всей комнаты, и их неумолимое

разнобойное тиканье сводило с ума. Танцующий, переливчатый свет исходил от высокого стеклянного сосуда куполообразной формы, стоявшего в дальнем конце комнаты.

Хоть это место было довольно интересным, но Снейпу нужно было не оно.

Как только дверь в следующую комнату открылась, паук перебежал туда. Здесь, как и в круглой комнате, царил полумрак, и лишь тусклые свечи синим пламенем едва разгоняли тьму. Потолок зала растворялся в высоте, и здесь не было ничего, кроме бесконечных стеллажей с маленькими пыльными стеклянными шариками. Шарик, неотличимый один от другого и наполненный дымом, был так похож на те, что используют чародеи Фаррона, что казалось, вот-вот из-за стеллажа появится фигура знатока кристальных чар в широкополой, размером с зонт, остроконечной шляпе и черной изорванной, будто вечно колышущейся на ветру мантии.

Ряды, ряды, бесконечные ряды, наполненные хрустальными шарами, под которыми находились пожелтевшие от времени ярлыки с какими-то датами и аббревиатурами.

Очередной зал поразил своей необычной архитектурой. Бесконечные лестницы, что изгибались под немыслимым углом. Балконы и двери находились не только на стенах, но и на потолке и полу. Хотя на самом деле нельзя было определить, где находится верх или низ, даже по пламени свечей, будто эту комнату проектировал сам Мауриц Эшер.

В этой комнате голем застрял надолго. Стоило только кому-либо войти в эту комнату, как паук тут же бежал следом, но не успевал пересечь все эти пролеты и повороты, как маг скрывался за очередной дверью. Сократить путь не было никакой возможности — каждая плоскость здесь обладала силой притяжения, и упасть с условного потолка было так же просто, как упасть вверх. Впервые за это время Снейп пожалел, что не снабдил голема крыльями.

Наконец, тому повезло покинуть это бесконечное пространство, когда двое невыразимцев неспешным шагом пересекли комнату.

За одной из дверей находилась библиотека или, скорее, архив. Стеллажи, забитые пронумерованными и подписанными папками, ничем не отличались от своих собратьев в той же Комиссии по экспериментальным чарам. На заваленных бумагами столах кое-где лежали распахнутые талмуды. Голем беглым взглядом пробежался по содержанию страниц, но мысли, вырванные из середины текста, не желали укладываться в голове Снейпа, а паук был слишком слаб, чтобы перевернуть книгу и посмотреть название. Кое-где язык вообще был непонятен: Снейп никогда не видел подобных иероглифов, хотя графические знаки в книге больше напоминали скопление геометрических фигур, чем буквы.

Скрип двери оповестил, что пора двигаться дальше.

Если в комнате с лестницами определить, где пол, а где потолок, было сложно, то тут просто невозможно за неимением оных. Стоило только двери закрыться, как изображение закачалось и поплыло, и тут Снейп понял, что голем просто парит в воздухе. Все пространство вокруг было усеяно миллионами, нет, триллионами звезд, а чуть впереди неспешно вальсировали небесные тела Солнечной системы. Красным шариком яшмы бежал Марс, черепаховым мрамором неторопливо гулял по орбите Юпитер, синим азурином катился Нептун. Голем плыл в воздухе среди этой красоты и беспомощно дрыгал лапами словно водомерка, пытаясь хоть как-то сдвинуться с места. Тщетно.

«Просто замечательно, — подумал Снейп, — и что теперь делать?»

Можно было, конечно, полагаться на удачу и надеяться, что вскоре он приземлится на какую-либо планету или метеорит и тогда, оттолкнувшись от поверхности, сможет полететь

дальше. Так он и решил поступить.

Конечно, дистанционно Северус не мог почувствовать гравитацию или ее отсутствие, поэтому при каждом прыжке в невесомости ему приходилось рассчитывать только на точность глазомера. Достигнув одной из последних карликовых планет, то ли Эриды, то ли Хаумеи, голем заметил во мраке дверь и изготовился к прыжку. Когда паук уже практически достиг двери, та резко распахнулась. Боли Северус не почувствовал, но инстинктивно дернулся назад, а картинка в монокле закружилась подобно карусели. Звезды, свет из дверного проема, звезды, чья-то мантия, снова звезды. Когда вращение почти замедлилось, вновь послышался тихий приглушенный стук, но в этот раз голем попытался уцепиться за поверхность, чтобы не улететь в открытый космос.

— Что за?.. — удивился кто-то низким голосом, и Снейп понял, что паук зацепился за чью-то шевелюру.

— Отцепись, отцепись, отцепись...

Но было уже поздно. В поле обзора появилась широкая ладонь.

— Что за?.. — вновь повторил голос.

Ярко вспыхнул Люмос, и Снейп отодвинул монокль подальше от глаза. Замелькали вспышки заклинаний, потом кто-то дракнулся, и голем завис в непроницаемой сфере. Все звуки вокруг как отрезало. Его куда-то понесли. Знакомый архив. Маг с землистым лицом смотрел с хмурым изумлением. Вскоре подошли еще двое: один с пышной седой шевелюрой и кустистыми бровями, второй с узким вытянутым лицом. Голема стали осматривать со всех сторон, явно что-то обсуждая, но Снейп не слышал, о чем они говорят. Еще ряд вспышек, и изображение медленно затухло. Северус отложил монокль в сторону и тяжело вздохнул. Первый опыт оказался провальным, но во всяком случае, он узнал хоть что-то об Отделе.

Снейп вернулся к схеме выращивания голема и стал вносить заметки. Он не собирался бросать эту затею, но план требовалось доработать.

Северус склонился над алхимическим кругом, периодически меняя алгоритм рун и подмечая, какие изменения происходят с объектом. Регулус с интересом наблюдал за ним.

— Почему ты не используешь механизмы вместо органики?

— Больше зачаровываешь, выше магический фон.

Снейп взмахнул палочкой, и голем взмыл в воздух. Северус дал знак другу молчать и прикрыл глаза. Спустя время он заговорил.

— Он бесшумен, но колебания воздуха, когда он близко подлетает, меня напрягают. Есть идеи, как можно этого избежать?

Следующую попытку разведать обстановку в Отделе тайн Снейп решил предпринять спустя месяц.

Дело в том, что он не посвящал все свое время только поискам Арки Смерти. Снейп помнил о своих обязанностях Охотника и продолжал обучать товарищей магии, а также выполнять заказы в Лютном.

В начале ноября его отца неожиданно разбил инсульт, и уже через две недели тот скончался в больнице. Схоронив Тобиаса Снейпа, Северус предложил матери продать дом и перебраться в другое место или отправиться в путешествие. Ему не хотелось, чтобы Эйлин оставалась в маггловском рабочем районе, который и так медленно погибал. Тем более, бывшая Принц была молода — ей не было и сорока лет. А для волшебников сорок лет вообще не возраст.

Долго уговаривать не пришлось. В этом месте у Эйлин не было ни друзей, ни знакомых, а сын давно уже не ночевал дома. Здание было выставлено на продажу, и миссис Снейп прибегнула к услугам магического риэлтора, поэтому уже к Рождеству переехала в Тинворт — полумагическое поселение в графстве Корнуолл. Денег от продажи и сбережений сына как раз хватило на уютный коттедж, расположенный в красивейшем месте рядом с океаном на песчаном берегу. Бывшие хозяева выставили дом за небольшую цену, желая продать его как можно скорее и уехать из страны.

Северус помог матери обустроиться, хотя вещей, что Эйлин хотела забрать из Коукворта, было не так уж много. Чтобы матери не было одиноко в новом месте, он решил оставить ей Элис: после случая в хижине оставлять книззла в Хогвартсе не хотелось. Женщины были только рады компании друг друга — Северус в последние два года уделял им мало внимания.

Из-за финансовых трат он взялся за заказы с утроенной силой: охранные зелья, яды, крововосполняющее, эликсиры из крови растопырника и многое, многое другое. Приоритет, тем не менее, он отдавал заказам Малфоя, хотя подозревал, что за ним стоит другой человек.

Также Снейп не оставил идею найти артефакты Основателей. А для этого нужно было узнать, что стало с Риддлом, который раньше работал в лавке Горбина. К сожалению, информации о нем было прискорбно мало. Единственной зацепкой был случай, что произошел незадолго до его исчезновения: сумасшедший маг, последний из опустившегося и обезумевшего рода Гонт, убил всю семью магглов, чья фамилия как раз была Риддл.

Зацепка была не ахти какая, но, может, он сможет узнать что-то новое. Когда сошел снег, Северус отправился в место, где произошла трагедия. Деревушка, примостившаяся между двумя холмами, с веселым названием Литтл-Хэнглтон<note>Малый

Висельтон.</note>, в это время года представляла собой мрачное и унылое зрелище, хотя, наверное, летом, когда все цветет, эта тихая долина была чудесным местом. С вышины холма можно было рассмотреть церковь и кладбище. По другую сторону долины на склоне возвышался заброшенный дом землевладельца, где и произошло загадочное убийство.

Он свернул на узкий проселок, окаймленный высокими колючими кустами. Тропинка была извилистая, каменистая, вся в рытвинах и вела, по-видимому, к темной группе деревьев немного ниже по склону. Старые деревья отбрасывали сплошную холодную тень, отчего в низине еще лежал снег. Среди них притаилась старая покосившаяся хибара. Стены ее заросли мхом, черепица осыпалась, и местами через дыры проглядывали стропила. Вокруг росла крапива, такая высокая, что доставала до крошечных окошек с грязными побитыми стеклами. На двери домика была прибита мертвая змея.

Поговаривают, Гонты считали себя потомками Слизерина и Певереллов, безумцы. Но даже если и так, от их величия не осталось и следа.

Сдвинув разохшуюся дверь с ржавых петель, Северус протиснулся в образовавшуюся щель и огляделся. В доме было три крошечных комнаты. В две из них можно было пройти через маленькую гостиную или, скорее, кухню. Интерьер был скуден: покосившийся шкаф, печка да засаленное кресло у очага — все покрытое толстым слоем пыли.

Снейп стал осматривать дом вдоль и поперек: несмотря на то, что золото семьи было растрчено столетия назад, в доме должно было остаться хоть что-то, какая-то вещь, доказывающая наличие великих предков. Нечто, на что бы у последнего из рода не поднялась рука продать. Чутье охотника не позволяла покинуть эту хижину без добычи, и вскоре Северусу улыбнулась удача. Находка удивила волшебника: золотое кольцо с простым камнем. Камень не был ни драгоценным, ни полудрагоценным, а треугольная печать на нем была нацарапана довольно грубо. Северус долго рассматривал его, замороженный, но не решаясь надеть его, и вдруг, спохватившись, взглянул вверх, где сквозь прохудившуюся крышу наливалось лиловым цветом небо. Снейп чертыхнулся: как быстро пролетел день! Он резко встал и покачнулся, в глазах потемнело. Северус упер руки в колени, дожидаясь, когда кровь вновь прильет к мозгу. Такое чувство, будто он сидел неподвижно несколько часов. Но... Может, так и было? Теперь уже Снейп глядел на кольцо с опаской.

«Что ты такое?»

* * *

— Рейвен, ты вконец с катушек съехал? — после озвученной просьбы Мамон выронил бутылку, и теперь за стойкой бара можно было видеть черенок заколдованной швабры, что весело убирала осколки и разлитый алкоголь.

— Да туда ни один маг по доброй воле не отправится! Что у тебя за дело такое, что решил залезть в эту Преисподнюю?

— То есть как яд акромантулов добывать, мантикор ловить, пятиногов рубить и с оборотней шерсть драть — это норма? А как Азкабан посетить, я, значит, сумасшедший! — фыркнул Рэйвен и сделал глоток виски.

— Не спорю: твари, с которыми ты раньше сталкивался, смертельно опасны. Но дементоров даже в министерской классификации нет. Они вне пределов нашего понимания! Ну, порвет тебя нунду на лоскуты и душа прямиком в рай, ну или на перерождение, во что ты там веришь. А дементор тело целехоньким оставит, а душа тью-тью, в желудок этой твари попадет!

Найтланд закатил глаза. Ну да, ну да, читал он про этих тварей. Может, они чем-то

отдаленно и напоминают Похитителей Яр'гула, но, скорее всего, они ближе к Полым — нежити, достигшим последнего состояния, когда тело полностью обезображено и больше походит на разлагающийся труп, больше нет ни воспоминаний, ни желаний, лишь голые инстинкты. Последнее и очень сильное желание — поиск душ, источника жизни.

Своим предположением он поделился с Пейтом, что сидел рядом, но не вмешивался в диалог, а лишь наблюдал.

— Все может быть, мой юный друг, — пожал плечами мародер, — но я догадываюсь, почему ты не воспринимаешь опасность всерьез. Конечно, чтобы избавить человека от страха смерти, его нужно пару раз убить, и тебе как охотнику это хорошо знакомо. Но для остальных страх смерти — самый первый, глубинный страх, который забит у них на подкорке, — и маги боятся того, что ассоциируется у них с окончательной гибелью. Гибелью души. Маги боятся дементоров точно так же, как охотники боятся Зимних фонарей, что заставляют их сходить с ума и терять разум.

Слова Пейта проняли Рейвена до дрожи. Действительно, каждый боялся потерять себя, но люди воспринимали «Я» по разному. Для одних это душа, для других — разум.

— Я понимаю. Прошу прощения за мое невежество, — он сжал кулаки, — Но... Мне необходимо встретиться с этим человеком, чтобы узнать правду.

На самом деле, Найтланд немного лукавил. Ему нужно было встретиться не только с Морфином Гонтом, последнем из своего рода, но и с *пробужденными*. Он и так тянул непозволительно долго, «был слишком занят», ведь из всех вспомнивших прошлую жизнь он нашел лишь мисс Долл да Пейта.

— Не знаю насчет страха смерти, но ум ты точно потерял, — заворчал Гарбхан и стал яростно протирать стаканы. — Ладно, так уж и быть, помогу, чем смогу, иначе начнешь искать обходные пути и дров наломаешь. Ну что за упрямый дромарог! Ты точно не на Гриффиндоре учился?

Мамон свое слово сдержал. Был у него знакомый маг, что работал в Аврорате — организовывал перевозку заключенных — и сильно задолжал хозяину Белой виверны. Чем — история умалчивала. Однако это был тот человек, что мог помочь Рейвену, и Мамон продал долг волшебника за флакон жидкой удачи.

Когда тот человек выслушал просьбу Рейвена, он был, конечно, шокирован, но отказать не мог — магический долг не позволил бы. Маг сказал подождать несколько дней и, когда он сам с ним свяжется, быть готовым к вылазке. Он не солгал: уже через три дня через Мамона связался с Рейвеном и сказал, когда быть на месте встречи, вместе с мантией-невидимкой или чем-нибудь еще, что поможет скрыться от глаз.

— Крепко держитесь за меня, мистер, сейчас мы аппаратуем. Ничему не удивляйтесь и, ради Мерлина, молчите!

Рейвен коротко кивнул.

Невидимый крюк впился в кишки и протащил их сквозь пространство. Рейвен оглянулся. Они находились в помещении, выглядевшего как драконий ангар. Вокруг них спешно бегали маги в алых и серых мантиях. Вдоль стен стояли черные кареты, за исключением двух, что стояли посередине, и несколько магов впрягали в них фестралов.

Рейвен подошел к стене, где располагались ворота, и через небольшую дверь, ведущую на смотровую площадку, выглянул наружу. Перед ним не было ничего, кроме неба. Глубоко внизу о скалы бились волны. Он задрал голову вверх: действительно, ангар был вмонтирован прямо в утес словно гнездо ласточки.

Найтганд вернулся к сопровождающему, что уже отметил у дежурного и теперь нервно оглядывался по сторонам, и едва заметно коснулся его плеча.

— Я думал, что заключенных перевозят на лодках, а у вас тут все довольно цивилизованно, — на грани слышимости произнес он.

— Лодки — распространенное заблуждение, — прошипел маг сквозь зубы, — мы держим парочку на острове для поддержания иллюзии, но они прохудились, Репаро там уже не поможет.

— Заключенные не помнят, как их доставляли?

— Увидишь.

Вскоре в ангар вошла группа авроров, что левитировала магов в арестантской одежде. Кивнув дежурным, они поместили бессознательные тела в карету, не особо заботясь об их комфорте.

— Группа Эдварда следит за заключенными, группа Джона охраняет внешний периметр.

Кто-то из авроров недовольно цокнул языком.

— Опять задницу на метле отсиживать, две смены подряд, сколько можно!

— Отставить возражения! Радуйся, что погода хорошая, без дождя, а не как в прошлый раз. Все по местам...

Сопровождающий Рейвена поднес руку ко рту, делая вид, что пытается подавить зевок, и тихо произнес:

— Следи за отправлением. Как только кареты взмоют в воздух, аппарируй к одной и цепляйся за дно.

— Что-то еще?

Маг на секунду задумался, а потом, переборов себя, выдал:

— Используй чары приклеивания.

— Приготовились! — крикнул дежурный.

Должник резко развернулся и пошел в сторону двери. Рейвен дернулся в его сторону, но он уже чувствовал, как расплетаются нити обета. Маг сделал все обещанное, дальше все зависело лишь от Рейвена.

— Пошли! — возничий резко стегнул лошадей, и те начали набирать скорость, стуча копытами по бетонному покрытию.

Найтганд тихо выругался. Он лишь недавно прошел курсы аппарации и еще не разу не перемещался на движущийся объект.

Задние копыта фестралов оторвались от трассы, и карета рухнула вниз. На секунду вся процессия пропала из поля зрения Рейвена, а потом фестралы резко взмыли вверх. Сейчас!

Невидимый трос дернул его вперед, и в следующий миг он повис над бездной, держась за перекладину. Стоило невероятных усилий подтянуться, но к тому моменту, как повозка выровнялась, он уже прицепился к ее дну, словно летучая мышь. Путешествие началось.

Большие объемы воды служат оплотом, охраняющим сон, и авгуром тайной Истины. Преодолейте это препятствие и ищите то, что принадлежит вам.

Охотник раз за разом повторял заученные из словаря Кэрилла строки, но волны под ним уже осточертели взору, а пронизывающий ветер выдувал последнее тепло из тела, несмотря на согревающие заклинания. Конечно, Рейвен бывал и в худших погодных условиях, но эта пытка выматывала своей монотонностью. Он уже давно перебрался на запятки кареты, но легче от этого не стало.

Далеко впереди возникла черная скала, которая по мере приближения стала превращаться в треугольную в сечении башню. Небо над ней было затянуто плотными облаками, среди которых кружили мрачные неясные тени. Чем ближе становилась башня, тем сильнее становилось сосущее неприятное чувство в груди. Рядом с конвоем возникли фигуры зверей: полупрозрачные, серебристые муравьед и тюлень, что бежали по воздуху, не отставая ни на миг. Дышать сразу стало легче. Карета накренилась — фестралы заворачивали на посадку.

Когда колеса повозки коснулись крыши, транспорт сильно трянуло, и именно этот момент Рейвен выбрал для прыжка. Прокатившись по земле и отряхнувшись, он огляделся кругом, не боясь, что его заметят: чары шпионов, изобретенные скрытным чародеем из винхеймской школы Драконов, скрывали звуки, которые производил чародей, и предотвращали урон от падения. Вместе с чарами невидимости они составляли идеальный тандем.

Рейвен дождался, пока выгрузят заключенных, и последовал за конвоем, стараясь держаться в поле действия Патронусов: сам он так и не сумел освоить эти чары.

Лица встречающих их магов были серы и унылы. Коротко кивнув, они приняли заключенных и через лестницу на крыше спустились внутрь здания, где было так же мрачно и тоскливо, несмотря на многочисленные настенные факелы. Казалось, даже свет огня был тусклым и каким-то печальным.

Дождавшись, когда приемник опустеет, Рейвен быстро раскрыл книгу регистрации, ища нужную камеру. Просмотрел план этажей. Когда дежурный вернулся на пост, ловко вынырнул из кабинета, даже не задев закрывавшуюся дверь. Теперь он знал, куда идти. Но прежде нужно было сделать еще одно дело.

Некоторые камеры в Азкабанае в том месте, где была разрушена стена, не использовались. Рейвен выбрал одну и стал вырезать на камне руны переноса. Когда он закончил, воздух слегка всколыхнулся, и его пальцев коснулись тонкие ручки Посланников.

Попасть в камеру Гонта напрямую не удалось: то тут, то там попадались патрули дементоров, и Рейвену приходилось уходить в боковые проходы, чтобы не быть замеченным потусторонними тварями. Он не был уверен, работает ли на них невидимость, и проверять это не хотел.

Все камеры в Азкабанае были одиночными; узники, несмотря на срок заключения, напоминали либо безумцев, либо оживших мертвецов. Кто-то беспрерывно кричал, кто-то плакал, кто-то просто сидел неподвижно подобно статуе, уперев взгляд в одну точку.

Найтланд остановился напротив одной из камер.

— Морфин Гонт? — пришлось окликнуть несколько раз, прежде чем на него обратили внимание.

Узник на полу зашевелился. У него были густые волосы, такие грязные, что не было никакой возможности определить их цвет. Во рту не хватало нескольких зубов. Маленькие темные глазки косили в разные стороны. Это должно было казаться смешным, но он выглядел не смешным, а страшным.

Рейвен снял невидимость, и Морфин оживился. Доковыляв до решетки, он ухватился за нее скрюченными пальцами, пораженными артритом, и странно зашипел.

— Что вы сказали?

Морфин опять зашипел. Тут Рейвен вспомнил змею, приколоченную к двери хижины, и выругался. Змееуст.

— Ах ты, Мадарасово отродье, — он потер переносицу, — совсем по-человечески не говоришь? Ладно, попробуем по-другому.

Рейвен достал из подсумка кольцо, и его узкий золотой обруч заблестел в пламени факела. Глаза Гонта с недоверием уставились на артефакт, а потом распахнулись в изумлении. Из его рта полилось удивленное шипение.

— Узнали? — Морфин, вплотную прижавшись к решетке, зачарованный потянулся к кольцу.

Этого Найтланд и добивался. Схватив узника за шею, он резко приблизил свое лицо к нему и впился в раскосые глаза взглядом, пытаясь проникнуть в чужое сознание.

— Что тебя связывает с Риддлами? Почему ты их убил?

Ненависть. Презрение. Мерзкий маггл. Сестра-дура. Потаскуха. Бросил. Правильно.

— Твоя сестра была влюблена в...

Сынок землевладельца. Дура. Осквернительница крови. Воровка.

— Что она украла?

Реликвия. Медальон. Кольцо со мной. Потерял. Нашел.

— Что ты знаешь о Томе Ридdle, маге?

Непонимание. Том один. Маггл. Убийство.

Картинки мелькали быстро, но что-то было неправильно. Пазл никак не желал складываться, но...

— У Меропы был сын? От Риддла?

Ненависть от одного этого предположения. Убить Риддла. Не-Риддл, что говорит на змеином.

Вот оно. Одну картину замазали другой. Подделкой. Но мозг не уничтожал воспоминания. Стоит только заметить это, и краска иллюзий начнет отваливаться.

Брошенный ребенок вырос и стал искать истину. А когда нашел, оказался не готов принять грязную правду. Скорее всего, он и убил своего отца вместе с его маггловским семейством, подставив при этом Морфина Гонта. Позже он повторил этот трюк, но уже с Хепзибой Смит в роли жертвы и домовым эльфом в роли убийцы. Bravo!

Рейвен отпустил Морфина, что до этого вертелся как уж, пытаясь вырваться из цепкой хватки. Узник тут же отскочил, яростно шипя, но Рейвену было плевать. Кинув кольцо Гонту, он отвернулся от камеры. В этот момент за спиной его раздался дикий, нечеловеческий крик. Рейвен быстро развернулся, не понимая, что еще удумал узник.

Морфин катался по полу, воя от боли и держась за почерневшую иссохшую руку, на которой красовалось проклятое кольцо. Чернота стремительно расползлась, она полностью захватила руку, и вскоре показалась из-за ворота арестантской робы. Когда она достигла подбородка, Гонт с трудом поднялся, цепляясь за прутья решетки, и уставился на застывшего посетителя. В глазах Морфина не осталось безумия, лишь страх и какая-то безмолвная мольба.

— Что ты хочешь сказать?

Тоска. Желание быть с семьей. С предками. Не хочет быть похороненным здесь.

— Ты хочешь, чтобы я отнес твое тело на кладбище Литтл-Хэнглтон?

Гнев. Презрение. Погост для свиней. Гонты не грязь.

В голове возникла кристально четкая картинка, а не смутные образы, как раньше.

Лачуга Гонтов. За ней поросшая лесом лощина. Обитель пикси и дриад. Истинная магия. Там, во тьме, стоит усыпальница. Здесь был похоронен первый из Гонтов. Здесь

должен быть упокоен и последний из них.

Видение исчезло, взгляд Морфина затуманился и остекленел.

Рейвен разжал пальцы узника, и тот медленно сполз на грязный каменистый пол. В следующий миг там уже лежал небольшой каменный идол, и он убрал трансфигурированную фигурку в карман.

В соседнем коридоре завывали заключенные, предупреждая о приближении дементоров.

Рейвен резко встал. Более он не мог здесь задерживаться.

Пробудившийся. Тот, чья душа преодолела пространство и время, чтобы переродиться в ином мире.

Еще несколько лет назад Северус разработал поисковый артефакт в виде глобуса, чтобы найти подобных личностей, но не спешил выполнять план. Кто будет всерьез воспринимать школьника? Поэтому личность Рейвена Найтганда являлась выходом из сложившейся ситуации. Было ли это маской Снейпа? Скорее наоборот, это было проявлением его настоящей сущности.

Несмотря на дивность этого мира, Рейвен стремился вернуться в Ярнам. Ему хотелось спасти проклятый город, а для этого ему нужны были союзники, что будут лично заинтересованы в этом. Союз с местными магами был неплох, ведь те, в случае успеха, могли бы поселиться в мире, где ненавистный Статут о Секретности не имел бы значения. Но Охотнику также нужны были люди, у которых была тесная связь с той стороной.

Правда, шанс найти союзников был ничтожно мал. И дело заключалось не только в том, что на его пути могли встретиться охотники из враждебных ковенантов. Он мог встретить людей совершенно из иных мест, вроде Лорана, чья трагическая гибель уж слишком походила на то, что постепенно происходило с Ярнамом, и даже иных времен, если говорить о древней цивилизации Птумеру. И это только если брать в расчет мир крови и Луны. Мир Огня был в сотни раз больше и древнее. Винхейм, Изалит, Картус, Курляндия, Милвуд — все королевства и не счесть.

Кто-то мог бояться Узурпатора, кто-то уже прикипел к новому дому — Рейвен смог бы понять их выбор и не стал бы тащить за собой силком. Но если кому-то в голову придет мысль встать у него на пути — он не будет колебаться ни секунды.

Рейвен шел, ведомый Посланниками, по холодным коридорам Азкабана. Пока он незаметно наблюдал за дементорами, ему вспоминались многочисленные рассказы о подземельях Иритилла и об их жутких стражах, что прятали лица за масками и могли одним только взглядом иссушить несчастного, лишив его всякого здоровья. Ступая бесшумно, словно кот, за группой дементоров, он долго размышлял, как уничтожить бестию. Вскоре потусторонние твари разлетелись в разных направлениях, Рейвен последовал за одной из них.

Когда они отошли достаточно далеко, Найтганд хищно улыбнулся и вытянул руку в сторону дементора. Огненный шар врезался в дементора. В воздухе запахло палеными тряпками. Тварь закрутилась на месте, стараясь сбить пламя, но тщетно. Рейвен прибавил к этому дополнительную струю огня. Он знал, что дементоры не издают звуков, но вдруг они могут общаться мысленно, и к нему уже со всех сторон летит стража тюрьмы?

Через минуту на полу остался лишь обгорелый труп в истлевшем балахоне. Над телом на мгновение вспыхнула золотая дымка и тут же рассеялась, а Рейвен почувствовал небывалое удовлетворение. Однако удовольствие длилось недолго. Несмотря на то, что в узком коридоре недавно бушевало пламя, стало резко холодно. По стенам пополз иней. Резко стало тяжело дышать.

Слух Рейвена достиг неприятный скрип когтей по камню. Он взглянул на почившего дементора и не поверил своим глазам, видя как тот предпринимает попытки подняться с земли. И чем больше разрасталась удушающе ледяная область, тем лучше у него это

получалось.

Найтганда захлестнуло отчаяние. Как такое возможно? Неужели, лишившись всего, даже жизни, тварь все равно была способна вытягивать энергию из окружающего пространства.

— Так, значит? — хрипло спросил Рейвен, и тут же дементор повернул голову в сторону голоса. — Пожиратель душ. Жрешь только светлые эмоции, счастье и радость, теплые воспоминания, оставляя все остальное, словно объедки? Так испробуй же истинный вкус человечности! — пламя в его руке мгновенно окрасилось в черно-белый оттенок, будто выжигая окружающий цветовой спектр.

После того, как верховный повелитель Вольнир поддался влиянию Бездны, хранители могил открыли эту пиромантию. Черное пламя Бездны не давало тени. Говорили, это непроницаемый огонь человечности.

Страх, враждебность, раздражение, презрение, вина, стыд, отчаяние, гнев — пусть дементор захлебнется этой отравой.

Балахон повторно упал на пол, но души в этот раз не выпали. Рейвен недовольно цокнул языком и, перешагнув остатки врага, двинулся дальше по коридору.

Посланники вели его по коридорам, пока вдруг не припали к решетке одной из камер и стали требовательно трясти ее, что выглядело довольно комично, учитывая их размеры. Найтганд остановился напротив, снимая с себя невидимость.

— Тебе не осточертела эта клетка?

Заключенный вздрогнул и уставился на нежданного визитера.

— Если разум еще при тебе, у меня есть для тебя выгодное предложение...

* * *

Из Азкабана он забрал двоих: мужчину в годах, родом из Карима и девушку-ровесницу из Хейда. Был еще один, но его разум был настолько поражен из-за дементоров, что Рейвен счел милосердным убить его, тем самым окончив его страдания.

Переместившись через рунную плиту в Хогвартс, Рейвен оставил пробудившихся на попечении Пандоры и собрался в Лютный по делам. Одли лишь покачала головой, но оставить бывших заключенных не смогла — святое лечение, что использовал Снейп, не могло убрать все последствия жуткого заточения.

Гарбхан был рад возвращению целого и невредимого Найтганда, но, рассмотрев его внимательнее, отметил, что вылазка в Азкабан не прошла бесследно.

— Ну и вид у тебя, Рейвен. Не хотелось бы встретить тебя в темном переулке.

— С каких пор тебя пугает серый цвет кожи и синяки под глазами? — вздохнул тот.

В зеркало он, конечно, не смотрелся, но чувствовал себя порядком вымотавшимся.

— Если ли б только это, — Мамон взмахнул палочкой, и перед глазами Рейвена зависло небольшое зеркало.

Он скептически уставился на свое отражение и едва заметно вздрогнул.

«Неужели это результат поглощения тех душ? Интересный эффект...»

Рейвен взмахнул рукой, и зеркало исчезло. С изменениями во внешности он разберется позднее. А сейчас нужно было разобраться с узниками. Нужно было подыскать им место, чтобы те смогли залечь на дно. Выручай-комната была лишь краткосрочным убежищем. Хотя оба мага уже принесли клятву ковенанта и не могли угрожать товарищам Северуса, тому, тем не менее, были интересны их истории.

Бернард был чернокнижником, последователем Арстора Колосажателя, графа Карима.

Он интересовался различными вещами, чье создание требовало использования запретных методов. Один из его экспериментов пошел не по плану, результат которого для чародея стал фатальным. В новом мире он продолжил заниматься своим искусством. Однако его достижения не были благосклонно восприняты местными властями, за что он стал узником Азкабана.

Зарима же оказалась не такой разговорчивой — о своей прошлой жизни болтать не стала, а о нынешней лишь упомянула, что была контрабандистом и ее подставили свои же.

Рейвен тоже решил быть с ними откровенным.

— Да, скверные события произошли в Лондоре, — отметил Бернارد. — Но тот Узурпатор — не первый Избранный герой, история знает и других ему подобных. Пройдет пара сотен лет, и его место займет кто-то более сильный, таков закон мира. Но зачем туда рвешься ты?

— Считайте меня романтиком, но тот мир ближе мне по духу. Там правят бал меч и магия. Здесь мы — лишь реликты прошлого. В мире магглов мы прячемся в резервациях и подчиняемся Министерству. Подобное меня не устраивает.

Слова Найтганда заставили их задуматься, однако пока Рейвен их ни к чему не принуждал. Нет необходимости тянуть всех в Бездну, ему нужны и те, кто будет прикрывать тылы.

Рейвен прекрасно знал, что он не единственный, кто недоволен положением магов. Схожую позицию высказывали Пожиратели Смерти во главе с Волдемортом, что стремились к смене установившегося совсем недавно правопорядка. Поэтому его все чаще посещали мысли присоединиться к этой партии.

Когда кончились последние экзамены шестого курса, Северус пошел на последнее собрание клуба слизеринцев в этом году, где неожиданно встретил Малфоя.

— Что это? — Снейп взглянул на плотный конверт, на восковой печати которого красовалась змея, выползающая из черепа.

— Приглашение, — Люциус едва заметно улыбнулся, — на вечер, куда вход открыт лишь немногим избранным.

* * *

Во всех окнах ярко сияли многочисленные люстры. По длинной аллее, ведущей к парадному входу, шла вереница изысканных гостей в парадных мантиях, а музыка лилась из распахнутых дверей. Северус, сделав легкий шаг после витка аппарации, подождал пару мгновений, одернул плащ и слился с бурным потоком.

Видимо, в этом году семейство Лестрейндж решило переплюнуть Блэков: их главный зал был тем местом, где смешивались красота и гротеск, а во всей атмосфере помимо торжественности витал запах тайны. Ее можно было ощутить везде: в аромате женских духов и в темном хрустале бокалов, в улыбках за полумасками и в мерцающих зеркалах, в страстном шепоте и в сиянии расплавленных свечей. В этом не было ничего удивительного: большая часть присутствующих, движимая честолюбием столь же темным, как небо над Ярнамом, искала милости самого Лорда Волдеморта.

Рука на плече одобрительно сжалась, хотя Снейпу это не требовалось.

— Ты слишком напряжен, — прошелестел Люциус, чье лицо тоже было скрыто маской. — Расслабься. Здесь нет врагов.

Северус постарался последовать совету старшего товарища и прочувствовать эйфорию

безумного разгула. Однако в этом маскараде чувствовалась некая искусственность. Словно задор и веселье были не настоящими, а лишь декорациями. Может, гости тоже были лишь проекциями, и стоит их коснуться, как они рассыпятся, подобно иллюзиям Гвиндолина? Тогда можно будет увидеть настоящего хозяина вечера. Кружась с незнакомой леди по залу, Северус, осыпая ее комплиментами, тем не менее осторожно следил за окружением. Некоторые лица были ему смутно знакомы; он мог бы знать их и лучше, когда бы их черты не были скрыты масками и гламуром. И хотя ему было не впервой посещать торжественные вечера, сегодня он себя чувствовал будто актер, что позабыл все реплики и действия.

Когда танец подошел к концу, Снейп поклонился, придерживая партнершу за руку и обозначив легкий поцелуй над кожей, отчего на скулах волшебницы выступил легкий румянец, и проводил ее на место, как того требовал этикет. Свободный, он решил укрыться от всеобщего веселья и понаблюдать за происходившим из угла. Однако место в тени было уже занято.

Незнакомец застыл в полумраке неподвижной статуей, однако острый взор Охотника позволил разглядеть фигуру, в динамике обещающую быть гибкой и изящной. Но стоило ему встретить взгляд узких, красных, алчных и одержимых глаз, от которых перехватывало дыхание, остатки безмятежности будто смело ураганом. Пусть лицо мага было скрыто зелёной маской, не узнать его было невозможно.

— Прошу прощения, что нарушил ваше уединение, — Северус слегка кивнул.

— Бросьте, — Лорд махнул рукой, — если бы я хотел побыть один, вы бы прошли мимо и не заметили. Но даже если никакой преграды нет, — он обвел взгляд бальный зал, — мало кто осмелится подойти. Хотят. Но боятся.

«Это их проблемы. Вряд ли Лорд будет ждать вечно, пока они наберутся смелости».

Будто уловив его мысли, тот хмыкнул и сделал ему знак следовать за ним. Они вышли из главного зала и пошли по коридорам поместья Лестрейндж, причем Волдеморт вел так уверенно, будто он являлся хозяином данного места.

Они достигли внутреннего двора, и Северус вдохнул полной грудью, позволяя свежему ночному воздуху унести прочь запахи горячего воска, терпкого вина и пота. Но тьма ночи не скрыла окружающую действительность: будто в насмешку вместо шума оркестра, вульгарных шуток, остроумных язвительных высказываний и взрывов хохота слух Охотника ловил глубокие вздохи в ночной тишине и признания, не предназначенные для чужих ушей; а на водной глади фонтана отражались не холодные звезды, но огни светильников со второго этажа.

Когда Снейп вновь повернулся к собеседнику, маски на нем уже не было. Повременив, Северус снял и свою. Лорд изучающе окинул его взглядом.

— Ты не особенно боишься, — произнес он негромко, с шипящими нотками в голосе.

— Вы не особо пугаете.

В глазах Лорда мелькнуло изумление, вперемешку с насмешкой. Он некоторое время молча смотрел в лицо Снейпа.

— Поразительно, — Лорд качнул головой, а потом, видимо, решив что-то про себя, едва заметно улыбнулся. Хотя подобное движение тонких змеиных губ вряд ли можно было назвать улыбкой.

— Ты знаешь, кто я, — легкий кивок, — знаешь, кто такие Пожиратели Смерти, — Снейп хотел кивнуть и в этот раз, но передумал.

Пожиратели Смерти — ковенант темных магов, последователей лорда Волдеморта.

Слухи о них ходили самые разные, но Снейп знал — некоторые вещи можно понять, только находясь внутри организации.

— Тогда ты представляешь, что тебя ждёт, — произнёс Лорд.

* * *

— Ты отказал ему? — Барти неприлично раскрыл рот, пораженный.

— Отказ — слишком грубое в данной ситуации слово, — хмыкнул Снейп, разбирая и смазывая детали пистолета.

— Но почему, тебя ведь пригласили в дом Лестрейндж, — в голосе Регулуса слышалась легкая зависть. Он искренне восхищался Темным Лордом, его идеями, но и к словам Северуса тоже прислушивался.

Снейп лишь усмехнулся. Он видел, каким раздосадованным выглядел Лорд в конце их разговора, и догадывался о причинах недовольства.

— Если он ожидал от меня слов преданности, то он не мог их получить. У меня уже есть сюзерен, коему я предан кровью и душой.

— Но... он же Лорд, — заметил Квиринус.

Хотя Квиррелл и ратовал за политику, проводимую Пожирателями Смерти, сам в их ряды почему-то не спешил.

— Да... Он зовет себя Лордом. Но что стоит за этим титулом? — возразил Снейп.

Это было странно. Маги никогда не относили себя к сословию феодалов-землевладельцев. Волшебник, конечно, мог получить титул придворного чародея или Советника, но подобное звание имело вес лишь в обществе людей. Маги были в основном независимы друг от друга и редко строили повсеместные иерархические связи, хотя локальные попытки имели место в виде школ, советов, ковенов и им же подобным объединений. Хотя в теории маг мог стать Лордом. Хотя в данном случае имелся в виду титул Повелителя Пепла — звание великого героя, который мог возжечь Первое Пламя.

Так почему Волдеморт именовал себя Лордом? Стоило уточнить этот момент у Малфоя.

— К-кстати, — Квиррелл будто резко о чем-то вспомнил, — кольцо, что ты мне дал на изучение... Я никогда не встречал такой мощной магии. Оно будто... будто...

— Манит? Так и просит надеть на палец?

— Д-да, — Квиррелл резко закивал, — только непонятно, это из-за природы проклятия или того, что скрыто под ним.

— Что ты имеешь в виду?

Тот перевел беспомощный взгляд на Одли. Та в ответ лишь вздохнула.

— Кольцо, подобно диадеме, хранит фрагмент души.

Северусу стало любопытно, могут ли этот фрагмент и тот, что они нашли в диадеме, быть осколками единого целого. Пандора пожалала плечами: из-за проклятия она не могла безопасно извлечь осколок.

Снейп задумался: для избавления от проклятия ему мог понадобиться камень очищения либо редкое жертвенное кольцо. Достать и то, и другое было непросто, и в любом случае, нужно было разрядить проклятие на себе. Или же... разрушить носитель проклятия?

— Разрушить? — Квиррелл задумался. — Это неплохой вариант.

— Вам не жалко подобной реликвии? — удивился Блэк.

— Вообще-то кольцо, на котором закреплено проклятие, не очень-то и ценно. А вот камень...

Северус изогнул бровь. Какую ценность могла иметь простая галька, пусть и с

самодельной печатью Певерелла на ней?

— Мой дорогой друг, — Квиринус коснулся переносицы, делая вид, что поправляет невидимые очки, — у Певереллов, что бы ни говорили маги, никогда не было своей печати. Этот символ имеет куда более глубокое значение, чем знак какого-то рода волшебников.

От такого заявления Блэк чуть не задохнулся, но Квиррелл не обратил на него никакого внимания. Северус крутанул пальцами, давая ему знак продолжать. Тот откашлялся и продолжил:

— Как я и сказал, это не знак Рода, но самой Смерти, а точнее, ее Даров.

Волшебники слушали, затаив дыхание, а Квиринус, польщенный подобным вниманием, весь воспрянул и поведал им легенду о трех братьях.

Мораль «Сказки о трех братьях» совершенно ясна, понятней некуда: любые попытки победить смерть обречены на провал. Один только младший брат, «самый скромный и самый мудрый из троих», понимает, что, ускользнув один раз от Смерти, он может надеяться в лучшем случае отсрочить следующую встречу с ней. Он знает, что дразнить Смерть — полагаясь на силу, как старший брат, или с помощью сомнительного искусства некромантии, как средний, — значит, сражаться с коварным противником, одолеть которого невозможно.

— Значит, Дар Смерти, интересно, — Северус задумался.

Стоило показать этот камень Аннализе, королеву-некроманта заинтересовала бы такая диковинка. Его товарищи не возражали.

Уничтожить кольцо оказалось не так просто. И дело было не только в сопротивляемости артефакта к разного рода повреждениям, но и в его ментальном воздействии. Друзья Снейпа так и тянулись к кольцу, за что приходилось в буквальном смысле давать по рукам. Парни приходили в себя, извинялись, но через десять минут все повторялось. Поэтому уничтожение кольца Северус доверил Одли, что осталась совершенно индифферентна к влиянию проклятой вещицы.

А у него самого осталось еще одно неоконченное дело.

Иногда казалось, что прогресс человечества достиг всех уголков планеты, но глядя на эти места, Снейп понимал, что это лишь иллюзия.

Деревни, брошенные, не нашедшие пока или уже места в современной действительности. Чернеющие дома с заколоченными окнами, развалины заводов и ферм нагнетали магглам невероятную тоску по уходящей эпохе. Люди покидали маленькие поселения ради успеха в больших городах.

Поэтому уединенная лощина, в которой раскинулся Литтл-Хенглтон, оставалась нетронутой. Но пройдет сто лет, и цивилизация вернется сюда в лице тракторов, асфальтоукладчиков и другой техники. Не станет этих мшистых склонов, этих сучковатых, диковинно искривленных дубов, где танцевали самозабвенно лесные нимфы при слабых проблесках ущербного месяца. Не станет реки, где в тихой заводи гриндилоу поджидали карася или уклею. Не станет и одинокого склепа, таившегося в сумраке леса.

А может, и не доберется до него человек. Не найдут магглы склепа семейства Гонт, старинного и благородного рода, последний прямой потомок которого сегодня найдет здесь покой.

Фамильный склеп, который нашел Рейвен, был выстроен из гранита, с течением лет от частых дождей и туманов поменявшего своей цвет. Увидеть склеп, глубоко вросший в склон холма, можно было только оказавшись у самого входа.

Он ни за что бы не нашел это место, если бы не зов. Песнь из лесной чащи. Шепот костей и эхо крови.

Когда он увидел дверь, представляющая собой тяжелую, увитую змеями гранитную плиту, что скрывалась за густыми зарослями вереска, то замер, пораженный. Но не успел Рейвен взмахнуть палочкой, как каменные створки медленно распахнулись. Его ждали.

Он спустился по осклизлым ступенькам при свете Люмоса. Ступени вели неглубоко, но давление было настолько колоссальным, будто он находился на дне озера. Осмотревшись, он увидел множество мраморных плит, на которых стояли гробы. На табличках с именами дата рождения отмечалась «руной жизни», альгиз, а дата смерти «руной смерти», ею же в перевернутом состоянии. В глаза Найттанда бросилась ниша, где разместился отлично сохранившийся гроб со сверкающей табличкой, на которой было выгравировано одно лишь имя, заставившее его улыбнуться и вздрогнуть одновременно. *Морфин М. Гонт.*

Отлевитирав крышку в сторону, Рейвен достал из подсумка каменного идола и положил его на дно гроба, после чего отменил трансфигурацию. Поправил руки и голову покойника, одернул рукава погребальной мантии. Вернув крышку на место, Рейвен запечатал гроб ритуальными знаками и, встав на колени, начал беззвучно молиться. Когда он поднялся, то почувствовал облегчение. Уже хотел идти к выходу, но остановился. Зов, что он слышал, и не думал ослабевать. Ведомый им, Рейвен направился в глубины склепа.

В конце усыпальницы стоял алтарь, уставленный свечами. При его приближении они затрещали, словно гремучие змеи, разнося удушающие миазмы, но это не остановило Рейвена. Когда после полумрака склепа глаза его привыкли к сиянию, он увидел в середине треснутый череп. Едва ли он мог принадлежать человеку. Крупнее в два раза, со скошенной макушкой, редкими, но мелкими зубами, среди которых выделялись два верхних клыка, тонких и загнутых назад.

В разломе таилось сияние. Не имея возможности для сопротивления, Рейвен протянул руку вперед. Его разум поглотили чужие воспоминания.

* * *

Никто не объявил о начале войны. О войне громко заявляют, когда враг приходит извне. Но когда враг притаился в собственном доме, газеты молчат, боясь признаться, что вместо объединения народ ждет лишь разделение.

О событиях тех лет лучше расскажут историки, которые, уже глядя со стороны, могли делать те или иные выводы. Точной даты установить так и не удалось. Просто в один момент преступления Пожирателей Смерти перестали быть только преступлениями. Эта террористическая группировка безжалостно убивала магглов и магглорождённых, всю использовала Непростительные заклятия. Министерство пыталось держать простых людей в неведении, но скрывать такие случаи становилось всё трудней и трудней. Тем более, что Пожиратели не ограничивались только нападениями на магглов. Их жертвами становились и многие волшебники, так или иначе не угодившие Тёмному Лорду. Затем директор Хогвартса Альбус Дамблдор создал организацию Орден Феникса, которая боролась с Пожирателями Смерти. Это были страшные времена.

В гражданской войне не бывает победителей. Это только кажется, что одна сторона доказала своё превосходство. В той войне проиграли все, потому что страна оказалась затоплена кровью. Та война стала предвестником исчезновения магов как вида.

* * *

То, что представителей их факультета презирают и боятся, не было новостью для Снейпа. Его больше напрягала несдержанность его сокурсников в этом плане. Будто всем им поочередно срывало резьбу. Северус догадывался, что могло послужить источником проблемы: активная вербовка со стороны Пожирателей Смерти.

Одна из первых вещей, что должны были выучить молодые ПСы, это Непростительные. Не то чтобы это было обязательно, но их успешное освоение показывало настрой и возможности магов.

Авада Кедавра — убивающее заклинание, против которого нет защиты. Не каждый маг может применить это заклинание, так как оно требовало огромной колдовской силы и искреннего желания убить. Снейпу было не впервой убивать, а магии у него было достаточно. Однако он считал это заклинание слишком громоздким — целых семь слогов. В бою столь длинный каст вкупе с огромной тратой энергии были непозволительной роскошью. Противника можно убить и быстрее, хоть грязи и боли будет чуть больше.

Круциатус — заклинание боли, ужасной, нестерпимой боли. Но для того, чтобы заклинание работало в полную силу, недостаточно просто направить волшебную палочку на жертву и произнести заклятие, нужно ещё и наслаждаться болью жертвы.

Да... Лорд любил Непростительные. Снейп этого не понимал. Как можно полагаться на заклинание, что может дать осечку? Что, если у мага будет недостаточно ненависти? Что, если его желание убить будет иметь недостаточно сил? Это все эмоции. А эмоции мешали думать.

Поэтому он и не спешил вступать в ряды Пожирателей. Уничтожение грязнокровок? Подчинение магглов? Захват мира? Все это было чуждо Снейпу. У него был свой мир, свой дом, за который нужно было бороться, отвоевывать у болезни-проклятия шаг за шагом.

Тем более, он не понимал, на чем базируются идеи ПСов. Ему хотелось понять, что стоит за доктриной чистоты крови: простое предубеждение или нечто большее. Кровь была

причиной конфликта в Ярнаме. Кровь могла стать причиной конфликта и здесь. Но смысл здешней концепции ускользал от него. Труды по крови, написанные волшебниками, носили больше идеологический характер, чем научный, и частично заимствовавшие информацию из записей Салазара Слизерина. Упор делался на магические способности, на зависимость уровня сил от статуса крови. Подобный критерий не мог раскрыть всю сущность крови. В его мире кровь, в частности, считалась материализацией души. А у особенных существ особенные души...

«Если бы уровень магии в крови можно было измерить. Если бы магия имела хотя бы какую-нибудь физическую характеристику», — думал Северус, проглядывая очередную якобы научную статью, когда его взгляд зацепился за фразу «частицы магии застывают в холодной крови и позднее кристаллизуются». Он взглянул на сопроводительную иллюстрацию и вздрогнул, увидев трубчатое скопление, сердцевина которого напоминало спираль. В голове тут же всплыли строчки из справочника, что покоился в библиотеке Бюргенверта: *После смерти вещество в крови затвердевает, и то, что не кристаллизуется, называется кровавиком.*

Северус уже внимательнее стал читать найденный трактат. Бастинда Вэст не была сторонником чистоты крови, целью ее исследования была сама магия, ее проявление до рождения, во время жизни, после смерти. В ее работе было описание ритуала похорон, традиционный у бургундских ведьм. Красочные иллюстрации завораживали.

На алтаре лежит усопшая, вокруг нее стоят подружки по ковену в ритуальных мантиях, их руки крепко сцеплены, образуя неразрывный круг. Каждая из них дрожит, изгибается, словно трава на ветру, будто через каждую из них проходит сила и подобно секундной стрелке отмеряет время. Две ведьмы, ведущие, стоят в центре, символизируя Начало и Конец, они кружатся, извиваются словно змеи, падают и поднимаются, выполняя лишь им одним известные пируэты. Когда приходит час, они приближаются к покойной, обнимают ее, прощаясь, и целуют, забирая грехи и магию. Голубая эссенция, вязкая словно желе, словно мозговая жидкость, падает в пузатый сосуд из зеленого стекла и закупоривается.

«Магия может принимать различную форму, она бежит по венам чародея. Но магия не умирает вместе с своим носителем. Чаще всего она возвращается туда, откуда ее взяли — в окружающую действительность. С помощью ритуалов ее можно преобразовать и в дальнейшем отдать достойному преемнику, однако, к величайшему сожалению, обряды, преобразующие волшебство в эликсир, утеряны. В естественной среде, без вмешательства людей, магия редко обретает более-менее материальную форму. Частицы магии застывают в холодной крови. Подобные образования в организме имеют кристаллическую структуру...»

Из всех волшебников Бастинда Вэст ближе всех подобралась к тайне волшебства, однако в библиотеке Блэков больше не было работ под ее авторством.

«Неужели Вэст знала и об эстусе? — Рейвен покачал головой. — Стоит побольше про нее разузнать». Вооружившись пером, он открыл блокнот и стал записывать новые данные, тихо напевая себе под нос:

В изумруде фляги отражается душа

Той, что Хранительницей звали.

И после смерти огню ты верна...

Старая песнь навеяла воспоминания, от которых становилось больно. Он чувствовал себя изгнанником, что не мог вернуться на родину. Он знал, где начинается дорога, ведущая

домой, и злился от того, что не мог на нее пока ступить.

* * *

Волдеморт сидел во главе стола и выслушивал отчеты своих самых верных последователей: Мальсибера, Лестрейнджа, Эйвери, Нотта и Долохова. Они были с ним с самого начала и находились подле него почти сорок лет. Трое из них уже обзавелись детьми, которые последовали по стопам своих отцов и присоединились к их делу. Ах, если бы остальные вели себя так же разумно, выбирая правильную сторону.

— Фенрир согласился присоединиться к нам, — стал отчитываться Мальсибер, — конечно, переговоры шли долго, ведь убедить оборотня было трудно, но стоило напомнить ему о благе стаи, как его мнение изменилось.

Лорд едва заметно улыбнулся. Конечно, благо, наверняка, его друг обещал вырезать всех щенков, если псина не научится понимать команду: «К ноге!»

— Есть новости из министерства?

Маги нервно переглянулись. Нотт нервно откашлялся.

— Не уверен, но в ММВ начались волнения. Оказывается, недавно произошел побег из Азкабана...

Зрачки Лорда опасно сузились, но он сделал рукой знак продолжать.

— В газетах об этом не писали, дабы не вызвать панику среди населения, но подобный... прецедент вызывает некоторое опасение у властей. Этот побег выглядел довольно странным. Всего сбежало трое магов, но как выяснил Аврорат, их ничто не связывало. Отсутствуют сведения о том, что они были знакомы до заключения, их камеры не находились рядом, да и после побега их никто не видел даже мельком. Они будто сквозь землю провалились. И... было еще кое-что.

— Нотт, я начинаю терять терпение.

— Да-да, милорд, просто, — Нотт еще сильнее нахмурился, обдумывая, как бы выразить следующую мысль, — дело в том, что когда министерские общались со стражами Азкабана, те сказали, что на них кто-то напал.

— Кто-то напал на дежурных магов? Почему же...

— Не на магов, — перебил Лорда Нотт, — на дементоров.

Волдеморт резко поднялся со своего места, и Нотт испугался, что тот накажет его за непочтительное поведение, но мысли Лорда были заняты другим.

— На дементоров? — злое шипение сопровождал скрип когтей по столешнице. — И кому же хватило наглости на столь безрассудный поступок?

— Неизвестно. Но показания дементоров еще страннее. Они указывали на то, что не видели никакого «серебряного зверя», но они говорили что-то про черное пламя и опустошение или иссушение. Неясно, что они имели под этим в виду.

— У Аврората имеются рабочие версии произошедшего?

— Они склоняются к тому, что беглецам кто-то помог извне. Но зачем, Моргана знает. У них даже нет подозреваемых... Кроме нас.

Мальсибер коротко хмыкнул, за что получил испепеляющий взгляд Лорда.

— Действительно довольно интересное дело, — медленно протянул Лорд. — Думаю, из этого можно при должном умении извлечь некую пользу. Известны хотя бы имена сбежавших, или и это решено было скрыть от общественности?

Нотт назвал имена узников. Ни один мускул не дрогнул на лице Лорда, но атмосфера в помещении значительно сгустилась. Повелитель долгое время молчал. Молчали и

Пожиратели. Наконец Лорд заговорил:

— Нотт, поручаю тебе расследование данного дела, любую новую информацию тут же сообщай мне. Все свободны.

Маги медленно встали и, поклонившись, покинули зал, оставив повелителя в одиночестве. Сам Лорд остался неподвижно сидеть в кресле. Что-то решив для себя, он резко поднялся и, крутанувшись, аппарировал. Пора было ему навестить «родные» края.

После вылазки в Азкабан Северус или, точнее говоря, Рейвен чувствовал себя достаточно уверенным, чтобы лично проникнуть в Отдел тайн. Ведь если он остался незамеченным под самым носом дементоров — потусторонних тварей, коих боялись все и вся, — что ему какие-то маги.

Когда очередной день работы в Комиссии по экспериментальным чарам подошел к концу, Снейп сдал отчет куратору. Кивнув дежурному на входе, он зашагал в сторону каминов. Остановившись перед крайним из них, взял горсть летучего пороха и бросил его в пламя, однако вместо того, чтобы сделать шаг в пламя, в мгновение ока наложил на себя невидимость и плавно переместился в сторону. Маг, что стоял в очереди за ним, ничего не заметил.

Северус, тем временем, отправился в ближайшую уборную, где быстро сменил легкую серую мантию сотрудника Комиссии на одеяние охотника. Выпил зелье, которое изменяло или скорее возвращало внешность Рейвена — дозы с каждым разом требовалось все меньше и меньше, — и натянул высокий воротник на лицо.

Когда поток у лифтов практически иссяк, Найтганд незаметно воспользовался одним и спустился на девятый уровень. Подойдя к двери, он достал из подсумка голема, смахивающего на нетопыря, и, используя чары Хамелеона, превратился в него же. Прицепившись к потолку, он замер в ожидании. За время работы в ММВ он достаточно изучил привычки некоторых невыразимцев и знал, приблизительно в какое время эти трудоголики покидают Отдел. Ждать ему в лучшем случае оставалось часа два.

Рейвен чувствовал себя гаргулей, застывшей над одним из архитектурных порталов замка Кейнхерст, но это его совершенно не беспокоило, благо Охота научила его подолгу сидеть в засаде. Наконец, дверь открылась, и наружу вышел один из сотрудников Отдела. Два голема бесшумно нырнули в образовавшуюся брешь.

Очутившись в круглой комнате, Рейвен опять перешел в режим ожидания.

Он задумался, стоит ли обратиться обратно в человека. Стать невидимкой и начать ходить из комнаты в комнату? Спешить он не хотел. Возможно, в Отделе тайн были ловушки даже опасней, чем в Зале исследований. А он не настолько сведущ в Чарах, чтобы видеть нити охранных заклинаний и расплетать их. Поэтому нужно было максимально уменьшить контакт с окружающим его пространством. С другой стороны, его голема уже однажды поймали, и шанс того, что и эта вылазка окажется успешной, был ничтожно мал. Он будет слишком долго исследовать Отдел, каждый раз дожидаясь удобного случая перейти в ту или иную комнату. Возможно, это изначально была провальная затея, ведь место, где находилась Арка Смерти, могло быть закрыто и забыто еще много лет назад. Тогда Охотник решил действовать. Нетопырь спланировал на пол, и Рейвен отменил чары хамелеона.

Он пожалел об этом практически сразу. Раздался низкий рокочущий звук, и свечи на стенах поехали в сторону. Круглая комната вращалась. Найтганд, вместо того, чтобы подняться, еще больше прижался к полу, боясь, что тот начнет двигаться, но этого не произошло. Однако стены завертелись так быстро, что на несколько секунд синие огоньки вокруг слились в сплошную полосу, образуя зловещее синее кольцо; затем, так же внезапно, рокот стих, и все снова замерло в неподвижности.

Рейвен встал в полный рост, огляделся; теперь определить, где находится выход, не

представлялось возможным. Придется положиться на удачу. Он подошел к первой двери, прислушался, пытаясь понять, что за дверью, и осторожно потянул ручку.

После полумрака, царившего в первой комнате, свет люстр, низко висящих на золотых цепях в этом длинном прямоугольном помещении, показался ему очень ярким. Комната была практически пуста, если не считать нескольких столов и огромного стеклянного аквариума, который занимал самую ее середину, — наполненный темно-зеленой жидкостью, он был так велик, что в нем бы спокойно мог жить табун кельпи. Но аквариум не был пуст; Рейвен заметил, что в аквариуме лениво плавают какие-то жемчужно-белые комья. Страх и отвращение захлестнули его, стоило Охотнику взглянуть повнимательнее. Он даже отступил назад, упершись спиной в дверь, и крепко вцепился в дверную ручку, неотрывно следя за медленно плавающими, будто обожравшиеся пираньи, мозгами. Подождав немного, он заметил, что не чувствует признаков угнетения сознания, и немного успокоился. Рейвен стал осторожно обходить аквариум по дуге: мозги не обладали страшными глазами без век, не было ни пурпурного сияния, несущего безумия, ни чарующего пения, да и вообще эти белые кочаны мало обращали внимания на вторженца. Возможно, дело было в защите аквариума, Найтганд не желал это проверять.

Следующая комната была ему знакома. Космос, заточенный в четырех стенах. Рейвен стремительно прошел к едва видимому очертанию двери, чувствуя, что с каждым шагом его тело становится все легче. В комнате с хрустальными шарами он решил не углубляться в ряды стеллажей, а медленно пошел вдоль стены, ища следующую дверь.

Интуиция Охотника заставила его резко развернуться на каблуках. Из комнаты позади него вышла группа магов. Они шли бесшумно, держа наготове палочки и общаясь с помощью системы коротких жестов. Невыразимцы нервно оглядывались по сторонам, и во всех их движениях чувствовалось напряжение.

«Драккл!» — то, что они шли по его следу, было ясно как день.

Идя полубоком, чтобы держать в поле зрения преследователей, он дошел до следующей двери и быстро открыл дверь, молясь, чтобы следующая комната была не очень большая, но с кучей предметов.

Рейвену повезло. Комнату, заполненную часами, он пересек бегом, зная, что в запасе у него было от силы пара секунд. Достигнув двери, он резко распахнул ее, приказывая голему лететь дальше, но вместо того, чтобы проскочить следом, ушел в сторону и, применив Чары хамелеона, обратился в ничем не примечательные часы. В этот же миг в комнату с другой стороны влетели невыразимцы. Из-за создавшегося сквозняка дверь, что открыл Рейвен, захлопнулась, привлекая внимание магов. Те быстро переглянулись и бросились догонять нарушителя.

Убедившись, что маги пошли по ложному следу, Охотник выбрался из укрытия и пошел в противоположном направлении. Он приказал голему немного побегать от невыразимцев, надеясь, что когда те поймают биоартефакт, успокоятся и завершат на этом преследование.

Он решил вернуться к первой комнате с дюжиной дверей. Пройдя планетарий, он вновь очутился в комнате с мозгами. Сконцентрировав все свое внимание на аквариуме, Рейвен слишком поздно заметил опасность. В воздухе откуда ни возьмись появились толстые канаты-змеи. Рейвен запнулся, не имея больше возможности сделать шаг. Удар. Голова взорвалась болью, в глазах заплескали звезды. Стол оказался слишком близко.

— Аккуратнее! А если бы он задел аквариум? — раздался гневный голос прямо над ним. — Нельзя было использовать сначала «Ревелио»?

— Он бы нас тоже обнаружил. А с этим, — раздался легкий стук по чему-то металлическому, — я его и так прекрасно видел.

Найттанд зашипел и попробовал перевернуться, чтобы разглядеть противников. Веревки туго сдавили ему грудь.

Их было двое. Один, с залысинами, носил прямоугольные очки, у второго все лицо было в рубцах, в коих Рейвен распознал следы оспы, и протез глаза в металлической оправе на кожаном ремне, причем глаз этот был вдвое больше натурального и будто жил собственной жизнью.

— И кто же у нас тут? — невыразимец в очках присел перед ним на корточки и бросил за спину: — Предупредишь, что мы задержали нарушителя?

Тот, что был с протезом, секунду поколебался, а затем вышел за дверь, которая, как знал Рейвен, вела в круглую комнату. Стоило им остаться наедине, как Найттанд перевел взгляд на мага.

«Зря ты меня сразу не вырубил!» — злорадно подумал Рейвен, когда по комнате разлетелась вспышка фиолетового заклятия. *Полное безмолвие* — порча, некогда созданная изгоем-клириком, блокировала заклинания находящихся рядом магов. Спутывающие его веревки тут же исчезли, и Найттанд резко дернулся вперед. Раздался неприятный хруст, и невыразимец от неожиданности рухнул на пятую точку, заливая узкое лицо кровью из сломанного носа. Охотник вскочил, выбивая бесполезную на данный момент палочку из рук противника, и ударил невыразимца в висок. Тот, пытаясь подняться, снова упал, и Рейвен лишь понадеялся, что не убил противника.

Охотник огляделся кругом, раздумывая, куда бежать: в комнату Космоса или круглую, куда ушел второй невыразимец, когда взгляд его привлекла еще одна дверь. Рейвен задумался, стоит ли исследовать новый путь, когда грохот шагов с двух сторон не оставил ему выхода. Он снова пересек комнату и толкнул противоположную дверь, держа палочку наготове.

Новая комната, прямоугольная и слабо освещенная, была больше последней, а пол ее спускался вниз ступенями, образуя огромную каменную яму футов двадцати в глубину. Он стоял на самой верхней из этих крутых каменных ступеней, или скамей, амфитеатром идущих вокруг всей комнаты, — глядя на них, Рейвену вспомнились многочисленные залы судебных заседаний, что находились на этом же этаже, пыльные и заброшенные. Однако тут вместо стула с цепями на дне ямы возвышалась каменная платформа, а на ней — каменная же арка, покрытая трещинами, такая древняя и ветхая на вид, что непонятно было, как она еще не рассыпалась в пыль. Проем арки, стоящей на платформе без всяких дополнительных опор, был скрыт завесой, будто сотканной из дыма.

Не обращая внимания на шум глухих ударов тел о запертую дверь, Рейвен спустился по крутым уступам до самого дна каменной ямы и медленно двинулся к платформе. Его шаги сопровождало громкое эхо. Отсюда, снизу, островерхая каменная арка казалась гораздо выше. В неподвижном холодном воздухе завеса продолжала мягко клубиться. Охотник начал слышать звук капающей воды. Этот звук одновременно пугал и завораживал. Чем больше он приближался к Арке, тем четче и громче звучал этот звук.

Он замер перед ней в нерешительности, затем быстро достал из зачарованного подсумка трость-хлыст. Проверил количество пузырьков в кармане. Глубоко вдохнул, словно перед прыжком.

Стоило его пальцам коснуться завесы, как дверь за его спиной взорвалась. Но было

поздно. Под крик, полный ярости и отчаяния он погрузился в туман, и окружающая действительность исчезла.

* * *

Туман не исчез, но стал менее плотным. Он шел по бесплодной земле, твердой и безжизненной как камень. Вокруг, куда не кинь взгляд, были лишь серые утесы да гигантские деревья. Нет... Эти деревья были в сто крат больше самых больших деревьев, которые вырастают, когда умирают гиганты. Эти деревья были выше самых высоких башен, выше гор, и не было даже намека на крону — все скрывало низкое свинцовое небо. Рейвен шел, с трудом перебираясь через их толстые корни, падал, сдирая руки в кровь об острые камни, но продолжал идти, пытаясь выбраться из этого места.

Он не знал, сколько времени брел в этом бесконечном тумане. Небо не становилось ни темнее, ни светлее. Стрелки его часов нервно дергались, но не сдвигались ни на одно деление. Трансгрессия не работала, равно как и другая магия.

Он кричал, звал на помощь до хрипоты, до порванных связок — тишина была ему ответом.

Когда сил идти уже не было, он сел на один из корней и засмеялся. Засмеялся зло, отчаянно. Но смех был чужеродным звуком в этом месте, и Рейвен, склонив голову, задумался.

Он полагал, все будет легко: проникнет в Междумирье, убьет чудовище, найдет вход в Ярнам. Тщетно. Он ищет, но не находит. Он застрял здесь. В Лимбе.

Рейвен взглянул на нескончаемые столбы деревьев. В голове лениво плавали мысли.

Вырастало одно дерево

Одно дерево лавровое

Сколь высокое, столь красивое;

Корни его в земле,

Ветви его в солёном море,

Вершина его в синем небе

«Только здешние деревья выглядели больными».

Не ведают люди,

какие невзгоды

у ясеня Иггдрасиль:

корни ест Нидхёгг,

макушку — олень,

ствол гибнет от гнили.

«А вот это уже больше похоже на правду, — усмехнулся Рейвен. — Интересно, они внутри полые или нет?»

Охотник поднялся и, с трудом волоча ноги, подошел к ближайшему дереву. Хотел коснуться его шершавой коры, только вместо этого почувствовал, как его пальцы сгребают золу, а сам он стоит у кромки черной воды. Рейвен стоял перед бескрайним озером. Кругом лежали останки мертвых гигантов. Небо над головой было закрыто рыхлыми темно-аквамариновыми облаками.

Взглянув на гладкую поверхность, Охотник сглотнул слюну. Вода манила, но он не имел представления, что может скрываться в ее глубинах. Превозмогая себя, он отвернулся и пошел вдоль берега, стараясь не соскользнуть с пепельной дюны.

Следующее дерево действительно оказалось полым, но Рейвен никак не ожидал увидеть

то, что он там нашел. Сначала то, что он принял за груды острых скал, оказалось каменным драконом. Он не был похож на тех огнедышащих, что были изображены в учебнике ЗОТИ. Два длинных как у буйвола рога были подобны короне, а четыре малахитовых крыла могли накрыть собой весь Хогвартс.

Рейвен сделал шаг, и это было его ошибкой. Дракон, что до этого застыл неподвижным изваянием, мгновенно встрепенулся и уставился на нежданного гостя. Крылья его затрепетали, и Рейвена накрыла тьма. Древний ящер накрыл его своей лапой, но осторожно, будто боясь придавить. Тот, придя в себя, выбрался наружу, спокойно пройдя между когтями. Дракон вопросительно посмотрел на него и вновь попытался накрыть лапой, но в этот раз ему не удалось застать его врасплох. Прыжок в сторону ствола.

Он катится по песчаному склону, ударяется спиной о камни. Только это не останки гиганта, а развалины башни. Вокруг него песок и пыль. Небеса так высоки, по ним бегут серые клочья, а Солнце разрезает их сотней лучей. Вдалеке виднеются обломки замка.

«Ты запутал, пигмей? Чего ты ищешь? Тебе нужна дорога к Огню?»

Рейвен тряхнул головой. Огонь был рожден в глубинах. Ему же нужно быть как можно ближе к небу. К Луне.

* * *

— Левым боком к мишени, ноги на ширине плеч, вот так, — крепкие руки держат за плечи, — отведи локтевой сустав, иначе тетива заденет руку. Еще, еще.

Мальчик крепко сцепил зубы, стараясь удержат натянутый лук.

— Наклон головы. Правильно. Взгляд по стреле. Дыши ровно.

Свист стрелы. Тяжелый вздох.

— Торопись. Заново!

* * *

Он вновь оказался среди вековых деревьев. Только земля под ногами рыхлая, он проваливался в нее, как в болото.

Впереди него высилась скала с плоской вершиной. Небольшое плато обнесено невысокой кованной оградой, а ветер доносил аромат лилий.

Он узнал это место. Попытался крикнуть, но из глотки вырывался лишь надсадный свист. Охотник беспомощно вглядывался в темно-синие небеса, подернутые кроваво-красными, будто ржавчина, облаками. А в небе сиял холодный диск Луны.

Лепестки темноты холодеют в золе,

А к полуночи будет от полной луны горячо...

«Мисс Долл... Одли... Пандора...!»

В ответ до него донёлся рев пламени. Рейвен застонал. Он знал, что горит Мастерская.

А будет гореть не только она...

Перед его глазами замаячило видение.

Молодая женщина кружит по гостиной вместе с маленькой девочкой. Он узнает повзрослевшую Пандору и улыбается. Малышка, судя по всему ее дочь, переняла ее светлый цвет волос и серебристый цвет глаз. Девочке не больше пяти лет. Она бежит на улицу, и Рейвен видит их дом снаружи смахивающий чем-то на шахматную ладью. Он отвлекается всего на секунду, желая посмотреть, куда побежит дочь Пандоры, когда раздастся взрыв. Оборачивается и застывает: верх башни расколот и объят пламенем. Найтланд срывается в сторону дома, молясь всем богам, чтобы с Одли все было в порядке, и

оступается.

«Многие считают, что Огонь источник всего. Он — начало. Но по правде говоря, он — кончина, ибо разрушает все. Все распалось на две части. Свет и Тьма. Жар и Хлад. И конечно, Жизнь и смерть».

** * **

Рейвен старался отмахнуться от навязчивого голоса. Он встал, оглядывая местность. Перед ним раскинулась огромная долина, и далеко впереди Рейвен увидел небольшой городок. А назойливый голос тем временем продолжил:

«Также он создал Истину и Ложь. Явь и сон. Благословение и проклятие».

Перед ним стояла девушка с серебряными волосами и оранжевыми глазами рептилии. Она выслушала человека, что стоял перед ней на коленях, благосклонно кивнула и начала раскладывать мольберт.

«Но и Огонь не может находиться один на весах».

«Большие объемы воды служат оплотом, охраняющим сон, и авгуром тайной Истины», — подумал Рейвен.

«Ха? Ты уже что-то начал понимать, пигмей. Но не спеши забегать вперед».

Девушка начала рисовать прибрежные холмы, но вместо зелени долины она широкой кистью размазывала по холсту синеву.

Найтганд слышал рев воды. Он видел, как бегут волны, как они накрыли городок, но не разрушили его, а будто укутали в объятиях матери. К ногам Рейвена подступило море. Его ослепил яркий свет, и он прикрыл глаза рукой. Перед ним высилась величественная башня, на вершине которой продолжал пылать огонь. Рейвен с изумлением глядел на маяк, наблюдая, как его лазурная черепица выцветает, а камни стесываются под воздействием ветра и дождя. Он шёл, не замечая, как под его ногами меняется береговая линия, как вокруг вырастают хижины рыбаков. Маяк постепенно уходил под землю до тех пор, пока из болотистой земли не оказался торчащим лишь верхний ярус. Рейвен слышал, как вращаются шестеренки часового механизма, но вместо огромных линз видел циферблат.

«Я должен ее увидеть», — охотник отвернулся от башни и побежал в сторону деревни. Через пещеру, сквозь подземный туннель, дальше и дальше. Выбежал на побережье. На небе ярко светила желтая Луна, затянутая облаками. Или же это Солнце сияло сквозь толщу воды? Он уже ни в чем не был уверен.

** * **

Он видел тело Кос в воде. Вытянутое, покрытое серебряной чешуей, тело, длинная шея, голова, скрытая капюшоном из кожи, из-под которой виднелись отростки, похожие на щупальца. У нее человеческое лицо, но она не человек.

Ноги Рейвена уже были по колено в воде, он пытался приблизиться, но море отступало все быстрее. Он видел голое дно, устланное скользкими черными водорослями. Мелкие рыбы беспомощно барахтались в лужах. Что-то уцепилось за ногу, и он посмотрел вниз. За него цеплялась девушка, кожа ее белая словно молоко, а ноги... Рейвен нервно сглотнул... Нижняя половина скрывалась в перламутровой раковине. Улиточница подняла к нему лицо, искаженное болью, и показала рукой в сторону моря. Она зашипела, и Рейвен увидел, как ее скользкая кожа высыхает и трескается. Он опустился перед ней на колени.

— Прости, — едва слышный шепот, — я не смогу тебя донести.

По лицу ракушечницы бежали слезы. Охотник беспомощно осмотрелся по сторонам и увидел, что он уже не на побережье, а на дне котлована. Неужели вода так далеко отступила?

Он поискал глазами Кос, но вместо этого увидел огромное черное тело кальмара. Рядом с едва дышащим кракеном виднелась чья-то фигура.

— Эй, — Охотник хрипел, но незнакомец все равно услышал.

Обернувшись, тот пошел в их сторону. Рейвен смог его внимательно рассмотреть. Первое, что бросилось в глаза, это зигзагообразный шрам, пересекающий суровое лицо от лба через глаз до середины щеки. Ярко-зеленые, почти изумрудные глаза прятались за круглыми очками. Он шел, глядя в никуда, держа в опущенной руке палочку, будто всю покрытую узелками или шишечками. Мужчина прошел мимо Рейвена, будто не замечая его, и стал подниматься по крутому склону.

— Эй! — Охотник отцепил пальцы мертвой русалки от подола плаща и побежал вперед, в попытке догнать мага.

Выбраться из вмиг осушенного озера было той еще задачей, но открывшийся Рейвену вид заставил в ужасе распахнуть глаза.

Лес рядом с озером был изуродован. Деревья, обугленные, изломанные, вырванные с корнем, лежали мертвыми великанами на земле.

Он обернулся на древний замок и задохнулся. Башни скалились обломками острых клыков, а вся громадина выглядела поплывшей, словно свечной воск.

«Это был дракон? Нет. Невозможно? Нет уже таких драконов, что способны на подобное!»

«О, ты удивишься, пигмей, когда узнаешь, кто это сделал!»

«Какая разница, кто? Откуда такая разрушающая сила?»

«Сила? Эта сила способна преобразовывать мир. Но что она? Хаос? Искусство? Магия? Наука? Или достаточно искреннего желания?»

«Зачем ты все мне это показываешь?»

«Я? — в беззвучном голосе послышалась насмешка. — О нет. Ты сам запутался в ветвях Иггдрасиля. Перемешал нити связей».

* * *

Двигаться было тяжело, хотя тело казалось невесомым. Было холодно и темно. Он увидел колебание границы воды и поплыл.

Рейвен вынырнул, сделал глубокий вдох. Взгляд зацепился за фигуру Регулуса. Тот лежал на небольшом острове, почти у самой кромки, и его бледное, искаженное мукой лицо было обращено в сторону воды. Охотник протянул к нему руку и отдернул в испуге, видя, что та покрыта струпьями, а через лохмотья кожи проглядывают зеленоватые кости.

«Я — Полый? Я потерял... Мне нужна... Человечность?»

«Если душа является источником любой жизни, в чём суть человечности, которая отличает вас, пигмеев?»

«Хватит! Этого нет! Это иллюзия, сон, мираж!»

«Или отражение? О да, но не ты один перепутал звезды в небе с отблесками на воде».

* * *

Он стоял за тронном, прячась в тени. Он видел, как Королева встает навстречу гостю, магу со змеиным лицом. Оба молчали, но презрение, возникшее между ними, можно было ощутить пальцами. Их миры были различны, однако Рейвен ощущал какое-то неуловимое сходство между двумя лидерами, и это приводило его в необъяснимый ужас.

«Ты видишь? Пока нет. Ты до сих пор мыслишь в самой базовой плоскости...»

«Ты смеешься? Хочешь, чтобы я увидел что? Будущее? Прошое? Избранного?»

Великого?»

* * *

Он слышал гулкие удары молота. И с каждым ударом что-то разрушалось. Золотые осколки разлетались, пронзая все вокруг. Небеса пылали. Они были красны, словно кровь, что текла из его ран.

«Ты, пигмей, полагаешься на глаза, желаешь увидеть-узреть, но не узреть-осознать истину. Я сомневаясь... Что ты можешь... Даже представить себе это...»

«Да, я не могу представить! Не могу, ведь я жалкий пигмей, — пальцы, испачканные в золе, начинало покалывать, а легкие, наполненные пеплом, сжимались в спазматическом кашле. — Ты это хотел услышать?»

* * *

Шум дождя. Детский плач. Пустая колыбель. Окровавленная лента в канализационном стоке. Сломанная печать на конверте.

* * *

«Да, я признаю, я слаб. Я не смог их спасти. Хочешь, чтобы я раскаялся? Я достаточно посылал голову пеплом! Я устал от их смертей! Если это колесо не остановится, я его сломаю!»

Боль. Чудовищная боль в ломающихся изнутри ребрах. Кровь темной души вытекала наружу, а сама душа разрывалась на клочки, раскалывалась на осколки.

Выжженная земля. Пьянящий запах алых лилий. Затмение. Сладкий запах крови.

«Если тебе страшно, ты можешь отступить. Ты это знаешь».

«Знаю!»

«Тогда почему нет?»

«Ради рассвета».

Ночь не может длиться вечно... Какой бы бесконечной она ни казалась, какой бы темной ни была, за ней всегда следует рассвет нового дня.

Солнечный свет же приносил в душу Рейвена лишь страх, хоть он и понимал, что тот абсолютно иррационален. Для простых жителей Ярнама наступление нового дня было ознаменованием того, что Охота кончилась и вернулись спокойные времена. Для охотников же это было знаком того, что пора отложить оружие; а оружие — это все, что у них было. Опьяненные кровью и адреналином, они жили одним моментом, ведь их смерть была более чем вероятна по сравнению с теми, кто прятался ночью по домам, за тяжелыми засовами. Охотники, пусть и были избавителями от чудовищ, ассоциировались у граждан с ужасами ночи Дикой Охоты, поэтому о них предпочитали быстро забывать. *Мерзавцы без достоинства, совести и чести, истинные исчадия ада, токмо к убиениям приспособленные* — так о них отзывались горожане, чьи трусость, невежество и презрение перевешивали благодарность и почтение.

Может, поэтому многие охотники не желали просыпаться от кошмара, хотели, чтобы ночь длилась вечно; ведь они хотели, чтобы их ремесло было востребованным.

Рейвен не спеша отошел от окна, оделся и вышел из покоев, понимая, что как бы соблазнительна ни была Охота, с проблемами, что приносит день, все равно придется разбираться.

* * *

Когда он вернулся в Ярнам, то первым делом аппарировал в замок Кейнхерст, радуясь, что магия осталась при нем. Теперь осталось вернуть замок его законным хозяевам.

Когда фанатики Церкви исцеления — банда жестоких Палачей — во главе с Логариусом совершили под покровом ночи налет на замок Кейнхерст, обезглавили и перебили всю *«порочную нечистокровную»* знать, они так и не сумели умертвить королеву Аннализу. После множества неудачных попыток Логариус, не видя другого выхода, неким образом заключил Аннализу с помощью железной маски и запечатал её покои с помощью Короны Иллюзий, полный решимости навсегда скрыть тайну замка, надел её по собственному желанию и остался вечно стеречь королевские покои. Оставшиеся палачи отрезали тронный зал от основной части замка, а по возвращении в город — и длинный мост, чтобы никто не помешал исполнению *«мученической миссии»* мастера Логариуса.

Логариус раскрыл секреты сгустка крови. Поняв, что Королева бессмертна, он насильно взял у нее кровь, дабы овладеть магией Нечистокровных. Однако не смог овладеть даже половиной той силы, что скрывала *sanguis vitiosus* — самопровозглашенный мученик прожил много лет, но его кости уже давно ослабли, что, однако, не помешало яростно атаковать и ловко защищаться от атак Найттанда, когда тот пытался избавиться от надзирателя Аннализы. Бой был ожесточенный, но Рейвен сумел выйти из него победителем. Сняв с поверженного врага Корону иллюзий, он открыл доступ в тронный зал и преклонил колени перед своей Королевой.

Некромантка была рада видеть Найттанда во плоти, а весть о том, что поганый священник покинул сей бранный мир, наполнила ее сердце мстительным удовольствием. Ей не терпелось расспросить Рейвена о том, как тот сумел вернуться в Ярнам, игнорируя ритуалы колеса Года и фазы Луны, но он не спешил отвечать, а его просьба и вовсе поразила

Аннализу.

Рейвен не без оснований полагал, что железная маска подавляет силу Королевы, а значит, избавление от нее было первостепенной задачей. Чары на маске были крепки, но не обладали таким изяществом, что привык видеть Найтланд. Все же священнослужителю было далеко до настоящего чародея, хотя сила его веры, что легла в основу оков, вызывала невольное восхищение и даже уважение. Рейвен действовал довольно аккуратно, боясь навредить королеве, осторожно выводил сложные плетения палочкой, бормоча себе под нос заклинания. Он чувствовал ее пристальный, все запоминающий взгляд, пусть прорези в железной маске и были закрыты плотной черной лентой с кружевом.

Казалось, прошла вечность, прежде чем узы заклатья были разрублены. Шелк ленты заскользил между пальцами, части шлема скатились на пол с глухим стуком. И окружающее пространство заполнила Сила.

В первый миг ему показалось, что это смахивало на прорыв дамбы. В ушах зашумело, и все его нутро чувствовало, что на него несется поток, который просто сотрет его в пыль. В глазах начало темнеть, и Рейвен опустился на колени, стараясь удержаться в сознании. К его удивлению, он почувствовал, что скрытая мощь пролетает мимо него с немыслимой скоростью, а он слышит лишь отголоски, будто вместо плотины он стоит в пещере за водопадом.

— Рейвен Найтланд, — пальцы нежно коснулись скул, а затем взялись за подбородок; он поднял взгляд на свою королеву, — спасибо тебе. Прости, что напугала. Я не собиралась вредить ближайшему родственнику.

— Но я же...

— Еще не принял мою нечистую кровь, ты это хотел сказать? — в карих, почти багровых глазах плясали смешинки, — Рейвен, ты не раз возвращался ко мне, пересекая время и пространство, наплевав даже на такие условности, как смерть. Аристократ ли, охотник Церкви или же маг, твой дух Кейнхерста оставался с тобой всегда, что делает твою кровь ценной саму по себе. Что ж, — королева грациозно поднялась с трона и носком туфли откинула остатки железной маски в сторону, — пора навести порядок в замке.

* * *

Из-за чудовищной кровавой казни почти всех обитателей замка сюда пришли кровопийцы — уродливые твари, своим образом жизни напоминающие клещей и блох, коих можно было встретить разве что в древних подземельях. Они заволокли весь внутренний двор замка, и Охотнику пришлось приложить массу усилий, чтобы очистить территорию от них. Отлевитировав туши монстров и трупы в черных церковных одеждах, из которых до недавнего времени блохи пили кровь, в одну кучу, он запалил жертвенный костер. Туда же полетели и паразитические личинки — Рейвену не хотелось потом ненароком наткнуться на чудовище-кровопуск.

В холле он заметил королеву, которая о чем-то беседовала с группой призраков. Заметив, что Рейвен держится на почтительном расстоянии, она дала знак духам удалиться. Он видел ее тонкие сжатые губы, видел, как дрожат ее пальцы, но голос ее был тверд.

— Я видела, как им завязывали глаза, перерезали горло, отрубали головы, и ничего не могла поделать. Все они сражались не хуже своих мужей-охотников, пытались до последнего защитить себя, поэтому им в насмешку оставляли клинок в связанных руках. В каждой из них было больше храбрости, чем во всех Палачах, вместе взятых. Однако все они мертвы... Странно, что слуги, что трусливо прятались во время бойни, не разбежались после

нее, — королева окинула презрительным взглядом сгорбленные, сморщенные фигуры в мешковатого вида зеленых одеждах и с алыми колпаками на головах. Те, почувствовав взгляд хозяйки замка, еще больше сжались и стали с утроенным усердием протирать различные поверхности.

— Они не могут, — заметил Найттанд, поднимаясь по лестнице вслед за Аннализой, — замок отрезан от Ярнама.

— Я в курсе про сломанный мост! Слуги могли использовать рыбацкие лодки, в крайнем случае перебраться вплавь, но не сделали этого. Почему?

— Все... не так просто.

Рейвен и сам в свое время размышлял над этим. Замок и разрушенный мост на пути к нему можно было разглядеть от Молельного Переулка, однако с берега — не видно ни снега, ни льда. Но принимая во внимание мистический способ перемещения в Замок — по обвалившейся переправе на лошадях, чьи иссохшие трупы он обнаружил под плотным снежным покровом, стоило вылезти из дилижанса — можно было предположить, что замок был отрезан не только в пространстве, но и во времени.

«Мы словно внутри стеклянного снежного шара. Мир снаружи меняется, а здесь застыла вечная зима. Вряд ли сломать барьер будет сложно, но... готовы ли мы явить себя миру?»

Рейвен поделился своими соображениями с королевой. Та задумалась.

— Действительно, не стоит спешить. Хотя мне и осточертела зима, но мы должны подготовиться. Проверить, что осталось от казны; восполнить запасы продовольствия; работа предстоит тяжелая, если мы хотим оказать твоим друзьям достойный прием. Когда ты должен вернуться в Лондон?

— Через двое суток.

— Что ж, тогда не будем тратить время зря!

* * *

Аппарировав на площадь перед Главным собором, Рейвен углубился в один из многочисленных переулков города в стремлении вернуться к проходу между мирами. Выйдя за пределы Соборного округа, он спустился по каменистому склону. Древняя скрытая от глаз церковь, спрятавшаяся в низине между скал, была безмолвна. Несмотря на то, что по архитектурному стилю данная церковь совершенно не выбивалась среди прочих храмов, внутреннее убранство больше напоминало языческое капище, чем божий дом. На земляном полу ровно по центру стояло серебряное блюдо или, скорее, чаша, в человеческий рост, чьих ножек не было видно из-за оплавившегося воска от давно потухших свечей. На земле, мешая пучкам жухлой травы, валялись в хаотичном порядке железные кирпичи и плиты, хотя, если внимательно присмотреться, то можно было увидеть, как они складываются в концентрические круги, занимают места планет и их спутников.

Рейвен обвел взглядом многочисленные ниши, в каждой из которой стояла статуя, заточенная в клетку из мраморных прутьев, поднял глаза вверх. Никого не увидел, но Охотник чувствовал присутствие этого создания. Амигдалы.

«Амигдал» было много, хотя это скорее проекции Великого, носящего данное имя. При свете кровавой Луны эти жуткие создания представляли воочию, цепляющиеся за шпили соборов и башен в Яаа'ргуле и в Соборном Округе. В городе стояло множество статуй этого Великого. Вход в Главный собор украшен двумя рядами статуй с характерной миндалевидной головой, держащих пики. Именно Амигдала являлся своеобразным привратником кошмара, но Рейвен подозревал, что его возможности намного шире.

Амигдала — особенный великий. Путешествуя между мирами, он существует во многих местах одновременно. Когда грань между человеком и чудовищем истончается, а красная луна висит низко, достаточно всего одного сновидения, чтобы пустить Амигдалу в свой собственный мир. Как говорят, самые широкие двери — это врата грез и отверстия разума.

Найтганд коротко выдохнул. Дальнейшие его действия любой здравомыслящий маг назвал бы настоящим безумием: провести древний ритуал, полагаясь на разрозненные записи из книг Хора, Бюргенверта и Менсиса, а также на толику удачи, ведомый интуицией, он хотел провести древний ритуал. Кормилица Мерго и Ибраитас, Ром, Материнский мозг — люди уже не раз устанавливали успешный контакт с Великими. Но каждый Великий не походил на другого, и судить об их поведении, основываясь на общих признаках, было трудно.

Рейвен сжал в руке палочку, не поднимая ее, и стал постепенно пропускать через нее магию, давая той равномерно распространяться вокруг, стараясь тем самым нащупать Великого, не выказывая ни капли агрессии. Оставаясь неподвижным телом, сознанием он пытался проникнуть на иной слой реальности.

Едва видимое колебание воды стало сигналом. Найтганд резко вскинул голову и увидел под самым куполом Амигдалу. У существа была огромная миндалевидная голова, покрытая многочисленными щетинками и представляющая собой сплошное решето, сквозь которое был виден мозг. Руки, длинные, асимметричные, лишь отдаленно напоминали человеческие ввиду большего количества суставов; с их помощью Великий цеплялся за стены и сидел под потолком неподвижно, подобно пауку.

Попытка установить контакт, как это было с гигантским мозгом, провалилась. Церковный ладан, руны Кэррилы, напитанные силой, заклинания — тщетно. Великий все так же неподвижно сидел и, казалось, не обращал никакого внимания на человека.

«Почему? Я связал свой мозг с глазами, вышел из базовой плоскости. Я вижу тебя, но не могу говорить с тобой. Неужели этого недостаточно? Неужели я должен услышать завывание моря? Нет. Достаточно сокрушительных откровений — мне не нужно *спасительное безумие.*»

В ответ — лишь гнетущая тишина. В этот момент Рейвен испытал разочарование.

«А ведь Пейт называл тебя своим богом. Он был искренне расстроен твоей смертью. Но в то же время рад, что больной идол наконец обрел покой».

Он уже развернулся к выходу, когда тихо зазвенели камни и проход загородили две длинные руки. Рейвен в удивлении уставился на спустившегося вниз Амигдалу. Внутри головы Великого стала бурлить оранжевая жидкость, которая, вытекая через многочисленные отверстия черепа, сформировалась в мутно-желтые глаза, коих было не меньше сотни. Маленькие черные зрачки вперились прямо в человеческую фигуру. Амигдала припал к земле, и щупальца на его голове почти касались серебряного блюда.

Рейвен не слышал голоса, не слышал шума воды, но откуда-то знал, что нужно делать. Подойдя к серебряному блюду, он коснулся гладкой поверхности воды, и от пальцев потянулись серебристые нити воспоминаний.

Диагон-Аллея. Банк гоблинов. Вестминстерское аббатство. Лавка Лоскутика в Лютном. Сент-Панкрас и Кингс-Кросс. Здание Королевского суда Лондона. Хогвартс. Церковь Святого Августина. Витраж с драконами. Атриум министерства магии. Вестминстерский дворец. Тени над Азкабаном. Мемориал принца Альберта. Школьный

стадион в разгар матча по квиддичу.

Амигдала задумчиво шевелил щупальцами. А затем подставил ладонь Рейвену. Тот вскарабкался на нее, держась за большой палец, и почувствовал, как взмывает вверх. Великий тем временем свел руки вместе, а затем резко развел. Окружающее пространство исказилось, и между рук существа образовалась щель, в которой зияла черная пустота. Амигдала быстро нырнул в нее, перебирая своими длинными лапами как насекомое. В этой чернильной пустоте не было ничего. Рейвен не видел и не слышал, но чувствовал жуткий холод и то, как все его кости будто ломаются и перемалываются. Длилось это не более секунды, но даже этого было достаточно, чтобы почувствовать себя неважно. Он покачнулся, но рука Амигдалы сжала его, не давая упасть с края крыши. Рейвен огляделся: действительно, они находились на крыше гоблинского банка.

«Я вернулся!»

Рейвена затопило чувство благодарности. Амигдала позволил ему спуститься и медленно стал поворачивать голову из стороны в сторону, иногда переставляя лапы.

Рейвен широко улыбнулся, осматривая магический квартал с высоты самого величественного здесь здания. Взглянул на небо и нахмурился. Взмахнув палочкой, он активировал календарь с часами и, коротко выругавшись, аппарировал — до начала занятий осталось десять минут.

* * *

В поместье Лестрейндж стояла зловещая тишина. Пожиратели Смерти стояли подобно истуканам, боясь издать лишний звук. Даже самые нечуткие маги ощущали настроение Лорда. Его видели в разном настроении: в злости, в ярости, в гневе. Но в таком спокойном бешенстве, от которого веяло могильным холодом, его видели впервые.

Двери зала распахнулись и в помещение вошли двое. Лицо одного было скрыто маской, он же первым преклонил колени перед Повелителем. Второй, более крупный, повел головой, приносиваясь, и тоже медленно согнулся в приветствии, отчего плащ Пожирателя жалобно заскрипел на спине.

— Мой Лорд, мы...

— Слишком долго, — таким голосом можно было заморозить сам ад.

Лорд резко встал со своего места, и маг испуганно вжал голову в плечи. Он ждал зеленой вспышки или красного луча боли. Но Волдеморт прошел мимо него и схватил второго за плечо. Виток аппарации, и аура ненависти стала рассеиваться. Общий выдох разнесся по залу. Некоторые из присутствующих просто осели на пол. Недавно пришедший Пожиратель согнулся еще ниже и, коснувшись лбом пола, едва слышно всхлипнул — смерть только что прошла мимо него.

На холме с дорожным указателем возникли двое магов. Пожиратель встал с колен и громко фыркнул.

— Повелитель, об аппарации, — хрипло начал он, но, наткнувшись на змеиный взгляд рубиновых глаз, замолк.

— Идем, — Волдеморт взмахнул мантией и широким шагом пошел по тропинке.

Пожиратель побрел следом, подавляя ворчание, ибо знал: Лорд скор на расправу.

В любой другой ситуации Темный Лорд ни за что бы не потащил за собой это грязное животное. Тем более, не стал бы его касаться. Но в данный момент ему нужен был этот оборотень, а точнее, его нос.

Когда Лорд вновь посетил лачугу Гонтов, где он предполагал найти сбежавшего дядю,

то с удивлением обнаружил пропажу крестража. Магия внутри него медленно поднялась, увеличиваясь в размерах, а затем взбесилась, словно гремучая змея. Однако Волдеморт быстро взял себя в руки, здраво рассудив, что если все здесь разрушит, то уничтожит возможные оставшиеся следы. Все же, когда дело касалось сохранения его жизни, он становился достаточно собранным.

Оборотни всегда славилась своим острым нюхом, поэтому была вероятность найти похитителя.

Когда они дошли до лачуги, скрытой крапивой и вереском, Лорд обернулся к Грейбеку.

— Нужно выследить вора. Следы там, — и махнул рукой в сторону входа.

«Я похож на ищейку?» — читалось на лице волчьего вожака.

Тому, однако, хватило ума промолчать, лишь слегка приподнялась верхняя губа.

Фенрир нырнул в хижину, стараясь головой не задеть полог. Медленно стал обходить дом, комната за комнатой.

— Что ты там возишься?

— Тут везде следы, господин, — оборотень принялся.

Каждая полка, каждая доска хранила в себе запах мага. Но этот аромат не совпадал с запахом Лорда. В нем было нечто особенное, пробуждающее инстинкты, заставляющее искать добычу.

Оборотень вышел наружу, принялся и двинулся в сторону леса. Пробираясь сквозь заросли и овраги, он чувствовал, как ускоряется ток крови, и каково же было его разочарование, когда запах резко оборвался.

— Какого драккла? — Грейбек стал крутиться на месте, исследуя гранитную плиту, спрятанную за густой зеленью, когда сзади подошел Лорд.

Тот был изумлен, найдя усыпальницу. Лицо его приобрело задумчивое выражение, пока он бродил между рядов давно усопших предков. Вскрыв гроб Морфина Гонта, он внимательно исследовал тело. Ранние следы разложения не успели скрыть следы проклятия.

«Недолго он наслаждался свободой, однако кто-то его похоронил...»

— Грейбек, найди мне этого мага и доставь ко мне.

Северус Снейп исчез. Посреди учебного года забрал документы из школы. Уволился из Комиссии по экспериментальным чарам. Без объяснения причин. Общественность едва ли заметила пропажу. Да и кто он такой, чтобы о нем волновались? Может, кто-то и задавался вопросом, куда делся молодой маг, у которого были неплохие перспективы в будущем, но в целом никому не было до него дела. А вскоре про него вовсе забыли. И даже те, кто назывались его друзьями, не особо переживали за судьбу парня.

Северус Снейп исчез. А Рейвен Найтсанд наконец смог вдохнуть полной грудью.

Когда он вернулся из Ярнама, надобность в двойной игре отпала. Он вырос из оболочки слизеринца-полукровки, вытянул из нее все соки и теперь мог расправить, казалось бы, давно отрубленные крылья.

Охота почти уничтожила столицу королевства, название которого уже никто не помнил, поэтому требовались колоссальные усилия, чтобы вернуть город к полноценной жизни. Закупить продовольствие, лекарства — все, чтобы помочь жителям как можно быстрее восстановиться после охоты. О деньгах Рейвен не беспокоился — Церковь исцеления была богата, но никто из духовенства не сумел сохранить разум, ценности стали бесхозными, и он считал, что имеет полное право распорядиться ими во благо Ярнама. Тем более, церковь слишком много задолжала короне.

Прежде чем уйти из школы, Снейп посетил общину домовых эльфов на кухне. Результатом этого стало заключение магических контрактов с двумя десятками домовиков.

Анализа была удивлена видом новых слуг, да и те в свою очередь благоговели перед королевой, но быстро включились в работу. Домовики совсем не боялись призраков усопших дворянок, разве что горгульи вызывали у них некоторое опасение. Однако то были напрасные волнения: всех одичалых созданий Рейвен уничтожил в первую очередь, а те, что сохранили остатки разума, предпочли подчиниться новым порядкам, выполняя роль охранников замка и наблюдателей.

* * *

Охотники. Мастера меча и пистолета. Уроженцы Ярнама и чужаки. Одиночки и любители групповых рейдов. Защитники города и его же мародеры.

Собрать их вместе было не самой простой задачей. Если некоторые общались довольно спокойно и принимали приглашение в замок Кейнхерст как должное, то с некоторыми еще предстояло наладить контакт. Среди таких лиц был и бывший охотник Джура.

— Эй, Охотник, ты что, не видел предупреждение? Уходи немедленно. Люди сожгли и покинули Старый Ярнам. Теперь здесь живут только чудовища. Они не могут причинить вред тем, кто наверху. Ступай назад... Или Охотник станет жертвой...

Рейвен приставил ладонь ко лбу козырьком и взглянул на башню, на которой засел пулеметчик. Не очень хотелось бежать по задымленным улицам под градом пуль, поэтому он решил воспользоваться аппаратурой.

— Как? Ты как сюда попал? — одноглазый старик удивленно раскрыл рот.

— Джура, самопровозглашенный защитник чудовищ, наслышан о тебе, — Найтсанд встал на краю площадки и глянул вниз. — Не странно ли, что раз в месяц, в полнолуние, вполне, казалось бы, нормальные и здоровые люди спонтанно превращаются в кровожадных зверей? В дни превращений, два-три раза в месяц, они забывают все привязанности

человека, отдаваясь чувствам Голода и Охоты. В эти дни они могут убить своего ребенка, брата или сестру, лучшего друга или возлюбленного. Но когда сила Луны идет на убыль, они вновь превращаются в нормальных людей, забывая об ужасах, что они творили. В такой ситуации им остается лишь посочувствовать, ведь так?

— Ну, раз ты это осознал, то что предпримешь? — Джура облокотился на забиватель кольев как на костыль. — Оставишь их в покое или подаришь им милосердную смерть?

— Ничто из этого. Игнорирование и убийства — плохие варианты. Я хочу им помочь. А для этого, — Рейвен протянул опешившему Охотнику конверт, — мне нужно ваше участие в решение проблемы.

Впрочем, Рейвену нужны были не только охотники. Среди простых граждан тоже были ценные фигуры.

Проститутка Арианна. Девушка из благородного рода, что скрывалась среди обычных горожан после резни в Кейнхерсте. Мать нового Великого.

Никто не знал, когда она успела заключить кровавый контракт и обручиться с Богом, но после восхода Кровавой Луны она забеременела и родила дитя.

Рейвен мог спокойно убить ее, чтобы найти ключ, который помог бы вознестись ему до уровня Великих, он видел этот вариант развития событий, пока бродил в Междумирье. Но не в этот раз.

Бросить ее он не мог. Оставь он ее в Часовне Идон, ее бы наверняка убила Аделла, эта сумасшедшая фанатичка Церкви. Вместо этого он забрал ее в замок. С тех пор, как родился ребенок, она все время плакала, не замечая ничего вокруг. Хотя существо, что она произвела на свет, никак не походило на человеческое дитя.

Йозефка-самозванка. Белая служительница Церкви Исцеления. В отличие от настоящей Йозефки, она была больше ученым, чем врачом. Своих пациентов она воспринимала как подопытных: переливала им кровь Великих с целью вырастить «достойных», чтобы выйти на контакт с Ибраитас и вознестись до уровня Великих. Она считала, что таков путь исцеления. Ее беременность, скорее всего, тоже была результатом экспериментов.

Пусть основной целью была лже-Йозефка, забрать из лечебницы пришлось не только ее. Многочисленные Посланники небес, что наводнили больницу, просто не давали Рейвену прохода. Эти странные создания, некогда бывшие людьми, несмотря на хрупкие, будто раздутые от воды, тела, имели огромный запас магических сил и интеллект на уровне пятилетних детей. И как любые дети, они нуждались в воспитании. Так у домовиков замка появилась новая обязанность.

* * *

Джозеф Крофт нервно отёр пот со лба и усов и, отложив письмо в сторону, взглянул на посетителя.

— И чем же я могу быть полезен, ваша милость? — спросил он с самой вежливой улыбкой, которая все равно не смогла скрыть нервозность.

Рейвен мысленно усмехнулся. Пусть этот мэри и был выбран Хором, форма кровавого контракта с Ярнамом не изменилась. А по ней глава города обязан был подчиняться истинным владыкам. И вот перед ним сидел тот, кто представлял волю, казалось бы, давно погибшей Королевы и призывал к ответу.

Однако Рейвен не собирался ни казнить, ни наказывать зазря. Ему нужно было знать, какие проблемы были у города: с какими горожане могли справиться сами, а с какими могла потребоваться помощь.

Успокоили ли немного Крофта слова Найтганда или так подействовало внушение, но разговор пошел продуктивнее. Мэр рассказывал все без утайки, не преуменьшая и не преувеличивая, но даже он не смог сразу дать полный отчет. Поэтому с проблемами было решено разбираться по мере поступления.

Он разговаривал с главами гильдий, мастерских и цехов, выслушивал их просьбы, общался с ними, давал то, в чем они нуждались, и вкладывал им в головы нужные мысли. Все чаще вместо слов «Слава церкви исцеления!» звучало «Слава Королеве!»

Но если вначале он лично или с помощью домовых эльфов выполнял просьбы, дабы показать желание помочь, то позже стал приводить в Ярнам людей. И если сперва ярнамиты отнеслись к чужеземцам настороженно, то вскоре привыкли к ним. Потому что они были такими же, как «благородный сэр Найтганд» — магами. Целители, алхимики, артефакторы и многие другие. Жители стали восхищаться ими, уважать и ценить. Конечно, жители Ярнама были знакомы с магией, но та была столь редка и использовалась только для борьбы с чудовищами, что представить ее использование в мирных целях было почти нереально.

А Ярнам тем временем пополнялся свежей кровью. Рейвен не раз возвращался на Британские острова и искал потенциальных переселенцев. Таких, к удивлению, было много: обнищавшие представители древних фамилий, чье величие кануло в лету; магглорожденные и полукровки, кому не нашлось место под солнцем и кто бежал от обостряющейся политической обстановки; маги, не добившиеся признания и просто те, кто жаждал перемен и был готов к новым открытиям. Были те, кто ехал ради исследований, и те, кого волновали лишь деньги. Найтганд предлагал возможность всякому, кто мог принести пользу: трудом, умом или инвестициями.

Про друзей, однако, он тоже не забывал. В те дни, когда был в Англии, он выкраивал минуты, чтобы написать друзьям весточку, дабы показать, что жив и с ним все в порядке. Потому что видеться им доводилось не так часто. Он был рад получать от них ответные письма, улыбался строчкам, написанным знакомым почерком, и скучал по ним.

* * *

Регулус сидел за письменным столом с занесенным над листом бумаги гусиным пером и глядел в пустоту. На кончике пера зависла чернильная жемчужина и, сорвавшись вниз, разбилась, растеклась уродливой каракатицей по пергаменту. Он не знал, о чем писать. Да и стоило ли писать вообще?

С отъездом Снейпа их ковенант Возрождающих утратил целостность, ведь больше не было того, кто мог задавать направление. И их, казалась бы, крепкая дружба стала истончаться, распадаться на лоскуты, будто старая мантия.

После того, как в этот мир попал аватар Амигдалы, Квиррелл заинтересовался древними богами и решил отправиться вместе с группой недавно выпустившихся студентов в экспедицию в Южную Америку, и дальше — в Тихий океан. Одли захотела отправиться вместе с ним, и непонятно, была ли тому причина желание найти Р'льех — город, созданный Древними, или же наличие в составе экспедиции Лавгуда — выпускника Рейвенкло, что почти год пытался ухаживать за ней.

Уилкис почти перестал вылезать из мастерской, увлеченный таинственными самоцветами, что периодически присылал Снейп. Изучение кристаллов, высвобождение магических сил, что были сокрыты в них, создание артефактов с их помощью — для Уилкиса это было все намного интересней Охоты.

Да и сама Охота потеряла такую остроту. Зачем охотиться, если нет конечной цели?

Ради анимы? Ради силы? Но зачем она, если не знаешь, куда применить ее?

Регулус скомкал лист бумаги и сжег его невербальным заклинанием. Мысли его вернулись к Северусу. Тот писал, что у него все хорошо, дела в Ярнаме постепенно налаживаются, но отчего-то не спешил приглашать туда друзей.

Регулус нахмурился. А можно ли считать их друзьями? Когда Снейп появлялся в Англии, то в доме 12 на Гриммо он чаще приходил к его деду Поллуксу, а не к нему, и всегда в образе Рейвена. Даже просил называть его соответствующе. С помощью деда он назначал встречи разным людям, ведь Блэкам не отказывают, потом эти люди пропадали. Как оказалось позже, они все переезжали в Ярнам, чтобы начать новую жизнь. Тем обиднее было не иметь возможности хоть одним глазком увидеть это место.

Поллукс на это лишь усмехался.

— Он хочет явить свету город без грязи. А эту грязь должен кто-то очищать. Уж не думал ли ты, что будешь заниматься подобным?

Со стороны матери он также не нашел понимания. Та воспринимала дружбу между юношами как какое-то недоразумение, а поиски иного мира — глупой авантюрой.

— Я не отрицаю, что это место где-то существует, но твое увлечение этим «чудесным» Ярнамом — лишь ребячество. Тебе пора задуматься о будущем.

— Я уже решил. Я буду помогать Северусу...

— Опять Северус? — Вальбурга поджала тонкие губы и покачала головой. — Город для магов, отсутствие Статута... Ты ведешься на эти пустые обещания, бежишь за флейтой этого трубадура... Ты околдован его иллюзиями, играешь в его игры.

— Вы заблуждаетесь, мама. Что бы вы ни думали о Снейпе, я в него верю и последую за ним.

— Хочешь пойти против семьи? Как твой брат? Назло мне!

Регулус покачал головой.

— Ошибаетесь. Я уверен, что мои поступки принесут пользу роду Блэк. И не только ему, но и магическому миру тоже, — произнес эти слова, он удалился с гордым видом.

Вальбурга опустила в кресло и приложила руку ко лбу.

— Упрямый мальчишка... Играет в авантюриста вместо того, чтобы налаживать связи с серьезными волшебниками, подобно прочим юношам. Надоело слушать, как Юлианна хвастается тем, что ее сын уже получил Метку. Почему ты поощряешь их чудачества?

— Он похож на тебя в этом возрасте.

Вальбурга подняла мрачный взгляд на отца. Тем временем Поллукс продолжил, будто отвечая на мысленный вопрос.

— Он смотрит на Снейпа так же, как ты смотрела на Риддла. А ведь я вначале тоже неодобрительно относился к Тому.

— Они совершенно не похожи, — возмутилась Вальбурга. — Лорд Волдеморт — наследник Салазара, сильнейший маг, а этот...

— У каждого поколения свои идеалы. Тем более, Северус еще не вошел в полную силу. Дай ему время, и он еще удивит тебя.

Вальбурга тяжело вздохнула. Если ее отец был в чем-то уверен, то переубедить его было практически невозможно. Хотя эта черта характера была присуща всем Блэкам.

* * *

Выйдя из банка, Рейвен взглянул на вечернее небо и улыбнулся. Ему удалось успешно закрыть сделку по продаже самоцветов, и карман приятно оттягивал кошелек, наполненный

золотыми галлеонами. Рейвен решил не терять времени даром и свернул в Лютный.

В «Белой Виверне» было непривычно шумно. Найттанд сел за барную стойку, кивнул Гарбхану и воззрился на группу молодых людей в глубине зала, что весело смеялись. Среди них он узнал несколько членов клуба Слизерина.

— По какому поводу веселье?

— А драккл их разберет, — пожал плечами Мамон, — может, завтра из газет узнаем. Ублюдки малолетние...

— Что-то ты суров. В Лютном никогда не было ангелов, — иронично заметил Рейвен.

— Что верно, то верно. Но эти... — бармен сплюнул. — В Лютном действуют свои законы. Каждый здесь проворачивает свои дела тихо и незаметно. Мы стараемся не беспокоить министерство, а они нас. А эти Пожиратели любят «забавляться» с магглами и недовольными магами, а потом идут отмечать свои победы сюда. А нас потом авроры дергают, изводят бесконечными допросами, кого мы видели, что они делали? Х*ли эти боевики у меня забыли? И ведь не прогонишь. Спалят все Адовым пламенем, да и крыша у них, мажоров, Сам-знаешь-кто!

— Не думаю, что Вол...

Мамон с грохотом поставил кружку на стол и, резко притянув Рейвена за шею, отчего они чуть не столкнулись лбами, сурово произнес:

— Не произноси его имя в моем заведении! Да и вообще где-либо!

Бармен отпустил Рейвена, и тот недовольно потер шею. По взгляду было видно, что он ждал объяснений.

— Ты в своих разъездах, видимо, не знаешь, что сейчас творится в старушке-Англии. А у нас тут мрак и ужас. Вот эта шайка, — Гарбхан незаметно качнул головой в сторону пьяных Пожирателей, — повадились убивать магглов и магглорожденных. Не всем это нравится, в первую очередь министерским. Статут трещит по швам, работы много, а магглы-то пронырливые, любят докапываться до истины, обливиаторам работы невпроворот. Да и не только кабинетным крысам они не нравятся. Слишком Пожиратели любят Непростительные заклятия, а от них штырит похлеще, чем от героина. Некоторые пытались их успокоить, но... Тот-кого-нельзя называть очень не любит, когда на его банду наезжают. Прямо до смерти не любит!

«Значит, клуб нелюбителей грязнокровок от лозунгов перешел к действиям», — мысленно отметил про себя Найттанд.

— А что за игры в конспирацию? — тем временем спросил он.

— Так ведь, Пожиратели к своему командиру иначе как Темный Лорд не обращаются, а он того же требует и от остальных. А если без титула о нем говорят, значит, не проявляют должного уважения, поэтому на его имя наложили заклятие Табу. Скажешь имя, и считай, нарисовал себе на спине огромную мишень!

— Я это учту.

Найттанд оставил послание для знакомых контрабандистов и отбыл из бара. К сожалению, предупреждение Мамона сильно запоздало. За ним давно уже следили чьи-то ярко-желтые глаза.

Когда за спиной раздались тяжелые шаги, Рейвен посторонился, чтобы спешивший прохожий не задел его.

Но тут его неожиданно дернули за ворот плаща и со всей силы швырнули в стену. Каменная кладка больно оцарапала щеку, а плечо потеряло чувствительность.

Рейвен зарычал от боли, но размышлять времени не было. В следующий миг ему пришлось делать перекат, чтобы увернуться. Найттанд отскочил и потянулся за палочкой, но нападавший не позволял разорвать дистанцию. Он атаковал без перерыва, и Рейвену приходилось постоянно вертеться, чтобы не получить удар когтями. О том, чтобы взмахнуть палочкой и скастовать заклинание, даже речи не шло. Враг бил по всем направлениям: по рукам, чтобы выбить палочку, в голову и грудь, пытался провести подсечку, чтобы повалить его на землю. Только отменная реакция охотника позволяла Рейвену избегать серьезных травм.

Когда нападавшему наконец удалось зажать Рейвена в углу, тот понял, что если он продолжит защищаться, то проиграет.

Свист клинка в воздухе, и оборотень, вскрикнув, отшатнулся назад. Но теперь уже Найттанд не позволял тому уйти далеко.

Противник был крупный, выше двух метров, однако в узких переулках Лютного это могло сыграть против него. Рейвен кружил вокруг мужчины, уходил с линии атаки, резко менял направление, отталкиваясь от стен, бросался на оборотня словно кобра, не давая тому ни мгновения на передышку.

Впрочем, убить вервольфа оказалось не так легко. В какой-то миг ему удалось перехватить руку с кинжалом и, вывернув ее, повалить Рейвена на землю. Кинжал полетел в сторону, палочка отправилась в карман.

— А ты довольно верткий, воришка, — оскалился он. — Хотя так даже лучше. Не люблю, когда добыча слишком легко идет в руки.

— Что ты несешь, собака? Я ничего не крал!

— Но-но, полегче, — оборотень вывернул руку чуть сильнее, — а вот Темный Лорд считает по-другому.

Найттанд не стал отвечать. Сцепив зубы от боли, он стал лихорадочно размышлять над его словами. Тем временем оборотень продолжил.

— Знаешь, человек, не знаю почему, но твой запах... Он отличается от прочих. Он сводит с ума... Не будь ты нужен живым, я бы с превеликим удовольствием перегрыз тебе горло. Вспорол грудную клетку и съел бы твое сердце, пока оно бьется. А потом и остальное, не пропуская ни один лакомый кусочек.

Рейвен фыркнул.

— Жаль, эта страсть не взаимна. Я бы твою плешивую шкуру даже перед камином не положил бы, а то мало ли сколько на тебе блох.

Насмешливый тон и грубые слова не понравились оборотню. Но больше всего ему не понравилось, что добыча совсем не боится его. Он завернул руку этого наглеца еще сильнее, до хруста в костях и, наклонившись, прорычал прямо в ухо:

— Лорд просил доставить тебя живым, но про сохранность он ничего не говорил. А значит...

Когти прорезали мантию и погрузились в плоть на полдюйма. Рейвен вскрикнул, дернулся что есть сил и обмяк.

— Эй, — оборотень тряхнул мага. Ответа не было. Он яростно фыркнул. — Тряпка.

Оборотень перевернул тело на спину.

В тишине переулка раздался выстрел.

* * *

— Как продвигается восстановление города?

Двое магов сидели в гостиной с бокалами огневиски и вели светскую беседу.

— Прекрасно, мистер Блэк. Маги уже освоились на новом месте и теперь активно помогают коренным жителям преобразовывать Ярнам.

— И местные не сопротивлялись переменам?

— Мы смогли донести до них мысль, что все изменения пойдут им только на пользу. Тем более, по своей природе они больше напоминают сквибов, чем магглов. Их образ жизни соответствует викторианскому периоду, тому прекрасному времени, когда общество еще не испорчено индустриализацией. Такое положение дел импонирует старым семьям.

Поллукс изогнул брови.

— А что же магглокровки? Они не доставили проблем?

— Ну что вы, — Рейвен мягко улыбнулся, — они просто очарованы. Утверждают, будто попали на машине времени в прошлое. Говорят про романтизм и мистицизм, строгий моральный кодекс, — короткий смешок, — их влюбленность и жажда приключений позволяют им не замечать проблем. Они уверены, что магия решит все их проблемы. А если вдруг они возжелают благ современной эпохи... Что ж, нам пригодится опыт работы отдела по контролю над использованием изобретений магглов. Прогресс невозможно остановить, так что мы его возглавим.

— Надеюсь, ваш план удачно завершится и для магического сообщества наступит второй золотой век, — глава рода Блэк отсалютовал бокалом своему гостю.

Они посидели еще немного.

— Рейвен, я понимаю, что даже такого старика как я вы считаете чудесным собеседником, но почему вы не сказали о своем приезде моему внуку?

Тот замешкался с ответом. Перед глазами вновь всплыло то видение.

— Ярнам мало похож на сказку, но мир за его пределами еще опасней. Мне придется разбираться с угрозами, и я не могу гарантировать безопасность вашего внука.

— И вы решили отдалиться, спасая его от гипотетической угрозы? — Поллукс хмыкнул и откинулся в кресле. — А вы не боитесь, что своим поведением вы можете подтолкнуть его в объятия того, для кого Регулус станет лишь разменной фигурой?

— К чему вы клоните?

— Вы же в курсе сегодняшней политической обстановки? Знаете про тех, кто именуется Пожирателями Смерти.

— Меня пытались завербовать.

— Не сомневаюсь, — Поллукс задумчиво уставился на бокал, — но у вас был свой путь. Что же насчет Регулуса... Как бы сильно я ни любил его, трудно отрицать, что мальчик легко попадает под чужое влияние. Вы стали его другом, заразили его своими идеями, вы для него как опора для винограда. И отрывая его от себя, вы делаете его слабым. А перед влиянием Темного Лорда и так не каждый устоит.

— Такое впечатление, что вам он не сильно по душе.

— Я был свидетелем его зарождения, поэтому в отличие от вас, молодежи, — Поллукс потряс указательным пальцем, — имею кое-какое представление о его системе ценностей. У него нет друзей — только подчиненные. Он говорит о чистоте крови, но убивает представителей старых фамилий. Он не терпит неповиновения. А Регулус не был бы Блэком, если бы ни разу не взбрыкнул.

Рейвен с трудом подавил улыбку. Поллукс тем временем продолжил:

— Когда мы с вами только познакомились, вы назвали себя другом Регулуса. Так будьте им не только на словах.

Найттанд едва заметно хмыкнул. Несомненно, лорд Блэк был в чем-то прав.

* * *

Бледное солнце клонилось к закату, заставляя острые шпили башен разрезать окружающее пространство тенями-штрихами.

Они стояли на террасе и смотрели на простирающийся внизу город.

Регулус глубоко вдохнул уже прохладный воздух и улыбнулся.

— Ярнам прекрасен. Здесь так много магии разлито в воздухе. Вы чувствуете? Так легко дышать...

Найттанд неопределенно пожал плечами. Он не мог разделить восторг друзей, ведь в памяти до сих пор были свежи воспоминания о канавах, полных крови, с их кислым запахом железа, удушающий дым костров, пороха и паленой шерсти. И пьянящий аромат лилий.

Он все же последовал совету Блэка и предложил Регулусу, Барти и Уилкису погостить в Ярнаме. О времени можно было не беспокоиться — благодаря червоточинам Амигдалы их отсутствие дома было бы не слишком долгим. Но Регу не хотелось возвращаться, и он жалел, что не может бросить Хогвартс как Северус, хоть и понимал, что подобное решение не было блажью товарища.

В отличие от Блэка, Крауч решил не торопиться. После Хогвартса тот задумал несколько лет отработать в министерстве: опыт управления был так же важен как боевой.

— Проблема в том, что в Ярнаме отсутствуют единые законы о магии, — заметил Барти. — У каждой школы свое понимание, что дозволено, а что нет. Но и просто скопировать британские акты нельзя — нужно учитывать традиции местных магов. И пусть сейчас здесь довольно много волшебников с Альбиона — просто воссоздать министерство мыслится нерациональным.

— Совет волшебников, — Крауч вопросительно уставился на Рейвена. Тот продолжил: — Начнем с малого. Соберем представителей от каждой школы Ярнама и представителей новых магов. Прежде чем клепать указы о нормах и принципах использования магии, чародеи должны договориться меж собой. Для ярнамитов стихийность, магия крови, некромантия — дело обыденное, для англичан — дикость. И это еще только вершина айсберга.

Рейвен знал, о чем говорил. Он еще помнил, как прошло собрание охотников: приглашение в замок приняли Вальтр и его констебли, Старые охотники, Дамиан — ученик Менсиса, Джура — защитник чудовищ, и его ученики, Охотники Яргула, Эйлин — ворон-охотник; Юри — последняя ученица Бюргенверта.

Альфред, охотник на Нечистокровных, и часть докторов предпочли покинуть столицу — после убийства последнего викария, Амелии, поддавшегося объятиям зверя, Церковь исцеления перестала существовать.

Еще одним сюрпризом стало то, что посланники купальни нашли пару выживших из

клана Кейнхерст: первый — один из королевских рыцарей, что отправился в экспедицию в подземелья Чаши, провалился на нижние уровни и безуспешно пытался найти выход; второй — печально известный Кровавый ворон.

Рейвен был свято уверен, что убил его, но видимо, в последнем цикле он решил не встречаться с этим первоклассным фехтовальщиком. Но если взять во внимание, что многие охотники были живы и находились в добром здравии, возможно, события Охоты происходили в ином плане реальности, как Сон или Кошмар.

Другие, видимо, тоже подозревали или чувствовали нечто схожее, пусть Рейвен знал: нужна немалая концентрация, дабы помнить, что происходило во время погружения. Охотники относились друг к другу довольно настороженно, и сколько усилий потребовалось Королеве Аннализе, чтобы подчинить эту разношерстную группу своей воле. Но напряжение никуда не делось.

— Здесь многое переменялось, — Рейвен скосил глаза на братьев по клану и вернулся к наблюдению: его друзья тренировались внизу на плацу.

Рыцари встали по бокам. Без доспехов и шлемов они уже не выглядели такими устрашающими, пусть и Лоркан смотрел надменно и холодно. В отличие от него Фаварис, которого Рейвен смутно помнил по экспедициям, казалось, радовался возможности скинуть боевое облачение и подставить болезненно бледное после подземелий лицо солнечным лучам, шурясь, словно подслеповатый кот.

— Думал, церковники сожгли сад, а вечная зима добила остатки.

— Она и добила, — отметил Найттанд. — Все пришлось восстанавливать с нуля. Благодаря магии все саженцы, даже иноземные, прижились.

Ворон фыркнул.

— Тратить магию на подобную чушь? Нелепо.

Рейвен оставил замечание без внимания. Ворон, не почувствовав сопротивления, продолжил:

— Хотя если это дело рук пришлых, как они себя называют, британцев, то ничего удивительного. Видел их в городе — ни одного толкового воина или рыцаря, все какие-то фокусники.

— В Ярнаме и так полно тех, кто умеет размахивать мечом направо и налево, — флегматично заметил Охотник. — Ремесленников недостает.

— А что насчет этих, Рейвен? — пленник Чаши кивнул головой в сторону слизеринцев.

— Мои ученики, — не стал углубляться в разъяснения их взаимоотношений Найттанд, — пара лет, и они будут готовы к присяге.

— Пляска какая-то, а не бой, — Лоркан качнул головой, — помню битвы на Королевской арене, а это... Может, покажем твоим ученикам спарринг настоящих охотников?

Рейвен настороженно посмотрел на Лоркана, а Фаварис переводил напряженный взгляд с одного рыцаря на другого. Первый колебался, опасаясь, что когда Ворон войдет в раж, заявленный спарринг перерастет в дуэль до смерти, что при его кровожадности не было бы сюрпризом; второй же опасался, что Найттанд потребует потасовки, тогда в мясорубку могут затянуть и его.

В этот момент перед ними с хлопком возник домовый эльф. От сноса головы кровавой катаной его спасла мгновенная реакция Найттанда. Клинок ударился о трость и зазвенел. Эльф испуганно прижал уши к голове.

— Трикси?

— Ее милость послала Трикси за сэром Найттандом. Сэр Найттанд должен срочно пойти к ее милости.

Рейвен отвел клинок Ворона в сторону.

— Что ж, поговорим о спарринге в другой раз. Позвольте откланяться.

Он взял маленькую ручку эльфа, и обе фигуры исчезли в воздухе.

Лоркан что-то прошипел себе под нос и стремительно удалился. Второй рыцарь лишь покачал головой и продолжил наблюдать за тренировкой юношей.

* * *

Много лет назад Аннализа не любила лето с его жарким солнцем, звенящим от насекомых воздухом и режущими глаз красками цветов, предпочитая всему этому прохладные залы замка в ожидании спокойной зимы с ее белой тишиной. Но за время заточения она возненавидела духоту тронного зала, ревущий ветер и мертвую словно кости белизну за окном.

Теперь она была свободна от оков маски, но очутилась в плену политики, экономики и бюрократии. Королева не жаловалась. Не из-за того, что она должна быть сильной перед своими подданными, а из-за того, что теперь она чувствовала себя той, кто она есть — Правителем.

Едва тлеющая жизнь в Ярнаме вспыхнула с новой силой с притоком новой крови, и ее это не могло не радовать. Прибывшие маги едва заметно, но меняли город. Эти люди не были пока скованы страхом или безумием, а их тревоги были больше связаны с тем, как им лучше освоиться в новом для них мире. Юноши, которых привел Рейвен, ей тоже приглянулись. Своим поведением они напоминали ей ласок. Милые и маленькие с виду, но ловкие и свирепые хищники. Да, свежая кровь обещала быть перспективной.

Правда, Аннализа трезво понимала, что найдутся те, кому перемены придутся не по душе. Среди таких был Лоркан. Кровавый ворон. В прошлом первый рыцарь Королевы и ее правая рука. А ныне...

Аннализа была рада, что Лоркан оказался жив, но рядом с ней был не он. После резни в Кейнхерсте он не искал ее, не сражался с ее тюремщиком Логариусом. Он поддался мести, облачился в скорбь как в доспех.

Рейвена же не покидала надежда, и даже смерть не остановила его. Он отдавал ей всего себя, ничего не требуя взамен. И Королева была благодарна.

Она усмехнулась, вспоминая, как он стоял перед ней на коленях, с обручальным кольцом. Глупый мальчишка. Многие предлагали ей брак, но он был самым очаровательным. Но ей не нужен супруг. Ей нужен наследник.

Острые ногти впились в кожу ладони. Бессмертная, некромант, она не могла быть рядом с простым человеком. Подобно королеве Птумеру она желала заключить кровавый контракт с Великим, но Бог был глух к ее молитвам. И будто в насмешку над ней, в ее замке появились две женщины, носившие Дитя Великого. Йозефка, для которой беременность была всего лишь очередным экспериментом, и слабохарактерная, безвольная Арианна.

Аннализа нахмурилась. Злиться на богов было бессмысленно.

«Вы выбрали их, а не меня. Но если они бросят своих детей, я стану для них лучшей Матерью. И тогда вы меня заметите!»

Волдеморт был в бешенстве. Хотя, по мнению Пожирателей, это было его обычное состояние в последнее время. Но недавняя вспышка стала особенно яркой.

Причиной тому была смерть Грейбека. Это не особо опечалило магов. Те, на самом деле, недолго любили этого свирепого оборотня, а некоторые даже втайне радовались его кончине. Но их Повелитель был зол, ведь он лишился связующего звена между ним и стаей вервольфов. Слухи о смерти Фенрира разлетелись быстро, и стая, оставшаяся без альфы, стала легкой добычей для оборотней Осрайге — дележ территорий никто не отменял.

И будто дополнительный щелчок по носу: тело Грейбека нашли в соседнем закутке от бара «Белая виверна», где в тот вечер отмечали удачный рейд молодые Пожиратели. Свидетелей в Лютном не нашлось — болтливые здесь долго не живут. Правда, и без них аврорам, прибывшим на место, удалось выяснить некоторые обстоятельства.

— На месте преступления явно присутствуют следы драки. Тело не переносили, — мракоборец спрятал небольшой мешочек с галеонами в складках мантии и, не смотря на Макнейра, продолжил: — Кто-то слышал взрыв, но разрушения вокруг слишком слабые и разбросанные, чтобы быть результатом Бомбарды. Значительных изменений магического фона не выявлено, лишь легкое искривление пространства.

— Аппарация?

— Возможно.

— Этого мало, — хмуро произнес Уолден. — Как погиб оборотень?

— По всему телу имеются колото-резаные раны, в основном имеющие скользящий характер, будто от многочисленных Секо. Но этого слишком мало, чтобы он умер от кровотечения, такое могло лишь разозлить его. А вот рана на груди более интересная. Что-то прошло его насквозь, разорвав левое легкое. Выходное отверстие намного больше входного. На одежде и коже следы найдены следы копоты.

— И что это значит? Я не собираюсь играть с тобой в догадки.

Аврор поджал губы.

— Ну, если собрать все имеющиеся у нас данные, то можно сделать предположение, что было замешано маггловское огнестрельное оружие. Пистолет, кажется.

— Маггловское оружие? Здесь? В магическом квартале? — Макнейр зашипел. — Драккл.

— Такое случается довольно редко, но случается. Но, по правде говоря, стрелка искать не хотят. Сам понимаешь, Грейбек был той еще занозой. Оборотень мертв, награду никто не требует, Министр доволен, люди могут спать спокойно.

— И тем не менее, кое-кто хочет поблагодарить его лично, — продолжал давить Пожиратель. Мракоборец сдался.

— На когтях Грейбека была найдена кровь. Возможно, он ранил нашего стрелка. Образцы отправили в лабораторию, но эксперты пока ничего вразумительного сказать не могут.

Уолден вздохнул. Крохи. Это все были жалкие крохи. Нужно было копать дальше.

* * *

Несмотря на почтенный возраст, Поллукс не любил подолгу засиживаться дома. Завсегдатай салунов и клубов, он был везде уважаемым гостем. Благодаря покровительству

Блэка, Найтланд получил доступ в закрытое светское общество. Конечно, вначале его встретили настороженно, но авторитет Поллукса сыграл свою роль: все были уверены, что абы кого этот маг не пригласит. Да и Рейвен сумел себя правильно подать: неизвестность была принята за тайну, а не безродность. Рейвен не пытался оспаривать идеи или традиции британских магов, не строил из себя революционера, чем часто грешили молодые чистокровные в первом поколении. А уколы и шпильки тонули подобно камням в море. Его спокойствию можно было позавидовать, а в беседах с уважаемыми магами он предпочитал обсуждать вопросы магии и экономики, чем политики, тем самым не нарушая душевный покой волшебников. Он не собирался заявлять о Ярнаме в открытую, гораздо лучше рассказать об этом в приватной беседе. Пока город не набрал силу, нельзя срывать с него покров. Однако его планам могли помешать.

Очередной вечер в обществе distinguished магов обещал быть спокойным. Найтланд решил обсудить с мистером Стоуном покупку крылатых коней породы граниан и фестралов. Убедить того было не просто, Рейвен был уверен, что фестрал пусть и редкий, но не самый лучший конь. Да и репутация у последних была не из лучших.

— Поверьте, их репутация и внешний вид для меня не так важны, как их боевые способности. Они вряд ли скинут наездника, испугавшись запаха крови. Скорее, сами кинутся на чудовище, если то посмеет их обидеть.

— Позвольте к вам присоединиться.

— Господа, конечно, прошу. Вы редко здесь бываете.

Рейвен взглянул на подошедших магов. Ему потребовалось все его самообладание, чтобы удержать маску вежливого любопытства. Это лицо со следами оспы хорошо врезалось ему в память. Вот только протеза с глазом не было. Его спутник в очках изменений не претерпел. К сожалению, новоприбывшие его тоже узнали. Один из них дернул рукой в сторону палочки, но вовремя остановился, вспомнив правила клуба.

— Позвольте представить вам мистера Найтланда. Рейвен недавно присоединился к нам и еще не успел познакомиться со всеми, — как ни в чем не бывало продолжил Стоун.

— Август Руквуд, — коротко кивнул рябой.

— Эдвард Ной, — повторил его жест коллега.

Рейвен изобразил вежливую улыбку. Вероятность того, что он вновь столкнется с этими невыразимцами, была близка к нулю. Но все же ему не равнялась. Он стал лихорадочно размышлять, что бы могло его спасти от немедленного ареста после выхода из клуба, когда что-то мелькнуло на дне его памяти, и он внимательнее взгляделся в лицо второго мага.

— Эдвард Ной, рад вас видеть, а вы ничуть не изменились после смерти мастера Миколаша.

Ной поморщился, услышав имя, и хмуро уставился на Найтланда.

— Да, много воды с тех пор утекло. Но то дела минувших дней.

— Разве? — притворно удивился Рейвен. — У меня к вам послание от Аннализы. Моя леди желает вам чистой крови и тысячу глаз и надеется, что вы ответите на ее приглашение.

Ной задумался. Слишком много информации обрушилось на него в этот миг.

— Полагаю, нам слишком многое нужно обсудить в более... приватной обстановке. Мистер Стоун, позвольте откланяться, — едва заметно мотнул он головой начавшему вставать Руквуду.

Тот понял коллегу с полуслова, но не сказать, что был доволен решением.

Пустой кабинет нашелся довольно быстро. Тихо сверкнули чары конфиденциальности,

отрезая мужчин от окружающего мира.

Эдвард уставился на неожиданного призрака из прошлого. Еще свежо было в памяти то проникновение в Отдел тайн. Тогда ему был непонятен мотив взломщика-самоубийцы, что нырнул в Арку Смерти, но теперь картина мира начала проясняться. Да и недавнее пришествие Амигдалы, что был виден лишь несколькими магами...

— Королеве удалось избавиться от своего затруднительного положения? — осторожно спросил бывший шпион Хора.

— Вы даже не представляете, насколько. Она так долго не могла быть со своим народом в трудную минуту, что сейчас всеми силами исправляет ситуацию. Горожане ее просто боготворят, да и охотники признают, что Аннализа — достойная правительница.

— Вот как? — ровно заметил Ной. — Королева возглавила Дикую Охоту? Ее благословили на это дело?

— Ну что вы! Добыча — уничтожена, и солнце вновь сияет над Ярнамом. Жаль только церковь не увидела рассвета. Слава Идону, Королева милостива и рада любому доброму охотнику... Или волшебнику.

Эдвард возвел глаза к потолку, пытаясь найти ответ. Удивительно, как много крылось за, казалось бы, простыми словами.

— Но, — Рейвен едва заметно улыбнулся, — Ярнам не может жить без тайн и загадок.

Когда они вернулись в зал, Август уже нервно постукивал пальцами по подлокотнику. Он вопросительно взглянул на коллегу, но тот предпочел воздержаться от всяких комментариев. И даже когда Найтланд уходил, Ной не сделал попытки последовать за ним.

— Ты позволил ему уйти? — едва слышно спросил невыразимец.

— Были причины. И мы не будем о нем докладывать.

— Почему?

Эдвард немигающим взглядом уставился на Руквуда.

— Это не касается Отдела тайн.

* * *

Пространство не всегда однородно. Время не всегда линейно.

Мир хранит много секретов. В нем много тайных мест, где обитают невиданные доселе чудовища. Эти места, настоящие лабиринты, изменчивы и обманчивы. Они сулят приключения, из которых не вернуться; сокровища, которых никогда не достичь; ответы, не приближающие к истине. Но даже зная о неизбежной смерти, люди не сдаются в поисках ответов на вечные загадки. Их разум очарован. Выходит, что любопытство человека гораздо сильнее страха перед смертью.

Попасть в эти места непросто. Скрытые от посторонних глаз, они бережно оберегают свои секреты. Но маги древности научились создавать артефакты, что помогали находить и взламывать печати лабиринтов. Чаши.

Лабиринты, давно покинутая обитель богов. Из всех странных форм жизни, которые обитают в уголках и трещинах старого лабиринта, слизняки явно свидетельствуют о покинутых Великих.

Следы Великих были найдены и на Земле. А значит, здесь были и свои лабиринты со своими чашами: Изумрудная чаша пирамид, Алтарная чаша Эденхалле, чаша Биндзуру.

Однако найти чаши так же нелегко, как и лабиринты. Но посланники могли указать к ним путь...

— Ты уверен, что это точно здесь? — Регулус плотнее закутался в плащ, прячась от сырого соленого ветра.

— Пещера должна быть прямо под нами. Спуск довольно крутой. Не сорвитесь.

Рейвен не раз анализировал видения, что он узрел в Лимбе. Гонял воспоминания по поверхности думосбора, пытаясь выцепить ответ. Увиденная гибель Блэка была не тем событием, наступления коего он желал. Грот пещеры, тела под водой — все это было слишком размыто, чтобы понять обстановку. А вот чаша на каменной плите привлекла внимание охотника. Найтланд перерыл немало книг, прежде чем нашел упоминание данного артефакта. Подобно чаше Хаффлпафф, она считалась давно утерянной реликвией. Чаша Фрегетон была привезена из Греции в четырнадцатом веке, но после принятия Статута неожиданно пропала.

Может быть, в некоем отрезке времени Рейвен рассказал товарищу о лабиринтах, и тот, узнав про чашу, решил ее достать? Возможно. Не справился с ловушками? Вероятно. Он туда пошел один, никому не сказав? Определенно.

Подобное развитие событий с печальным исходом не устраивало Регулуса. Поэтому он решил взять ситуацию в свои руки.

Ему потребовалось немало усилий, чтобы найти следы артефакта, которые вели к месту его предположительного сокрытия.

И вот квартет молодых охотников стал спускаться по отвесному склону. От морской воды камни внизу были скользкими. Соленые брызги яростно били по лицу, мешая обзору. Маги ступили на валуны, покрытые морской тиной, что лежали, наполовину утопая в воде, у самой стены обрыва.

Рейвен махнул рукой в сторону расщелины с бурлящей в ней темной водой и спрыгнул с валуна. Глубина оказалась по пояс: ни пойдешь, ни поплывешь. Они стали медленно продвигаться вперед, перекидываясь негромкими комментариями, осматриваясь по сторонам.

Уилкис вспомнил, как он ездил с семьей на Кипр, исследовал различные пещеры на берегу, пытаясь найти кладку черепак.

— И тут из воды появляется передо мной голова. Крупная, змеиная. У меня сердце так забило, а потом смотрю — у нее клюв. Значит точно не змея. Нырнул и вижу ее, огромная, — он развел руки в сторону.

— Жаль, тут вода не такая же теплая, черепак тут явно нет.

— Чайки, летучие мыши? — спросил Крауч.

— Скорее ракушечницы и утопцы, — флегматично заметил Рейвен, — смотрите под ноги.

Дальше парни шли в тишине, постоянно прислушиваясь в поисках подозрительного плеска.

Скользкие стены туннеля отстояли одна от другой самое большее на три фута, проплывавший мимо них лавовый шар Найтланда заставлял стены мерцать наподобие мокрого гудрона.

Туннель закончился небольшой пещеркой. Рейвен поднялся по каменным ступеням на плато и помог подняться остальным. Пока парни сушились, он достал монокуляр и стал осматриваться кругом.

— Куда дальше? — спросил Крауч. — Здесь тупик.

— Может, здесь где-то под водой туннель, будем нырять?

— Не торопитесь, — Рейвен медленно поворачивался вокруг своей оси.

Затем коротко хмыкнул и бросил монокуляр стоящему рядом Уилкису. Тот поднес инструмент к лицу. Через специальную линзу до этого невзрачная поверхность стены украсилась очертанием арочного прохода, таким ослепительно белым, как будто в стене образовалась трещина, за которой сиял мощный свет.

Рейвен кивнул Барти, тот понял его с полуслова и потянулся к пространственному карману. Секира охотника вскрыла магический барьер, как нож консервную банку.

Они оказались на берегу черного озера, до того огромного, что другого берега разглядеть не удавалось; озеро находилось в очень высокой пещере, даже потолок ее терялся из виду. Вдалеке, быть может, в самой середине озера, различался мглистый зеленоватый проблеск, отражавшийся в совершенно неподвижной воде. Только это зеленоватое свечение да свет лавового шара разгоняли бархатистый мрак.

— Как тихо...

— В Алтаре отчаяния было посветлее.

— Как думаете, здесь растет фиолетовый мох?

Они разделились. Рейвен с Уилкисом пошли по левому берегу, Барти и Рег выбрали правый. Вскоре юноши потеряли друг друга из виду, и лишь зловещее горение лавовых шаров показывало, насколько далеко они разошлись. Узкая песчаная полоска приглушала шаги. Пусть водная гладь и позволяла даже тихим словам долететь до другого берега, охотники предпочли хранить молчание, лишь изредка нарушая его.

— Смотри, там что-то белое на воде. Похоже на цветущий зеленоцвет.

— Они вроде только в пресной воде растут.

— А тут какая вода? Надо исследовать.

Уилкис сделал шаг в холодную воду. С грохотом, похожим на взрыв, что-то очень большое и белое вырвалось футах в двадцати от них из темной воды, и прежде, чем охотник успел разглядеть его, это «что-то» исчезло в огненном шторме. Уилкис в ужасе отшатнулся, ударившись спиной о камень, и с испугом посмотрел на Рейвена, что невозмутимо опустил трость, в которой была спрятана палочка.

— Многоножка обыкновенная. В основном обитает в канализационных стоках и болотах. Поджидая жертву, притворяется плавающим трупом. Затем поднимается на задние лапы, бежит, уворачивается, хватается жертву. Может плюнуть токсичным соком.

— Как-то мне расхотелось собирать цветочки, — Уилкис нервно сглотнул, — и вообще лезть в воду.

— Странно... Зеленоцвет ведь растет только в чистой воде, а многоножка, наоборот, любит мутную воду, чтобы легче прятать свои конечности. Что-то здесь отравляет воду, причем с недавних пор.

На берегу не нашлось ничего интересного, кроме куцых зарослей мха обычного. Оставалось исследовать только само озеро. Из обломков камней была трансфигурирована лодка. Рейвен запрыгнул на транспорт и вопросительно обернулся на друзей. В остроконечной шляпе, под широкими полями которой виднелась черепообразная маска с восемью тлеющими во тьме глазами, и рваном плаще, из-под которого проглядывал чешуйчатый доспех, он представлял собой пугающее зрелище.

— Вечно ходит челн Харона, но лишь тени он берет, — не удержался от комментария Крауч.

Уилкис сплюнул через плечо.

— Значит, платить не будете, — с поддельным сожалением вздохнул Найтланд, — ладно, вас как друзей покатаю бесплатно. Даже верну на этот берег.

Они отчалили от берега. Тихий плеск весла. Мерное покачивание фонаря на носу. Отблески света иногда вылавливали из абсолютной тьмы белые пятна мертвых тел в воде.

Их было четверо в лодке, во мраке, но ни у кого не возникло дежавю с поездкой по Черному озеру на первом курсе. Тогда они были не одни, на небе сверкали звезды, огни замка служили ориентиром, а душа горела в предвкушении, в ожидании чуда. Здесь не было ощущения сказки. Лишь какой-то первобытный древний страх перед тьмой и пустотой. Словно они по-настоящему очутились в царстве мертвых.

— Вижу остров, — через несколько минут гнетущей тишины проговорил Блэк.

И действительно, вскоре нос лодки уперся в каменную платформу. Островом назвать это было сложно: крошечное пространство темного, плоского камня, на котором не было ничего, кроме небольшого постамента. На нем стояла каменная чаша.

— Большая, — покачал головой Барти, осматривая артефакт, чем-то отдаленно напоминающий Омут памяти.

— И тяжелая, зараза.

— Сумки на что?

— Еще обратно переть!

Все синхронно посмотрели на мертвую гладь озера.

— НУ уж нет! Кричер!

Пара хлопков, и остров опустел.

Но грот недолго пустовал. Через полчаса в темноте зажегся тусклый огонек, что медленно стал приближаться к острову. Из мрака вынырнула фигура в темном плаще и медленно поплыла над водной гладью словно призрак. Достигнув острова, она застыла в изумлении. Спустя мгновения грот содрогнулся от вопля ярости.

Трудные времена создают сильных людей. Сильные люди создают хорошие времена. Хорошие времена создают слабых людей. И слабые люди создают трудные времена.

— Г. Майкл Хопф, *Те, кто остается*

Когда беззакония, творимые Волдемортом и его приспешниками, повергли в ужас весь магический мир, стране потребовались герои, сильные фигуры, что могли защитить Британию от беззакония и террора.

Превыше всего Бартемиус Крауч-старший ценил закон. Блестяще образованный, целеустремлённый и энергичный, он дослужился до начальника Департамента по магическому законодательству. Именно Крауч первым открыл настоящую охоту на сторонников Волдеморта. Ведь для торжества зла необходимо только одно условие — чтобы хорошие люди сидели сложа руки.

С его подачи были приняты законы, упростившие привлечение к ответственности, процедуру следствия и вынесение решений о назначаемых наказаниях. На террор он отвечал террором, на жестокость — ещё большей жестокостью. Мракоборцы получили новые полномочия и теперь стали чаще убивать, чем арестовывать, против подозреваемых разрешили применять непростительные заклятия, а для отправки в Азкабан иногда было достаточно личного указания Крауча. Для Пожирателей начальник ДМЗ был той еще занозой...

* * *

Стояла глубокая ночь. В саду тихо шелестели листья. Где-то вдалеке ухал филин. В ярком свете луны промелькнула испуганная стайка трепещущих перепончатыми крыльями летучих мышей. Порыв ветра подхватил пряные ароматы наливающегося спелостью фруктового сада и смешал их с благоуханием цветочных клумб. Среди густых зарослей едва просматривался темный силуэт двухэтажного коттеджа. Дом спал. Ничто не нарушало спокойствия его обитателей.

Зашуршал гравий. Хрустнула ветка розы. Лопнула не вовремя выпрыгнувшая на дорожку жаба.

— Мерзость. Почему нельзя было сразу аппарировать в дом? — злобно зашипел кто-то.

— Барьер. Крауч не идиот, чтобы так подставляться.

«А хотелось бы», — мысленно вздохнул Мальсибер-старший.

На сегодняшнюю миссию главным назначили его. Но подобному назначению он был не особо рад, учитывая то, что самому собрать команду ему не позволили. Как только они аппарировали, молодняк начал ныть и тихо переругиваться вместо того, чтобы смотреть во все глаза. То ли дело Амикус и Алекто. Близнецы сразу распределили зоны контроля, и каждый просматривал свой сектор.

В темноте сада мелькнула вспышка.

— Протего!

Магический щит зазвенел от ударившего в него лазурного сгустка, прикрывая собой мага в черном плаще. К звону прибавились крики боли — остальные оказались не так расторопны. Шестерка волшебников оказалась в центре настоящего звездопада.

— Протего! Засада. Как они узнали?

Сверкнула молния. Лишь мгновенная реакция позволила увернуться с ее траектории.

— Рассредоточиться!

Не тут-то было. Казалось, их обстреливали со всех направлений. Куда смотрел Трэверс, отвечающий за тыл?

В Алекто угодил черный гудящий шевелящийся сгусток. Она рухнула на землю и начала кататься по ней, крича от боли. Брат тут же подскочил и обрушил на неё струю воды. Рой насекомых тут же смыло, открывая изорванную мантию и руки, покрытые многочисленными кровоточащими укусами.

Трэверс взмахнул палочкой, и перед ним возник огненный шар, который тут же погас от резкого порыва ветра. Почти сразу же следом за ним потухли и защитные щиты. Мальсибер-старший попытался восстановить Протего, но ничего не произошло. В этот миг он с ужасом осознал, что не чувствует магии.

* * *

Волдеморт с нетерпением ждал возвращения своих верных Пожирателей. Когда отряд по ликвидации Крауча вернулся помятый и подавленный, Лорд сразу все понял. Правда, ему хватило терпения сначала выслушать их отчет.

От услышанного изумление перемешалось с недоверием. И Волдеморту захотелось наяву узреть произошедшее. И первым легилименции подвергся Мальсибер-старший.

* * *

Кабинет, в котором они очутились, был под стать своему хозяину. Шкафы из темного дерева до самого потолка были заполнены рядами одинаковых по высоте книг в абсолютно идентичных багровых обложках. Массивный стол, на котором не было ничего, кроме лампы и чернильницы с золотым пером. Карта Британских островов на стене. Идеальный, обезличенный порядок.

Мальсибер сидел в кожаном кресле напротив хозяина кабинета, и могло бы показаться, что двое достопочтенных магов решили обсудить некие деловые вопросы. Только Бартемиус ни на миг не выпускал из рук волшебную палочку, да и пристальный взгляд домовушки неприятно ощущался на коже.

— Вижу, вы не спешите вызывать мракоборцев, Бартемиус. Или вы, как обычно, решили взять правосудие в свои руки? — насмешливо спросил пленник, хоть таковым себя не ощущал. Без палочки, под антитрансгрессионным заклятием он мало что мог сделать, но такой разговор считал намного лучшим, чем в допросной Аврората.

— Скорее, он предпочел не решать все единолично, а прислушаться к советам других.

Мальсибер повернулся к говорившему. Тот же маг, что напал на них в саду вместе с сыном Крауча и еще двумя защитниками. Когда он впервые увидел его в темноте, в тлеющем одеянии и в восьмиглазой маске, светящейся изнутри зловещим светом, проняло даже старого колдуна. По сравнению с этим сетом, маски Пожирателей казались простыми карнавальными подделками.

Сейчас, при свете ламп и без шлема, он не вызывал такого трепета. Молодой, ровесник Люциуса. В нем чувствовалась порода. Вот только взгляд.

Глаза у него были черные и будто светились внутренним светом. Только в этом свете не было тепла. Вокруг зрачка тлело пламя, образуя солнечную корону, словно вечное затмение. И эти глаза прожигали насквозь.

— Вместо того, чтобы решать вопрос силой, быть может, мы попробуем договориться с вами? — вкрадчиво спросил неизвестный.

Крауч нахмурился, отчего ровная щеточка усов начала топорщиться.

— Бессмысленно договариваться с этими террористами. В Азкабан их без всяких разговоров.

— Бартемиус, — его собеседник устало повернулся к начальнику ДМЗ, — ваши методы привели пока лишь к эскалации конфликта. Не к его разрешению. А учреждения, подобные Азкабану, более не вызывают у меня ни доверия, ни уважения. Заключение туда не принесет никому пользы. Вот вам, мистер Мальсибер, — он вновь повернулся к задержанному, — за покушение на жизнь государственного деятеля светит от двадцати лет до пожизненного на нижних уровнях. Цели наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого и предупреждение совершения новых преступлений, но в Азкабане будет достигнута лишь одна цель — возмездие. Вас каждый день капля за каплей будут выпивать, истребляя те немногие крупинцы прекрасного и светлого, что есть. Будет уничтожена сама человечность, которая отличает нас... Вместо законопослушного гражданина на выходе мы получим существо, чье сердце будет биться, но внутри будет мертво. Дементор, только во плоти. Более того, ваша семья будет гореть желанием мести, и насилие никогда не кончится.

Маг говорил спокойно, но каждое его слово падало как гранитная плита, заставляя представлять весь ужас магической тюрьмы наяву.

— Другое дело — магическая клятва...

Мальсибер весь внутренне напрягся. В этот момент он даже не знал, что хуже: тюрьма или кабальная сделка, которую наверняка ему предложат. Сервентус — «Непреложный обет» — или Казуалис — «Отсроченный долг»?

— Догадываюсь, о чем вы думаете, — молодой маг мягко улыбнулся, но эта мягкость была обманчива. — Если вы будете вести себя, как законопослушный гражданин, то соблюдение данной клятвы не составит для вас труда.

— И что вы предлагаете?

— Непреложный обет от вас как от главы семьи. Не убивать. Не пытаться. Не использовать Непростительные.

Мальсибер задумался. Условия были так же конкретны, как и расплывчаты.

— Если вас смущают формулировки, у нас есть возможность их обсудить, — и опять эта дьявольски чарующая улыбка.

И Мальсибер заговорил. Маг слушал. Бартемиус хмурился. Когда стороны пришли к относительному согласию, обет был дан.

«Лорд убьет меня, — покачал головой давший клятву Мальсибер. — Или сам убьет их».

Маг прищурил уголки глаз, но промолчал.

— Что ж, — Крауч встал и хлопнул руками по столу, — более я вас не задерживаю. Винки, проводи мистера Мальсибера до выхода.

Мальсибер встал и, чинно поклонившись, удалился.

* * *

После сеанса легилименции Волдеморт погрузился в задумчивое состояние. Довольно неприятно, что покушение на Крауча сорвалось. Но тот маг сумел заставить врасплох его слуг, победить их, а ведь те были не последними по силе, и навязать им Непреложный обет. И к его словам, пусть и со скрипом, но прислушивался Крауч. Тот самый «Железный» Крауч. Как он мог не заметить его прежде?

— Мне нужно встретиться с этим волшебником. Но прежде, разузнайте про него все.

— Милорд, — вперед выступил Руквуд и тот с удивлением посмотрел на молчаливого доселе Пожирателя, — у меня есть некие сведения по поводу интересующей вас персоны...

Эдвард Ной стоял перед Аркой смерти. Стоял, исследуя символы на ветхих колоннах, тщательно игнорируя странное чувство — будто по ту сторону занавеса, прямо за аркой, кто-то стоит и смотрит на него.

Много веков Отдел тайн пытался исследовать эту Арку. Многие умы строили разные предположения и догадки, что кроется за завесой — загробный ли мир, параллельный или совершенно новый. Многих посылали на ту сторону — никто не вернулся, чтобы дать ответы.

Неудача следовала за неудачей, энтузиазм исследователей постепенно гас. В конце концов маги смирились, понимая — некоторые загадки так и останутся неразгаданными.

Когда Эдвард только начинал работать в Отделе тайн, его тоже манила загадка Арки смерти. Причина тому — тоска по давно утраченному дому.

Он помнил свои последние дни в Ярнаме. Гибель Миколаша от рук охотника означала конец его работе шпионом, освобождение от кошмара. Только вот в реальном мире минуло много лет: Миколаш, его ученики-марионетки, которые сидели с ним во время ритуала общения с Великими, и сам Эдгар уже давно обратились в рассыпающиеся в прах скелеты. Эдгар не захотел оставаться неупокоенным призраком и погрузился в забвение. Чтобы вынырнуть в сознании семилетнего мальчишки, носящего созвучное имя, и так похожего на него самого в молодости. Он вырослел, учился Магии, забывал прошлое. Но оно все равно оставалось где-то глубоко внутри него, чтобы напомнить о себе в нужный миг.

Рейвен Найтланд. Охотник. Нечистокровный. Он бросился в Арку словно в омут. Не раздумывая. Рискнул всем. И победил. В очередной раз.

Почему бы не рискнуть ему? Почему бы не попытаться стабилизировать проход между мирами.

— Я не знаю, как мне удалось пройти первый раз, — Рейвен развел руками, когда Эдвард очередной раз назначил встречу в клубе.

— Ну чем-то ты отличался от остальных прошедших врата?

— Интересно, и чем же? — с сарказмом спросил он. — Может, тем, что я умирал много раз, прожил не одну жизнь и понимал, что загробного мира не существует и нет смысла его искать? Или, быть может, я точно знал, куда хотел попасть? Или, может, я сумел уйти от дракона или приглянулся ему?

— Какому дракону?

— Что прячется среди корней мировых деревьев. Кажется, в странах Скандинавии его называют Нидхегг.

Эдвард сделал пометку в своем блокноте о том, что нужно подробнее ознакомиться с легендами соседних магов. Быть может, они знают чуть больше о проходах меж мирами.

— Ты действительно хочешь восстановить Врата? — без шуток спросил бывший охотник. — На это могут уйти десятки лет, если не столетия.

— Что для настоящего мага какой-то десяток лет. Тем более, если бы ты заявил о себе официально, к нам бы присоединилось больше исследователей и тогда...

— Нет, — покачал головой Рейвен. — Ты не предполагал, что рассказав твоим коллегам о нашей истинной природе, мы не угодим к ним на стол, дабы они могли нас исследовать вдоль и поперек? Все же гости из иного мира, как-никак! И думаю, статус посла Ярнама их вряд ли остановит. Я вот до сих пор не знаю, чьи мозги плавают у вас в аквариуме.

— Это искусственно выращенные образцы, — скомканно возразил Ной.

Слова Рейвена заронили семена сомнения.

— Тем более, может, Врата были разрушены не случайно. А намеренно. Магами прошлого или же Великими. Потому что те понимали, что здешние люди пока не готовы к встрече с тем, что выходит за пределы их понимания.

Слова Найтганда звучали убедительно, но эта была лишь часть правды.

Рейвен и сам думал о контакте меж их мирами. Но пока Ярнам восстанавливался после чумы, он был слишком хрупок. Объяви маг во всеуслышание, что он — Голос Королевы Нечистокровных, проявление и продолжение ее воли, перед ним открылось бы больше дверей, но осталось бы меньше места для маневра. К нему, как к публичной фигуре, было бы приковано слишком много внимания. Все бы с жадностью наблюдали за ним, следили за каждым движением, ловили каждое слово. Ставки стали бы слишком высоки.

Он устало потер переносицу. Нет, сейчас намного важнее ассимиляция пришлых магов с ярнамитами. Пройдет не один десяток лет, прежде чем они впитают их культуру, вырастят новое поколение. И то, они постоянно будут оглядываться назад, на устои, традиции британского общества. Гораздо лучше, если бы у Ярнама была возможность работать с чистым разумом.

«Великий Идон, что мне делать?» — ответа на эту молитву не было.

Грязнокровки. Маги, рожденные от маглов. Маги, не знавшие о магии. Маги, для которых в маленьком магическом сообществе не было места. Маги, которые были никому не нужны. Но все же это были маги.

Тонкие пальцы методично вытаскивали с полки увесистые фолианты. Черные глаза просматривали строчка за строчкой.

Система регистрации волшебников возникла одновременно с Хогвартсом и за почти тысячелетие никак не изменилась. Когда ребёнок начинал проявлять признаки магии, Перо, по легенде взятое у авгурея, вписывало имя юного мага на страницы Книги. И когда ребенку исполнялось одиннадцать — он получал письмо из Хогвартса.

Копия очередного тома исчезла в темном чреве сумки.

Целых одиннадцать лет ребенок не знал, что его природа совершенно иная. А если и догадывался, то не понимал, что с этим делать, оставаясь один на один со своей непохожестью.

Рейвен не знал, почему маленького волшебника не изымали сразу из простой семьи, дабы он рос в надлежащей обстановке. Может, причиной тому было то, что Инквизиция, гулявшая по Европе, была ничтожна в Англии. Но это не значило, что в Британии не было религиозных гонений, пусть они не отличались таким фанатизмом, как на континенте.

Забота о магглорожденных была минимальной: их только обучали контролировать свой дар, а потом бросали на произвол судьбы. Экономические причины или предубеждения тому виной — Найттанду было все равно. Ведь подобное пренебрежение сейчас играло ему на руку.

Скопировать Реестр магглорожденных из архива ММВ не составило особого труда. Дальше — аппарировать к дому, где жил маленький волшебник. Ждать.

Каждый ребенок хоть раз, но думал, что он принц или принцесса. Что он особенный. Герой. Спрятанный или подброшенный. И когда-нибудь за ним придут и заберут туда, где его место. Наверное, юные маги ощущали это острее прочих.

Что они чувствовали, когда слышали легкий стук в окно? Сонные, ничего не понимающие, позволяли волшебнику, а ведь только волшебники носили остроконечные шляпы и развевающиеся плащи, войти внутрь. На их лицах удивление, когда по мановению руки потолок детской превращался в звездное небо, и они видели бесчисленные кометы, мелкими бриллиантками соскальзывающие с бархата цвета индиго. На их лицах сияла радость, когда они узнавали, что они тоже могут обучиться магии. Стоит только взять протянутую руку этого человека со странными золотыми глазами.

Одни соглашались сразу. Им осточертели упреки и розги, побои и молитвы. Другие с волнением оглядывались на дверь, и в глазах читался вопрос: «Увижу ли я вновь своих родителей?» Легкое ментальное воздействие, и от колебаний не оставалось и следа. С некоторыми даже говорить не приходилось — так малы были эти крохи.

Детский мозг достаточно пластичен. Они забудут прошлое. Ярнам станет для них новым домом.

* * *

Ярнаму нужна была свежая кровь. Нужны рабочие руки и новые знания. Но у города не было запаса ресурсов, дабы поддерживать жизнь в городе. Конечно, новоприбывшие были

обеспечены крышей над головой — опустевших домов было слишком много. Но что касалось еды, все было донельзя удручающе. Склады сожжены или разрушены. Поля брошены, а простой народ не спешил приступать к работе: пусть город избавился от порождений чумы, но за его чертой чудовища все еще были. Отряды охотников прочесывали леса и поля, изгоняя оттуда всякую нечисть. В аптеках появились лекарственные травы и корни, из которых можно было делать зелья. Поля постепенно обрабатывались и засаживались. Благодаря магии было возможно ускорить рост и увеличить объем урожая, но и здесь были свои пределы. Не обошлось без новейших достижений в сфере животноводства и растениеводства, но не все культуры сумели адаптироваться к местной среде. Новые пути развития открывали новые проблемы.

Вновь созданный королевский совет должен был решить их, но прежде его участники стремились достигнуть взаимопонимания.

— В связи со сложившейся ситуацией считаю неразумным привлекать людей из того мира, несмотря на их несомненно неординарные способности, — взял слово Лоркан. — Проблему с населением нужно решать своими силами, иначе от национальной идентичности не останется и следа!

Рейвен скептически посмотрел на Ворона Кейнхерста. Какая, к черту, национальная идентичность, когда потомственных ярнамитов можно пересчитать по пальцам, а большая часть охотников как раз и были чужеземцами.

— Я согласен с господином Лорканом, но по другим, более материальным причинам, — заметил Министр крови, — несомненно, пришлые маги обогатят наш генофонд, но что, если они принесут, если уже не принесли, новые болезни, которые себя пока не проявили и к которым наши люди просто не готовы? Тем более, зачем бездумно собирать все самое лучшее и новое, если мы не сможем этим воспользоваться? Разве мы хотим превратить Ярнам в дракона, что лежит на горе золота и просто им любителю?

— Позвольте вас перебить, — Альфред, лидер Лиги, сцепил пальцы в замок, — но так называемому дракону так или иначе надо есть. Ярнам сейчас как никогда зависим от поставок из того мира. Пусть мы и избавились от монстров, но до сих пор находимся в изоляции. Мы не знаем, что происходит в других городах. Миледи, — обратился он к Королеве, — нам нужно восстановить связь. Наладить торговые пути и пути сообщения.

Анализа задумалась. До этого ей не приходило в голову поразмыслить над тем, что творится за пределами столицы. В сердце кольнула надежда, что жизнь сохранилась еще где-то. Но разум приказывал быть рациональной.

— И как вы предполагаете организовать подобное?

— Экспедиции. Немало охотников стекалось в столицу в поисках лекарства. Наверняка многие из них гадают, что творится сейчас в их родных краях. Вместо того, чтобы дожидаться, пока они самовольно покинут Ярнам, не лучше ли отправить их туда, куда они сами рвутся с официальной миссией?

— В эти экспедиции можно включить и магов, что решили переселиться с Земли, — идея Альфреда неожиданно понравилась Рейвену. — Вряд ли путешествие будет быстрым, для них это будет чудесной возможностью глубже понять наш мир и наладить взаимоотношения с охотниками. А по прибытии к месту назначения они смогут связать его со столицей посредством порталов.

Анализа размышляла недолго.

— Жду от вас четкого и проработанного плана: пункты назначения, маршруты, кто

будет задействован и сколько придется вложить в это дело.

* * *

Когда Королева изъявила желание посетить Лондон, у Рейвена не было причин для отказа.

Амигдала перенес их прямо в магический квартал, перед входом в Гринготс, на пересечении Косого и Лютного. Накинув капюшон, Аннализа взялась за подставленный локоть своего сопровождающего, и экскурсия началась.

Рейвен показывал много воспоминаний о магическом Лондоне, но увидеть все наяву было намного лучше. Они не торопясь шли по торговой улочке, тихо переговариваясь, не привлекая внимания прохожих. Аннализа зорким глазом подмечала и запоминала все мелочи, наблюдала, как местные маги ведут торговлю. Затем они вернулись к перекрестку и свернули в Лютный, но и тут леди оставалась спокойной. Товары в лавках местных торгашей не вызвали никаких эмоций — она не увидела ничего такого, что могло бы удивить бессмертного некроманта, немало повидавшего на своем веку.

Аннализе сильнее хотелось знать, как живут люди по ту сторону барьера.

Маггловский Лондон встретил их шумом. Люди так же спешили по делам, так же спорили и торговались, так же смеялись. Их отличала лишь одежда.

Легковые автомобили и двухэтажные алые автобусы не испугали королеву. Та логично рассудила, что раз люди так непринужденно ездят на них, то бояться их будет просто глупостью.

Лондон славился своими уютными прогулочными кварталами с яркими витринами, где буквально за каждой дверью скрывались всё новые кафе и магазины, многим из которых уже несколько столетий — настоящее воплощение буржуазного комфорта! Однако постепенно крупные сетевые супермаркеты и рестораны вытесняли с рынка независимых, но более слабых конкурентов. Лавочки, закрытые и заброшенные, эти печальные памятники своей эпохе долго пустовали, грустно зияя чёрными окнами.

Аннализа с вежливым любопытством изучала городскую инфраструктуру и архитектуру. Долго рассматривала здания с глухими стенами, которые модно было украшать большими картинами. Каталась на метро, что было местом тусовок неформалов, подростковых банд и бездомных. Как позже заметила она, люди сумели облагородить даже подземелья.

Говоря же о культурной программе, то королеву кинотеатр едва ли заинтересовал, тогда как музеи вызвали неподдельное желание ознакомиться с их содержанием.

Музей естествознания поразил ее размахом своей коллекции: более семидесяти миллионов экспонатов по ботанике, зоологии, минералогии и палеонтологии.

Британский музей рассказывал об истории человечества за период, превышающий два миллиона лет. Уникальные всемирно известные сокровища, собранные под одной стеклянной крышей, дышали древностью.

Музей науки тоже не обошли стороной. Маги посмотрели на паровоз «Ракету» Стефенсона, реактивный двигатель Уиттла и космический модуль «Аполлон-10». Аннализа внимательно слушала об истории их создания и о новых витках современной науки, не пропуская ни одного слова очень вежливого экскурсовода.

— Вы выглядите удивленной, — заметил Рейвен.

— Их музеи, — Аннализа обвела рукой выставочный зал, — не просто хранилища предметов. Местные служители проводят исследования древностей и знакомят с ними простых людей. Даже самых маленьких, — она проводила взглядом группу школьников, что

как утята следовали за одним из сотрудинок музея.

В Музее Лондона они ознакомились с историей столицы Великобритании, наблюдая, как менялся ее облик со времен Римской империи и до нынешних дней. Древние саксы, ошеломляющее средневековье, бурные годы гражданских войн, ужасы чумы и разоряющие пожары — все нашло отражение в экспозициях.

Гринвичская королевская обсерватория, Имперский военный музей, Музей транспорта, Музей банка Англии, Национальный морской музей — казалось, с каждой новой посещенной выставкой интерес Аннализы только распалялся. Она чувствовала себя как путник в пустыне, который наконец-то набрел на оазис.

Найттанд пытался разделить энтузиазм миледи, но не смог долго держать ее бешеный темп. Ему пришлось молить о пощаде. Но королева была непреклонна.

— Рейвен, позволь мне объяснить тебе: у нас есть уникальная возможность на основе музейных предметов смоделировать исторические и историко-культурные процессы, а также возможность полно представить действительность прошлого, что даст нам новые знания. Тем более, социальные, культурные, политические преобразования, что уже имели место в Англии, только предстоят нашей стране. У нас есть возможность научиться на ошибках этих людей, чтобы избежать многих бед в будущем.

Охотнику пришлось смириться. Дабы не перенапрягаться, Рейвену пришлось задействовать своих друзей. Они с радостью согласились помочь. И теперь целая группа магов копировала нескончаемые объемы документов, содержащих чертежи и планы, и пересылала их в Ярнам, где с полученной информацией уже разбирались ученые, инженеры, финансисты и прочие светила.

* * *

Неизвестно, сколько бы еще продолжалась эта погоня за знаниями, если бы к концу месяца Аннализа не почувствовала себя нехорошо.

Утром, глядя на себя в зеркале, она заметила красные пятна в области груди и шеи, что неприятно жгли. Она с ужасом глядела на свои руки, покрасневшие и опухшие, больше напоминающие руки прачки, чем благородной особы. Ей было стыдно за свой внешний вид, но благоразумие оказалось сильнее.

— У вас классическая аллергия на солнце, — вызванный колдомедик не увидел ничего пугающего. — С вашей светлой кожей следует побережться. Вам стоит воспользоваться этой мазью.

Рейвен взял в руки листок, пытаясь вспомнить, есть ли это зелье в домашней аптечке.

— Также рекомендую перед выходом на улицу воспользоваться солнцезащитным кремом. Обратите внимание на маггловских производителей, они в этом плане продвинулись дальше нас. Ищите упаковки с защитой от UVB лучей (SPF) и UVA лучей (PPD), именно они влияют на возникновение фотодерматоза. Следует отметить, что большую роль играет длина волны. Старайтесь не посещать курорты, где солнце особенно активное.

— Благодарю, доктор, — Аннализа находилась в некоем смятении. — Не ожидала такой реакции от своего организма.

— Понимаю. Но статистика показывает, что около двадцати процентов людей по всему миру сталкиваются с подобным. И количество регистрируемых случаев аллергии на солнце увеличивается с каждым годом. Будьте осторожны. Всего доброго.

Проводив доктора, Рейвен передал аптечку Аннализе и предложил вернуться в Ярнам.

Королева покачала головой: не такая уж и страшная болезнь, чтобы прерывать исследование мира. Но взять паузу на пару дней согласилась. Ей нравился этот уютный коттедж на берегу Кельтского моря. А хозяйка дома, Эйлин, оказалась приятной собеседницей.

Недружелюбное солнце всколыхнуло некоторые воспоминания, за ненадобностью погруженные на дно памяти. Аннализа написала письмо доктору. Получив ответ, она осталась неудовлетворенной. Это заставило ее посмотреть на проблему шире и связаться с учеными мужами в других областях. Ученые маги отвечали на письма охотно. Результаты завязавшейся переписки привели ее к выводу, который она меньше всего желала получить.

Рейвен желал узнать, что так не на шутку встревожило Королеву. Дальнейший разговор надолго отложился в его памяти.

— Ты никогда не задавался вопросом, почему солнце над Ярнамом не такое яркое и жаркое?

— Были мысли...

Будучи охотником, Найтланд мало задумывался о такой привычной вещи как солнце. Но когда разговор зашел о восстановлении земледелия, оно стало иметь огромное значение.

О подготовке экспедиции тоже нельзя было забывать. Рейвену пришлось углубиться в изучение географии и истории. Работать с топографическими картами оказалось тем еще удовольствием, особенно, когда не знаешь, до сих пор ли та актуальна.

Летописи гласили: когда появились первые тревожные признаки угасания Огня, правитель королевства решил укрыть свои земли от тлеющих полей. Он нашел Художницу, и та выполнила его необычную просьбу. И Хейд исчез.

Из истории мира стерлось, что такое Хейд: королевство ли это или просто название территории? Летописи не сохранились. Лишь отголоски людской памяти шептали, что именно там зародился Лазурный Путь, а будто Хейд поглотило море.

Большие объёмы воды служат оплотом, охраняющим сон, и авгуром тайной Истины.
Не так ли?

Единственным связующим звеном между сокрытым королевством и внешним миром стала местность, названная в народе Огненной Башней Хейда и Собор Лазурного пути, но и тот стерся в пыль под влиянием времени.

Позже пришлось сделать еще несколько выходных точек. К ним относилась и Часовая башня.

Если рассматривать территорию Хейда с точки зрения внешнего мира, то Ярнам находился даже не на шельфе, а на океанском дне недалеко от островной дуги. Но это море было создано искусственно, и именно рыбацкая деревня являлась границей между ложным и настоящим океаном. Однако водяной купол пусть и немного, но препятствовал прохождению света, отчего тот казался приглушенным.

На выводы мага некромант лишь покачала головой.

— Эта версия близка к истине, но не является полной. Видишь ли, Рейвен, наше яркое солнце все еще светит, но уже не так, как раньше. В нем стало появляться все больше убийственных лучей. Король Хейда знал это, но не брался предсказывать все негативные последствия их влияния. Поэтому вместо стен, отгораживающих страну от полей, было решено создать купол, действующий наподобие фильтра. И именно поэтому здесь живут твари и растения, которых в естественных условиях нигде в мире не встретить. Что же касается этого мира...

— Здесь начинает твориться то же самое?

— Почему же начинается? — удивилась Аннализа. — Этот процесс идет уже много столетий. Но жизнь звезды такая длинная, что изменения, которые она приносит, слишком незаметна для тех, кто едва ли может прожить век или два. Незаметно исчезают некоторые виды растений, животных. Если не знать, где искать причину, то и остальное не уберечь.

— Нам стоит предпринять какие-либо действия?

Она посмотрела на него через плечо.

— Все будет зависеть от того, что мы хотим получить в итоге.

Волдеморт долго искал место для нового тайника. Пещера с инферналами оказалась осквернена чужаками, и мало того, что те подпалили парочку утопленников, так еще и похитили зачем-то каменную чашу.

Как назло, вспомнилась вскрытая хижина Гонтов, и так и не найденное кольцо. Было ли это совпадением или нет, но Темный Лорд решил сменить тактику и скрыть самое сокровенное в месте, которое никак не связано с ним.

Остров Безотрадный показался ему отличным вариантом. Небольшой остров, расположенный в северной части Шотландии, был безлюден. Казалось бы, прекрасное место, чтобы поселиться магу-отшельнику, если бы не монстры, что расплодились здесь. Благодаря их искусственной и проклятой природе пятиноги считались смертельно опасными существами, и было за что: неуловимые хищники ловко уворачивались от заклинаний и рвали людишек буквально на лоскуты своими мелкими треугольными зубами в несколько рядов. Истреблять их было слишком трудно и дорого, и потому министерство магии предпочло обработать остров заклятием Ненаносимости и забыть про него.

«Где-то тут должна быть заброшенная деревня», — долетев до острова, Темный Лорд мягко опустился на песчаный берег и огляделся кругом. Вдалеке звучали звуки грома, хотя на небе не было ни облака. Погода на море менялась быстро, следовало поторопиться. С другой стороны, дождь мог сыграть ему на руку: ни один крупный хищник не охотился в такую погоду.

Дойдя до полуразрушенного поселения, Лорд с удивлением заметил, что кто-то тут все же живет: из печной трубы одного дома вился слабый дымок.

Ведомый любопытством, он направился ко входу. Скрипнула дверь, позволяя узреть простую комнату. За обшарпанным столом сидел человек, склонившись над большим куском пергамента. Он поднял голову, и Лорда пронзил взгляд черных глаз, тлеющих словно угли.

— Лорд Волдеморт? — он плавно встал и почтительно склонил голову. — Что вас привело в эти края?

— Рейвен Найтланд?

Охотник чувствовал, как над ним сгущается аура, давящая, требующая склониться ниже к земле. Но он лишь мысленно ухмыльнулся и выпрямился будто ни в чем не бывало. После Великих любое проявление силы казалось легким дуновением ветра. Вертикальные змеиные зрачки прожигали насквозь упрямого волшебника, от которого не ускользнул едва заметный прищур рубиновых глаз.

Темный Лорд стал пристально рассматривать его.

— Значит, вот каков маг, что заставил моих... последователей дать нерушимую клятву.

— Признаться, я удивлен вашим визитом сюда. Но и вы, видимо, не ожидали встречи здесь с кем бы то ни было. Но каковы бы ни были причины вашего прибытия, я советую как можно быстрее покинуть остров.

«Каков наглец», — Волдеморт с изумлением глядел на спокойно говорившего мага.

— Ты смеешь мне указывать?

Змеиное шипение не произвело на Рейвена никакого впечатления.

— Вам, похоже, еще не довелось столкнуться с местными обитателями. Впрочем, если людская молва верна, у вас достаточно сил, чтобы справиться с существами пятого класса

опасности.

— А сам? — многозначительно спросил Лорд.

В ответ Рейвен лишь едва заметно улыбнулся.

Дверь за спиной с грохотом распахнулась. Волдеморт мгновенно развернулся. Палочка выскользнула из рукава. В проем полетело заклятие. Смазанная тень метнулась в сторону, и мгновением позже снаружи послышались ругательства.

— Ты не обнаглел так швыряться заклинаниями. Мерлин, мое сердце, — на пороге возник юноша, в котором Волдеморт с изумлением узнал одного из сыновей Вальбурги.

Тот открыл рот, чтобы сказать что-то еще, но слова застряли в горле.

— Теперь ясно, почему я постоянно говорю, что нельзя расслабляться ни на миг, — с коротким смешком заметил Рейвен, вальяжно облокотившись о стол. — Обидно погибнуть на охоте. Вдвойне обидно погибнуть после охоты, когда ты получил славную добычу и возвращаешься домой.

— Виноват, — младший Блэк коротко поклонился.

— На сегодня, пожалуй, всем хватит.

Уловив нечто в интонации Найттанда, Регулус еще раз поклонился и стремительно покинул дом, оставив магов наедине. Тем временем, Рейвен свернул пергамент, оказавшийся картой острова, и, убрав его в безразмерный подсумок, повернулся к Волдеморту.

— Не составите мне компанию на прогулке?

У Лорда не было причин отказывать. Тем более, разговор с магом не был окончен.

Вечерело. Они брели по заросшим тропинкам, а за их спиной на землю ложились длинные густые тени. Маги шли вровень, и Волдеморт то и дело бросал взгляд на Рейвена, что, как и Малфой, прогуливался с тростью. И именно этот момент не позволял расслабиться, если тот, как и Малфой, прятал палочку в этом аксессуаре. Но в отличие от этого сиятельного джентльмена, что не терпел несовершенства в своем образе, Рейвен, видимо, не очень следил за инструментом: металлическая поверхность была усеяна зазубринами и трещинами, да и вообще вся трость выглядела покоцанной.

— Слышал, вы тесно общаетесь с Блэками и Краучами, но мне не доводилось видеть вас на торжественных вечерах.

— Не было особой необходимости посещать подобные мероприятия.

— Понимаю, светские рауты порой так скучны. Ваша жизнь, наверняка, полна и более интересных событий. Как, например, незаконное проникновение в Отдел тайн. Удивительно, что вам не выдвинули обвинение. Но, может быть, в этом нет ничего странного, если вы применили Империи к невыразимцу.

— Ну у вас и фантазии, Лорд Волдеморт, — Рейвен даже не сбился с шага, и тот понял, что его догадка попала в молоко. Нет, он не верил, что кто-то мог сигануть в Арку Смерти и вернуться. Больше похоже на затуманивание рассудка. — Я предпочитаю решать проблемы без Непростительных.

— О ваших талантах переговорщика нам уже известно. Такой человек был бы не лишним в моем окружении.

— Без дипломатии в современном мире никуда. Уверен, в вашем ковенанте есть люди, обладающие подобным даром, — Рейвен не заметил намек либо предпочел его игнорировать.

Но Темный Лорд не спешил отступить.

— Скажу прямо: пусть имя вашей семьи мне и не знакомо, но ваши манеры и

способности выдают в вас человека незаурядного. Как вы знаете, обстановка сейчас в Англии достаточно напряженная. Поборники традиций своими сумасбродными идеями хотят ослабить магическое сообщество и обесценить все то, чего многие благородные семьи добивались веками. Подобное претит нам, поэтому мы пытаемся привлечь на свою сторону разумных магов. Процессы, которые сейчас идут в обществе, повлияют на всех и каждого.

— Я в курсе политической обстановки на островах, — отмахнулся Рейвен, — и междоусобица местных магов меня мало волнует. Это не затронет мои интересы.

— Может быть, я недостаточно ясно выразился, — Волдеморт крепко схватил собеседника за плечо, заставив того развернуться, и впился взглядом в его горящие, но остающиеся холодными глаза, — отсидеться в стороне не удастся. Одиночку просто перемелет в этой машине войны.

— Благодарю, Лорд Волдеморт, но нет необходимости в моей протекции. У моего сюзерена также нет заинтересованности в переделе сфер влияния на данной территории, — Рейвен аккуратно постарался отцепить руку Волдеморта от своего плеча, но тому было уже все равно.

Отказ больно ранил самолюбие Лорда. Одна лишь мысль билась в его голове.

«Кто? Глава рода Блэк? Нет, их сын не стал бы беспрекословно подчиняться тому, кто находится у них под покровительством. И Бартемиус Крауч, этот человек редко к кому прислушивается. В Королевстве не так много волшебников, имеющих значительное влияние и кого вполне устраивает нынешнее положение дел».

Однако Темный Лорд не мог долго мыслить рационально. Гнев уже начал окутывать его разум. Ему слишком мало было известно об этом маге, и это выводило его из себя.

Невербальное «Легилименс», и он вот-вот узнает все его тайны.

Умелый легилимент мог считывать воспоминания, некие визуальные образы в памяти, отделять истинные воспоминания от фантазий и снов, но читать мысли так, как если бы они были написаны на бумаге, он не умел. Волдеморту этого и не требовалось. Он уже читал многих людей, и он знал, что и где искать.

Защита разума у этого мага была странной. Волдеморт почувствовал себя Калигулой, сражавшимся против Посейдона. Сколько он ни атаковал, сколько ни пускал стрел — водной глади бы все нипочем. Но он видел, что под поверхностью моря скрывается целый город, искаженный сиянием Луны. А в следующий миг огромная волна накрыла его с головой.

В следующий миг он очнулся на земле. Над ним стоял Рейвен, трость в его руке дрожала.

— Как беспардонно, Лорд Волдеморт! — Во всей его позе, в его голосе сквозило ледяное презрение. — Манеры — это лицо мужчины. Свое вы только что потеряли!

Рейвен резко развернулся и аппарировал.

* * *

Несмотря на то, что магическое сообщество Англии довольно стремительно растекалось на два фронта, ковенант Возрождающих упорно держал нейтралитет, не желая принимать ничью сторону. Регулус был разочарован политикой Волдеморта и до сих пор обижался на Дамблдора и Сириуса за выходку с оборотнем. Бартемиус знал: обе организации — что Пожиратели Смерти, что Орден Феникса — являлись нелегальными, и не хотел компрометировать отца, которому пророчили в скором времени пост Министра. Рейвен считал поддержку одной из сторон слишком уж явным вмешательством во

внутренние дела государства, тем более, членство где бы то ни было помешало бы ему заниматься своими делами. Хотя если он получит соответствующие инструкции от Королевы, ситуация может измениться. Однако та считала происходящее на Альбионе бурей в чашке воды, а значит, недостойным ее внимания. У Аннализы полно было своих забот.

Адаптация детей в Ярнаме шла полным ходом. Благодаря домашним эльфам и посланникам небес ребячьи всегда находилась под присмотром. Для их расселения было решено использовать бывший приют Хора, очищенный и отремонтированный. Арианна, оклемавшись после беременности, изъявила желание заняться воспитанием юных магов. Впрочем, она была не одинока в этом стремлении. Одинокая старушка, слепой самаритянин, старшая дочь Гаскойна, ученица Бюргенверта — многие решили принять посильное участие: слишком долго в Ярнаме не раздавался детский смех. Некоторые охотники поговаривали, что неплохо было бы взять учеников, но говорить об этом было рановато.

Впрочем, вектор интересов рыцарей с пистолетами был больше направлен в сторону экспедиций. Выбор стороны света был слегка ограничен: на западе начинался настоящий океан, и двигаться в ту сторону пока было бессмысленно — никто не знал, какие острова и материки скрывались там, где садилось солнце, да и флот как таковой у Хейда отсутствовал.

Можно было двинуться на юг — в укрытый песками Лоран, или же на восток — в Астору. Рейвен склонялся к тому, чтобы двинуться на восток, и Вальтер был с ним солидарен: Лоран был слишком близок к границе, и, возможно, разросшаяся пустыня королевства Картус как раз и стала причиной гибели города. Астора же могла стать связующим звеном между столицей и Винхеймом — город волшебников, примечательный своей Школой Драконов. Винхейм лежал у подножья Камалитовых гор, богатых залежами разнообразных кристаллов. Недалеко от него стоял Волген — крупный город, славный своими торговцами. Волген располагался как раз перед перевалом через горный хребет, отделяющий Хейд от других государств, поэтому все торговые пути проходили именно через него.

Королева пока не спешила возвращаться в Ярнам, предпочитая скинуть всю работу на министров. Аннализа видела, каких успехов ей удалось добиться в первой же дипломатической поездке, пусть она и сохраняла инкогнито. Она считала, что таким образом ей будут легче познакомиться с повседневной жизнью жителей Земли, осваивать различные ремесла и, в том числе, посещать частные коллекции и кабинеты ученых.

Дабы охватить больше территорий, она вызвала из Хейда ряд доверенных лиц, вместе с которыми решила продолжить путешествие: Найтланд хоть и был чудесным спутником, но и так был загружен выше головы.

Франция, Италия, Австрия, Германия, Румыния, Болгария — во время путешествий некромант всегда, когда это было возможно, встречалась с европейскими учеными, осматривала частные коллекции и галереи, естественнонаучные кабинеты. Она не упускала ни одной возможности посетить такие встречи, чтобы пригласить разного рода специалистов, в том числе ученых, приехать работать в Хейд. Королева лично и через своих подчиненных налаживала связи с издателями книг в Голландии и Германии, организовывала покупку ряда коллекций для Бюргенверта, а позже для Школы Менсиса, училась химерологии и прочим наукам.

В Скандинавии она задержалась дольше обычного: варварские традиции северян позволяли взглянуть на магию с той стороны, с которой маги западноевропейской традиции даже бы не смотрели. Спецификой скандинавского общества следовало считать отсутствие

сословия священнослужителей, будь то жрецы отдельных богов или некий аналог христианской церкви. Обязанности священников выполняли светские лидеры.

Так жертвоприношения богам от имени всего народа совершали короли, ярлы, годи* и прочие лидеры. В этом плане скандинавы были схожи с жителями Дранглика, Лондора и прочих великих царств эры Огня.

Более того, именно в сознании скандинавов крепче всего укоренились легенды о переходах между мирами. И Рейвен подозревал, что у северян есть свой аналог Арки Смерти.

Пандора прислала письмо из Штатов: их группа решила продолжить поиск Великих и надолго застряла в Аркхеме. Ксенофилиус сделал ей предложение, и она не стала тянуть с ответом. Так Пандора Одли стала Пандорой Лавгуд. К письму была приложена колдография молодых в маленькой церквушке. Рейвен долго разглядывал эту красивую пару: оба серебряные, с лучисто мечтательными глазами, эти маги казались какими-то невесомыми космическими созданиями. Несмотря на легкую грусть, Найтланд был искренне рад за них, и вскоре в Америку полетела сова с теплым ответом и поздравлениями.

* * *

Руквуд быстрым шагом вышел из Отдела тайн и, поднявшись на лифте, отправился к каминам в фойе. Оказавшись на улицах вечернего Лондона, невыразимец аппарировал, чтобы мгновением позже появиться где-то в окрестностях Бедфордшира. Ворота поместья распахнулись, стоило обнажить левое предплечье.

Пройдя в зал, где обычно проходили собрания, он преклонил колени перед своим Повелителем.

— Ты опоздал, — надменный взгляд рубиновых глаз прожигал его насквозь.

— Тому была веская причина, милорд, — Руквуд поднял голову, — сегодня было произнесено пророчество. О вас.

* Годи — главы кланов

Судьба похожа на сценарий, но чтобы его сыграть, нужно, чтобы кто-то озвучивал реплики из него.

Итак, промозглым январским вечером 1980 года Альбус Дамблдор поднялся на второй этаж трактира «Кабанья голова», чтобы поговорить с остановившейся в здешних меблированных комнатах Сивиллой Трелони. Эта молодая волшебница желала получить место преподавателя прорицаний в школе чародейства и волшебства Хогвартс. И хотя Дамблдор не очень хотел сохранять этот предмет в школьной программе, он из вежливости решил встретиться с кандидатом на месте. Тем более, та была праправнучкой знаменитой предсказательницы Кассандры Трелони.

Увы, надеждам директора не суждено было оправдаться. После непродолжительной беседы он так и не увидел в Сивилле ни капли талантов своей прапрабабки и уже собирался отказать ей от места, когда Судьба решила посмеяться над глупым человечком. Он уже повернулся к выходу, когда Трелони вдруг заговорила тусклым и тихим голосом, так непохожим на свой обычный тон с подделкой под неземные интонации.

Альбус замер, вслушиваясь в мрачные неумолимые слова, что звучали будто приговор. Все его существо сжалось, склоняясь перед тем, что было скрыто от человеческого взора.

Дамблдор устало закрыл глаза. О, как бы он хотел, чтобы этого пророчества не было. Чтобы о нем больше никто не слышал. Ведь они пытались столько лет, это была их с Геллертом мечта. Увы...

Артефакт в Отделе тайн наверняка уже засек всплеск, и вскоре сюда придут невыразимцы. Предсказательница ничего не помнила, а значит, он — единственный свидетель. И никакое зелье, никакое заклятие не позволят забыть ему слова, сказанные в эту ночь.

Вскоре в дверь постучали, и в комнату зашли двое. Показав знак Отдела тайн, попросили проследовать за ними. Оказавшись в ММВ, все четверо спустились на девятый уровень. Из головы директора извлекли воспоминание, обрезали все лишнее и заточили образ предсказательницы в хрустальный шар. Когда свидетели были отправлены домой, шар водрузили на полку в Зале пророчеств и поставили табличку: «С.П.Т. и А.П.В.Б.Д. Тёмный Лорд/...?...»

Дело было сделано, и сотрудники занялись другими делами. Но вскоре двое невыразимцев с разницей в полчаса покинули рабочие места. Один отправился в фойе к каминам. Второй — в министерскую совятню. Один считал, что сделал это из верности. Второй — из лояльности. Но оба не знали, что являются лишь ключами, что заводят механические часы, называемыми судьбой.

* * *

Когда к Найттанду посреди ночи прилетело письмо от Эдгара с просьбой о встрече, тот если и удивился, то не сильно: для невыразимца не существовало такого понятия как время суток. В последние месяцы бывший шпион Хора стал несколько напрягать просьбами помочь с восстановлением Арки Смерти, в которых Рейвен каждый раз отказывал. Но тон этого письма несколько отличался от остальных. И он решил прийти на встречу.

К новости о пророчестве Охотник сначала отнесся безучастно, но выслушав текст, сильно напрягся, а когда, решив убедиться в его точности, просмотрел пророчество в

воспоминаниях невыразимца, напрягся еще сильнее. Однако долг не позволил ему отмахнуться от этих слов. Вызвав Амигдалу, Рейвен взял Эдгара под локоть и перенесся к Королеве.

Когда Аннализа выслушала пророчество, на ее лице отобразилась такая гамма чувств, что маги не на шутку встревожились. Здесь были и затаенная боль, и надежда, удивление и нетерпение.

Королева откинулась на спинку стула и громко рассмеялась. Столько лет нескончаемых трудов, и вот наконец-то появился шанс, что ее *мечта* исполнится.

— Рейвен, — Королева посмотрела на своего рыцаря, — это пророчество должно исполниться во что бы то ни стало!

* * *

Волдеморт вынырнул из воспоминаний Руквуда и нервно забарабанил пальцами по креслу. Что за насмешка Судьбы?

Он столько превозмогал, столько лет карабкался к вершине. Поднимался из грязи словно цветок королевского лотоса, и ради чего? Чтобы бы в один миг пришел кто-то и забрал все? Нет, он этого не допустит. Тем более, в предсказании ясно сказано, что в живых останется только один. Проигравшего ждет забвение, а победитель получит все. Лорд Волдеморт и *мечтать* не мог о подобном титуле, но если учесть, как он пытался избежать смерти, подобная роль была бы ему по душе. Однако, в пророчестве оставалось еще много неясностей. И он докопается до сути, во что бы то ни стало.

* * *

«Вчера вечером таинственно был убит Грегорович, мастер волшебных палочек. Грегорович был весьма почитаем в Восточной Европе, но ему все равно было далеко до мастера Олливандера, несмотря на свое хвастовство, что некогда он обладал Бузиной палочкой и даже изучал ее».

Найттанд смял газету и отшвырнул ее в сторону, но та не долетела до пола, а, разгладившись, плавно взмыла вверх и легла на стол.

— Тебе нужно быть более сдержанным, Рейвен, — Королева поднесла к губам фарфоровую чашку, сопоставимую по белизне с ее кожей, и сделала небольшой глоток. — Ты должен был понять, что наш дорогой кандидат не стал бы сидеть на месте.

— Прошу прощения, — скрипнул зубами тот.

Пророчество внесло хаос в их и без того беспокойную жизнь. Пусть Королева и не забыла о своем долге перед Хейдом, но она заставила Рейвена следить за активностью Лорда Волдеморта и так же искать второго участника пророчества. И если первый пункт был не таким сложным, то со вторым возникли трудности. Искать того, кто должен был родиться на исходе седьмого месяца, было тем еще удовольствием. Найттанд даже не был уверен, что нужный человек родится именно в этом году. Ведь было множество примеров из истории, что исполнение пророчества могло случиться спустя десятки, сотни лет, как это было, например с Избранным Немертвым.

Да и сама концепция пророчеств не особо нравилась Найттанду. Настоящие герои преодолевали себя, двигались вперед, несмотря ни на что. А Избранные... Сама Судьба награждала их невиданным могуществом! Что уж сказать... Любимчики...

Волдеморт не зря именовался Темным Лордом. Но и его будущий противник также мог оказаться отвратным человеком, и даже хуже. За примерами далеко ходить не надо: стоило вспомнить историю восхождения Лорда опустошенных, Узурпатора Огня.

Желая больше узнать об участниках пророчества, Рейвен решил досконально изучить биографию Волдеморта, и результаты его несколько разочаровали. Вальбурга Блэк поведала о слизеринце, что учился в Хогвартсе на курс младше, и о его круге друзей. Узнав истинное имя Лорда, Рейвен весьма удивился: ему вспомнилась и история с пропавшим медальоном, рассказанная Горбином, и таинственное убийство в Литтл-Хенглтоне. Архивы ММВ, слухи из Лютного, школьные записи и воспоминания тех времен, информация, предоставленная лондонским детективом — все это позволило собрать воедино всю жизнь Темного Лорда, за исключением годов путешествия. Найтланд честно не знал: плакать ему или смеяться.

Родословная Лорда была длиннее и пышнее, чем хвост павлина. В родственниках Волдеморта отметились аж два древнейших Рода: Слизерины и Певереллы. Алхимики-змееусты и некроманты. Громкие имена предков — единственное, что было у бывшего Риддла. Ни земель, ни состояния, ни книг, ни артефактов: последние потомки — Гонты — спустили все и жили в нищете. Риддлу повезло вернуть медальон Салазара, но вот кольцо Певереллов он упустил, поэтому он мог подтвердить свой статус только относительно одной фамилии.

Рейвена также смущала наследственность Волдеморта: чистота крови у Гонтов сохранялась из поколения в поколение, благодаря женитьбе на ближайших родственниках. В итоге в семье стали рождаться неуравновешенные и агрессивные люди. И, видимо, действия Меропы по окручиванию маггла для разбавления крови были подобны попытке превратить уксус обратно в вино.

«А ведь такая хорошая наследственность была, — разочарованно покачал головой Рейвен. — Ведь Аннализа сама бессмертная королева-некромантка. Но если в живых останется он...»

Рейвен тяжело вздохнул. Проклятое пророчество. И та газетная статья. Волдепорт уже приступил к поиску Даров, решив начать с подарка старшему брату. Камень ему вернуть не удастся — Рейвен хорошо подчистил следы. Найтланд решил ради любопытства отследить судьбу последнего артефакта. Изучив сказку о трех братьях, он решил проследить родословную младшего из братьев.

«Да вы издеваетесь!»

Он с досадой глядел на книгу, где было написано, что Иоланта Певерелл вышла замуж за Хардвина Поттера. Проследив их семейное древо до 1693 года, Найтланд задумался. Абрахам Поттер иммигрировал в Новый Свет и стал одним из первых двенадцати мракоборцев Магического конгресса США. Была вероятность, что легендарная мантия досталась этой ветви Поттеров.

Возможно, стоило попросить помощи у Пандоры с изучением архивов МАКУСА, но Рейвен заколебался. Ему неожиданно вспомнились школьные выходки Мародеров и то, что они почти никогда не попадались. Могла ли у Джеймса тогда быть мантия? Как бы узнать. Его лучшим другом был Сириус. Но братья давно не поддерживали связь. В любом случае, нужно переговорить с бывшими Мародерами.

* * *

Собираясь утром на работу, Джеймс как обычно, проверил почту и с удивлением обнаружил среди ежедневной корреспонденции письмо от Регулуса Блэка. Поттер не был близко знаком с младшим братом своего лучшего друга, поэтому просьба о встрече несколько удивила его.

Когда дежурство в Аврорате подошло к концу, Поттер снял с себя алую мантию и

направился в паб, куда обычно заходили работники после работы в министерстве. Регулуса он нашел в самом темном углу.

Как только Поттер сел за стол, к ним подошла официантка с подносом и начала расставлять еду. Перед Джеймсом появились кусок хорошо прожаренного стейка с печеными овощами и бокал портера. Он вопросительно открыл рот, но собеседник опередил его.

— Я позволил себе смелость сделать заказ. Не хотелось бы вести разговор на пустой желудок.

Джеймс был не дурак и понял, что разговор будет не самым приятным, а вкусная трапеза не позволит ему сразу встать и уйти. Поэтому, несмотря на чарующие ароматы, аврор отодвинул тарелку в сторону и наклонившись над столом, уставился в глаза Блэку.

— Зачем ты просил встречи со мной? — четко произнес он.

— Ты читал сказки Барда Бидля?

Вопрос был настолько неожиданным, что поставил Джеймса в тупик. Выйдя из ступора, тот осторожно кивнул.

— Помнишь легенду о Дарах Смерти? — кивок, еще более осторожный. — К сожалению, легенда правдива и Дары действительно существуют. Темный Лорд начал за ними охоту.

Перед Джеймсом легла газетная вырезка, в которой содержалась заметка о смерти Грегоровича. Поттер быстро пробежал по ней глазами и взглянул на Регулуса.

— С чего такая уверенность, что это связано именно с Дарами? И почему ты решил поговорить об этом именно со мной, а не... с Сириусом?

Перед ним лег еще один листок с изображением семейного древа Певереллов, вливающегося в род Поттеров.

— Потому что Тот-кого-нельзя-называть придет именно в твой дом за той мантией.

В воздухе повисло гнетущее молчание. Регулус видел, как помрачнело лицо Джеймса.

В голове того тем временем крутились невеселые мысли. Мантия-невидимка? Та самая? Отец с матерью почили год назад из-за драконьей оспы и не могли помочь советом. Джеймс не раз сталкивался на поле битвы с Темным Лордом, и ему уже несколько раз удавалось ускользнуть от его гнева. Но одно дело — пару раз встретить предводителя враждебной стороны во время миссий Ордена Феникса, и совсем другое — знать, что на тебя ведется целенаправленная охота.

А ведь его дома ждала беременная Лили.

— Спасибо за предупреждение, — хриплым голосом поблагодарив Блэка, Джеймс встал и, покачиваясь, направился к выходу.

Он чувствовал, что медленно тонет в тревоге за свою семью, и ему как никогда необходим совет мудрого наставника.

* * *

Когда на очередном собрании Ордена Феникса Джеймс поделился своими тревогами с Дамблдором, тот погрузился в раздумья. Решил ли Риддл завладеть мощнейшей палочкой для укрепления статуса или же он узнал о пророчестве? А если и узнал, то как много? В любом случае, он, Альбус, должен сберечь своих людей.

Анализируя предсказание Трелони, он выяснил, что под него попадали две семьи: Лонгботтомы и Поттеры. Алиса и Лили, обе ходили с округлившимися животами и должны были родить в конце июля — начале августа. Но он и не предполагал, что Поттеры —

наследники младшей ветви Певереллов. Такое обстоятельство могло склонить чашу весов в их сторону. Но нужно было убедиться, что у Джеймса — та самая мантия. А также уберечь их от преследователей с темной стороны.

— Джеймс, ты не думал защитить свой дом Фиделиусом?

* * *

Несмотря на поздний час, Руквуд, забыв про сон, сидел за письменным столом, сгорбившись над листом бумаги. Вчитываясь в витиеватые строки, он делал на отдельном листе заметки, перечитывал их и откладывал в сторону. Затем вставал, несколько минут ходил по кабинету, распахнув окно нараспашку, и со свежими мыслями вновь садился писать.

Он знал, что приказ Лорда интерпретировать пророчество будет не из легких, но перечитывая его раз за разом, невыразимец приходил к мысли, что предсказание, наоборот, становится все более и более туманным.

Август уставился покрасневшими глазами на пергамент, пытаясь собрать мысли воедино. Шершавые губы зашевелились, произнося беззвучные слова:

Земли, покинутые Мерлином, зальются кровью,

Кто стар — умрет от болезни, кто млад — падет от луча.

Уцелеют лишь те, что пойдут тропею миндаля за Вороном, пожравшим Луну.

Поведет их тот, у кого хватит могущества победить Темного Лорда,

Рожденный теми, кто трижды бросал ему вызов, рожденный на исходе седьмого месяца.

И Встретятся вновь одаренные Вечной Невестой, не зная всех сил друг друга,

И один из них должен погибнуть от руки другого,

Ибо ни один не может жить спокойно, пока жив другой.

И когда мир укроют сети, Повелитель смерти последует за Вороном.

Ибо Мерлин оставил эти земли, а мечи заменили пистолеты.

И мир скрытый воспрянет из Древней Крови, из зерна засеянного.

Зерна, кое не прорастет, не проклюнется, но возгорится пламенем.

И Дитя Крови явится на свет.

Руквуд откинулся на спинку стула и, бросив взгляд на толстую стопку заметок, смахнул ее со стола.

«Думаю, на сегодня хватит играть словами. Что бы мы не предполагали, все равно все будет совсем иначе...»

Поиски Бужинной палочки привели Волдеморта в Нурменгард, к его единственному заключенному. Глядя на предыдущего Темного Лорда, на его иссохшее дряблое тело и впалые глаза, он не чувствовал ничего, кроме презрения, но в душе шевелился маленький червячок страха: ведь старость — один из предвестников смерти.

Допрос предшественника ничего не дал. На все вопросы Гриндевальд предпочел хранить молчание. Зеленая вспышка осветила стены камеры; хлопок аппарации, и в комнате не осталось ни одного живого существа.

Пусть узник и не дал ему подсказок, зато ими поделились архивы военных лет. Гриндевальд считался непобедимым. Дуэль тысяча девятьсот сорок пятого года опровергла этот факт.

Волдеморт понимал, что забрать палочку у Дамблдора в честной дуэли будет невозможно, и потому ему не обойтись без уловок. А значит, пора было обратить внимание на артефакт, что мог помочь ему в этом нелегком деле.

Когда он узнал про Поттеров, Волдемарту показалось, что ему улыбнулась Фортуна. Мало того, что те оказались наследниками Игнотуса Певерелла, так и соглядатай из Ордена Феникса оповестил его, что рыжая грязнокровка родила ребенка в конце июля.

То, что эти трусы забились в норы, как мыши, не мешает ему добиться своего. Он убьет это недоразумение, упоминаемое в пророчестве и заберет мантию.

Ночь легла на Годрикову Впадину. Черное небо, усыпанное звездами, будто бриллиантами, опустилось на деревню подобно бархату.

Многокрылый каменный ангел, чье лицо было скрыто вуалью, плакал над двойной могилой, где лежали Иоланта Певерелл и Диндр Поттер. Две тени отделились от статуи. Два мага, господин и слуга, вышли с кладбища.

Они шли через площадь, мимо витрин, украшенных бумажными пауками — пошлыми ухищрениями магглов, копирующих мир, в который не верили, не зная, что величайший из волшебников сегодня находился среди них. Он шел скользкой походкой, переполненный привычным ощущением силы, цели и правоты. Не гнев — это для слабых духом... торжество — о да... он долго надеялся и ждал этой минуты...

Шаг, и два врага пересекли границу участка, скрытого доселе мощной магией. Предатель подобострастно поклонился и отступил назад, но Темный Лорд более не обращал на него внимания. Крадясь, словно вор, Волдеморт бесшумно приблизился к окну. Шторы не были задернуты, и он прекрасно видел, как эти мышки сидят в своей маленькой гостиной. Черноволосый мужчина в очках пускал клубы разноцветного дыма из волшебной палочки, чтобы позабавить черноволосого малыша в синей пижамке. Малыш хохотал и ловил ручками дым...

«И об этой малявке говорится в пророчестве?» — Лорд был слегка разочарован видом нареченного врага.

Вошла рыжеволосая ведьма и забрала карапуза в другую комнату. Отец бросил волшебную палочку на диван, зевнул, потянулся и пошел следом за ней.

Темный Лорд плавным движением вынул из-под плаща волшебную палочку, направил ее на дверь, и та послушно открылась.

Когда он уже шагнул через порог, в прихожую выскочил Джеймс. Все было до того

просто, чересчур просто, этот глупец даже не успел подобрать свою волшебную палочку.

— Лили, хватай Гарри и беги! Беги! Быстрее! Я задержу его... — то были последние слова, что произнес этот глупец.

Зеленая вспышка наполнила тесный коридорчик, осветила детскую коляску у стены, превратила столбики перил в сверкающие молнии... Джеймс Поттер рухнул совсем как марионетка, у которой перерезали ниточки...

Он слышал ее шаги на верхнем этаже. Если эта курица так и продолжит метаться, то даже укрытая мантией, она даст себя обнаружить. Волдеморт поднимался по лестнице, посмеиваясь про себя над ее слабыми попытками загородить дверь... У нее тоже не было при себе волшебной палочки, а про мантию эта грязнокровка, видимо, забыла. В попытках спастись паника — не лучший советчик.

Он распахнул дверь, одним движением волшебной палочки отодвинув в сторону стул и наспех наваленные коробки... Она стояла посередине комнаты, держа ребенка на руках. Увидев его, опустила малыша в кроватку и заслонила собой, раскинув руки, как будто это могло помочь, как будто она надеялась, что если ребенка не будет видно, ее выберут вместо него.

— Только не Гарри, пожалуйста, не надо!

Он даже не удостоил ее ответом.

Вспыхнул зеленый свет, и она упала точно так же, как и ее муж. За все это время ребенок ни разу не запищал. Он уже умел стоять, ухватившись за прутья кроватки, и с веселым любопытством смотрел в лицо чужаку — может быть, думал, что это его отец прячется под плащом и сейчас покажет еще красивые огоньки, а мама со смехом выглянет откуда-нибудь из-за шкафа...

Волдеморт тщательно прицелился, наведя волшебную палочку мальчишке прямо в лицо; он хотел увидеть, как это произойдет, своими глазами наблюдать уничтожение необъяснимой угрозы. Ребенок заплакал — похоже, понял, что перед ним не Джеймс. Плач был неприятен, еще в приюте он не переносил детского нытья.

Темный Лорд ухмыльнулся. Этого ребенка больше некому защищать.

За детским плачем он не заметил шороха черепицы, так как был слишком поглощен мигом своего триумфа.

— Авада...

Яркий луч пронзил крышу и обрушился на тело мага, сжигая его дотла, прорезая дощатый пол и вонзаясь в гранитный фундамент дома.

От его существа ничего не осталось, кроме боли и ужаса. Он не понимал, что могло обладать такой сокрушительной силой. И лишь находясь на грани уничтожения, когда он как никогда был близок к смерти, он увидел это!

В проеме разрушенной крыши появилась голова, настолько отвратительная, что остатки человечности в Волдеморте застыли в ужасе. Через многочисленные поры и кратеры, которые усеивали миндалевидную голову, проглядывали сотни оранжевых глаз с мелкими словно бисер зрачками. Длинные щупальца, скрывающие пасть, слегка колебались. Просунув в дыру в крыше многосуставные тонкие словно у паука руки, покрытые жесткими щетинками, существо потянулось к дитя.

Дух Волдеморта думал, что эта громадина просто раздавит малыша, но неведомая тварь очень осторожно взяла его и начала бережно укачивать. К удивлению Темного Лорда, ребенок не стал пугаться, а, наоборот, успокоился.

— Во имя Идона, Амигдала, что на тебя нашло?!

Поверженный дух с трудом оторвал взгляд от чудовища и перевел его на дверной проем, где застыл Рейвен.

Новоприбывший перевел взгляд тлеющих глаз с ребенка в руках Амигдалы на труп рыжеволосой волшебницы. Пройдя мимо духа, Рейвен протянул руку к чудовищу, и одно из щупалец Амигдалы обвилось вокруг его запястья.

Каждый Великий теряет своё дитя, и затем стремится найти ему замену...

— Вот как... плач сироты, — по интонации мага нельзя было понять, о чем тот думает.

Он повернулся в сторону темного силуэта духа, который раньше предпочел игнорировать.

— Волдеморт, так полагаю...

В глазах Рейвена не было ни ненависти, ни презрения. Лишь какая-то бесконечная усталость.

— Вы... Я вас уничтожу! — дух издал истошный крик. — Это еще не конец!

Темная тень черным ветром взмыла в небо и исчезла.

— Тогда до встречи, — печальная улыбка тронула губы Найтганда.

— Джеймс! — снизу послышался душераздирающий крик, и кто-то шумно упал на колени. — Джеймс, очнись ради Мерлина!

— А вот и Сириус, кажется, он крестный мальчика, — тихо заметил Рейвен.

Амигдала прижал малыша поближе к себе, будто чувствуя что-то, но маленький Поттер активно зашевелился.

— Сиус, Сиус, — залепетал ребенок.

— Лили?! Гарри?!

— Понимаю, он мне тоже не нравится, но все же он семья мальчика. И он Блэк...

Казалось, что Великий начинает колебаться.

— Я не прошу отказаться от него. Мальчик останется под твоей дланью. Мы будем присматривать за ним и когда придет час...

Амигдала аккуратно опустил ребенка обратно в кроватку. Рейвен присел перед ним на корточки, потрепал по голове.

— Малыш, запомни. Ты никогда не будешь одинок. Как бы тебе ни было грустно или больно, знай, что за тобой есть кому присматривать. А теперь мне пора.

Он встал и, схватившись за руку Амигдалы, исчез в пурпурном пламени.

Когда Сириус пересек порог детской, в комнате кроме малыша никого не было. Он подхватил ребенка на руки и крепко обнял. По его лицу текли слезы. Он благодарил бога, что Гарри остался жив, но не знал, что этот бог прекрасно его слышит и наблюдает за ними.

Больше книг на сайте - Knigoed.net